ПРАВО АМНИСТІИ

историко-догматическое и политическое изслѣдованіе

П. И. ЛЮБЛИНСКАГО.

1907.

ПРАВО АМНИСТІИ

ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

П. И. ЛЮБЛИНСКАГО.

1907.

Сенатская типографія.

СОДЕРЖАНІЕ

28 Марта 1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о правѣ амнистіи явился первымъ спорнымъ вопросомъ русскаго конституціоннаго права, съ которымъ пришлось встрѣтиться какъ первой, такъ и второй Государственной Думѣ на порогѣ своей законодательной работы. Вопросъ этотъ возникъ во всей своей неотложности, во всей силѣ народныхъ политическихъ требованій, выраженныхъ черезъ Думу. Въ порывѣ къ немедленному достиженію цѣли, первая Дума избрала для осуществленія его путь отвѣтнаго адреса, какъ средства единодушнаго выраженія нуждъ и надеждъ народа. Но при второй Думѣ политическое настроеніе уже дифференцировалось; на ряду съ партіями, сохранившими убѣжденіе въ необходимости придерживаться стараго пути, выступили другія партіи, признавшія нужнымъ использовать для этой цѣли путь законодательный, путь регулированія дѣйствія законовъ. На этотъ путь вступилъ законопроектъ 88 членовъ Думы „объ освобожденіи отъ преслѣдованія и наказанія нѣкоторыхъ категорій лицъ путемъ амнистіи въ законодательномъ порядкѣ“, внесенный въ засѣданіи 7 марта 1907 г. отъ лица народническихъ фракцій. При избраніи того или иного пути руководящую роль играли, конечно, соображенія политическаго характера; надъ ними, однако, стоятъ правовыя нормы, опредѣляющія допустимость и осуществимость тѣхъ или иныхъ политическихъ комбинацій. Изъ области практическихъ стремленій споръ, поэтому, передался въ область юридическаго толкованія и творчества, изъ сферы цѣлесообразности онъ перешелъ въ сферу права. При разнородности взглядовъ составныхъ органовъ сложнаго законодательнаго механизма, правовая почва единственно составляетъ ту основу, на которой возможно ихъ взаимное согласованіе. Правильное установленіе ея, поэтому, имѣетъ глубокій практическій интересъ.

Но кромѣ важности выясненія началъ дѣйствующаго права

относительно амнистіи, можетъ оказаться небезполезнымъ и выясненіе этого вопроса съ точки зрѣнія правовой политики. Правовая форма какого либо государственнаго института, не соотвѣтствующая правильнымъ политическимъ принципамъ, является постоянной почвой для конфликтовъ и тормазомъ прогрессивнаго развитія страны, какъ всякое закрѣпленіе началъ, потерявшихъ свою жизненную силу. Въ книгѣ поэтому значительное мѣсто удѣлено выясненію этихъ началъ и научной ихъ критикѣ, поскольку то возможно было, вслѣдствіе полной неразработанности соотвѣтственнаго матеріала.

Авторъ началъ работать надъ изслѣдованіемъ юридическихъ основаній амнистіи еще тогда, когда политическіе факторы, опредѣляющіе этотъ вопросъ нынѣ, не выступали тако ясно, когда первая Государственная Дума еще лишь неясно вырисовывалась въ перспективѣ, но тѣмъ не менѣе и тогда имъ сознавалась настоятельная необходимость обезпеченія за нею рѣшительнаго вліянія въ этой области [1]). Дальнѣйшее развитіе русской государственной жизни вполнѣ подтвердило такую необходимость. Теперь выпускаемая въ свѣтъ работа застаетъ вопросъ въ стадіи наибольшаго обостренія и, быть можетъ, отдѣльныя указанія ея помогутъ обществу установить нѣкоторыя точки зрѣнія въ этомъ вопросѣ.

Авторъ счелъ нужнымъ внести въ изслѣдованіе историческій и сравнительно-законодательный матеріалъ, вслѣдствіе крайне слабой разработки вопроса объ амнистіи не только у насъ, но и на Западѣ. Развитіе этого правового института въ большинствѣ странъ еще не приняло точныхъ очертаній, позволяющихъ ясно намѣтить его естественныя границы и указать политическія его основанія. Эти послѣднія въ однѣхъ странахъ прикрываются прерогативой усмотрѣнія монарха, въ другихъ—слѣпой ссылкой на исключительно политическое значеніе этого института безъ выясненія допустимости отдѣльныхъ основаній; въ третьихъ, наконецъ, счастливая участь безмятежнаго государственнаго развитія не создала почвы для жизненности подобныхъ изслѣдованій. Какъ бы то ни было, изслѣ-

[1]) Первыя 2 части настоящей работы были напечатаны въ журналѣ „Вѣстникъ Права" 1906 г. кн. 3 и 4.

дователю приходится имѣть дѣло съ рядомъ отрывочныхъ постановленій, слабо освѣщенныхъ съ теоретической точки зрѣнія; пріятнымъ исключеніемъ является лишь французская литература, которая выработала самостоятельную концепцію въ этомъ вопросѣ и въ которой разработка національнаго права объ амнистіи поднялась на высоту серьезныхъ монографическихъ изслѣдованій. Въ русской литературѣ по этому вопросу мы находимъ полнѣйшій пробѣлъ, что въ значительной степени находитъ себѣ объясненіе въ особо неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыя была поставлена у насъ разработка конституціоннаго права до послѣдняго времени [1]).

Сколь бы исключителенъ ни былъ по своему характеру какой либо юридическій институтъ, это не освобождаетъ изслѣдователя отъ необходимости согласовать его съ общими началами существующаго правового строя. Такое согласованіе окажется пробнымъ камнемъ какъ для самихъ научныхъ принциповъ, такъ и для изслѣдуемаго института, соціально-политическое значеніе котораго всестронне только и можетъ быть выяснено подобнымъ путемъ. Это вполнѣ примѣнимо и къ амнистіи. Но слѣдуетъ при этомъ принять во вниманіе, что съ развитіемъ государственной жизни исключительный характеръ амнистіи постепенно ослабляется, и примѣненіе амнистіи доходитъ даже, правда съ нѣкоторымъ ущербомъ для устойчивости правосудія, до степени нормальной политической мѣры.

Настоящая работа можетъ быть раздѣлена на 3 части. Въ первой дѣлается попытка представить въ сгруппированномъ видѣ историческій и законодательный матеріалъ, касающійся юридической постановки амнистіи въ европейскихъ государствахъ; вторая посвящена теоретическому разсмотрѣ-

---

[1]) О помилованіи трактуетъ книга К. Ф. Хартулари. „Право суда и помилованія, какъ прерогативы россійской державности“ СПБ. 1899., посвященная „священной и незабвенной памяти Государя Императора Александра III Миротворца“.—Книга эта въ высшей степени слаба, особенно въ части, посвященной иностраннымъ законодательствамъ, представляющей сплошное недоразумѣніе. Общая тенденція книги—конструировать право помилованія во всѣхъ его видахъ какъ неотъемлемую, абсолютно неограниченную прерогативу монарха.

нію правовой природы и освѣщенію политическихъ основаній амнистіи; наконецъ, въ послѣдней будетъ представленъ критическій обзоръ русскаго законодательства.

Часть первая.

Амнистія въ исторіи и въ современныхъ законодательствахъ.

Глава I.

Амнистія въ древнемъ мірѣ и, спеціально, въ Римѣ.

„Когда, вмѣсто того, чтобы возстановить правопорядокъ, поколебленный борьбою партій, осуществленіе карательнаго правосудія подвергло бы его новымъ испытаніямъ, когда несвоевременная строгость повлекла бы за собою продолженіе старой вражды и гражданскихъ междуусобицъ, государственный интересъ приказываетъ правительству успокоить страсти и прекратить волненіе умовъ, набросивъ покрывало забвенія на заблужденія и проступки прошлаго“ [1]). Таковъ приблизительно, по общему мнѣнію, смыслъ политической амнистіи, какой она сохраняла въ теченіе многихъ вѣковъ своего существованія. Основанія, ради которыхъ она примѣнялась, несомнѣнно были значительно шире указанныхъ, но существо ея всегда состояло въ стремленіи замѣнить силу карательной репрессіи силою другихъ принциповъ, дѣйствующихъ на болѣе высокую мотивацію человѣческой психики. Государство, на протяженіи своего развитія, неоднократно испытывало потребность нѣкотораго обновленія началъ правопорядка или управленія, и такое обновленіе, естественно, сопровождалось отпаденіемъ правоограниченій, носящихъ характеръ возмездія и предназначенныхъ къ укорененію въ сознаніи народа тѣхъ старыхъ началъ, въ защиту которыхъ это возмездіе примѣнялось. Массовое дискредитированіе старыхъ началъ возмездія становилось безопаснымъ съ переходомъ правопорядка

---

[1]) Haus, Principes généraux du droit pénal belge 1885. III. p, 247.

на почву болѣе солидныхъ соціальныхъ основъ. Государство насильственно разрывало связь съ прошлымъ, лишая учиненныя въ прошломъ дѣянія ихъ карательно-правового значенія для настоящаго съ тѣмъ, чтобы изгладить дѣйствіе старыхъ, порою опасныхъ для самого существованія государства факторовъ, или чтобы очистить мѣсто для дѣйствія новыхъ, болѣе высокихъ этическихъ побужденій.

Этотъ политическій смыслъ амнистіи, находившій себѣ выраженіе въ различныхъ правовыхъ формахъ и институтахъ, проходитъ красной нитью по всей исторіи ея. Начиная съ Моисеева законодательства [1]) и до послѣднихъ строкъ современной исторіи, вездѣ повторяется одинаковый мотивъ настоятельной потребности успокоенія внутреннихъ раздоровъ.

Первыя историческія указанія на примѣненіе амнистіи, какъ государственной мѣры, преемственное вліяніе которыхъ на позднѣйшее развитіе этого института можно прослѣдить, мы находимъ въ исторіи древней Греціи и, особенно, демократическихъ Аѳинъ. Живое участіе всѣхъ гражданъ въ политической жизни города, постоянная борьба партій, сильное отраженіе политическихъ страстей въ отправленіи правосудія, демократизація котораго была доведена до послѣдней степени, наконецъ, отсутствіе устойчиваго и сильнаго правительства являлись благопріятной почвой для частнаго примѣненія такой исключительной мѣры, какъ амнистія [2]). Судя по свидѣтельству Валерія-Максима, впервые къ амнистіи прибѣгнулъ Тразибулъ, который послѣ изгнанія тридцати тиранновъ, не желая новыми репрессіями противъ сторонниковъ ихъ возбуждать прежнюю распрю, склонилъ народъ къ амнистіи: plebiscitum interposuit, ne qua preteritarum rerum mentio fieret. Haec oblivio, quam Athenienses amnestiam vocant, concussum et labentem civitatis statum in pristinum habitum revo-

---

[1]) Объ аналогичныхъ амнистіи институтахъ въ Моисеевомъ правѣ см. Michaelis Mosaisches Recht § 88, Tönnissen. Etudes sur le droit crimine des peuples anciens t. II. § 88.

[2]) См. Бэко. Организація уголовной юстиціи въ главнѣйшія историческія эпохи. 1867 стр. 16 сл.

cavit [1]). Въ этомъ отрывкѣ, пользовавшемся большою популярностью у римскихъ писателей, обращаютъ на себя вниманіе какъ способъ предоставленія амнистіи—ее даетъ весь народъ посредствомъ плебисцита, т. е. наиболѣе демократической формы голосованія—такъ и указаніе на весьма благодѣтельное вліяніе этой амнистіи на государственный строй, указаніе, которое весьма облегчило проведеніе этой мѣры въ Римѣ. Другимъ извѣстнымъ примѣромъ является амнистія, предоставленная жителямъ Самоса послѣ возстанія на островѣ [2]). Немногочисленность гражданъ заставляла дорожить каждымъ защитникомъ города, и въ моментъ опасности изгнанники обыкновенно возвращались и права ихъ возстановлялись коллективно.

Въ Римѣ развитіе амнистіи шло сложнымъ путемъ; оно нашло себѣ выраженіе въ нѣсколькихъ институтахъ, точное соотношеніе которыхъ до сихъ поръ не вполнѣ выяснено многочисленной литературой [3]).

I. Болѣе точныя свѣдѣнія о примѣненіи амнистіи въ Римѣ мы имѣемъ, лишь начиная съ первыхъ лѣтъ республики. Въ эпоху царей, если эта мѣра и примѣнялась, то во всякомъ случаѣ не иначе, какъ по рѣшенію самого народа или чрезъ сенатъ; это доказывается хотя бы тѣмъ, что консулы, явившіеся полными преемниками царской власти, права даровать амнистію не имѣли, а это право неотъемлемо признавалось за народными комиціями и сенатомъ [4]).

---

[1]) L. IV, гл. 1. 4.

[2]) Θукидидъ. VIII, 74.

[3]) Th. Seger. De abolitione veteri et hodierna. Lipsiae 1778. Aem. Hermannus. De abolitionibus criminum ex sententia juris romani. Lipsiae 1834. Rein. Criminalrecht der Römer. 1844 S. 264 ff. Geib. Geschichte des römischen Criminalprocesses. 1842. Lueder. Das Suverenitätsrecht des Begnadigung. 1860. S. 15—45. Plochmann. Das Begnadigunsrecht. 1844. Mommsen. Römisches Strafrecht 1899. S. 452—462 et passim. Loeb. Das Begnadigungsrecht. 1881. Merkel. Ueber Begnadigungskompetenz im römischen Rechte. 1881. Davidsohn. Das Begnadigungsrecht. 1903. S. 1 ff. Le Selleyer. Traité de l'excercice et l'extinction des actions 1880 III t. p. 503 ss. Henri Chomette. De l'amnistie dansses effets. 1898. p. 5.—13. Cabat. De l'amnistie. Paris 1904. p. 4 ss. Greenidge. The legal procedure of Cicero's time. 1897. p. 519 ss.

[4]) О примѣненіи амнистіи въ эпоху царей говоритъ Діонисій (III, 8), но

Древнѣйшими амнистіями республиканской эпохи были: амнистія сторонникамъ Тарквинія послѣ изгнанія его изъ Рима, дарованная по предложенію консуловъ Брута и Валерія, подъ условіемъ возвращенія въ Римъ въ теченіе 20 дней [1]), амнистія послѣ удаленія плебеевъ на Авентинскій холмъ, съ цѣлью вернуть ихъ въ городъ, амнистія сторонникамъ децемвировъ и, наконецъ, амнистія, дарованная возставшимъ солдатамъ гарнизона Капуи во время войны съ Самнитянами, чтобы репрессіями не вызвать новыхъ возмущеній [2]). Послѣ второй пунической войны, съ цѣлью предупредить волненія и изолировать Ганнибала, сенатъ предоставилъ амнистію народамъ Италіи, которые раньше поддерживали карѳагенянъ [3]).

По свидѣтельству Ливія, органомъ, предоставлявшимъ амнистію въ этихъ случаяхъ, являлся сенатъ, постановленіе котораго представлялось, вѣроятно, на голосованіе центуріатныхъ комицій. Такія амнистіи были какъ бы гарантіями со стороны народа (fides publica), охранявшими отъ дальнѣйшаго преслѣдованія и наказанія [4]). Эти амнистіи (obliviones in perpetuum), связанныя съ знаменательными событіями римскаго государственнаго развитія, сложились подъ сильнымъ вліяніемъ греческихъ республикъ [5]). Главную роль играло торжественное

словамъ котораго Metius Suffetius предлагалъ римлянамъ амнистировать дѣянія альбанскихъ разбойниковъ, опустошившихъ, по совѣту Клюилія, римскія поля. Народъ согласился. Тогда Туллій Гостилій, въ силу предоставленной ему imperium, постановилъ, чтобы виновные не были выданы, а дѣянія ихъ покрыты забвеніемъ. Здѣсь такимъ образомъ народъ постановляетъ рѣшеніе, а царь является его исполнителемъ.

[1]) Dionysius V, 9, 11, 13. Это одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ условной амнистіи, вотированной народомъ.

[2]) T. Livius III, 53, VII, 41.

[3]) Dionysius XI, 46. Appian. Hannibal. 61.

[4]) Chomette. o. c. p. 7.

[5]) На это указываетъ отсутствіе римскаго обозначенія амнистіи; примѣнялось лишь греческое ἀμνηστία, ἄδεια. Объ амнистіи мы находимъ у Моммзена (S. 457—458) слѣдующія строки. „Болѣе широкое примѣненіе находило себѣ освобожденіе отъ уголовнаго преслѣдованія при внутреннихъ безпорядкахъ и гражданскихъ войнахъ. По праву мятежный гражданинъ, въ особенности если онъ поднялъ оружіе противъ своего законнаго правительства, стоитъ наравнѣ съ врагомъ государства, однако въ этихъ случаяхъ требованія правопорядка неосуществимы и участники мятежа государственнымъ актомъ освобождаются отъ

изъявленіе воли народа, а отдѣльныя формы въ теченіе римской исторіи неоднократно мѣнялись. Одной изъ нихъ была abolitio generalis. Юридическій характеръ этой мѣры до сихъ поръ споренъ [1]), что во многомъ объясняется тѣми измѣненіями, которыя испыталъ этотъ институтъ съ развитіемъ политическаго строя Рима. Историческое объясненіе его мы находимъ у Людера [2]). Какъ извѣстно, въ раннемъ уголовномъ правѣ Рима религіозный моментъ былъ весьма силенъ. Тяжкое преступленіе было оскорбленіемъ божества, и наказаніе являлось удовлетвореніемъ, которое должно было быть представлено божеству всѣмъ обществомъ. Публичный же моментъ въ уголовномъ правѣ былъ очень слабъ, что обнаруживается хотя бы въ томъ, что область политическихъ преступленій и публичный взглядъ на общеуголовныя преступленія развились лишь къ самому концу республиканскаго періода [3]). По мнѣнію древнихъ римлянъ, наказаніе требовалось божествомъ. Въ годины бѣдствій или послѣ междуусобицъ въ государствѣ все населеніе прибѣгало къ защитѣ боговъ и приносило имъ обильныя жертвы, чтобы расположить къ себѣ. При такихъ жертвоприношеніяхъ было въ обычаѣ освобождать заключенныхъ, чтобы и они принимали участіе въ моленіяхъ предъ богами, чтобы и они дѣлили общую радость въ случаѣ благополучнаго исхода. По окончаніи празднества освобожденные

преслѣдованія. Римское право требовало въ такихъ случаяхъ постановленія народа и не довольствовалось однимъ словомъ магистрата. При переходѣ отъ республики къ монархіи подобные акты исходили отъ сената, но именно потому, что сенатъ въ этотъ періодъ претендовалъ на суверенную власть. Слѣдуетъ замѣтить, для характеристики устойчивости римскаго правопорядка, что не только подобные акты рѣдко находятся въ лѣтописяхъ, но и что Римъ не выработалъ для нихъ прочнаго обозначенія; ἀμνηστία или ἄδεια.—греческія слова, хотя и не совершенно чуждыя римлянамъ, но никогда не бывшія техническими обозначеніями".

[1]) Geib. S. 552, Rein S. 275 и Lueder S. 21 считаютъ, что она заключалась въ вычеркиваніи всѣхъ обвиняемыхъ изъ списковъ и въ отсрочкѣ преслѣдованія. Davidson S. 3 смѣшиваетъ ее съ частной аболиціей. Cabat p. 9 приравниваетъ дѣйствіе ея къ дѣйствію амнистіи, имѣющей срочный характеръ.

[2]) Lueder. o. c. S. 19 ff. Mommsen. S. 457, прим. 2.

[3]) См. Черри. Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ. Переводъ П. Люблинскаго. 1907, лекція III.

больше уже не наказывались, какъ бы въ виду того соображенія, что боги удовлетворены и въ своемъ довольствѣ забыли о ихъ винѣ—quibus eam opem dii tulissent [1]). Только если противъ нихъ возбуждалось новое обвиненіе, они снова брались подъ стражу. Впрочемъ, вѣроятно, позднѣе право возбужденія новаго обвиненія было ограничено 30-ью dies utiles, причемъ новое обвиненіе должно было быть возбуждено какимъ либо другимъ гражданиномъ, а не прежнимъ обвинителемъ [2]). Не совсѣмъ правильно говорить, что общая аболиція имѣла только характеръ процессуальной отсрочки: старое обвиненіе погашалось совершенно, но могло быть возбуждено новое преслѣдованіе за то же дѣяніе, вслѣдствіе слабаго развитія auctoritatis rei judicatae [3]). Однако несомнѣнно, что если народъ общей аболиціей хотѣлъ вызвать забвеніе прежнихъ преступленій, онъ, дѣйствуя въ качествѣ судьи, всегда могъ оправдать привлеченнаго къ суду послѣ аболиціи. То забвеніе прошлаго (oblivio in perpetuum), которое декретировалъ народъ послѣ тревожныхъ моментовъ своей жизни, нужно понимать какъ изъявленіе народомъ своей воли отказаться отъ всякаго возмездія по поводу его, это было *слово*, торжественное завѣреніе народа, отказывавшагося отъ репрессій [4]). Въ цѣляхъ же немедленнаго освобожденія привлеченныхъ къ суду, какъ однимъ изъ средствъ, пользовались имѣвшимся религіознымъ институтомъ общей аболиціи. И безнадежно было бы положеніе того смѣльчака, который, несмотря на общую волю народа, рѣшился бы преслѣдовать кого либо за старое: помимо оправданія противника, онъ рисковалъ бы возможностью обратнаго обвиненія. Аболиція такимъ образомъ не поглощала собою амнистіи, она была лишь однимъ изъ частичныхъ проявленій ея, юридической формой по отношенію къ привлеченнымъ къ

---

[1]) Livius V, 13.

[2]) L. 2 Cod. de gener. abolitione.

[3]) Greenidge, p. 519.

[4]) Icilius... plebem rogavit et plebs scivit, ne cui fraudi esset secessio ab decemviris facta (Dionys. 11, 46). Ne fraudi sit ei, qui populum ad contentionem vocarit (Cicero in Aen. 11, 708). Предоставлявшаяся гарантія называлась fides publica. Позднѣе она перешла къ сенату: Fides . . . qui potuit sine senatus consulto dari? (Cicero pro Rab. 10, 28).

суду, главный же центръ тяжести амнистіи, какъ государственной мѣры, лежалъ въ волѣ народа отказаться отъ всякихъ актовъ возмездія по поводу прошлаго, выражавшихся даже большею частью не въ актахъ уголовнаго преслѣдованія [1]). Амнистія была не институтамъ уголовнаго права, а актомъ верховнаго управленія народа [2]).

Но если мы установили, что аболиція прекращала только судебное производство, то какъ же обстояло съ амнистіей лицъ, уже осужденныхъ? Въ первое время республики едва ли могъ возникать по этому поводу вопросъ. Съ одной стороны, судя по приведеннымъ примѣрамъ, амнистія даровывалась до привлеченія къ отвѣтственности, когда случаевъ осужденія не было; съ другой—право суда и право помилованія было въ однихъ рукахъ, и народъ могъ всегда пользоваться имъ [3]). Позднѣе здѣсь развились особыя формы отмѣны приговора и реституція, на разсмотрѣніи которыхъ мы остановимся ниже.

---

[1]) Mommsen, Römisches Strafrecht. 1899. S. 455–459, относитъ возникновеніе публичной аболиціи лишь къ первому вѣку по Р. X. „При принципатѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ слѣдствіе пріостанавливалось законодательнымъ опредѣленіемъ, отчасти чтобы прекратить затянувшійся процессъ, отчасти вслѣдствіе злоупотребленій правомъ обвиненія. Но съ конца I в. появляется спеціальный законодательный актъ, издаваемый большею частью въ видѣ сенатскаго постановленія, а иногда и въ видѣ императорскаго указа, дарующій abolitio publica, сначала вслѣдствіе радостныхъ событій, потомъ по обычаю при пасхальныхъ торжествахъ. Эти акты предписывали судамъ прекращать начатые процессы, съ отдѣльными исключеніями, къ которымъ обыкновенно относились дѣла, влекущія казнь. Это прекращеніе порою приносило пользу не только обвиняемому, но и обвинителю, находившемуся подъ угрозой строгой отвѣтственности. Впрочемъ, обвинителю предоставлялось въ теченіе 30 дней возобновить процессъ“. По нашему мнѣнію, въ этомъ отрывкѣ Моммзенъ обрисовалъ лишь позднѣйшую стадію, упустивъ изъ виду болѣе раннія ступени, когда abolitio еще не называлась, въ отличіе отъ abolitio privata, abolitio publica.

[2]) Однако не вполнѣ правильно отрицать всякую связь между amnestia и abolitio generalis, какъ это дѣлаетъ Chomette, p. 11.

[3]) Plochmann, S. 16, справедливо замѣчаетъ: „пока римскій народъ самъ отправлялъ судъ относительно crimina publica, о помилованіи въ собственномъ смыслѣ не могло быть рѣчи, потому что народъ, которому только это право могло бы быть предоставлено, имѣлъ возможность не приводить его въ коллизію со своимъ собственнымъ приговоромъ“.

Вотировалъ общую аболицію сенатъ и только впослѣдствіи, когда же онъ лишился всей своей политической власти, функція эта перешла къ императорамъ, слившись съ другими полномочіями ихъ по помилованію [1]). Суду право аболиціи не принадлежало никогда. Только въ Іудеѣ, вслѣдствіе особыхъ религіозныхъ условій, дѣлались отступленія отъ этого правила [2]).

Что касается дѣйствія общей аболиціи, то она погашала само преступленіе, т. е. всѣ вытекающія изъ него правоограниченія. Abolitio est deletio, oblivio vel extinctio accusationis— говоритъ Павелъ [3]). Впрочемъ, такое погашеніе было дѣйствительно, поскольку не возбуждалось новаго обвиненія въ теченіе 30 дней. Такъ извѣстно, что убійцы Цезаря, несмотря на объявленную имъ въ 44 г. сенатомъ аболицію, были позднѣе привлечены къ суду и осуждены [4]).

II. Abolitio generalis, возникшая на религіозной почвѣ, съ ходомъ государственнаго развитія, постепенно теряла свои религіозныя основанія и пріобрѣтала характеръ чисто политическій. Наряду съ нею стали возникать другіе виды аболиціи—abolitio privata и abolitio ex lege. Первая состояла въ прекращеніи обвиненія съ позволенія судьи или, позднѣе, императора; это позволеніе даровалось въ пользу обвинителя, неосторожно возбудившаго какое либо обвиненіе и опасавшагося обратнаго преслѣдованія со стороны оправданнаго подсудимаго. Въ противоположность этой частной аболиціи, являвшейся милостью для обвинителя, общая аболиція, дававшаяся въ общественныхъ интересахъ, стала называться abolitio publica. Abolitio ex lege—третій видъ аболиціи—состояла въ прекращеніи обвиненія судьей на основаніи прошенія обвиняемаго, вслѣдствіе смерти обвинителя или формальной неправильности обвиненія [5]). Эти новые виды, конечно, не имѣли отношенія къ амнистіи, но отмѣтить ихъ здѣсь необходимо, чтобы не

---

[1]) L. 2 Cod. de gener. abolitone.
[2]) Lueder. S. 22.
[3]) Sententionum liber V tit. 17, 1.
[4]) Greenidge. p. 525.
[5]) Lueder, p. 24, 30.

впасть въ заблужденіе вслѣдствіе возможнаго ихъ смѣшенія [1]).

Характерной чертой, которую пріобрѣла публичная аболиція въ этотъ второй періодъ, является ея *индивидуальный* характеръ. Она предоставляется уже отдѣльнымъ лицамъ за политическія преступленія. Такъ, слѣдуетъ отмѣтить аболицію убійцъ Цезаря [2]), о которой мы говорили, аболиціи солдатъ Антонія при сложеніи оружія [3]) аболицію сенаторовъ, вербовавшихъ войска во время гражданской войны [4]). Эти аболиціи иногда назывались амнистіями [5]). Изъ коллективныхъ аболицій слѣдуетъ отмѣтить дарованную Цезаремъ послѣ побѣды надъ своими врагами въ 49 г. до Р. Х. [6]). Органомъ, вотировавшимъ аболицію, по прежнему былъ сенатъ.

Но центръ тяжести въ амнистіяхъ этого времени переместился съ дѣлъ, еще нерѣшенныхъ, на дѣла уже оконченныя, на постановленные приговоры [7]). Правосудіе, организованное на началахъ quaestiones perpetuae, до крайности проникнутое демократическимъ духомъ и поддававшееся вмѣстѣ съ тѣмъ всевозможнымъ политическимъ вліяніямъ, часто становилось игралищемъ въ рукахъ господствующей партіи, и приговоры его вносили терроръ и разгромъ въ ряды противниковъ ея. Понятно, что съ торжествомъ послѣднихъ прежніе приговоры кассировались, и осужденные возстановлялись въ правахъ. По аналогіи съ цивилистическимъ институтомъ restitutio in integrum, подобная мѣра получила названіе restitutio damnatorum. Эта реституція являлась видомъ помилованія, по своей формѣ и своимъ послѣдствіямъ болѣе всего приближавшимся къ совре-

---

[1]) См. выше по поводу мнѣнія Mommsen. S. 455.

[2]) Appian. Hann. 4, 94.

[3]) Cicero. Phil. 5, 12, 34.

[4]) Dio Cass. XLIX, 43. Имъ была дарована аболиція, по которой они не могли были быть привлечены къ суду на основаніи lex Cornelia de sicariis.

[5]) Mommsen. o. c. S. 458 прим. 1.

[6]) Sueton. Caesar. 41, Dio Cass. XLIII, 27.

[7]) Акты coercitio magistratuum могли быть отмѣнены по усмотрѣнію самаго же магистрата, и поэтому не вызывали необходимости въ самостоятельномъ правовомъ институтѣ реабилитаціи. Неизмѣняемостью пользовались лишь приговоры комицій, а позднѣе quaestionum perpertuarum. Mommsen. S. 479.

менной амнистіи. Она касалась почти исключительно политическихъ преступленій, распространялась не только на лицъ, осужденныхъ въ судебномъ порядкѣ, но и на подвергнутыхъ административнымъ взысканіямъ (особенно ссылкѣ [1]), влекла за собою не только отмѣну наказанія, но и возстановленіе гражданскаго довѣрія, возвращеніе отнятаго имущества и всѣхъ правъ [2]). Предоставлялась реституція, подобно амнистіи въ современной Франціи, или народными комиціями посредствомъ *закона* или посредствомъ новаго судебнаго разсмотрѣнія дѣла [3]). Только суверенный народъ могъ лишить силы свои приговоры и возстановить прежнее состояніе; даже всемогущій Цезарь, желая амнистировать въ 49 г. до Р. Х. пострадавшихъ отъ прежняго режима, не рискнулъ сдѣлать это suo beneficio, а обратился къ народу за beneficium legis. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ преторы и плебейскіе трибуны вносили въ народное собраніе rogationes de restituendo [4]). Для каждаго предложенія требовалась мотивировка [5]). Иниціаторами подобныхъ законовъ въ большинствѣ случаевъ выступали трибуны [6]).

При предоставленіи реституціи слѣдовало различать случаи уничтоженія приговора: 1) постановленнаго самими комиціями и 2) постановленнаго различными quaestiones. Въ первомъ случаѣ дѣло могло бы представиться какъ отмѣна самимъ судомъ постановленнаго прежде приговора. Въ качествѣ при-

---

[1]) Изъ отдѣльныхъ болѣе раннихъ примѣровъ возвращенія изъ ссылки отмѣтимъ возвращеніе Коріолана (Dionysius VIII, 21), Камилла (Livius V, 46), Qu. C. Metellus (Livius LXIX), Popilius Laenas (Cicero post red. in Senatum 15).

[2]) L. 4 C. de bonis proscriptis 9, 49, L. 7 § 3 C. de rescind. vend. 4, 44.

[3]) „Для допущенія кассированія приговоровъ, постановленныхъ комиціями и присяжными, необходимо было всемогущество народа, выразившееся въ видѣ закона. Но если отвлечься отъ безпорядковъ послѣдняго столѣтія существованія республики, то полномочіе это даже гражданами признавалось ограниченнымъ... Самъ народъ сначала не примѣнялъ этого политическаго полномочія". Mommsen. S. 481.

[4]) Cicero. Post red. in Sen. 15, 38. Greenidge p. 522.

[5]) Cicero. Phill. II 23, 56.

[6]) Массовыя реституціи предоставлялись по греческому образцу. Первой массовой реституціей была амнистія участниковъ междуусобной войны въ 88 г. до Р. Х. Второй была упоминаемая выше реституція по иниціативѣ Цезаря.

мѣровъ такой реституціи Цицеронъ приводитъ приговоры надъ Kaeso Quinctius, M. Furius Camillus, M. Servilius Ahala, по которымъ они были изгнаны раздраженнымъ народомъ, и впослѣдствіи, съ возстановленіемъ спокойствія, амнистированы [1]). Позднѣе *плебисцитомъ* былъ амнистированъ Попилій, изгнанный постановленіями комицій по предложенію Кая Гракха [2]). Этотъ исключительный характеръ послѣдняго случая объясняется вліяніемъ народнаго трибуна на само изгнаніе [3]). Точно также самъ Цицеронъ, изгнанный плебисцитомъ, послѣ предложенія трибуна о реституціи, былъ амнистированъ центуріатскими комиціями [4]). Здѣсь такимъ образомъ важно было согласіе между обоими народными собраніями: собраніемъ плебеевъ и комиціями [5]). Случаи возстановленія лицъ, осужденныхъ квестіями, наблюдаются съ 88 г. до Р. Х., когда трибунъ Публій Сульпицій Руфъ впервые провелъ законъ объ амнистированіи осужденныхъ коммисіей Варія, сославшись на техническую неправильность организаціи коммисіи, при которой изгнанные по суду должны считаться какъ бы насильственно высланными [6]). Этотъ lex Calpurnia послужилъ въ дальнѣйшемъ основаніемъ для проведенія другихъ подобныхъ амнистій [7]). Наконецъ, посредствомъ закона возможно было возвращеніе въ страну лицъ, изгнанныхъ посредствомъ aquae et ignis interdictio [8]).

---

[1]) Cicero, pro Domo 32, 86.

[2]) Cicero. Brut. 34, 128, ad Quir. post. red. 4, 10.

[3]) Greenidge p. 521.

[4]) Cicero. ad Attic. IV, 1, 4. До своей амнистіи Цицеронъ былъ противникомъ примѣненія реституціи; послѣ нея взглядъ его измѣнился (Phil. 11, 5, 11).

[5]) Mommsen S. 482 полагаетъ, что примѣненіе такой чрезвычайной мѣры, какъ кассація приговоровъ, было весьма рѣдкимъ. „Если оставить въ сторонѣ нѣсколько исторически недостовѣрныхъ случаевъ (куда онъ относитъ и разсказы о Camillus, Kaeso Quinctius), то до эпохи Суллы отмѣна въ комиціяхъ приговоровъ, постановленныхъ народомъ или присяжными противъ отдѣльныхъ лицъ, имѣла мѣсто не болѣе трехъ разъ". Вполнѣ достовѣрной Mommsen признаетъ лишь реституцію Попилія.

[6]) Nam non exules, sed vi ejectos se reducere aiebat (Auct. ad Herenn. II, 28, 45),

[7]) См. подробнѣе Greenidge. o. c. p. 521–2.

[8]) Такъ, послѣ того какъ Марій съ 11 своими сторонниками былъ, какъ

Такимъ образомъ во второй періодъ развитія, къ концу республиканской эпохи, амнистія, въ формѣ публичной аболиціи и реституціи, пріобрѣтаетъ политическій характеръ, она становится орудіемъ партій. Органами предоставленія ея являются сенатъ и народное собраніе. Преобладающимъ остается все же публичный интересъ, хотя амнистія и пріобрѣтаетъ характеръ индивидуальной мѣры. Она вотируется въ формѣ закона. Несомнѣнно, что при злоупотребленіяхъ властью въ этотъ періодъ возможны были ненормальности, и Цицеронъ уже жаловался, что постоянныя реституціи подрываютъ благополучіе государства [1]). Но при ближайшемъ разсмотрѣніи мы видимъ, что эта форма была единственно возможной въ республикѣ, такъ какъ самъ народъ гарантировалъ прочность политическихъ устоевъ своимъ рѣшеніемъ. Эта форма и является источникомъ рецепціи для современной Европы, хотя сущность этой формы до сихъ поръ оставалась невыясненной въ литературѣ.

III. Въ императорскую эпоху старыя формы амнистіи хотя и сохраняются, но постепенно теряютъ свое политическое значеніе; наряду съ ними возникаютъ новыя, въ которыхъ рѣшительное значеніе имѣетъ индивидуальная воля императоровъ. Амнистія начинаетъ приближаться къ простому помилованію, она теряетъ характеръ мѣры, допускающейся лишь въ области политическихъ преступленій, а становится общей

---

hostis, изгнанъ изъ Рима,. Цинна пытался провести въ комиціяхъ законъ объ ихъ возвращеніи, правда безуспѣшно (въ 87 г. до Р. X.). Въ 43 г. до Р. X. Октавіанъ добился отъ народа снятія отлученія съ Dolabella и возвращенія его въ Римъ. Такой же характеръ носилъ lex Plotia de reditu Lepida norum, т. е. объ амнистіи лицъ, послѣдовавшихъ за Лепидомъ и объявленныхъ hostes. Подробности у Greenidge. p. 524.

[1]) Cicero pro Sulla 22, 63 „status enim rei publicae maxime iudicatis rebus continetur"; in Verrem. V, 6, 12: „Perditae civitates desperatis jam omnibus rebus hos solent exitus exitiales habere, ut damnati in integrum restituantur, vincti solvantur, exules reducantur, res judicatae rescindantur". Онъ называлъ амнистіи— „civitatum afflictarum extremi exitiorum exitus". Впрочемъ, ему самому пришлось испытать на себѣ дѣйствіе амнистіи (см. выше). Цезарь называлъ амнистіи— perniciosae leges—опасными законами (Liv. Ep. LXXVII). Такому мнѣнію во многомъ способствовалъ примѣръ греческихъ республикъ, дошедшихъ до полнаго упадка отчасти благодаря чрезмѣрно частому примѣненію амнистіи.

милостью, даруемой по поводу какого либо радостнаго событія или религіознаго праздника. Въ концѣ концовъ, при христіанскихъ императорахъ, императорская власть сосредоточиваетъ у себя всѣ права помилованія и амнистіи и сливаетъ эти формы въ общемъ понятіи верховной милости.

Такъ, въ императорское время хотя и продолжали существовать общая аболиція и реституція, но роль народа въ предоставленіи ихъ сильно уменьшилась. Первые императоры при назначеніи аболиціи еще обращались въ Сенатъ [1]), позднѣйшіе же, когда Сенатъ лишился и тѣни своего могущества, предоставляли аболицію единолично [2]). Въ провинціяхъ право аболиціи принадлежало намѣстникамъ [3]). Основаніями для аболиціи стали торжественные случаи разнаго рода, лишенные однако политическаго значенія [4]). Si interviente publica abolitione ex senatusconsulto (ut fieri adsolet), vel ob laetitiam aliquam, vel honorem domus divinae, vel ex aliqua causa, ex qua senatus censuit abolitionem reorum fieri [5]). Позднѣе особенно

---

[1]) L. 2 Cod. de generali abol. L. 12 D. ad sct. Turpillianum.

[2]) См. Geib. Geschichte. S. 572, Lueder S. 21.

[3]) Cicero. In Verrem. V. 6, 13. Слѣдуетъ также вспомнить здѣсь помилованіе Христа или Варравы, предложенное намѣстникомъ Іудеи Пилатомъ по поводу Пасхи. Намѣстникъ привлекъ для рѣшенія вопроса о помилованіи народъ.

[4]) Впрочемъ, массовыя помилованія политическаго характера, приближающіяся къ амнистіи, происходили обыкновенно послѣ низверженія тираннческаго императора, чтобы по возможности загладить послѣдствія искаженнаго правосудія. Mommsen S. 485 насчитываетъ около 10 такихъ амнистій императоровъ Августа, Клавдія, Гальбы, Веспасіана, Нервы, Гордіана, Константина и др. Иногда потребность въ амнистіи была крайне сильна. Такъ напр. епископъ Флавій, прося о помилованіи Антіоха, напоминаетъ императору Теодозію одно изъ мѣстъ его эдикта объ амнистіи, гласившее: „Utinam mihi et mortuos revocare atque ad pristinam vitam reducere liceret" (Joan. Chrys. Ad populum). См. Le Sellyer. Traité de l'exercice et de l'extinction des actions. 1877. p. 506. Это мѣсто должно служить вѣчнымъ напоминаніемъ этической возмутительности смертной казни въ области политическихъ преступленій. Изъ отдѣльныхъ примѣровъ далѣе можно указать на амнистію, дарованную Калигулой, добивавшимся популярности, всѣхъ преступленій, совершенныхъ до вступленія его на престолъ (Светоній. Калигула, 15), амнистію Клавдія по отношенію ко всѣмъ преступленіямъ, учиненнымъ ради возстановленія республики (Светоній. Клавдій, 11) и, наконецъ, амнистію Марка Аврелія по поводу его побѣды надъ Зенобіемъ, касавшуюся политическихъ преступленій (Flavius Vopiscus. Vita Aurelii, 39). Подробнѣе Chomette. p. 9.

[5]) Ulpianus l. 12. Dig Ad. Sctum. Turpillianum.

частой стала аболиція по поводу Пасхи. Эдактомъ Валентиніана подобная аболиція стала даже общимъ правиломъ и производилась сама собою, безъ особаго предписанія каждый разъ [1]).

Продолжала примѣняться и реституція, производившаяся теперь императорскою властью; впрочемъ, иногда спрашивалось мнѣніе Сената, чтобы произвести ее auctoritate senatus [2]).

Но указаніе на примѣненіе этихъ формъ встрѣчается рѣдко, онѣ отступили совершенно на второй планъ предъ широкимъ и неограниченнымъ правомъ помилованія—индульгенціи. Нѣкоторые авторы [3]) усматриваютъ первоначальный источникъ индульгенціи въ правѣ интерцессіи, принадлежавшемъ народнымъ трибунамъ: перенеся къ себѣ власть этихъ магистратовъ, императоры получили и право интерцессіи—пріостановки судебнаго производства. Но въ то время какъ интерцессія трибуновъ распространялась лишь на годъ пребыванія ихъ въ должности, интерцессія императоровъ была дѣйствительна на все время ихъ царствованія, такъ что фактически окончательно погашала преслѣдованіе. Indulgentia nostra crimina extinxit [4]). Этому взгляду противорѣчитъ лишь то, что индульгенція, въ противоположность интерцессіи, могла также смягать или отмѣнять наказаніе. Но если и нельзя установить непосредственной преемственной связи, то все же можно думать, что подобное право помилованія образовалось подъ вліяніемъ права интерцессіи [5]).

Indulgentia generalis предоставлялась уже почти исключительно по поводу отдѣльныхъ событій въ жизни императора: при вступленіи на престолъ, при радостномъ событіи въ семьѣ

---

[1]) L. 8. Cod. Theod. de ind. crim. L. 3. Cod. de episc. 1, 4. см. Lueder. S. 22.

[2]) Tacitus. Annal. III, 18, IV, 31. См. Lueder. S. 50. Mommsen. S. 484.

[3]) Geib. S. 571, Lueder S. 45, смѣшивающій индульгенцію съ аболиціей въ данномъ вопросѣ, Plochmann. S. 20. Cabat. p. 8.

[4]) L. 2. c. De generali abolitione.

[5]) Между этими правами была тѣсная связь. Такъ историки (Dion. Cassius кн. III, 32, Sueton. Vespasianus, 16) сообщаютъ, что императоры злоупотребляли правомъ intercessio и пріостанавливали уголовное преслѣдованіе произвольно по самымъ различнымъ причинамъ, иногда даже изъ-за соображеній выгоды, чтобы побудить обвиняемыхъ покупать отъ нихъ помилованіе.

его и пр. [1]). Она не погашала преступленія, а только смягчала или отмѣняла наказаніе; позорящія послѣдствія преступленія, ограниченія имущественныхъ и личныхъ правъ, какъ partia potestas, testamentificatio, конфискація, обыкновенно оставались [2]), хотя, впрочемъ, и они, кромѣ развѣ инфаміи [3]), могли быть сняты спеціальной оговоркой [4]). Являясь милостью, даруемой добрымъ подданнымъ, индульгенція исключала отъ помилованія наиболѣе тяжкихъ преступниковъ, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли преступники политическіе. Такъ исключались виновные въ оскорбленіи Величества, въ измѣнѣ, въ казнокрадствѣ и пр. [5]). Съ теченіемъ времени изъятій становилось все больше и больше, такъ что общія индульгенціи фактически сводились къ очень ограниченной милости для легчайшихъ преступленій [6]). При христіанскихъ императорахъ общія помилованія стали весьма частыми; проникнутые гуманнымъ духомъ императоры освобождали отъ наказанія при первомъ удобномъ случаѣ [7]). Но въ эту эпоху политическій характеръ амнистіи, какъ самостоятельнаго правового института, исчезъ окончательно, и въ памятникахъ акты общаго помилованія, воспроизведеніе которыхъ представляютъ наши современные Высочайшіе манифесты, безразлично носятъ названія amnestia, deprecatio, oblivio, venia, indulgentia.

Краткіе выводы, которые можно сдѣлать изъ разсмотрѣ-

---

[1]) Geib. S. 571.

[2]) При реституціи частно-правовыя послѣдствія преступленія отпадали: neque sui, neque legitimi heredis jus ammitunt,... si per omnia in integrum indulgentia principis restituantur. Paulus 4, 8, 22.

[3]) Indulgentia, quos liberat, notat: nec infamiam criminis tollit, sed poenae gratiam facit (L. 3 C. De generali abolitione). Mommsen, S. 486.

[4]) L. 2 Dig. de Senitor. 1, 9. L. 24 Dig. ad legem Jul. de adulter. L. 13 Cod. de Sent. pass. 9, 51. L. 21 Dig. de jure patron. 37, 14. L. 1 § 9 Dig. de bon. poss. 37, 4 и друг.

[5]) L. 3 Cod. De abolitionibus. Впрочемъ, эти исключенія не могли быть постоянными, такъ какъ при частой смѣнѣ монарховъ, законодательная власть не могла связывать саму себя. Mommsen. S. 484.

[6]) Geib. S. 574. L. 3, 4, 6, 7, 8 C. Th. de indulg. crim. L. 2 § 1. de custodia. reorum и друг.

[7]) См. у Geib. o. c. S. 571 отзывы объ отдѣльныхъ императорахъ, которымъ ставилось въ упрекъ или въ заслугу частое примѣненіе индульгенцій.

нія исторіи амнистіи въ Римѣ, показываютъ намъ, что развитіе политической жизни привело къ необходимости конструировать амнистію какъ актъ законодательный, въ изданіи котораго принималъ участіе народъ чрезъ посредство народныхъ собраній. Аболиція, предоставлявшаяся чрезъ сенатъ, также въ конечной своей санкціи, опиралась на мнѣніе народа, такъ какъ юридически она устанавливала только отсрочку преслѣдованія, и только въ томъ случаѣ, если народъ отказывался отъ осужденія, она превращалась въ погашеніе его. Дѣйствіе отдѣльныхъ формъ амнистіи совершенно изглаживало всѣ правоограниченія, являвшіяся послѣдствіемъ учиненнаго дѣянія, не только уголовнаго характера (въ отличіе отъ помилованія). Наконецъ, возникнувъ на религіозной подкладкѣ, амнистія пріобрѣтаетъ позднѣе значеніе почти исключительно въ области политическихъ преступленій, гдѣ она стѣсняла чрезмѣрныя репрессіи отдѣльныхъ партій, являясь „предохранительнымъ клапаномъ“ отъ постоянныхъ гражданскихъ междуусобицъ. Словомъ, она во многомъ приближалась къ современной французской конструкціи съ тѣмъ лишь различіемъ, что она въ большей степени была индивидуальной и ближе стояла къ судебной власти народа. Въ императорскую эпоху мы наблюдаемъ паденіе этого института; онъ расплывается въ широкомъ правѣ коллективнаго помилованія, примѣненіе котораго начинаетъ служить цѣлямъ укрѣпленія императорской власти и подъема религіозныхъ чувствъ, какъ опоры теократическаго Византійскаго государства. Всѣ права помилованія и амнистіи переходятъ къ императору, какъ къ суверену, и эта полнота власти является образцомъ для монарховъ абсолютистической Европы въ началѣ новаго времени.

Глава II.

Развитіе амнистіи во Франціи [1]).

Франція явилась воскресительницею тѣхъ правовыхъ началъ амнистіи, которыя были выработаны въ Римѣ. Но пол-

[1]) Разработку исторіи амнистіи во Франціи см. F. Helie Traité d'inst. crim. 1866 t. II. № 1086; Mangin. Traité de l'action publique. 1876. t. II. p. 305—

ному развитію ихъ предшествовалъ долгій періодъ постепеннаго созрѣванія. Право амнистіи медленно выливалось въ юридическую форму изъ сферы полнаго усмотрѣнія королевской власти. Изученіе этого процесса имѣетъ не только историческій интересъ, оно необходимо и для пониманія различныхъ ограниченій, внесенныхъ въ современную конструкцію амнистіи во французскомъ законодательствѣ.

Исторію амнистіи можно начать лишь съ той стадіи развитія уголовнаго права, на которой преступленіе пріобрѣтаетъ характеръ публичнаго посягательства и вызываетъ непосредственную реакцію государственной власти. При господствѣ взгляда на преступленіе, какъ на нарушеніе частныхъ интересовъ, только потерпѣвшей сторонѣ принадлежитъ право отказа отъ преслѣдованія, право даровать милость преступнику. Такую именно систему уголовнаго права мы застаемъ въ франкскій періодъ французской монархіи. Большинство преступленій были частными, и только государственная измѣна, оскорбленіе величества, мятежъ противъ короля влекли публичную кару, которая, однако, далеко не покоилась исключительно на однихъ правовыхъ основаніяхъ; король могъ миловать, но эта милость каждый разъ имѣла свои границы въ правахъ частныхъ лицъ. Но уже и въ этотъ періодъ въ цѣляхъ умиротворенія отдѣльныхъ мѣстностей, городовъ, отрядовъ, отчасти подъ вліяніемъ торжественныхъ событій, отчасти по совѣту духовенства, франкскіе короли предоставляли иногда коллективное помилованіе за политическія преступленія [1]).

---

313. Le Sellyer Traite de l'extinction des actions publiques et privées 1880. p. 503—583; Chomette De l'amnistie 1898. p· 12—39; Cabat. De l'amnistie 1904. p. 11—30. Repertoires de Merlin, Morin, Dalloz, Fugier-Hermann. Garraud. Traité du droit pénal. 1898. t. II. p. 448. Изъ болѣе старыхъ Rousseau de la Combe. Matière criminelle. ch. 14, № 22. Jousse Traité de la justice criminelle t. II. part. III. Ch. 2. p. 409. Muyart de Vouglans. Instituts criminels., part III. ch. 4 p. 104. Pothier. Traité de la procedure crim. VII § 2 p. 410.

[1]) Такъ въ 574 г. Сигдебертъ, король Австразіи, по просьбѣ брата своего Хильперика, предоставилъ общее помилованіе городамъ Туръ, Пуатье, Лиможъ и Кагоръ. Въ 582 г. Хильперикъ въ ознаменованіе рожденія своего сына Теодо-

При Каролингахъ амнистіи сохраняютъ характеръ коллективной милости. Эта форма, по всей вѣроятности, перешла къ нимъ посредствомъ подражанія практикѣ византійскихъ императоровъ. Особенно много такихъ амнистій было при Карлѣ Лысомъ [1]).

Съ конца IX вѣка королевская власть начинаетъ терять свои привилегіи, уступая ихъ феодальнымъ властителямъ; право помилованія, не дифференцированное отъ амнистіи, начинаетъ осуществляться уже почти независимыми сеньерами. Такъ дѣло обстоитъ до XIV вѣка, пока, наконецъ, королевская власть не сосредоточиваетъ снова въ своихъ рукахъ главнѣйшихъ судебныхъ функцій [2]).

Формы отмѣны наказанія по верховной волѣ короля получили въ этотъ періодъ весьма различныя выраженія. Главнѣйшими формами были *remission* и *abolition générale*, очень приближающіяся къ современнымъ амнистіямъ. „Общее отпущеніе наказаній—говоритъ Chommette [3])—предоставлялось провинціи, коммунѣ или партіи послѣ войны или возстанія, или даже какой-либо категоріи заключенныхъ по поводу какого-либо событія въ королевской семьѣ; по поводу пріѣзда короля въ городъ, или по поводу какихъ-либо годовыхъ праздниковъ". Lettres de remission подписывались или скрѣплялись королемъ въ его совѣтѣ; ордонансъ 1359 г. сдѣлалъ даже

риха освобождаетъ изъ тюрьмы всѣхъ заключенныхъ и снимаетъ наложенные штрафы. Точныя ссылки см. Cabat p. 12, Chomette p. 14.

[1]) Такъ въ 851 г. Карлъ, Людовикъ и Лотарь, сыновья Карла Великаго, предоставляютъ общее помилованіе своимъ взаимнымъ врагамъ; въ 856 г. Карлъ Лысый предоставляетъ условную амнистію подданнымъ, виновнымъ въ нарушеніи вѣрности ему, если они признаются на судѣ въ своей винѣ; въ 860 г. общимъ помилованіемъ закончилась война между Карломъ Лысымъ и Людовикомъ.

[2]) Формально право помилованія было закрѣплено исключительно за королемъ хартіей 1308 г., изданной Филиппомъ Красивымъ. При Карлѣ V это право короля признавалось уже неотъемлимымъ. Bouteiller (Somme rurale t. I), писатель того времени, повѣствуетъ: „Король Франціи, императоръ въ своемъ королевствѣ, можетъ издавать ордонансы, которые имѣютъ силу законовъ, можетъ устанавливать различныя конституціи а также освобождать, миловать, извинять отъ всякаго уголовнаго и гражданскаго нарушенія права, оказывать милость и уваженіе и осуществлять все вообще, что относится къ этому праву императоровъ".

[3]) O. c. p. 15.

обсужденіе ихъ въ совѣтѣ существеннымъ условіемъ законной силы этого „письма“. Этотъ королевскій указъ содержалъ въ себѣ обыкновенно слѣдующія части: 1) перечисленіе преступленій, учиненныхъ противъ короля или его подданныхъ: 2) мотивы, которые побудили короля „предпочесть милосердіе суровости правосудія“; 3) формулу отпущенія наказаній; 4) оговорку, сохраняющую за потерпѣвшими право отыскивать убытки; 5) перечень преступниковъ, не подлежащихъ помилованію; 6) приказъ королевскимъ чиновникамъ объ обнародованіи указа; 7) наконецъ, дату, печать и списокъ совѣтниковъ. На ряду съ общей ремиссіей существовала и спеціальная, являвшаяся какъ бы помилованіемъ или реституціей. Remission générale, подобно амнистіи, уничтожала всѣ послѣдствія предшествующихъ осужденій и мѣшала вчиненію новаго преслѣдованія за тѣ преступленія, которыя она имѣла въ виду изгладить. Ограниченіе усмотрѣнія короля, при предоставленіи remission, участіемъ совѣтниковъ было вызвано склонностью королей обратить эту привилегію въ источникъ обогащенія. Лица, получившія remission de la peine, должны были требовать выдачи особаго письма, предъявленіе котораго и обезпечивало за ними пользованіе милостью. Но для полученія его нужно было внести извѣстную сумму въ пользу короля, якобы въ уплату за печать. Въ актахъ Карла V мы находимъ множество lettres de remission, появленіе которыхъ можно объяснить только корыстолюбіемъ короля.

Возрожденіе классической старины вызвало къ жизни и формы римскаго права. На смѣну remission явились со времени Карла VI *abolition générale et abolition individuelle*. Старая форма ремиссіи потеряла свое значеніе и въ періодъ предъ революціей примѣнялась лишь какъ актъ освобожденія отъ преслѣдованія невольныхъ убійцъ или лицъ, преступившихъ велѣнія закона по крайней необходимости или при необходимой оборонѣ [1]). Общая ремиссія близко подходила къ той формѣ помилованія, которая въ Римѣ носила имя indulgentia generalis. Изъ дѣйствія ея обыкновенно исключались винов-

[1]) Ordonnance 1670. art. 2. Mangin. o. c. II p. 302.

ные „въ убійствѣ, коварныхъ и жестокихъ злодѣяніяхъ". Это создавало часто неудобство для королей и они рѣшили прибѣгнуть къ другой формѣ, гдѣ усмотрѣніе ихъ было бы меньше стѣснено. Этой формой и явилась аболиція [1]). Все внѣшнее различіе ея состояло въ замѣнѣ слова „remissons" болѣе сильнымъ выраженіемъ „abolissons". Но аболиція менѣе стѣсняла короля; король предоставлялъ ее въ любомъ объемѣ, вносилъ въ нее исключенія даже для отдѣльныхъ лицъ, сохранивъ всѣ выгодныя для себя условія [2]). Единственнымъ ограниченіемъ этого права было огражденіе правъ третьихъ лицъ на отысканіе убытковъ [3]). Въ болѣе позднее время измѣнилась и форма изданія аболиціи. Короли уже не прибѣгали къ совѣту и предоставляли ее не посредствомъ lettres de Chancellerie, a par édit ou brèvet, который прямо шелъ отъ короля. Этотъ указъ, чтобы получить силу, не нуждался въ провѣркѣ, а сразу вносился въ реестры городовъ и общинъ, которымъ даровалась аболиція [4]). Впослѣдствіи до обнародованія онъ сталъ заноситься въ реестръ парламента.

Въ XV вѣкѣ аболиціи давались исключительно по почину короля [5]), но съ XVI вѣка инціативу въ изданіи ихъ часто

---

[1]) Chomette p. 17. „Поройтесь въ архивахъ большой печати и вы увидите, что во всѣхъ царствованіяхъ помилованіе предоставлялось убійцамъ, хотя это было воспрещено. Только Chancelier Voisin отказался скрѣпить печатью актъ Людовика XIV о помилованіи убійцы". Le Sellyer. О. с. р. 616. Аболиція же обнимала и непогашаемыя преступленія—оскорбленіе величества, убійство и подлогъ. см. Hélie, t. II, p. 713.

[2]) Напр. Chomette p. 18 приводитъ слѣдующія оговорки: „Но мы предполагаемъ, что въ эту аболицію не будутъ включены Жаквиль и др.". Очень часто исключались лица, причинившія ущербъ казнѣ. Иногда, для примѣненія аболиціи ставилось условіе внести въ казну крупную сумму (Карлъ VI обѣщалъ аболицію жителямъ Парижа, если они уплатятъ ему 100.000 ливровъ; Карлъ VII взялъ съ жителей Бордо контрибуцію въ 100.000 экю за аболицію).

[3]) Такъ Bodin (Six livers de la république. 1599. l. I ch. IX) пишетъ: „государь не можетъ претендовать на чужое добро или дарить его безъ согласія собственника; и при всѣхъ дареніяхъ, милостяхъ, пожалованіяхъ, привилегіяхъ и актахъ государя всегда подразумѣвается оговорка, даже если бы она не была выражена: насколько этимъ не задѣты права третьихъ лицъ".

[4]) См. Le Sellyer p. 530.

[5]) Сюда относятся аболиціи 1413 г. послѣ безпорядковъ въ Парижѣ, вызванныхъ соперничествомъ Bourguignons и Armagnacs, аболиція 1414 сторонни-

брали на себя генеральные штаты [1]), и это было первоначальной формой участія народа въ дарованіи амнистій, изъ которой развилась позднѣйшая французская система. Съ XVII вѣка акты общей аболиціи получаютъ уже названіе *амнистіи* [2]).

Значительнѣйшій законодательный памятникъ французскаго судопроизводства, ордонансъ 1670 г., молчитъ объ аболиціи, упоминая только о lettres de grâce—актахъ помилованія. Такое умолчаніе, вѣроятно, имѣло въ виду безмолвно дерогировать аболиціи, такъ какъ для явной отмѣны королевской прерогативы амнистированія у составителей не хватало смѣлости. О такой затаенной цѣли мы можемъ судить, по крайней мѣрѣ, изъ рѣчи Lamoignon въ коммисіи, вырабатывавшей проектъ этого ордонанса. „Lettres d'abolition—говоритъ онъ—не являются актомъ правосудія; само слово abolitio означаетъ абсолютную власть, которая колеблетъ законы и лишаетъ дѣйствія акты публичнаго возмездія“ [3]). Амнистія на практикѣ [4]), однако, продолжала примѣняться, хотя юри-

---

камъ Герцога Бургундскаго, аболиція 1419 послѣ гражданскихъ междуусобицъ, аболиція 1448 жителямъ Périgord, наконецъ, аболиція 1513 послѣ безпорядковъ въ Бордо. Cabat. p. 15.

[1]) Такъ, въ 1560 г. États Généraux въ Орлеанѣ и Понтуазѣ потребовали предоставленія амнистіи еретикамъ. На слѣдующій годъ Карлъ IX въ Amboise даровалъ имъ общую аболицію. Въ 1576 г. подобное же требованіе было заявлено États de Blois и было удовлетворено. Наиболѣе широкой изъ королевскихъ амнистій былъ эдиктъ Генриха IV, желавшаго по возвращеніи своемъ въ Парижъ возстановить въ королевствѣ гражданскій и религіозный порядокъ. Онъ предоставилъ въ 1594 г. полную амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ подъ условіемъ клятвы вѣрности королю. Подобныя же аболиціи получили всѣ города, подчинившіеся Парижу. Chomette p. 19.

[2]) Названіе это во Франціи сложилось еще въ XVI в. Въ литературѣ оно впервые было употреблено Rabelais, отъ котораго позднѣе перешло въ юридическій языкъ. Chomette p. 20.

[3]) Цит. по F. Hélie, o. c. p. 713. Изъ современныхъ ордоннансу 1670 г. писателей Pothier не упоминаетъ объ амнистіи въ числѣ прерогативъ короля. Изъ новыхъ авторовъ Cabat и Chomette не выражаютъ сомнѣнія въ правѣ короля на амнистію по ордоннансу 1670 г., считая что невнесеніе ея въ законъ обусловливалось болѣе широкимъ характеромъ этой мѣры, чѣмъ процессуальный.

[4]) Такъ, слѣдуетъ отмѣтить амнистію, данную Людовикомъ XIV послѣ Фронды, которая положила конецъ распрямъ между герцогомъ д'Эпернонъ и Парламен-

сты того времени уклонялись отъ признанія ея законной [1]). Однако дѣйствіе ея было менѣе широко, чѣмъ дѣйствіе современныхъ амнистій: она только отмѣняла акты преслѣдованія и карательныя послѣдствія [2]). Въ этотъ періодъ къ амнистіи стали относить и погашеніе недоимокъ чиновниковъ или частныхъ лицъ по долгамъ королю за предоставленныя имъ права [3]).

На ряду съ общей аболиціей продолжали примѣняться и частныя, которыя могли быть предоставлены во всѣхъ случаяхъ, кромѣ обвиненія въ дуэли, предумышленномъ убійствѣ, грабежѣ и насиліи надъ должностными лицами. Сначала примѣненіе ихъ сопровождалось большими злоупотребленіями, но позднѣе изданію ихъ сталъ предшествовать судебный розыскъ, и парламенты могли примѣнять lettres d'abolition particulière только въ томъ случаѣ, когда содержаніе ихъ стояло въ соотвѣтствіи съ добытыми уликами. Etats généraux неоднократно возставали противъ нихъ, но несмотря на это, частныя аболиціи продолжали примѣняться до самой революціи [4]). Lettres de pardon, смягчавшія наказаніе для второстепенныхъ участниковъ преступленія, и lettres de justice, являвшіяся особымъ средствомъ оправданія, употреблявшіяся при старомъ

томъ; амнистію 1698 г. тайнымъ торговцамъ солью, которая была предоставлена съ оговоркой, что если они вновь займутся своимъ воровскимъ дѣломъ, то жестоко будутъ наказаны, какъ рецидивисты. Въ XVIII в. амнистіи были дарованы по поводу религіозныхъ разногласій янсенитовъ съ молинистами въ 1754, 1756 и 1771 г.г., въ 1749 г. была дарована амнистія возставшимъ въ Ліонѣ рабочимъ шелко-прядильныхъ фабрикъ; давались, наконецъ, амнистіи дезертирамъ послѣ окончанія войны. См. Cabat, p. 16, 17. Chomette, p. 21.

[1]) Такъ Rousseau de Lacombe (Matières criminelles n. 22) говоритъ: „король предоставляетъ городу, провинціи или обществу аболицію за учиненное противъ его интересовъ, повелѣній или авторитета дѣяніе; эту милость называютъ амнистіей; мы должны *слѣпо* подчиняться тому, кто предписываетъ амнистію посредствомъ писемъ (lettres) или указовъ (arrêts), не входя въ разборъ основаній ея". Здѣсь говорится не о правѣ, а о фактическомъ подчиненіи силѣ. Другой писатель Rodière пытается обосновать амнистію общими соображеніями: „было бы странно, чтобы тотъ, кто можетъ снять оковы съ осужденнаго, не могъ бы прекратить ареста обвиняемаго или разсѣять страхъ преслѣдованія".

[2]) Впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ извѣстно и погашеніе частныхъ исковъ, напр. въ 1659 г. Arrêt du Parlement de Paris. Sellyer. p. 558.

[3]) Denisart. Repertoire, art. Amnistie.

[4]) Mangin, p. 309

режимѣ, относятся уже къ области помилованія въ тѣсномъ смыслѣ [1]).

Такимъ образомъ право амнистіи въ періодъ, предшествовавшій революціи, являлось прерогативой монарха [2]), въ осуществленіи которой онъ былъ почти неограниченъ. Произволъ, часто наблюдавшійся въ этой области, особенно при индивидуальныхъ аболиціяхъ, оказалъ сильное вліяніе на законодательство Великой Революціи.

Какъ извѣстно, въ литературѣ конца XVIII в. посвященной вопросамъ уголовнаго права, начиная съ Беккаріи [3]) развивается отрицательное отношеніе къ праву суверена миловать осужденныхъ. До того времени убѣжденіе въ полезности этого права держалось весьма прочно [4]). Поколебавшіяся политическія основанія права помилованія были окончательно расшатаны работами Филанджіери, Бентама, Пасторе и др. [5]). Неограниченное усмотрѣніе монарха въ этой обла-

---

[1]) Ibid. p. 308. Различалось также grâce pur, относившееся къ вѣдѣнію Grande Chancellerie du roi, и судебное помилованіе, относившееся къ chancelleries auprès les cours. Первая проявляла прямое дѣйствіе, вторыя же имѣли характеръ возраженій противъ обвинительнаго приговора; отъ платежа судебныхъ издержекъ они не освобождали. См. цит. ниже статью Sternberg.

[2]) Впрочемъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о правѣ епископовъ на помилованіе. Такъ напр., извѣстна привилегія епископовъ Орлеана освобождать преступниковъ, когда они являлись въ городъ (привилегія, сведенная къ праву печалованія эдиктомъ 1753 г. см. Vouglans. Lois criminelles II, p. 601). На ряду съ епископомъ Орлеана право освобожденія преступниковъ въ старой Франціи принадлежало ордену Rouen и начальнику города Вендомъ. Правомъ этимъ иногда пользовались очень широко; такъ епископъ Орлеана въ 1733 г. помиловалъ около 1200 преступниковъ. См. Sternberg. Ueber die Begnadigungskompetenz unter dem ancien régime in Frankreich. Zeitschrift Liszt'a. B. 17. S. 86—98.

[3]) Beccaria. Des délits et des peines, éd. Hélie. 1856, p. 123. „Когда суверенъ предоставляетъ помилованіе преступнику, то не приноситъ ли онъ въ жертву безопасность общества безопасности частнаго лица и не декретируетъ ли онъ актомъ слѣпого благотворенія всеобщей безнаказанности?“

[4]) Jean Bodin. liv. I ch. 8, Grotuis. liv. II ch. 20 § 24, Puffendorf. liv. VIII ch. 3 § 16, Montesquieu. l. VI, ch. 16, Vattel. liv. I ch. 13.

[5]) Изложеніе взглядовъ этихъ писателей и вообще отношенія къ помилованію въ эту эпоху см. Th. Sternberg. Begnadigung bei den Naturrechtslehrern Inauguraldissert. Stuttgart 1899.

сти не находило политическихъ основаній; политическая мысль была направлена къ указанію необходимости совершенства законодательства, и потому, понятно, нужно было выяснить и демонстрировать непригодность всякихъ коррективовъ, основанныхъ на усмотрѣніи, къ какимъ принадлежитъ и помилованіе. Соображеніе о томъ, что помилованіе есть предоставленная административной власти возможность ослабленія силы закона, являлось рѣшающимъ въ глазахъ сторонниковъ укрѣпленія законодательной власти. Немотивированное индивидуальное помилованіе, полученное часто благодаря проискамъ, несомнѣнно противорѣчило понятіямъ о нормальномъ порядкѣ вещей. Опасеніе прямо высказаться противъ умѣстности усмотрѣнія монарха въ этой области повело къ отрицанію всего института.

Но любопытно, что высказываясь противъ права помилованія, даже наиболѣе рѣзкіе противники его вполнѣ признавали необходимость права амнистіи. Основанія этого, какъ бы противорѣчиваго, взгляда сводились къ слѣдующимъ: 1) соціальные мотивы амнистіи ясны для всѣхъ и каждаго и важность ихъ не подлежитъ сомнѣнію и 2) въ выработкѣ амнистіи участвуетъ весь народъ а иногда та же законодательная власть, вслѣдствіе чего здѣсь не можетъ представиться опасности дать перевѣсъ административной власти надъ законодательной.

Политическое значеніе амнистіи впервые было выяснено Христіаномъ Вольфомъ и, вѣроятно, мнѣніе его не могло не вліять на французскихъ писателей [1]). Монтескье, признавая, что право помилованія должно принадлежать тому, кто стоитъ выше судьи и законодателя, именно суверену, дѣлалъ наме-

---

[1]) Въ своемъ сочиненіи Philosophia practica universalis § 189 Вольфъ замѣчаетъ: Amnistia est oblivio in perpetuum. 'Amnistia praecipue opus in re publica turbulenta, ubi ultro citroque injuriae inferuntur et accipiuntur, ut is in pristinum statum revocetur, item in bellis intestinis". По естественному закону (naturaliter) амнистія должна быть предоставлена тогда, когда зло въ грядущемъ можетъ быть избѣгнуто скорѣе благодаря ей, нежели посредствомъ наказанія. Массовыя наказанія вообще крайне вредны и вызываютъ возбужденіе въ странѣ, поэтому иногда амнистія спасительна. Подробнѣе см. Sternberg, S. 78.

ки, что въ Римѣ ни консулы, ни сенатъ не осуществляли права помилованія, и лишь самому народу было предоставлено право отмѣнять свои приговоры [1]). Беккарія отрицалъ значеніе помилованія лишь для тѣхъ странъ, которыя пользуются невозмутимымъ спокойствіемъ, гдѣ законы хороши, наказанія несуровы, т. е. рисовалъ полный контрастъ современнаго ему положенія; кромѣ того все разсужденіе его, направленное противъ помилованія, вытекаетъ изъ необходимости защитить законодательную власть отъ произвола государя, и хотя по поводу амнистіи онъ не высказывается прямо, но изъ его книги ни коимъ образомъ нельзя вывести заключенія о томъ, что Беккарія относился къ амнистіи отрицательно [2]). Оговорки въ пользу амнистіи выступаютъ особенно ясно у позднѣйшихъ писателей. Filandgieri, рѣзко высказываясь противъ помилованія, которое является отмѣной закона и при которомъ „главнымъ интересомъ гражданина будетъ стремленіе угодить монарху, а не повиноваться законамъ“ [3]), дѣлаетъ однако слѣдующую оговорку въ пользу амнистіи по тѣмъ основаніямъ, которыя тогда допускались: „Но когда большое количество гражданъ увлечено пылкимъ и безпокойнымъ человѣкомъ; когда городъ или селеніе провинится въ какомъ либо преступленіи; словомъ, всякій разъ когда наказаніе, означенное въ законѣ, принесетъ печальный ущербъ населенію въ области земледѣлія или промышленности,—въ этихъ случаяхъ общій интересъ государства требуетъ молчанія закона, приговаривающаго каждаго участника къ наказанію; тогда отеческая рука главы отечества можетъ издать декретъ, дарующій общее прощеніе и миръ; тогда мечъ правосудія долженъ принести въ жертву общественному спокойствію только руководителя движенія и его ближайшихъ приверженцевъ“ [4]). Филанджіери такимъ образомъ признаетъ не-

---

[1]) Montesquieu. Esprit des lois VI, 15.

[2]) Beccaria § XX.

[3]) Filandgieri. Science nouvelle de législation франц. пер. 1822 г. т. III p. 356.

[4]) Ibid. p. 357. Здѣсь Филанджіери повторяетъ отчасти соображенія Wolff и Puffendorf.

обходимость амнистіи, хотя выставляетъ для нея весьма узкія основанія и, въ частности, считаетъ нужнымъ изъять изъ дѣйствія ея главныхъ виновниковъ.

Другой выдающійся противникъ права помилованія Бентамъ, въ своемъ сочиненіи, посвященномъ началамъ уголовнаго кодекса, говоритъ уже категорически и съ большимъ пониманіемъ дѣла о необходимости амнистіи. „Въ случаяхъ, гдѣ наказаніе сдѣлало бы больше зла, чѣмъ добра, послѣ возстаній, заговоровъ, общественныхъ безпорядковъ, право помилованія не только полезно, но даже необходимо. Такъ какъ эти случаи предвидѣны и указаны въ хорошей законодательной системѣ, то помилованіе, прилагаемое къ нимъ, есть не нарушеніе, а исполненіе закона. Но что касается помилованій немотивированныхъ, происходящихъ отъ милости и слабости монарха, то они обличаютъ законъ и правительство, первый въ томъ, что онъ жестокъ къ индивидумамъ, или второе въ томъ, что оно жестоко къ обществу“ [1]). Бентамъ смѣшиваетъ еще амнистію съ помилованіемъ, что впрочемъ простительно по тому времени, особенно для англичанина [2]).

Указанныя вѣянія въ политической литературѣ нашли себѣ отраженіе во французскомъ законодательствѣ революціоннаго періода. Ст. 13 титула VII кодекса 1791 г. общимъ образомъ и категорически отмѣняла lettres d'abolition [3]). Хотя въ ней и не указывалось, что эта отмѣна имѣетъ въ виду лишь

---

[1]) Сочиненія Іереміи Бентама. Спб. 1867 г. т. I. стр. 571 пер. А. Н. Пыпина.

[2]) Къ группѣ уголовно-политическихъ работъ принадлежитъ и появившееся въ Цюрихѣ сочиненіе Globig und Huster Abhandlung von der Criminalgesetzgebung. 1783“. Въ немъ проводится та мысль, между прочимъ, что въ устроенномъ государствѣ князь не можетъ имѣть права помилованія, такъ какъ благодаря ему онъ будетъ постоянно нарушать справедливость. *Миловать можетъ только суверенный народъ*, который самъ беретъ на себя послѣдствія ослабленія репрессіи (S. 157, 498).

[3]) „Примѣненіе всѣхъ актовъ, имѣющихъ цѣлью помѣшать или задержать отправленіе уголовнаго правосудія, примѣненіе lettres de grace, de remission d'abolition, de pardon, de commutation de peine упраздняется для всякаго преступленія, подсуднаго присяжнымъ“.

индивидуальныя аболиціи, за которыми только и сохранилось это названіе послѣ ордоннанса 1670, но это понималось всѣми. Право же общихъ аболицій было отнято у короля и вручено законодательной власти, въ согласіи съ требованіемъ новыхъ теорій. Революціонныя законодательныя собранія неоднократно примѣняли эту мѣру для оправданія „патріотическихъ дѣйствій“. Длинный рядъ амнистій, дарованныхъ народнымъ представительствомъ, начинается съ 1789 г. [1]). Въ эту эпоху, какъ замѣчаетъ Cabat, амнистіи обнародовались скорѣе въ интересахъ ихъ авторовъ, чѣмъ въ интересахъ лицъ, подлежащихъ амнистіи [2]). Отличительной чертой амнистій этой эпохи является ихъ тѣсная близость къ правительственнымъ переворотамъ. Хотя исторія революціи показала, что участіе народа есть необходимая гарантія амнистіи, такъ что ни одинъ диктаторъ не осмѣлился захватить право амнистіи въ свои руки, однако было ясно, что въ рукахъ сильнаго правительства само народное собраніе легко можетъ стать послушнымъ проводникомъ его желаній.

---

[1]) Въ 1789 году, подъ давленіемъ требованій Учредительнаго собранія, король подписываетъ амнистію возставшимъ въ южныхъ провинціяхъ, всѣ постановленные противъ нихъ приговоры были отмѣнены и всякое дальнѣйшее преслѣдованіе прекращено. Въ 1790 г. 5 августа то-же собраніе добивается амнистіи по поводу крупныхъ безпорядковъ въ западныхъ департаментахъ. Но наиболѣе полная амнистія была дарована уже самимъ Національнымъ собраніемъ 14 сентября 1791 г. по предложенію Лафайета. Въ ней предписывалось „отмѣнить безповоротно всѣ преслѣдованія, возбужденныя по поводу дѣяній, относящихся къ революціи, на что бы они ни были направлены, а также всѣ приговоры, постановленные по такимъ дѣламъ“. Одновременно съ амнистіей по политическимъ дѣламъ была издана амнистія по воинскимъ преступленіямъ. Конвентъ издалъ нѣсколько амнистій по поводу возстаній, возникшихъ на почвѣ феодальныхъ отношеній или вслѣдствіе скупки съѣстныхъ припасовъ. Амнистіи эти были весьма широки, онѣ погашали не только уголовные, но и гражданскіе иски. Исключались, однако, иногда изъ дѣйствія амнистіи „убійства, поджоги и проявленія роялизма“. Въ 1794 г. 2 декабря была предоставлена амнистія повстанцамъ Вандеи и Шуана, если они сложатъ оружіе въ теченіе мѣсяца; эта амнистія позднѣе была распространена и на участниковъ роялистнаго возстанія на Востокѣ. Во время Директоріи были нѣсколько амнистій, изъ дѣйствія которыхъ однако исключались эмигранты и возставшіе. Эти амнистіи были безрезультатны. Въ эпоху Консулата въ теченіи одного VIII (1799) года было предоставлено 3 амнистіи участникамъ возстанія въ восточныхъ департаментахъ.

[2]) Cabat. o. c. p. 20.

Сенатусконсультъ 16 термидора X года возстанавливаетъ право помилованія съ передачей его въ руки Консулата. Право амнистіи осталось попрежнему въ рукахъ законодательной власти. Но законодательный корпусъ покорно подчинялся требованіямъ Наполеона и предоставлялъ амнистіи по его первому желанію [1]). Не довольствуясь этимъ, Наполеонъ въ 1815 г., послѣ своего возвращенія съ Эльбы, внесъ добавленіе въ конституцію, которымъ присвоилъ императорской власти право амнистіи [2]).

Людовикъ XVIII, во время первой реставраціи въ 1814 г., издавъ новую конституцію, оговорилъ королевскую прерогативу помилованія. Объ амнистіи въ ней не было сказано ни слова. Но на практикѣ никто не оспаривалъ этого права короля. Амнистіи этой эпохи издавались въ формѣ ордоннансовъ, и только амнистія 1816 г. относительно „всѣхъ тѣхъ, которые прямо или косвенно принимали участіе въ мятежѣ и узурпаціи Наполеона Бонапарте“, была издана въ видѣ закона при участіи парламента [3]). При Людовикѣ XVIII и Карлѣ X понемногу начала воскресать даже практика индивидуальныхъ аболицій [4]). Сами амнистіи приняли характеръ милостей, знаменующихъ радостныя событія въ семьѣ короля.

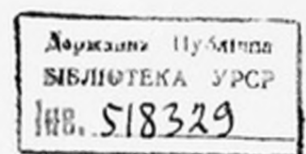
---

[1]) Такъ при вступленіи на императорскій престолъ (1804 г.) Наполеонъ подписалъ представленную ему амнистію о помилованіи всѣхъ солдатъ-дезертировъ и о снятіи съ ихъ родственниковъ наложенныхъ штрафовъ; въ 1810 г. 25 марта была издана подобная же амнистія по поводу женитьбы Наполеона; наконецъ, 24 апрѣля того же года императорскимъ декретомъ, безъ участія законодательнаго собранія, была дарована амнистія французамъ, вступившимъ на иностранную службу. (Chomette p. 26—27).

[2]) „L'empereur a le droit de faire grâce, même en matière correctionnelle et d' accorder des amnisties“. art. 57. зак. 22 апрѣля 1815 г. Это было запоздалою санкціей тѣхъ отступленій отъ конституціи, которыя позволялъ себѣ Наполеонъ, издавая амнистіи безъ участія законодательной власти.

[3]) Впрочемъ, національное собраніе разсматривало предоставленіе вопроса объ амнистіи на предварительное обсужденіе, какъ актъ милости короля, нисколько не оспаривая его безусловнаго права на амнистію. Эта амнистія на дѣлѣ была весьма ограниченною: такъ изъ дѣйствія ея исключались лица, уже привлеченныя къ слѣдствію по политическимъ преступленіямъ и осужденныя до обнародованія закона (Chomette. p. 29).

[4]) Cabat, p. 25; Chomette p. 30.

Конституція 1830 г. сохранила прежній пробѣлъ относительно права короля предоставлять амнистію, но въ палатѣ депутатовъ уже серьозно оспаривалось это право, пока, наконецъ, не восторжествовало мнѣніе, краснорѣчиво отстаивавшееся Беранже, рѣшившее вопросъ въ пользу права короля [1]). Амнистіи этого періода носятъ по преимуществу политическій характеръ [2]).

Февральская революція, сознавая, какую громадную соціальную силу представляетъ право амнистіи, послѣдовала примѣру Великой Революціи, и передала это право недосредственно въ руки представителей народа. Ст. 55 конституціи 1848 г. гласила: „амнистіи могутъ быть предоставлены только закономъ". „Амнистія,—говорилъ докладчикъ коммисіи Дюпэнъ— должна быть законодательнымъ актомъ, потому что она предоставляется не только послѣ окончанія правосудія, какъ при помилованіи, когда законъ получилъ удовлетвореніе, но иногда, и даже чаще всего, она предшествуетъ уголовному преслѣдованію и имѣетъ цѣлью пріостановить его, помѣшать исполненію закона; только законъ можетъ допускать такую диспенсацію" [3]).

Узурпація власти Наполеономъ III измѣнила это постановленіе конституціи 1848 г., не нашедшее себѣ еще ни разу примѣненія на практикѣ. Сначала еще въ качествѣ президента, Наполеонъ III предоставилъ нѣсколько амнистій посредствомъ декретовъ, а затѣмъ, ставъ императоромъ, онъ сенатусконсультомъ 25 декабря 1852 г. опредѣлилъ, что „право помилованія и амнистіи принадлежитъ императору". Основаніемъ для такого измѣненія старой конституціи по-

---

[1]) На соображеніяхъ Беранже и его единомышленниковъ, доказывавшихъ политическое превосходство королевской амнистіи, мы будемъ имѣть случай остановиться ниже.

[2]) Главныя амнистіи Людовика-Филиппа были дарованы политическимъ осужденнымъ за преступленія печати (2 авг. 1830 г.), за политическія преступленія со времени 7 іюля 1815 г. (26 авг. 1830 г.), въ пользу бѣжавшихъ или запоздавшихъ къ отбыванію воинской повинности (28 авг. 1830 г.), въ пользу французовъ, высланныхъ изъ отечества (11 сент. 1830 г.), въ пользу находящихся въ тюрьмѣ за политическія преступленія (8 мая 1837 г.) и т. д.

[3]) См. Chomette p. 32.

служила ссылка на примѣръ другихъ государствъ. Конституція совершенно не регулировала примѣненіе этой мѣры: никакой законъ не опредѣлялъ ни правъ, ни границъ, ни послѣдствій ея [1]). И на практикѣ амнистія часто теряла свой характеръ политической мѣры, приближаясь къ помилованію [2]).

Правительство національной обороны, немедленно послѣ сверженія Наполеона III, объявило 4 сентября 1870 г. полную амнистію политическихъ преступленій и преступленій печати, учиненныхъ съ 3 декабря 1851 г. по 3 сентября 1870. Закономъ 17 іюня 1871 г. было возстановлено правило конституціи 1848 г. о необходимости законодательной формы для амнистіи. Это постановленіе было введено въ конституцію и дополнено закономъ 25 февр. 1875 г., который дѣйствуетъ понынѣ. Однако парламентъ долго не примѣнялъ своихъ полномочій въ этой области. Красный призракъ Коммуны, страхъ предъ вождями потопленнаго въ крови движенія пролетаріата долго удерживалъ правительство и парламентъ отъ предоставленія полной амнистіи. Только 3 марта 1879 г., по предложенію Le Royer, была дарована частная амнистія, дополненная позднѣе закономъ 11 іюля 1880 г., изгладившимъ окончательно дѣянія Коммуны [3]). Наконецъ послѣдния

---

[1]) F. Helie. II, p. 714. Въ учебникѣ Berriat-Saint—Prix (Cours de droit criminel. 1855 p. 110) установлены лишь слѣдующія правовыя основанія амнистіи по закону 25 дек. 1852 г.: 1) амнистія должна быть примѣнена только тогда, когда виновный удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, указаннымъ въ актѣ объ амнистіи; 2) она ограничивается преступленіями, указанными въ этомъ актѣ; 3) она не распространяется на послѣдующія преступленія; 4) она не сохраняетъ за виновнымъ тѣхъ предметовъ, которые онъ присвоилъ посредствомъ своего преступленія.

[2]) До 1859 г. предоставлявшіяся амнистіи касались только общеуголовныхъ преступленій или проступковъ чиновъ національной стражи. Только 16 авг. 1859 г. императоръ рѣшился предоставить полную амнистію осужденнымъ за политическія преступленія или подвергнутымъ ограниченіямъ въ административномъ порядкѣ. Наконецъ, декретъ 14 авг. 1869 г. амнистировалъ преступленія политическія, печати, касающіяся общественныхъ собраній и т. п. Впрочемъ, въ этихъ амнистіяхъ было не мало исключеній.

[3]) Исторія амнистированія дѣяній Коммуны настолько интересна съ точки зрѣнія борьбы партій при предоставленіи амнистіи, что мы позволимъ изло-

десятилѣтія республики ознаменовались многочисленными амнистіями политическаго характера [1]).

жить подробнѣе всѣ перипетіи этого амнистированія. Начиная съ 1871 года отдѣльные члены парламента возбуждали вопросъ объ амнистіи, но безуспѣшно. 21 марта 1876 года предложеніе объ амнистіи имѣло на своей сторонѣ лишь 50 голосовъ. Въ сенатѣ же подобное предложеніе Виктора Гюго получило лишь 12 голосовъ. Въ 1879 г., послѣ усиленія республиканской партіи въ сенатѣ, правительство въ лицѣ Дюфора внесло проектъ амнистіи, скорѣе похожій на коллективное помилованіе. Одновременно съ этимъ и Луи Бланъ внесъ свое предложеніе о полной амнистіи. Но правительство подало въ отставку до принятія проекта. Черезъ мѣсяцъ былъ внесенъ Le Royer отъ имени правительства новый проектъ о частичной амнистіи, который и былъ принятъ 3 марта 1879 г. По этому закону правительство могло амнистировать участниковъ Коммуны по своему усмотрѣнію. Амнистіи подлежали только тѣ, которые будутъ помилованы въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ послѣ закона объ амнистіи. Въ этотъ періодъ изъ 2400 заочно приговоренныхъ къ изгнанію заграницу были амнистированы 2000, а изъ 700 сосланныхъ болѣе 400. Но вопросъ этимъ не былъ законченъ. „Но—пишетъ Bonhoure (Grande Encyclopédie II, p. 788)—исключая отъ дѣйствія этой мѣры успокоенія болѣе тысячи осужденныхъ, исполнительная власть открывала широкій доступъ новымъ нареканіямъ. Conseil général de la Seine потребовалъ полной амнистіи и общее мнѣніе было за реабилитацію всѣхъ. Правительство и палаты должны были уступить желанію народа“. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 22 января 1880 г. Луи Бланъ возбудилъ снова вопросъ о полной амнистіи, который опять былъ отвергнутъ палатой большинствомъ 316 голосовъ противъ 114. Но несмотря на это, правительство, руководимое Гамбеттой, было на сторонѣ амнистіи. Оно внесло новый проектъ, представлявшій собою любопытную комбинацію амнистіи и помилованія. По этому закону лица, осужденныя за преступленія, относящіяся къ возстаніямъ до 14 іюля 1880 г., и помилованныя, будутъ считаться амнистированными, кромѣ осужденныхъ въ личномъ присутствіи на судѣ къ смертной казни, или къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ за поджогъ и убійство, которымъ до 10 іюля 1880 г. наказаніе это не было замѣнено высылкой, заточеніемъ или изгнаніемъ. Судебныя издержки, не уплаченныя до сихъ поръ, не должны быть взыскиваемы, уплаченныя же не подлежатъ возвращенію. Но фактически эта амнистія была полной, такъ какъ 11 іюля 1880 г. былъ обнародованъ декретъ президента, которымъ этмѣнялись всѣ наказанія, наложенныя на участниковъ возстанія 1870 и 1871 г.г., такъ что всѣ они подпали подъ амнистію.

[1]) Такъ преступленія печати были амнистируемы неоднократно законами 2 апрѣля 1878 г., 11 іюля 1880, 29 іюля 1881, 19 іюля 1889, 1 февраля 1895, 25 декабря 1900, 1 февраля 1904. Въ годовщину столѣтія Великой Революціи въ 1889 г. была предоставлена особенно обширная амнистія (преступленія, касающіяся печати, стачекъ, собраній, союзовъ, выборовъ, дезертирства и проч.). Законъ 1 февраля 1895 г. амнистировалъ преступленія и посягательства противъ внутренней безопасности государства; здѣсь имѣлась въ виду главнымъ образомъ амнистія дѣяній буланжистовъ. 27 декабря 1900 г. амнистія была предоставлена

Развитіе амнистіи во Франціи показываетъ намъ, что только въ рукахъ народнаго представительства амнистія примѣнялась въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными политическими потребностями страны, что не исканіе популярности, не снисканіе любви народа цѣною правильности правосудія было мотивомъ предоставленія амнистіи, а стремленіе къ водворенію гражданскаго порядка и къ успокоенію внутреннихъ междуусобицъ [1]). Съ извѣстной правильностью можно ска-

---

за всѣ дѣянія, относящіяся къ дѣлу Дрейфуса. 30 декабря 1903 г. амнистированы были дѣянія, касающіяся стачекъ и связанныхъ съ ними посягательствъ; 1 апрѣля 1904 г. была обнародована полная амнистія, касающаяся большой группы политическихъ преступленій и полицейскихъ нарушеній. 2 ноября 1905 г. была предоставлена полная амнистія: 1) преступленій и нарушеній, касающихся собраній, выборовъ, стачекъ, празднованія 1-го мая, печати и дѣяній, связанныхъ съ ними; 2) преступленій въ предусмотрѣнныхъ ст. 87—90 уг. ул. и смежныхъ съ ними; 3) преступленій и нарушеній, предусмотрѣнныхъ законами 2 ноября 1892 г., 30 марта 1900 г. и декретами о защитѣ труда взрослыхъ; 4) преступленій противъ законовъ о конгрегаціяхъ. Амнистія эта распространялась также на всѣ дѣянія, касающіяся опубликованія тайныхъ свѣдѣній политическаго, профессіональнаго или частнаго характера относительно чиновниковъ, военнослужащихъ и всякихъ другихъ лицъ. Амнистія 2 ноября 1905 г. изгладила всякія послѣдствія прежнихъ осужденій. Ей предшествовалъ декретъ президента отъ 14 іюля 1905 г., даровавшій коллективное помилованіе политическимъ преступникамъ (въ частности сторонникамъ Дерулэда). Въ 1906 г. обновленная палата депутатовъ вотировала по предложенію правительства новую амнистію. По этой амнистіи, обнародованной въ видѣ закона 12 іюля 1906 г., предоставляется полное и общее погашеніе всѣхъ учиненныхъ до 10 іюля 1906 г. преступныхъ дѣяній, относящихся: 1) къ нарушенію законовъ о собраніяхъ, выборахъ, манифестаціяхъ по поводу 1-го мая, стачкахъ, какова бы ни была ихъ уголовная квалификація; 2) къ преступленіямъ печати и связанныхъ съ ними; 3) къ преступленіямъ и проступкамъ противъ законовъ о конгрегаціяхъ; 4) къ ст. 222—225 угол. улож. и 5) къ дезертирству и несоблюденію воинской дисциплины (со многими ограничительными условіями въ послѣднемъ случаѣ). См. текстъ закона въ France Judiciaire. 1906. Septembre. p. 331—334.

[1]) Почти каждому проекту амнистіи предпосылается краткая мотивировка, изъ которой до извѣстной степени можно заключить о мотивахъ, руководившихъ инициаторами ея. Для примѣра приведу мотивировку амнистіи, предложенной въ засѣданіи 12 іюля 1905 г. депутатомъ Jean Cruppi (Documents parlementaires. Chambre. Annexe № 2635, p. 1833). „Правительство, вѣрное своимъ заявленіямъ, формулированнымъ при первомъ выступленіи въ палатѣ, стремясь также всѣми силами успокоить умы и поддержать согласіе между всѣми гражданами, присоединяется къ предложенію амнистіи. Оно полагаетъ, что наступилъ моментъ распространить милосердіе на всѣ дѣянія, относящіяся къ разгла-

зать также, что республика была щедрѣе на политическія амнистіи, чѣмъ монархія; это объясняется тѣмъ, что въ республикѣ ощущается въ большей степени необходимость выработки мирнаго modus vivendi партій. Законодательный характеръ имѣла амнистія во Франціи исключительно во время республикъ, хотя и при существованіи монархической власти народъ иногда бралъ на себя инпціативу или выработку амнистіи. Такъ было въ предреволюціонное время, такъ поступилъ и Людовикъ XVIII въ началѣ своего царствованія.

Нынѣ дѣйствующая во Франціи регуляція права амнистіи является типической формой, принятой позднѣе въ Бельгіи, Голландіи, Болгаріи и Пруссіи. Юридическіе контуры и политическія свойства ея мы и разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

Глава III.

Французская доктрина объ амнистіи [1]).

Относительно опредѣленій характера амнистіи во французской доктринѣ почти нѣтъ противорѣчивыхъ мнѣній. „Ам-

---

шенію тайнъ политическаго характера, профессіональныхъ и частныхъ, относительно всѣхъ преступныхъ дѣяній, касающихся печати, собраній, выборовъ и стачекъ, а также на тѣ, которыя предусмотрѣны ст. 87—90 уг. ул. Республика достаточно сильна, чтобы не опасаться посягательствъ, могущихъ быть направленными противъ нея, которыя она можетъ уничтожить; она можетъ проявить милосердіе и покрыть забвеніемъ преступленія, нѣкоторыя изъ которыхъ были уже искуплены нѣсколькими годами изгнанія". Коммисія Сената, принявшая этотъ проектъ, характеризовала его какъ „призывъ къ согласію и единенію всѣхъ французовъ".

[1]) Литература объ амнистіи во Франціи весьма обширна. Berriat-Saint-Prix, Droit criminel. 1855. Blanche, Etudes pratiques sur le code pénal. Bertault. Cours de droit criminel p. 536 ss. Carnot, Commentaire du code d'instruction criminelle. III p. 615 ss. Cabat, De l'amnistie 1904. F. Hélie, Traité d'instruction criminelle, II, 1866, №№ 1086—1091. Garraud, Traité du droit pénal 1898, t. II, № 552—560. Garraud. Précis du droit criminel, 1904, p. 353—358. Laborde. Cours du droit criminel, 1890. Legraverend, Traité de législation criminelle, II, p. 690. Le Selleyer, Traité de l'exercice et de l'extinction des actions publiques et privées 1870, III, p. 503-583. Mangin, Traité de l'action publique et de l'action civile en matière criminelle 1876, II, p. 307—322. Villey, Précis de droit criminel 1898, p. 249 ss. Bonnefoy. Com-

нистія есть актъ,—гласитъ одно изъ болѣе раннихъ опредѣленій амнистіи—посредствомъ котораго суверенная власть запрещаетъ начинать или продолжать какія-либо преслѣдованія или приводить въ исполненіе обвинительные приговоры по отношенію къ нѣсколькимъ лицамъ, спеціально указаннымъ по роду учиненнаго ими дѣянія" [1]). Позднѣйшія опредѣленія вносятъ уже упоминаніе о соціальномъ характерѣ амнистіи, указываютъ на то, что она имѣетъ цѣлью забвеніе прошлаго. „Амнистія есть актъ соціальной власти, имѣющій цѣлью и результатомъ преданіе забвенію извѣстныхъ нарушеній, а слѣдовательно, и уничтоженіе возникшихъ или могущихъ возникнуть преслѣдованій или постановленныхъ по этимъ нарушеніямъ приговоровъ" [2]). Опредѣленіе это, соединяя юридическую характеристику съ указаніемъ соціальныхъ тенденцій акта амнистіи, пользуется общимъ признаніемъ, хотя оно вноситъ понятія, отнюдь къ области юридическихъ не относящіяся (напр. „забвеніе"). Попытка болѣе узкаго опредѣленія амнистіи, чѣмъ данная, была сдѣлана Morin и Bertauld [3]). „Амнистія—по ихъ опредѣленію—есть суверенный актъ, препятствующій вчинять или продолжать слѣдствіе для установленія тѣхъ преступныхъ дѣяній, изгладить которыя имѣетъ въ виду амнистія, или предполагающій, что уже сдѣланное установленіе является столь непрочнымъ, что общество не можетъ на немъ остановится и имѣть вѣру въ результатъ его". Опредѣленіе это совершенно произвольно выдѣляетъ одинъ изъ возможныхъ мотивовъ амнистіи—ненадеж-

---

mentaire de la loi du 27 décembre 1900 sur l'amnistie. 1901. Chomette, De l'Amnistie, spécialement dans ses effets. Thèse 1898. Repertoires de Merlin, Morin, Dalloz, Fayier-Hermann, Labori, mot Amnistie.

[1]) Nouveau Denizart, Collection de decisions, I, p. 557. Mangin, p. 307.

[2]) Garraud, Traité II, p. 447. То же мы находимъ у Legraverend, II, p. 762, лишь въ болѣе картинной формѣ: „амнистія имѣетъ цѣлью набросить покрывало забвенія (couvre du voile de l'oubli)". То-же, отмѣчая суверенный характеръ амнистіи, говорятъ: Haus, Principes généraux du droit pénale belge, II, p. 386. Cabat, p. 37. Chomette, p. 69. Villey, p. 249.

[3]) Morin. Repertoire. Amnistie. Bertauld, Cours, p. 535.

ность правосудія, отправлявшагося при извѣстныхъ условіяхъ, забывая объ опредѣленіи существа этой мѣры.

Внося въ самое опредѣленіе амнистіи, указаніе на ея соціальныя цѣли, господствующее мнѣніе выводитъ уже дедуктивнымъ путемъ изъ него тѣ основныя черты, которыя присущи амнистіи, какъ соціальной мѣрѣ.

Французская доктрина считаетъ амнистію, эту „douce prérogative“, по выраженію Глассона, актомъ суверенной власти. Бывшій раньше споръ относительно органа, которому должна принадлежать амнистія, нынѣ рѣшенъ въ пользу законодательной власти [1]). Амнистія есть, по существу, отмѣна законовъ въ специальныхъ случаяхъ, примѣнительно къ прошлому; только закону можетъ быть предоставлена отмѣна другого закона. Далѣе, амнистія, являясь средствомъ, прерывающимъ теченіе правосудія, служа препятствіемъ исполненію закона, по существу, не можетъ принадлежать исполнительной власти, которая призвана именно слѣдить за исполненіемъ закона [2]). Признаніе суверeннаго характера амнистіи имѣло особенное значеніе, когда амнистія принадлежала императору, такъ какъ изъ такого признанія слѣдовало: 1) что амнистія, провозглашенная сувереномъ въ завоеванной странѣ, теряетъ свою силу послѣ ухода арміи побѣдителей и возвращенія этой страны подъ власть прежняго суверена; 2) что теряютъ силу амнистіи, изданныя узурпаторомъ, послѣ возвращенія законнаго государя въ свою страну; и 3) что право

[1]) Сторонниками предоставленія права амнистіи суверену были Legraverend, II, p. 696. Carnot, III, p. 615. Mangin, p. 315. Berenger, (рѣчь въ палатѣ депутатовъ 31 дек. 1834). Le Sellyer, III, p. 551. Въ пользу законодательной постановки высказываются всѣ новые авторы; изъ прежнихъ— Rauter, p. 866. Bertauld, p. 542. Helie, признавая по существу законодательную природу амнистіи, считалъ однако ее настолько тѣсно связанной съ политикой, что полагалъ нужнымъ поручить осуществленіе этого права исполнительной власти, въ отступленіе отъ началъ теоріи (Traité, II, p. 718); то же и Bertauld, p. 582. Garraud, p. 449 высказывается нерѣшительно; практически онъ считаетъ даже болѣе цѣлесообразнымъ передать амнистію въ руки исполнительной власти.

[2]) F. Helie, p. 718, Cabat, p. 58, Garraud, p. 448, Chomette, p. 63.

амнистіи не можетъ быть делигировано министрамъ [1]). Въ настоящее время, когда главную роль играетъ законный парламентъ, признаніе суверенности акта амнистіи влечетъ за собою лишь запретъ делегированія этой власти. Ст. 3 закона 25 февраля 1875 г. безусловно запрещаетъ президенту республики, какъ главѣ исполнительной власти, осуществлять право амнистіи. Однако, на практикѣ отдѣльные законы объ амнистіи косвенно передавали ему это право, позволяя исполнительной власти дѣлать выборъ лицъ, достойныхъ амнистіи [2]).

Изъ публичнаго характера амнистіи, какъ мѣры, предпринимаемой въ соціальныхъ интересахъ, слѣдуетъ, что она не можетъ быть отвергаема лицами, по отношенію къ которымъ она примѣнима. Правильность этого положенія никѣмъ не оспаривалась по отношенію къ лицамъ, уже осужденнымъ, и по отношенію къ тѣмъ, которыя еще не были привлечены къ суду; лишь по отношенію къ тѣмъ, противъ которыхъ было возбуждено обвиненіе, еще не законченное къ моменту обнародованія амнистіи, существуетъ споръ. Безъ сомнѣнія, амнистія можетъ уничтожить всѣ законныя послѣдствія этого преслѣдованія, но она не разсѣетъ въ такой степени подозрѣнія въ виновности, проистекающаго отъ возбужденія судебнаго преслѣдованія, какъ это можетъ сдѣлать оправдательный приговоръ. Единственный выводъ—это допустить продолжать процессъ, если обвиняемые того не желаютъ [3]). Та-

---

[1]) Mangin, p. 314. Chomette. p. 69, дѣлаетъ по 1 п. ту оговорку, что было бы жестоко, однако, не принимать во вниманіе амнистіи, если амнистировавшая власть долгое время господствовала въ странѣ.

[2]) Такъ законы 3 марта 1879 г. и 11 іюля 1880 г. (о коммунарахъ), предоставляя амнистію лицамъ, которыя будутъ въ теченіе извѣстнаго срока помилованы президентомъ, не были въ строгомъ смыслѣ конституціонными. Точно также сюда слѣдуетъ отнести законъ 19 іюля 1889 г. объ амнистіи дезертировъ, которые въ теченіе періода времени до 1 января 1890 г. будутъ помилованы президентомъ. Здѣсь исполнительной власти предоставляется сдѣлать выборъ лицъ, желательныхъ, неопасныхъ для правительства, и тѣмъ самымъ нарушается принципъ безличности амнистіи (Chomette, p. 67, Cabat, p. 63). Франція не допускаетъ также права делегированія амнистіи губернаторамъ колоній, какъ то существуетъ въ Англіи, но почти въ каждомъ законѣ объ амнистіи содержится оговорка о томъ, что онъ находитъ свое примѣненіе и въ колоніяхъ.

[3]) Такъ въ интересахъ оправданія подобныхъ лицъ папа Пій IX, предо-

кой исходъ, однако, позволялъ бы, въ интересахъ небольшаго числа лицъ, продолжать агитацію и споры, которые имѣлось въ виду прекратить изданіемъ амнистіи [1]). Судъ въ такихъ случаяхъ превратился бы въ комедію, въ которой обвиняемый не рисковалъ бы ничѣмъ. Въ судебной практикѣ, поэтому, получилъ преобладаніе противоположный принципъ, безусловно прекращающій производство процесса [2]).

Имѣя въ виду изгладить изъ соціальной жизни отдѣльныя событія, амнистія должна непосредственно касаться скорѣе преступныхъ дѣяній, нежели лицъ. Это выражается въ положеніи, что амнистія *реальна*, а не персональна (réelle) [3]). Амнистія, даруемая индивидуально обозначеннымъ лицамъ, приближается уже къ частной аболиціи, недопускаемой со времени 1791 г. [4]) Изъ реальнаго характера амнистіи вытекаетъ въ значительной степени ея *коллективный* характеръ. Въ противоположность помилованію, она знаетъ не столько отдѣльныхъ провинившихся лицъ, сколько вообще

ставляя въ 1841 г. своей области амнистію за политическія преступленія, сдѣлалъ въ актѣ формальную оговорку, по которой желающимъ было предоставлено продолжать процессъ до постановки приговора. Chomette, p. 46.

[1]) Helie, p. 731 „Что сталось бы съ амнистіей, какъ забвеніемъ, если каждому изъ амнистируемыхъ было бы предоставлено торговаться по поводу милости (marchander le bienfait), вызывать снова тѣ обстоятельства, которыя амнистія желаетъ загладить, возбуждать вопросы, которые она хочетъ устранить? Амнистія есть исключеніе изъ общаго права, и слѣдуетъ или принять ее съ ея характерными чертами, или отказать ей во всякомъ дѣйствіи". См. Chomette, p. 47, Cabat. p. 45.

[2]) Французская кассаціонная практика съ нѣкоторымъ колебаніемъ приняла этотъ принципъ. Рѣшеніе 25 ноября 1826 г. разъясняло, что „амнистія есть милость, которую обвиняемые, настаивающіе на своей невинности, могутъ и не принять". Рѣшеніе 10 іюня 1831 г. устанавливаетъ уже обратное положеніе: „указы объ амнистіи имѣютъ своею цѣлью и результатомъ возстановленіе мира въ обществѣ, и потому суды не могутъ отказываться отъ примѣненія ихъ". Наконецъ, рѣшеніе 12 мая 1870 г. окончательно признаетъ, что „стороны не могутъ отказаться отъ примѣненія къ нимъ амнистіи".

[3]) Въ этомъ отношеніи опять таки страдаетъ злополучная амнистія 3 марта 1879 г. (и подобныя ей 11 іюля 1880 г., 19 іюля 1889 г.), которая предоставила президенту выборъ амнистируемыхъ. Она получила даже названіе amnistie personelle.

[4]) Амнистія 12 марта 1815 г. исключала, однако, нѣсколько спеціально названныхъ лицъ.

виновныхъ въ преступленіяхъ такой то категоріи [1]). Впрочемъ, и помилованіе можетъ быть коллективнымъ; въ такомъ случаѣ различіе можетъ быть проведено лишь съ точки зрѣнія власти, предоставляющей то или другое [2]). Въ цѣломъ рядѣ амнистій, однако, безъ нарушенія принципа коллективности, исключались изъ дѣйствія амнистіи „рецидивисты", „особо виновные съ квалифицирующими обстоятельствами" „учинившіе преступленія общаго характера при учиненіи политическаго дѣянія" и т. д. [3]).

Общимъ свойствомъ амнистіи является также ея *неотмѣнимость* (irrevocabilité). Право, полученное по амнистіи, есть право безусловное, отнятіе котораго могло бы вызвать еще большія волненія, нежели тѣ, которыя имѣлось въ виду прекратить амнистіей. Случаевъ отмѣны амнистіи въ исторіи Франціи не было [4]).

Амнистія можетъ быть *общей* или *частичной* (générale ou partielle). Общею она называется, если она амнистируетъ какую-либо категорію преступленій безъ всякихъ изъятій; частичною—если она содержитъ ограниченія относительно лицъ, подлежащихъ ей, или преступныхъ дѣяній. По французской теоріи амнистія не ограничена какой-либо опредѣленной категоріей преступленій; теорія отказывается указать верховной власти, предоставляющей амнистію, опредѣленныя границы въ этомъ отношеніи [5]). Изслѣдованіе амнистій, предоставленныхъ во Франціи за 100 слишкомъ лѣтъ, указываетъ, что амнистируемы были по преимуществу чисто воин-

---

[1]) Касс. рѣш. 26 августа 1853 г.

[2]) Напр. decret des graces générales 14 іюня 1905 г. былъ изданъ президентомъ, послѣ того какъ палата отвергла правительственный проектъ амнистіи, и слѣдовательно явился какъ бы суррогатомъ ея.

[3]) Амнистіи 1816, 1817, 1852, 1848, 1879 г.г.

[4]) Декретъ 25 марта 1810 г. вызвалъ разъясненіе касс. суда (8 марта 1811 г.), по которому какъ бы признается за сувереномъ право вводить позднѣе ограниченія въ изданный имъ актъ амнистіи; слѣдуетъ полагать, что касс. судъ имѣлъ въ виду лишь право изданія частичной амнистіи, а не послѣдующую отмѣну ея (Chomette p. 55).

[5]) Только въ періодъ, когда амнистія принадлежала королевской или императорской власти, право амнистіи было исключено по отношенію къ министрамъ, обвиняемымъ палатой (законъ 1834 г. и конституція 14 января 1852 г.).

скія, политическія преступленія и близкія къ послѣднимъ преступленія печати. Что касается ограниченій по лицамъ, то исключались чаще другихъ рецидивисты, лица, виновныя въ учиненіи квалифицированныхъ дѣяній [1]), осужденныя раньше за преступленія, влекущія потерю избирательной правоспособности (амн. 1900), недозволенныя духовныя конгрегаціи (амн. 1900 г.), лица, скрывшіяся отъ суда (амн. 1879 г.) и пр.

Далѣе возможна амнистія *безусловная* и *условная* (absolue ou conditionnelle). Условной амнистія становится тогда, если она налагаетъ на лицъ, подлежащихъ амнистіи, извѣстныя обязательства или допускаетъ амнистировать лицъ подъ условіемъ выполненія ими какого-либо дѣйствія. Нѣкоторые авторы [2]) прежде придерживались мнѣнія, что амнистія, какъ мѣра соціальнаго характера, стремящаяся къ забвенію прошлаго, по существу должна быть безусловной. Она стремится устранить всякій приговоръ надъ преступленіемъ, между тѣмъ какъ выполненіе условія, есть презумпція обвинительнаго приговора. Позднѣйшая литература отказывается отъ признанія такой несовмѣстимости [3]). Въ ряду французскихъ амнистій мы находимъ довольно много условныхъ. Такъ почти всѣ амнистіи, предоставлявшіяся уклонявшимся отъ военной службы и дезертирамъ, примѣнялись подъ условіемъ отбы-

---

[1]) См. выше.

[2]) Peyronnet. Pensées d'un prisonnier, 1831. I. ch. XIV: изъ современныхъ Garraud p. 455.

[3]) Hélie, p. 179 осторожно замѣчаетъ, что условія эти должны быть полезными для государства и для правосудія. Chomette p. 56 замѣчаетъ: „когда актъ амнистіи требуетъ отъ упорныхъ раскаянія и заявленія о готовности нести военную службу, когда онъ требуетъ отъ возставшихъ сложенія оружія, то эти условія могутъ быть оправдываемы; они не воскрешаютъ забытаго прошлаго, это простыя мѣры публичнаго характера, которыя правительство предпринимаетъ, не прибѣгая къ обвинительному приговору“. Кромѣ того „безопасность государства можетъ требовать иногда необходимости обставить примѣненіе амнистіи извѣстными условіями; если послѣднія не будутъ допускаемы, несомнѣнно, примѣненіе амнистіи будетъ болѣе рѣдкимъ“. Cabat, p. 51: „Въ силу какихъ абсолютныхъ принциповъ государство станетъ отказываться отъ поставленія для своего акта милости такихъ доказательствъ и залоговъ примиренія, въ дачѣ которыхъ его противники вправѣ ему отказать?... Условія и ограниченія вызываются самой природой и цѣлями амнистіи. Ограничить амнистію—значитъ уничтожить ее“.

тія военной службы. Амнистія 1798 г. ставила условіемъ выдачу оружія въ теченіе 10 дней послѣ обнародованія амнистіи, амнистія 1792 г. ставила условіемъ дальнѣйшее неучастіе въ возстаніи. Изъ позднѣйшихъ можно упомянуть амнистію 1900 г., поставившую условіемъ уплату вознагражденія за убытки и судебныя издержки или, въ случаѣ невозможности этого, представленіе свидѣтельства о бѣдности [1]). По существу амнистія является условной, если она содержитъ въ себѣ условія потестативныя, зависящія отъ воли амнистируемаго; въ противномъ случаѣ она переходитъ въ амнистію ограниченную или частичную.

Второй крупный отдѣлъ, изъ котораго слагается ученіе объ амнистіи, есть отдѣлъ о дѣйствіи амнистіи. Обыкновенно признается, что амнистія погашаетъ какъ осужденіе, такъ и преслѣдованіе. Впрочемъ, отдѣльныя амнистіи предписывали лишь одно изъ этихъ послѣдствій. Такъ амнистія 1816 г. примѣнялась только тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ еще не было возбуждено обвиненія, исключая лицъ осужденныхъ или преданныхъ суду. Точно также въ 1900 г. амнистія дѣяній, относящихся къ дѣлу Дрейфуса, имѣла въ виду лишь погашеніе могущихъ быть преслѣдованій, такъ какъ никто за подобныя дѣянія еще не былъ привлеченъ къ суду или осужденъ. Съ другой стороны кассаціонный судъ не призналъ за амнистію актъ, отмѣнявшій только одни наказанія (рѣш. 30 янв. 1862 г.).

Послѣдствія амнистіи, относящейся къ факту преступнаго дѣянія, могутъ быть разсмотрѣны съ точки зрѣнія уголовной, гражданской и дисциплинарной. По опредѣленію касс. суда отъ 11 іюня 1825 г., полная амнистія уничтожаетъ вмѣстѣ съ аболиціей преступленій, являющихся объек-

---

[1]) Спорнымъ является вопросъ о томъ, можетъ ли условіе амнистіи состоять въ выполненіи дѣйствія, имѣющаго характеръ наказанія. Въ такомъ видѣ амнистія могла бы сводиться къ замѣнѣ одного наказанія другимъ. Bertauld p. 552 отрицаетъ эту возможность для дѣлъ еще неоконченныхъ и допускаетъ для тѣхъ, по которымъ постановлены приговоры. Касс. судъ также допускаетъ смягченіе наказанія посредствомъ амнистіи (рѣш. 1 сентября 1837 г.). Въ особенности это правило имѣетъ значеніе для замѣны различныхъ наказаній полицейскимъ надзоромъ. Chomette. p. 59, Cabat. p. 55.

томъ ея, и преслѣдованія, которыя могутъ быть возбуждены, и осужденія, которыя могли бы быть провозглашены, такъ что преступныя дѣянія эти являются для судовъ какъ бы никогда не учиненными, исключая права третьихъ лицъ на отысканіе убытковъ въ гражданскомъ порядкѣ. Сохраненіе гражданскаго иска, несмотря на амнистію, является во французской доктринѣ извѣстнымъ принципомъ, могущимъ быть устраненнымъ лишь спеціальной оговоркой закона. Разсмотримъ отдѣльныя дѣйствія амнистіи особо.

Съ точки зрѣнія уголовныхъ послѣдствій, нужно различать случай окончательно вступившаго въ силу приговора и случай еще незаконченнаго производства [1]). Если въ моментъ опубликованія амнистіи окончательные приговоры еще не вступили въ законную силу, то они отпадаютъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ актовъ преслѣдованія. Сюда будутъ относиться также осужденные par contumace въ судѣ присяжныхъ, осужденные заочно въ судѣ исправительной полиціи, осужденные въ состязательномъ порядкѣ, приговоръ по отношенію къ которымъ не вступилъ еще въ законную силу, наконецъ, осужденные, подавшіе кассаціонныя жалобы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ амнистія относится только къ актамъ преслѣдованія. Если амнистія касается только дѣяній, не ставшихъ предметомъ преслѣдованія до момента обнародованія амнистіи [2]), то сюда должны быть отнесены всѣ дѣянія, противъ которыхъ не начато актовъ дознанія или слѣдственныхъ дѣйствій (actes de poursuites et actes d'instruction). Понятіе этихъ актовъ довольно точно опредѣлено во французскомъ правѣ.

Но такое стѣсненіе примѣненія амнистіи является обыкновенно исключеніемъ. Чаще всего она охватываетъ не только обвиненія еще незаконченныя, но и дѣянія, по которымъ состоялись вошедшіе въ полную силу приговоры; въ послѣднемъ случаѣ она погашаетъ всѣ послѣдствія, вызванныя осужденіемъ, такъ что даже вновь учиненное преступленіе не

---

[1]) Garraud. p. 450, Chomette, p. 75, Cabat, p. 71.

[2]) Такое ограниченіе содержала, напр., амнистія 1900 г.

разсматривается какъ рецидивъ [1]). По отношенію къ отдѣльнымъ видамъ наказаній дѣйствіе амнистіи проявляется различно. Наказанія тѣлесныя, лишающія свободы или ограничивающія ее, немедленно прекращаютъ свое дѣйствіе, не исключая полицейскаго надзора для рецидивистовъ [2]); денежныя пени [3]) и издержки [4]), уплаченныя государству, по возможности,

---

[1]) Практика установила это правило еще въ 1871 году циркуляромъ мин. юст. Санкціонировано оно было закономъ 1899 г. относительно справокъ о судимости (casier judiciaire). Въ силу этого правила, напр., амнистированное преступленіе не мѣшаетъ полученію условнаго осужденія (по зак. 1891 г.), или условнаго освобожденія (зак. 1885 г.), оно не лишаетъ права на подслѣдственную свободу (ст. 113 у. у. с.), не входитъ въ число преступленій, которыя должны быть установлены, чтобы имѣть возможность примѣнить релегацію (зак. 1885 г.). Въ виду недостаточно внимательнаго отношенія секретарей къ изъятію изъ casiers judiciaires свѣдѣній объ амнистированныхъ дѣяніяхъ, министръ юстиціи въ циркулярѣ отъ 26 іюля 1906 г. предлагаетъ принять рядъ практическихъ мѣръ для лучшаго обезпеченія такого изъятія.

[2]) Сомнѣнія на счетъ послѣдней мѣры возникали отчасти вслѣдствіе признанія ея скорѣе мѣрой предупредительной, нежели репрессивной, отчасти вслѣдствіе оговорки въ законѣ 23 января 1874 г., не допускавшей снятія полицейскаго надзора при помилованіи и давности. Литература единогласно считаетъ продолженіе полицейскаго надзора недопустимымъ, если на этотъ счетъ не имѣется оговорки въ актѣ объ амнистіи (такія оговорки содержались въ ордонансахъ объ амнистіи 1817, 1825, 1837 г.г.).

[3]) Если приговоръ о взысканіи денежныхъ пеней еще не приведенъ въ исполненіе, то пени не могутъ быть взыскиваемы; если же пени уже уплачены, то онѣ должны быть возстановлены, такъ какъ отпало основаніе полученія ихъ. Однако практика по фискальнымъ правонарушеніямъ не толкуетъ такъ благопріятно дѣйствія амнистіи и не возвращаетъ штрафовъ, уже взысканныхъ. Нѣкоторое ограниченіе этой практики введено амнистіей 2 апрѣля 1878 г., по которой пени, взысканныя въ теченіе 1877 г., должны быть возстановлены, если о томъ будетъ заявлено требованіе въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Послѣдующія амнистіи возвращаются къ старымъ началамъ невозвращенія уплаченныхъ денежныхъ пеней, кромѣ амнистіи 1881 г., постановляющей о возстановленіи пеней, уплаченныхъ съ 16 февраля 1881 г., (момента, когда началось обсужденіе вопроса отъ амнистіи, на томъ основаніи, чтобы не создать привилегіи для лицъ, замедлившихъ уплату въ надеждѣ на амнистію).

[4]) Практика по этому вопросу колебалась. Постановленіе министра финансовъ 16 августа 1859 г., несмотря на молчаніе закона объ амнистіи, предписывало возвращать судебныя издержки. Но послѣ этого амнистіи начинаютъ истолковываться въ пользу казны, уподобляемой въ данномъ случаѣ третьему лицу, интересы котораго должны быть затронуты возможно менѣе. Такое толкованіе примѣнялось къ амнистіямъ 1878, 1879, 1881 г. Амнистія 1889 г. ясно постановляла, что судебныя издержки не возстановляются ею. Иногда даже примѣ-

должны быть немедленно возстановлены (послѣднія правила являются, впрочемъ, спорными). Что касается конфискацій, то дѣйствіе амнистіи зависитъ отъ характера ихъ: если конфискованный по приговору суда предметъ представлялъ опасность для общежитія, то конфискація является какъ бы полицейской мѣрой, и конфискованный предметъ, если на этотъ счетъ нѣтъ спеціальной оговорки въ актѣ объ амнистіи, не возвращается; если же конфискація носила характеръ наказанія, и конфискованные предметы не представляли сами по себѣ опасности, то актомъ амнистіи государство теряетъ право требовать выдачи ихъ, если они еще не выданы; обязанность обратной выдачи ихъ въ случаѣ имѣвшей уже мѣсто конфискаціи спорна, вслѣдствіе невозможности порою возстановить ихъ по истеченіи значительнаго срока [1]).

Праволишенія и ограниченія, соединенныя по закону съ нѣкоторыми наказаніями или назначенныя судьями за извѣстныя преступленія, также уничтожаются амнистіей. Сюда относятся dégradation civique, interdiction légale, interdiction des certains droits, ограниченія, назначенныя на основаніи спеціальныхъ законовъ, какъ напр. исключеніе изъ военной службы, запрещеніе посѣщенія биржи, запрещеніе торговли извѣстными предметами, запрещеніе охоты и пр. и, наконецъ, особенно, ограниченія избирательнаго права. Основанія, по которымъ назначены были эти правоограниченія, не принимаются во вниманіе при амнистіи. Допускается здѣсь, однако, одно исключеніе, именно относительно ограниченія родительской власти, назначаемаго по закону 24 іюля 1889 г. въ качествѣ слѣдствія нѣкоторыхъ преступленій. По ст. 5 этого закона, родители, лишенные власти надъ дѣтьми, могутъ получить ее обратно только посредствомъ реституціи [2]).

неніе амнистіи ставилось въ зависимость отъ уплаты судебныхъ издержекъ (амн. 1900, 1904 г.). За возстановленіе судебныхъ издержекъ высказываются Garraud, p. 451, Chomette, 80. Contra Cabat, 87.

[1]) Cabat, p. 88, Chomette p. 81.

[2]) Garraud p. 451. Chomette p. 84. Contra Cabat p. 76, признающій въ данномъ случаѣ дѣйствіе амнистіи вполнѣ равносильнымъ дѣйствію реабилитаціи.

Амнистія возстанавливаетъ права съ момента опубликованія ея, но обратной силы не имѣетъ; поэтому, напр., завѣщаніе, написанное преступникомъ, лишеннымъ правъ, останется ничтожнымъ, хотя бы тотъ былъ впослѣдствіи амнистированъ [1]). Амнистія также безсильна возстановить тѣ правоограниченія, которыя проистекаютъ не отъ самого осужденія, а отъ выполненія послѣдняго [2]). Спорнымъ, наконецъ, является вопросъ, погашаетъ ли амнистія наказаніе, которое было назначено по совокупности за нѣсколько преступленій, изъ которыхъ только нѣкоторыя погашаются амнистіей [3]).

Дѣйствіе амнистіи распространяется, какъ на главныхъ виновниковъ, такъ и на соучастниковъ [4]). Слѣдуетъ также

---

[1]) Quod ab initio vitiosum est non potest tractatu temporis convalescere. Contra Cabat p. 144 безъ солидныхъ юридическихъ основаній.

[2]) Сюда, напр., можно отнести слѣдующіе случаи: если амнистированный уже перешелъ возрастъ, позволяющій ему принимать участіе въ государственныхъ экзаменахъ или конкурсахъ, то онъ не можетъ притязать благодаря амнистіи на допустимость къ нимъ; если законъ о городскихъ избирателяхъ связываетъ право выбора съ осѣдлостью въ данномъ городѣ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, то амнистированный, покинувшій это мѣсто при заключеніи подъ стражу поневолѣ, не можетъ притязать на подобнаго рода цензъ; точно также офицеръ, потерявшій свой чинъ и достояніе вслѣдствіе осужденія, не можетъ притязать въ случаѣ амнистіи на жалованіе за время заключенія. Впрочемъ, Государственный Совѣтъ въ началѣ придерживался практики, по которой такимъ лицамъ могло быть выдано жалованіе въ размѣрѣ содержанія во время отпуска. См. Cabat p. 76—80.

[3]) По ст. 365 у. у. с. въ случаѣ нѣсколькихъ преступленій назначается лишь наказаніе, слѣдуемое за наиболѣе тяжкое изъ нихъ. Если наиболѣе тяжкимъ является амнистируемое дѣяніе, то, по рѣшенію Парижской Судебной Палаты, оно погашается. Это рѣшеніе вызвало рядъ замѣчаній, отмѣчавшихъ несправедливость по отношенію къ другимъ осужденнымъ за общія преступленія, на возможность безнаказанности учиненія общихъ преступленій и пр., но за собою оно имѣетъ соображеніе необходимости: почти невозможно опредѣлить, какое болѣе слабое наказаніе слѣдуетъ примѣнить къ амнистируемому за погашеніемъ главнѣйшаго. Мин. юст. Дюфоръ въ циркулярѣ по поводу амнистіи 1878 г. проводилъ то мнѣніе, что въ данномъ случаѣ амнистія не должна оказывать никакого вліянія, мнѣніе едва ли имѣющее юридическія основанія. Если же, наоборотъ, амнистіей погашается менѣе тяжкое дѣяніе изъ совокупности тѣхъ, за которыя было назначено наказаніе, то амнистія не оказываетъ никакого дѣйствія. Болѣе сложныя контроверзы см. Cabat p. 94—96. Chomette p. 87—90.

[4]) Оговорка въ пользу распространенія амнистіи на всѣхъ соучастниковъ рано была признана кассаціонной практикой (см. Hélie p. 721). Труднѣе всего

отмѣтить, что амнистія оказываетъ дѣйствіе и на справки о судимости (casier judiciaire), изъ которыхъ должны быть изъяты бюллетени, касающіеся амнистируемыхъ дѣяній (ст. 2 закона 1899 г.).

Амнистія, предоставленная въ публичныхъ интересахъ, должна возможно менѣе затрагивать *частные интересы* отдѣльныхъ лицъ. Эти послѣдніе могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ: 1) къ правамъ по отысканію убытковъ, причиненныхъ дѣяніями лицъ, подлежащихъ амнистіи, и 2) къ правамъ, проистекающимъ изъ различныхъ правовыхъ ограниченій, наложенныхъ на осужденнаго; эти послѣднія права могутъ не имѣть имущественнаго характера.

По отношенію къ первой категоріи правъ, всѣ амнистіи, кромѣ общей амнистіи 22 августа 1793 г., содержали въ себѣ оговорку, сохраняющую за потерпѣвшими право отысканія убытковъ въ гражданскомъ порядкѣ. Но попытки доказать недопустимость даже для законодательной власти погашенія этихъ гражданскихъ исковъ оказались безуспѣшными [2]). Спорнымъ является только вопросъ о томъ, въ какой судъ долженъ быть заявленъ искъ объ убыткахъ. Здѣсь различаютъ

здѣсь установить границы соучастія и самостоятельныхъ вспомогательныхъ преступленій (délits accessoires). Подробную практику въ примѣненіи къ отдѣльнымъ преступленіямъ см. Chomette p. 95—98. Cabat p. 97—102.

[1]) Изъ отдѣльныхъ авторовъ Le Graverend (II p. 765) безусловно высказывается за неограниченное право публичной власти погашать гражданскія притязанія, интересъ общій здѣсь долженъ быть поставленъ выше частнаго. Къ нему примыкаютъ Le Sellyer (III p. 561) и Trébutien (t. I, p. 336) которые считаютъ это прерогативой только законодательной власти. То же мнѣніе защищаютъ Dalloz (№ 140), Mangin (№ 446), Bertauld (p. 540). Противоположнаго мнѣнія придерживаются Rauter и Hélie (p. 732). „Въ правительствахъ не сосредоточена безусловная власть; разумъ и справедливость ставятъ границу для всякой власти, сколь бы могущественна она ни была. Гражданскій искъ есть такая же частная собственность, какъ и всякая иная, почему законъ имѣетъ право располагать ею? Мы не колеблемся признать, что такое распоряженіе нарушало бы принципъ, стоящій выше закона, составляло бы превышеніе власти“ (Hélie). Средняго мнѣнія придерживаются Haus (№ 752) и Garraud (Traité p. 455), допускающіе погашеніе частныхъ исковъ, но требующіе, чтобы государство въ этомъ случаѣ само вознаградило потерпѣвшихъ. Garraud признаетъ даже въ данномъ случаѣ видъ экспропріаціи въ публичныхъ интересахъ.

два случая: 1) когда сторона въ моментъ провозглашенія амнистіи еще не обратилась къ уголовному суду—въ этомъ случаѣ она можетъ обратиться только въ гражданскій судъ; и 2) когда амнистія провозглашается послѣ того, какъ сторона обратилась въ уголовный судъ—здѣсь вопросъ споренъ, большинство склоняется къ мнѣнію о необходимости исключительно гражданской юрисдикціи въ случаѣ, если приговоръ по существу еще не постановленъ, и допускаетъ уголовную юрисдикцію, въ обратномъ случаѣ [1]). Иногда этотъ вопросъ рѣшается въ самомъ законѣ объ амнистіи; такъ законъ 1900 г., дарующій амнистію дѣяній, связанныхъ съ дѣломъ Дрейфуса, постановляетъ, что компетентными для рѣшенія вопроса о убыткахъ во всѣхъ случаяхъ будутъ гражданскіе суды; законъ 12 іюля 1906 г. рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ, что „иски о вознагражденіи предъявляются въ гражданскій судъ, если они вытекаютъ изъ дѣяній, подсудныхъ суду присяжныхъ или если они еще не были внесены на разсмотрѣніе уголовнаго суда“.

Другимъ спорнымъ пунктомъ въ этой области является вопросъ о допустимости contrainte par corps для взысканія денежнаго вознагражденія. Законъ 22 іюля 1867 г. допускаетъ примѣненіе этой мѣры только въ уголовныхъ судахъ, и потому слѣдуетъ признать, что она не можетъ быть допущена въ тѣхъ случаяхъ, если амнистія погашаетъ дѣянія еще до постановленія приговора по существу; но если рѣшеніе о взысканіи убытковъ успѣло быть постановленнымъ уголов-

---

[1]) Впрочемъ, вопросъ споренъ въ послѣднемъ случаѣ. Здѣсь имѣются 3 системы: согласно первой (Le Graverend, палаты Парижа и Руана) уголовная подсудность гражданскихъ исковъ всегда устраняется; по второй (касс. рѣш. 17 марта 1882 г.) уголовный судъ, наоборотъ, всегда долженъ постановить приговоръ, если потерпѣвшій обратится туда; наконецъ по 3-ей, смѣшанной системѣ, изложенной у насъ, проводится различіе въ зависимости отъ того, постановленъ ли пригоzоръ по существу, или нѣтъ (Mangin, Le Sellyer, Trébutien, Garraud, Cabat, Chomette). Въ 1900 г. законодатель, исключая общимъ образомъ компетенцію уголовныхъ судовъ, считалъ, что производство уголовное, окруженное большей публичностью, большимъ числомъ свидѣтелей, гораздо легче можетъ стать средствомъ возбужденія страны въ рукахъ лицъ, не желающихъ забвенія. Cabat p. 126.

нымъ судомъ, то слѣдуетъ признать за истцомъ право на примѣненіе этой мѣры [1]). Впрочемъ, практика послѣдняго времени распространяетъ примѣненіе этой мѣры и за указанные предѣлы [2]). Послѣднія амнистіи 1889, 1900, 1904 г.г. постановляютъ, что contrainte par corps не примѣняется по отношенію къ амнистированнымъ преступникамъ, виновнымъ въ нарушеніи законовъ объ охотѣ, рыбной ловлѣ, о косвенныхъ налогахъ, уставовъ таможенныхъ, желѣзнодорожныхъ, полицейскихъ и пр., если они докажутъ свою крайнюю нужду.

Любопытно также отмѣтить, что погашеніе уголовнаго преслѣдованія амнистіей въ нѣкоторомъ отношеніи даже улучшаетъ положеніе гражданскаго истца; именно, гражданскій искъ, бывшій раньше соединеннымъ съ искомъ публичнымъ, послѣ амнистіи становится независимымъ, и потому можетъ быть осуществляемъ въ теченіе болѣе продолжительныхъ давностныхъ сроковъ, чѣмъ прежде, когда онъ былъ подчиненъ весьма краткимъ срокамъ уголовнаго преслѣдованія (вмѣсто 1, 3 и 10 лѣтъ онъ имѣетъ силу въ теченіе 30 лѣтъ [3]).

Амнистія не должна причинять ущерба и такимъ правамъ третьихъ лицъ, которыя проистекаютъ изъ наложенныхъ на осужденныхъ ограниченій. Сюда относятся: 1) переходъ имущества осужденнаго къ его наслѣдникамъ, допускавшійся раньше при присужденіи къ гражданской смерти. Рѣшеніе кассаціоннаго суда отъ 1 февраля 1842 г. не допускало возстановленія перешедшаго наслѣдникамъ имущества [4]); брачныя же узы, если за это время не было заключено но-

---

[1]) Рѣшеніе Парижской палаты отъ 30 мая 1882 г. признало возможность примѣненія contrainte, если потерпѣвшій обратился до амнистіи въ уголовный судъ. Противъ этого Chomette p. 111.

[2]) Такъ слѣдуетъ отмѣтить рѣшеніе той же Парижской палаты отъ 16 января 1902 г.: „Contrainte par corps является не наказаніемъ, а принудительной мѣрой, имѣющей цѣлью обезпечить взысканіе присужденнаго вознагражденія; отсюда слѣдуетъ, что въ предоставленіи ея нельзя отказывать тому, кто имѣлъ право на нее въ моментъ обращенія въ уголовный судъ. Такъ какъ амнистія 27 декабря 1900 г. формально оговорила неприкосновенность правъ третьихъ лицъ, то эти права должны сохранить ту санкцію, которая имъ была присуща до амнистіи".

[3]) Cabat p. 136.

[4]) Подробное разсмотрѣніе его см. Cabat p. 140—143.

ваго брака, возстановлялись (рѣш. 31 іюля 1850 г.) съ установленіемъ снова общности имущества супруговъ; 2) если благодаря осужденію одинъ изъ супруговъ получилъ разводъ или séparation de corps, то амнистія дѣянія, повлекшаго разводъ, все же не возстановляетъ брака [1]); 3) наконецъ, возможенъ и такой случай, когда наслѣдникъ получаетъ амнистію за покушеніе на жизнь умершаго завѣщателя; имѣетъ ли онъ тогда право участвовать въ наслѣдствѣ съ другими наслѣдниками, несмотря на запрещеніе ст. 727 гражд. ул., лишающее его этого права, какъ недостойнаго? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно, такъ какъ запрещеніе ст. 727 основано не на соображеніи нарушенія такимъ наслѣдникомъ закона, а на презумпціи нравственныхъ узъ при наслѣдованіи.

Наконецъ, слѣдуетъ разсмотрѣть послѣдствія амнистіи съ точки зрѣнія *дисциплинарныхъ* послѣдствій, которыя повлекло за собою осужденіе. Законъ предоставляетъ иногда право различнымъ корпораціямъ, какъ публичнымъ, такъ и частнымъ, осуществлять дисциплинарную власть въ интересахъ поддержанія нравственнаго авторитета и должнаго уваженія къ опредѣленнымъ правиламъ общежитія [2]). Благодаря учиненію кѣмъ либо изъ членовъ корпораціи преступнаго дѣянія, возникаетъ поводъ къ проявленію этой власти, въ частности, въ видѣ высшей мѣры—исключенія изъ общества и лишенія соотвѣтственныхъ правъ виновнаго. При дарованіи амнистіи приходится рѣшать, могутъ ли быть возстановлены эти права, имѣющія порою весьма существенное значеніе. Для правильнаго рѣшенія приходится провести нѣкоторое различіе: имен-

---

[1]) Касс. рѣш. 31 іюля 1850 г.

[2]) Такъ дисциплинарной власти подчинены адвокаты, судьи, общественные служащіе, лица административнаго вѣдомства, чины арміи, учащіеся, члены различныхъ обществъ и т. д. Иногда принадлежность къ извѣстному обществу, какъ напр. ордену почетнаго легіона во Франціи, сопряжена съ особыми привилегіями см. Garraud. Traité II n°. 557. Esmein. Pandectes francaises n°. 149. Fuzier-Hermann. n°. 268. Но отъ дисциплинарной власти такого рода нужно отличать административныя взысканія, налагаемыя министрами. Gand. L'amnistie et les peines disciplinaires. Rev. penit. 1905. p. 1026.

но, необходимо установить, была ли дисциплинарная мѣра послѣдствіемъ самаго факта осужденія, наступившимъ ipso jure послѣ учиненія дѣянія, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ наложеніе дисциплинарной мѣры, соединенное съ осужденіемъ, имѣетъ характеръ репрессивный, и потому должно отпасть вмѣстѣ съ изданіемъ амнистіи. Но если дисциплинарная мѣра была постановлена *рѣшеніемъ* корпораціи, обсуждавшей самый вопросъ о ея наложеніи, то рѣшеніе контроверзы должно основываться на мотивахъ, послужившихъ къ наложенію этой мѣры. Если мотивомъ, напр. для исключенія изъ числа членовъ ордена Почетнаго Легіона, послужилъ только самый фактъ осужденія, то амнистированному предоставляется войти съ ходатайствомъ о своемъ возстановленіи [1]), если же мотивъ состоялъ въ признаніи позорящимъ самого дѣянія, независимо отъ уголовной его оцѣнки, то амнистія не оказываетъ никакого вліянія на отмѣну дисциплинарной мѣры. Здѣсь уголовное и дисциплинарное производства происходятъ обособленно, и погашеніе одного не затрагиваетъ основаній другого. Государство не можетъ навязывать своей точки зрѣнія корпораціи, руководящейся принципами скорѣе моральнаго характера [2]).

---

[1]) Любопытно, что приговоренные къ тяжкому уголовному наказанію (peine criminelle) находятся въ болѣе благопріятномъ отношеніи къ возстановленію по амнистіи, нежели приговоренные къ наказанію исправительному. Въ первомъ случаѣ на основаніи ст. 1 устава Ордена они подлежатъ исключенію посредствомъ простого занесенія приговора о нихъ въ журналъ, такъ что исключеніе всегда имѣетъ репрессивный характеръ, устраняемый амнистіей. Во второмъ случаѣ исключеніе зависитъ „отъ природы преступленія и тяжести назначеннаго наказанія", оцѣнка которыхъ, согласно ст. 46 устава, поручается президенту и совѣту Ордена, и потому возстановленіе происходитъ не ipso jure, а послѣ новаго разсмотрѣнія основаній. Chomette p. 125—129. Тамъ же разсмотрѣніе практики Conseil d'Ordre.

[2]) Этотъ вопросъ подробно обсуждался по поводу амнистіи 1900 г. относительно дѣяній, касающихся дѣла Дрейфуса. Представлялось спорнымъ, погашаетъ ли амнистія дисциплинарное производство, могущее быть возбужденнымъ противъ нѣкоторыхъ офицеровъ по этому дѣлу. Изъ подготовительныхъ работъ парламента можно было заключить, что погашеніе этихъ производствъ имѣлось въ виду. Въ смыслѣ погашенія ихъ высказывается Cabat p. 113. Ст. 2 закона 1905 г. объ амнистіи пытается рѣшить этотъ вопросъ внесеніемъ въ самый законъ указанія на то, что погашенію подлежатъ и всѣ дисциплинарныя взыска-

Послѣдняя часть ученія объ амнистіи заключаетъ въ себѣ начала примѣненія амнистіи. Безспорнымъ является то положеніе, что исполненіе амнистіи принадлежитъ различнымъ органамъ административной власти, примѣняющимъ ее какъ бы механически, толкованіе же амнистіи предоставлено власти судебной [1]). По отношенію къ лицамъ, уже осужденнымъ и отбывающимъ наказаніе, министры должны предписать своимъ подчиненнымъ о немедленномъ освобожденіи ихъ; если же кто либо считаетъ себя неправильно исключаемымъ изъ дѣйствія амнистіи, то компетентнымъ для рѣшенія вопроса явится судъ, постановившій приговоръ; онъ опредѣляетъ характеръ дѣянія, за которое извѣстное лицо было осуждено. По отношенію же къ обвиняемымъ или подсудимымъ компетентнымъ является только судъ, который и постановляетъ рѣшеніе о прекращеніи дѣла, по предложенію прокуратуры. Право прекращенія дѣла принадлежитъ коронному суду, даже если дѣло рѣшается съ участіемъ присяжныхъ. Наконецъ, по отношенію къ обвиняемымъ, противъ которыхъ въ моментъ провозглашенія амнистіи еще не было возбуждено преслѣдованіе, право примѣненія находится въ рукахъ прокуратуры, если же прокуратура, несмотря на амнистію, вноситъ требованіе о производствѣ слѣдственныхъ дѣйствій, то прекращеніе ихъ зависитъ уже отъ суда [2]). Въ своей дѣятельности прокуроры руководятся непосредственными указаніями министра юстиціи.

нія. Противъ такого вторженія государства возстаетъ Gand (Amnistie et peines disciplinaires. Rev. Pen. 1905. p. 1027), указывая, что дисциплинарныя взысканія отличны отъ уголовныхъ и по своей природѣ и по санкціямъ, на которыхъ они покоятся. Дисциплинарныя требованія выше уголовныхъ. Законъ объ амнистіи 12 іюля 1906 г. уже значительно сужаетъ возстановленіе въ правахъ по отношенію къ коллегіямъ, пользующимся дисциплинарной властью. Такъ въ ст. 2 онъ постановляетъ лишь, что „амнистированныя дѣянія не могутъ служить основаніемъ для исключенія или отказа отъ принятія гражданина въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ (barreau), если онъ вообще удовлетворяетъ условіямъ пріема". (France Judiciaire. Septembre 1906. p. 332).

[1]) Впрочемъ, изъ этого правила имѣлось два исключенія: существуютъ мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 23 іюня 1810 г., дающее истолкованіе амнистіи отъ 25 марта того же года, и императорское постановленіе 10 января 1870 г., истолковывающее амнистію 14 августа 1869 г.

[2]) Если же прокуратура не возбуждаетъ преслѣдованія противъ какихъ-либо

Правила истолкованія амнистіи имѣютъ также свои особенности. Амнистія, по существу, есть законъ исключительный, и въ качествѣ такового должна была бы толковаться ограничительно. Но это мнѣніе, поддерживавшееся раньше старыми авторами [1]), вскорѣ было замѣнено обратнымъ, по которому амнистія, какъ актъ милости, подлежитъ возможно большему распространенію. Здѣсь именно имѣется favor ampliandi [2]). Однако практика признаетъ недопустимымъ распространеніе амнистіи по аналогіи на дѣянія, ясно не предусмотрѣнныя въ актѣ объ амнистіи [3]). Если текстъ закона неясенъ, суды должны руководиться мотивами, продиктовавшими законъ, и характерными свойствами самаго института амнистіи [4]). На практикѣ неоднократно возникали затрудненія въ толкованіи амнистій, выражающихъ обыкновенно въ слишкомъ общихъ терминахъ весьма сложныя дѣянія, и почти по вопросу объ установленіи каждой категоріи преступныхъ дѣяній существуетъ обильная кассаціонная практика [5]), въ особенности она велика по вопросу объ опре-

---

дѣяній, считая ихъ погашенными амнистіей, то фактически здѣсь она является истолковательницей закона, хотя по праву это право ей не принадлежитъ; въ такихъ случаяхъ частныя лица и слѣдственный судья по ст. 63 уст. угол. суд. могутъ возбуждать жалобы; подобное же право принадлежитъ по ст. 235 уст. угол. суд. и апелляціонному суду, который самъ можетъ предписать производство слѣдствія.

[1]) Berriat-Saint Prix. p. 347. Duverger. Manuel du juge d'instruction t. I n. 66. Кассаціонныя рѣшенія 31 марта 1832 г. и 11 іюля 1856 г.

[2]) Мнѣнія этого придерживаются Mangin, p. 316; Haus, p. 991; Morin, p. 54; Le Sellyer, p. 384; Labori, p. 25; Chomette, p. 138; Cabat, p. 157; Bonnefoy, p. 25.

[3]) „Exceptio non praesumitur“ — таковъ принципъ толкованія. Судебная практика, однако, признаетъ, что амнистія должна покрывать дѣянія, которыя формально приравниваются другими законами къ дѣяніямъ, упомянутымъ въ актѣ объ амнистіи.

[4]) Chomette, p. 142.

[5]) Беру изъ книги Cabat, p. 160—168 нѣсколько примѣровъ. Амнистія дѣяній, учиненныхъ на службѣ въ національной гвардіи, распространена и на службу въ алжирской милиціи (рѣш. 19 августа 1869 г.). Незаконное содержаніе аптеки не подходитъ подъ нарушенія правилъ санитарной полиціи и т. д. Понятіе „революціонныхъ преступленій“ амнистіи VI года кассаціонный судъ опредѣлилъ „какъ преступленій, вытекающихъ изъ антагонизма политическихъ убѣжденій, учинить которыя побудилъ французовъ революціонный пылъ“.

дѣленіи характера политическихъ преступленій [1]). Всякія условія, которыя ставятся при дарованіи амнистіи, и ограниченія ея подлежатъ стѣснительному толкованію, какъ отчасти подрывающія значеніе самого акта [2]).

Наконецъ, существеннымъ вопросомъ толкованія является установленіе даты амнистіи. Амнистія по своему характеру не можетъ распространяться на дѣянія будущія, иначе она покровительствовала бы преступленію. Но возникаетъ вопросъ, должна ли амнистія охватывать дѣянія, учиненныя въ промежутокъ времени между ея датой и ея опубликованіемъ, т. е. не является ли для нея, какъ и для другихъ законовъ, рѣшающимъ моментъ обнародованія? Кассаціонный судъ отвѣтилъ отрицательно на этотъ вопросъ, установивъ, что рѣшающимъ моментомъ для примѣненія амнистіи является ея

---

[1]) Циркуляръ 9 мая 1837 г. въ качествѣ критерія для отличенія политическихъ преступленій указываетъ характеръ нарушенныхъ дѣяніемъ интересовъ. Но съ такой точки зрѣнія къ области политическихъ преступленій не будутъ отнесены даже преступленія печати. Кассаціонный судъ рѣшеніемъ 6 августа призналъ, что нельзя придавать характера политическаго преступленія вооруженному сопротивленію 20 лицъ противъ національной гвардіи. Либеральнѣе рѣшеніе кассаціоннаго суда 14 августа 1869 г., допускающее, что и общія преступленія (въ данномъ случаѣ оскорбленія и насилія надъ должностными лицами при выборахъ) могутъ при извѣстныхъ условіяхъ становится политическими дѣяніями. Императорское постановленіе 1870 г. признавало политическими дѣянія, по которымъ наказаніемъ являлась депортація. Относительно преступленій печати дѣлались оговорки, исключавшія примѣненіе амнистіи въ случаѣ устнаго оскорбленія, дѣяній противъ нравственности, въ случаѣ обнародованія ложныхъ извѣстій, нанесенія оскорбленій посредствомъ открытыхъ писемъ и пр. Спорнымъ являлось также опредѣленіе часто встрѣчавшагося термина „faits connexes". По мнѣнію министра юстиціи, изложенному въ палатѣ депутатовъ (Discours, prononcée 2—3 Novembre 1905. p. 2963), „faits connexes включаютъ въ себя всѣ факты, проявившіеся по поводу стачки (въ данномъ случаѣ о смежностью съ ней шла рѣчь), какова бы ни была квалификація ихъ, если они имѣютъ тѣсное отношеніе къ стачкѣ и могутъ быть покрыты тѣмъ же извинительнымъ обстоятельствомъ увлеченія и страсти". Имъ противупоставляются „faits concomitants": „если въ моментъ стачки произойдетъ въ какомъ либо пунктѣ города преступленіе и если оно не имѣетъ никакого отношенія къ стачкѣ, то оно, какъ fait concomitant, не можетъ быть покрыто амнистіей (см. Rev. penit. 1905. p. 1368").

[2]) Правило это имѣетъ особенное значеніе въ случаѣ, если примѣненіе амнистіи поставлено въ зависимость отъ уплаты судебныхъ издержекъ, въ частности, если эти издержки, какъ то было въ амнистіи 1900 г., превышаютъ извѣстный размѣръ. Cabat. p. 174—192 и кассац. практика.

дата (рѣш. 17 іюля 1839 г.) [1]). Примѣненіе амнистіи по отношенію къ отдѣльнымъ формамъ преступнаго дѣйствія не представляетъ затрудненій. Преступленія продолжаемыя не считаются погашенными амнистіей, если они продолжаются и послѣ обнародованія ея; преступленія коллективныя или привычки какъ бы прерываются амнистіей, для оцѣнки привычки должны быть взяты только дѣянія, учиненныя послѣ амнистіи; преступленія, считающіяся учиненными лишь по протеченіи извѣстнаго срока, не покрываются амнистіей, если эти сроки еще не протекли ко времени даты амнистіи [2]).

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что представленіе проекта амнистіи не пріостанавливаетъ ни преслѣдованія, ни исполненія приговоровъ, хотя на практикѣ бывали отступленія отъ этого правила [3]).

Французская доктрина, такимъ образомъ, проводитъ рѣзкую разницу между амнистіей и помилованіемъ съ точки зрѣнія основныхъ свойствъ. Амнистія, въ противоположность помилованію, исключительна, неотмѣнима, обща, реальна и предоставляется посредствомъ закона. Право же помилованія составляетъ прерогативу президента республики, осуществляемую имъ безпрерывно. При Министерствѣ Юстиціи существуетъ section des affaires criminelles, которая разслѣдуетъ просьбы о помилованіи и докладываетъ ихъ еженедѣльно президенту [4]).

---

[1]) Въ литературѣ мы наблюдаемъ разногласіе. Dupin считаетъ обязательнымъ срокъ обнародованія, громадное большинство—время даты. Cabat p. 194 высказываетъ среднее мнѣніе: по отношенію къ представителямъ общества, судьямъ и чиновникамъ, обязаннымъ исполнять уголовные законы, амнистія имѣетъ силу со времени обнародованія, офиціально удостовѣрившаго ея существованіе; по отношенію же къ лицамъ амнистируемымъ дѣйствіе ея не распространяется дальше ея даты.

[2]) Напр. рѣшеніе кассаціоннаго суда 1901 г. относительно отказывавшихся отъ военной службы, которымъ оставался еще мѣсяцъ до истеченія окончательнаго срока явки.

[3]) Напр. въ виду внесеннаго въ палату проекта амнистіи, министръ юстиціи 16 мая 1877 г. издалъ циркуляръ, по которому прокурорамъ предписывалось „пріостановить всякое исполненіе приговоровъ и всякое преслѣдованіе спеціальныхъ преступленій печати въ виду представленнаго проекта амнистіи“.

[4]) По любезно сообщенному намъ начальникомъ этого отдѣленія Henri Locard въ письмѣ свѣдѣнію, число лицъ, обращающихся за помилованіемъ,

Глава IV.

Постановка конструкціи амнистіи въ формѣ закона въ другихъ государствахъ.

Выработанная французской Великой Революціей система амнистіи, какъ законодательнаго акта, постепенно находитъ себѣ признаніе и въ другихъ странахъ, въ которыхъ, однако, отчасти благодаря различіямъ въ построеніи законодательнаго аппарата, отчасти благодаря сознательно введеннымъ измѣненіямъ, чистая система, господствующая во Франціи, подвергается нѣкоторымъ модификаціямъ, на которыхъ не лишне будетъ остановиться.

Полнѣе всего французскую систему заимствовала *Бельгія* [1]). Главное различіе, конечно, заключается въ томъ, что амнистія, выработанная парламентомъ, подлежитъ въ Бельгіи утвержденію короля. Конституція Бельгіи отъ 7 февраля 1831 г., слѣдуя примѣру французскаго законодательства 1791 г., въ ст. 73 сохранила за королемъ право помилованія, уничтоживъ совершенно право аболиціи. Для амнистіи же практика установила законодательный порядокъ [2]), хотя въ конституціи по этому вопросу имѣется пробѣлъ. Haus основываетъ свое мнѣніе о необходимости признанія законодательнаго порядка въ данномъ случаѣ на мнѣніяхъ составителей конституціи, которые имѣли въ виду установить этотъ порядокъ, и на существѣ этой мѣры (§ 991). Въ виду отсутствія законодательныхъ постановленій объ амнистіи практика руководится лишь общими теоретическими положеніями французской доктрины. Такъ признается, что толкованіе амнистіи принадлежитъ исключительно суду; толкованіе это должно быть по возможности расширительнымъ. Амнистія не должна

достигаетъ ежегодно 11—12.000. Пользуемся случаемъ, чтобы принести здѣсь искреннюю благодарность Henri Locard и за нѣкоторыя указанія его относительно французской конструкціи амнистіи.

[1]) Prins, Science pénale et droit positive 1899; Haus, Principes généraux du droit pénale belge. 1885. III.

[2]) Такъ бывшія въ Бельгіи амнистіи 27 іюня 1840 г., 31 мая 1866 г. и 2 сентября 1870 г. были изданы въ законодательномъ порядкѣ.

распространяться на дѣянія, учиненныя по мотивамъ корысти или мести, не должна погашать гражданскихъ послѣдствій преступленія. Почти всѣ бельгійскія амнистіи имѣли политическій характеръ. Оригинальныхъ взглядовъ какъ видно изъ указаннаго, бельгійская конструкція амнистіи содержитъ мало; бельгійская же литература по разработкѣ амнистіи почти сливается съ литературой французской.

Тотъ же порядокъ принятъ и въ *Нидерландахъ*. Ст. 68 нидерландской конституціи 1887 г. гласитъ: „Король имѣетъ право освобождать отъ наказаній наложенныхъ судами. Онъ осуществляетъ это право по выслушаніи мнѣнія суда, указаннаго для этой цѣли общими распоряженіями. *Амнистія* или *общее освобожденіе отъ наказаній* не могутъ быть дарованы иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ“. Въ Голландіи такимъ образомъ, въ отличіе отъ французской системы, коллективное помилованіе отнято отъ исполнительной власти и передано власти законодательной; индивидуальное же помилованіе осуществляется не иначе, какъ по заключенію суда. Къ сожалѣнію, за недоступностью литературы, мы не имѣли возможности подробнѣе обрисовать эту систему.

Далѣе, къ числу государствъ, принявшихъ французскую конструкцію амнистіи, относится *Болгарія* Ст. 15 болгарской конституціи 1879 г. постановляетъ, что „право амнистіи принадлежитъ князю совмѣстно съ народнымъ собраніемъ“. Отличительной чертой болгарскаго законодательства служитъ лишь то, что, благодаря существованію въ Болгаріи одной законодательной палаты, предоставленіе амнистіи для правительства, располагающаго здѣсь большинствомъ, гораздо легче, нежели при системѣ двухъ палатъ, гдѣ проекты правительства встрѣчаютъ нѣкоторый тормазъ [1]).

---

[1]) Благодаря любезности декана юридическаго факультета въ Софіи, профессора уголовнаго права, Вл. Моллова, доставившаго намъ переводъ всѣхъ болгарскихъ законовъ объ амнистіи и сообщившаго въ весьма обстоятельномъ письмѣ о подробностяхъ ихъ изданія и примѣненія, авторъ имѣетъ возможность представить положеніе дѣла довольно подробно. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь проф. Моллову искреннюю признательность за его содѣйствіе.

Общее представленіе объ амнистіи, какъ о мѣрѣ, имѣющей своею цѣлью забвеніе событій прошлаго, послѣ крупныхъ безпорядковъ и партійныхъ усобицъ, вполнѣ признается въ Болгаріи. Предъявляемыя къ амнистіи требованія реальности, общности, невозвратимости теоретически признаны и въ Болгаріи.

Дѣйствіе амнистіи относится къ самому факту преступнаго дѣянія; оно совершенно уничтожаетъ всѣ судебныя дѣйствія по поводу этого факта и погашаетъ назначенное наказаніе. Сохраняется лишь самый фактъ дѣянія, какъ основаніе гражданскаго иска. Вознагражденіе за вредъ и убытки можетъ быть отыскиваемо въ общемъ порядкѣ и послѣ амнистіи (ст. 17 и 18 у. у. с.). Однако не всегда эти общія правовыя требованія понимались одинаково и не всегда практика придерживалась ихъ. Допускались иногда, подъ вліяніемъ партійныхъ стремленій, и такія отступленія, которыя отрицали, такъ сказать, самое понятіе амнистіи.

Первая амнистія, обнародованная въ Болгаріи, была амнистіей международнаго характера, изданной послѣ войны 1878 года [1]). Она была издана безъ участія народнаго

---

[1]) Амнистія эта основывалась на IX статьѣ заключеннаго между Россіей и Портой трактата 27-го января (8 февр.) 1879 года. Приводимъ ее цѣликомъ, какъ образецъ амнистіи подобнаго рода.

„Между Русскимъ Императорскимъ Коммиссаромъ въ Болгаріи и Императорскимъ Россійскимъ Посломъ въ Константинополѣ было выяснено, что амнистіи подлежатъ:

1. Турецкіе подданные, совершившіе убійства, грабежи и другія тяжкія уголовныя преступленія до занятія страны Русскими войсками, и по дѣламъ которыхъ по Рѣшенію Кассаціоннаго присутствія при Главнокомандующемъ 2 сентября 1878 была признана неподсудность военнымъ судамъ.

2. Турецкіе подданные, совершившіе такія преступленія послѣ занятія страны русскими войсками до заключенія Санъ-Стефанскаго договора 19 февраля 1878 года, дѣла которыхъ были подсудны военнымъ судамъ и окончательно разрѣшены или еще находятся на разсмотрѣніи общихъ судовъ, къ которымъ они перешли послѣ упраздненія военныхъ судовъ.

Къ освобожденнымъ по этому основанію турецкимъ подданнымъ можно для обезпеченія общественнаго порядка и избѣжанія мщенія со стороны жителей, примѣнять принудительную высылку изъ страны или поступать съ ними другимъ соотвѣтствующимъ способомъ“.

(Окружное письмо № 1181 5-го іюня 1880 г., Министерство Правосудія).

представительства и имѣетъ чрезвычайно широкій характеръ.

Амнистіи парламентарныя начинаются съ 1881 г. Въ началѣ самое понятіе амнистіи не было установлено вполнѣ точно. Амнистіи, дарованныя во время такъ называемыхъ „полномочій“, т. е. во время суспенсаціи конституціи (съ 27 апрѣля 1881 г. по 7 сентября 1883), носятъ названіе „*постановленій*“ [1]). Затѣмъ послѣ прекращенія „полномочій“ понятіе амнистіи начинаетъ выясняться. Однако Народное Собраніе даетъ амнистію не посредствомъ „*закона*“, а посредствомъ „*рѣшенія*, утвержденнаго Высочайшимъ Указомъ“ [2]). Только послѣ паденія Стамбулова вопросъ объ амнистіи получаетъ окончательное разрѣшеніе. Общественное значеніе амнистіи усиливается, и Народное Собраніе признаетъ, что амнистія можетъ быть дарована только въ формѣ закона [3]).

Окружнымъ письмомъ № 1267 11-го іюня 1880 г. М—ство Правосудія разъяснило, что амнистированныя на указанномъ выше основаніи лица не освобождаются отъ гражданской отвѣтственности за вредъ и убытки, причиненные ихъ преступленіями, и гражданскій искъ можетъ быть вчиненъ противъ нихъ.

[1]) Напр. „Постановленіе, утвержденное Высочайшимъ Указомъ отъ 30 августа 1881 г., которымъ дается полная амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ за дѣянія, совершенныя послѣ 27 апрѣля 1881 г. до 1 іюля того же года.

[2]) Рѣшеніе отъ 1 октября 1883 г., амнистировавшее всѣхъ лицъ, осужденныхъ или находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ за политическія преступленія, рѣшеніе отъ 24 декабря 1888 г. объ амнистіи всѣхъ политическихъ преступниковъ (кромѣ зачинщиковъ и главарей), участвовавшихъ въ „приключеніяхъ отъ 9 августа 1886 г.“, „рѣшеніе за амнистиране на бившия майоръ Поповъ“ отъ 24 декабря 1888. Впрочемъ, въ этотъ періодъ мы находимъ и названіе амнистіи „закономъ“: Законъ 24 декабря 1883 г.: „Дается амнистія всѣмъ ополченцамъ, которые отданы подъ судъ окружными воинскими начальниками по 52 ст. закона о народномъ ополченіи“. Наконецъ, встрѣчается и „предложеніе, утвержденное Высоч. Указомъ отъ 17 декабря 1889 г.“, по которому „дается амнистія за преступленія оскорбленія чести, побои и лишенія свободы, совершенныя чиновниками во время отъ 9 августа 1886 г. по 2 августа 1887“. Это послѣднее „предложеніе“ сильно напоминаетъ англійскій bill of indemnity послѣ пріостановки Habeas corpus act. См. ниже.

[3]) Амнистіи, относящіяся къ этому періоду, суть слѣдующія: амнистія 20 декабря 1894, погашавшая всѣ политическія преступленія, совершенныя отъ 24 декабря 1883 г. до 15 декабря 1894 г. (съ многими ограниченіями); амнистія 23 декабря 1896, даровавшая уже всеобщее прощеніе за всѣ учиненныя въ тотъ

Всѣ правила объ инцiативѣ, разсмотрѣнiи, принятiи и утвержденiи законовъ имѣютъ приложенie и къ амнистiи.

же перiодъ времени, какъ и предыдущая, политическiя преступленiя; амнистiя 7 февраля 1900 г., погашавшая преслѣдованiя и наказанiя за преступленiя, учиненныя отъ 18 мая 1894 г. до 31 марта 1899 г., политическаго характера, печати, по выборамъ и противъ органовъ самоуправленiя; амнистiя 20 апрѣля 1901 г. за цѣлый рядъ преступленiй по поводу изданiя и примѣненiя „закона о налогахъ на произведенiя земли—1900 и 1901 гг." а также за заочное оскорбленiе Величества; наконецъ, полная амнистiя отъ 4 января 1904 г., за всѣ политическiя преступленiя, учиненныя отъ 1897 г. до 15 декабря 1903 г. противъ правилъ о печати, по выборамъ и по поводу выборовъ и противъ органовъ самоуправленiя („по бламированiю, растурянiю, (раскассированiю) и взятiю кметствъ и общинныхъ совѣтовъ"). Особо стоятъ личныя амнистiи 31 декабря 1903 г. и 30 января 1904 г, предоставленныя осужденнымъ министрамъ и высшимъ полицейскимъ чиновникамъ. Приводимъ эти послѣднiя въ дословномъ переводѣ.

I. „Законъ за амнистiя на бившихъ министри, Тодоръ Иванчова, Димитъръ Тончевъ и д-ръ Василий Радославовъ. (Утв. Выс. Указ. 31, XII 1903 № 97, 3/04).

„Дается полная и совершенная амнистiя бывшимъ министрамъ, Тодору Иванчову, Дмитрiю Тончеву и д-ру Василiю Радославову за всѣ совершенныя ими, въ качествѣ министровъ, начиная отъ 20 января 1899 год. до 10 января 1901 года, дѣйствiя, предусмотрѣнныя въ ст. 155 конституцiи и ст. 21 закона о судимости министровъ.

Вслѣдствiе этой амнистiи нельзя начинать противъ упомянутыхъ министровъ никакого новаго уголовнаго и гражданскаго преслѣдованiя; уничтожается всякое начатое противъ нихъ преслѣдованiе и производство; уничтожается также и постановленный противъ нихъ приговоръ государственнаго суда.

Считается, что упомянутые бывшiе министры не были лишены своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ.

Настоящая амнистiя распространяется и на судебныя издержки, опредѣленныя приговоромъ государственнаго суда, которыя падаютъ на государственную казну".

О политическихъ условiяхъ этой амнистiи см. П. Н. Милюковъ. Болгарская конституцiя. Сборникъ Политич. Строй изд. П. Долгорукова 1905. стр. 644.

II. Законъ за амнистиране на бившия Софiйски градоначалникъ, Илия Лукановъ и бившимъ полицейски чиновници: Тодоръ Тотевъ, Радушъ Папалiостовъ, Христо Мариновъ и Никола Сойтаровъ. (Утв. съ Височ. Указъ отъ 30, I. 1904 подъ № 22).

„Членъ единственъ. Дается полная амнистiя бывшему Софiйскому градоначальнику, Ильѣ Луканову и бывшимъ полицейскимъ чиновникамъ: Тодору Тотеву, Радушу Папалiотову, Христо Маринову и Николѣ Сойтарову, за совершенныя ими преступныя дѣянiя въ качествѣ должностныхъ лицъ, во время отъ 9-го августа 1886 до 18 мая 1894 г. включительно.

Настоящая амнистiя распространяется и на судебныя издержки, присужденныя въ пользу государственной казны по уголовнымъ дѣламъ, къ которымъ она относится".

По своему содержанію амнистіи, дарованныя въ Болгаріи, довольно разнообразны. Почти всѣ относятся къ политическимъ преступленіямъ. Но самое понятіе политическаго преступленія устанавливается очень различно. Такъ, въ амнистіяхъ 30. VIII 1881 г., I. X. 1883, 24. XII 1883, 20. XII 1894 гг. и, до извѣстной степени, въ амнистіи 7. II 1900 г. устанавливается прямо, что амнистія не распространяется на тѣ политическія преступленія, которыя соединены съ нарушеніемъ правовыхъ благъ частныхъ лицъ, т. е. такъ наз. délits connexes не входятъ въ амнистію. Болѣе неопредѣленный характеръ имѣютъ амнистіи 17. XII 1889, 7. II. 1900, 20. IV. 1901 и 4. I 1904. Первая изъ нихъ относится къ преступленіямъ по службѣ, въ остальныхъ понятіе политическаго преступленія получаетъ совершенно расплывчатое значеніе. Къ политическимъ здѣсь относятся уже дѣянія сопредѣльныя и даже прямо указывается, что политическое преступленіе должно быть опредѣлено по мотиву, а не по объектамъ. По поводу амнистіи 20. XII 1894 г. принято то толкованіе, что политическими признаются преступленія противъ внутренней и внѣшней безопасности государства, преступленія противъ особы князя, преступленія печати и, наконецъ, преступленія по выборамъ. Изъ дѣйствія же этой амнистіи исключались преступленія, имѣющія общій характеръ, хотя и совершенныя по политическимъ побужденіямъ. Амнистія 7 II. 1900, включая дѣянія сопредѣльныя, устранила однако преступленія, соединенныя съ убійствомъ, и преступленія по службѣ. Амнистія 20 IV 1901 г. идетъ тѣмъ же путемъ, опредѣляя лишь болѣе точно сами дѣянія и исключая не только убійство, но и другія преступленія противъ личности или имущества. Наконецъ, амнистія 4 I 1904 г. обнимаетъ всѣ преступленія, какого бы рода, характера или вида они ни были, противъ какого бы объекта они ни были направлены, лишь бы они были учинены при выборахъ или по поводу выборовъ или относились къ разогнанію, бламированію и взятію кметствъ или общинныхъ совѣтовъ или управленій [1]).

[1]) Изъ рѣчи Министра Юстиціи. Отчетъ XIII о засѣданіяхъ Народнаго Собранія (I. Р. С. XXXIX, 3).

Что касается лицъ, на которыхъ распространяется амнистія, то въ Болгаріи мы находимъ частыя отступленія отъ общаго требованія реальнаго характера амнистіи. Иногда, какъ напримѣръ, въ амнистіи 24 XII 1883 г., дарованной „ополченцамъ“, указаніе опредѣленной категоріи лицъ не имѣетъ ограничительнаго характера, такъ какъ эти лица только и могутъ быть субъектами преступленія. Но въ большинствѣ случаевъ указаніе категорій лицъ, на которыхъ распространяется или не распространяется амнистія, обладаетъ характеромъ ограниченія, имѣющаго порою въ виду даже исключеніе отдѣльныхъ лицъ. Такъ амнистія 17 XII 1889 г. даруется исключительно „чиновникамъ“; амнистіи 1894 и 1900 гг. исключаютъ: первая—министровъ, вторая—чиновниковъ. Но если въ этихъ амнистіяхъ еще можно признать, что ограниченія относятся къ извѣстнымъ категоріямъ преступниковъ, то напр., амнистія 1888 г. 24 XII исключаетъ только извѣстныхъ индивидуальныхъ лицъ. Въ томъ же 1888 г. издана даже амнистія по отношенію къ одному лицу—бывшему майору Попову, что конечно, является отрицаніемъ самаго существа амнистіи. Къ числу подобныхъ амнистій относятся и приведенныя нами выше амнистіи 31. XII 1903 и 30. I 1904, дарованныя отдѣльнымъ министрамъ и полицейскимъ чиновникамъ [1]).

Весьма интересными являются мнѣнія отдѣльныхъ болгарскихъ политическихъ дѣятелей различныхъ партій объ амнистіи. Проф. Молловъ, обязательно взявшій на себя трудъ собранія ихъ, оговаривается однако, что въ виду узко-партій-

---

[1]) Статистическихъ данныхъ о числѣ лицъ, подведенныхъ подъ дѣйствіе амнистіи, въ Болгаріи, какъ и въ другихъ странахъ, нѣтъ. Однако по свѣдѣніямъ, собраннымъ проф. Молловымъ, можно съ приблизительною точностью указать нѣкоторыя цифры о числѣ амнистированныхъ. Изъ протоколовъ Народнаго Собранія видно, что амнистія 24 XII 1888 была дана по прошеніямъ 32 лицъ, осужденныхъ и эмигрантовъ; впрочемъ, благодаря сохраненію за правительствомъ права исключать главарей, они, вѣроятно, не всѣ получили амнистію. При обсужденіи амнистіи 1894 г. въ Н. Собраніи указывалось, что амнистіей воспользуются около 1000 человѣкъ. Болѣе точно указано число лицъ, которымъ даровалась амнистія 1901 г., такъ какъ министерство юстиціи предварительно вытребовало отъ прокуроровъ подробныя свѣдѣнія объ обвинительныхъ актахъ. Всего обвиняемыхъ и осужденныхъ оказалось 1724 лица. Свѣдѣній о другихъ амнистіяхъ не имѣется (кромѣ, конечно, „личныхъ“ амнистій 1903 и 1904 гг.).

наго характера публицистики и господства личныхъ стремленій въ общественной жизни, къ мнѣніямъ отдѣльныхъ лицъ слѣдуетъ относиться очень осторожно, даже если они произнесены съ парламентской кафедры. Въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, высказывавшихся депутатами и литераторами, особенно бросается въ глаза неустановленность самаго понятія амнистіи. Такъ въ аплодированной рѣчи Стамбулова, которая повела къ амнистіи бывшаго майора Попова, безнадежно спутаны амнистія, помилованіе и возстановленіе въ правахъ. Въ 1894 г., при обсужденіи амнистіи, видный болгарскій публицистъ и писатель Стоянъ Михайловскій опредѣлилъ амнистію такъ: „Амнистія есть прощеніе, которое дается осужденнымъ политическимъ преступникамъ, проявившимъ раскаяніе“. Тѣ же взгляды высказывались въ Народномъ Собраніи и при амнистіи министровъ и, позднѣе въ 1904 г., полицейскихъ чиновниковъ. Государственный судъ, придерживаясь правильной точки зрѣнія, представилъ Народному Собранію о помилованіи осужденныхъ министровъ, но вмѣсто помилованія была принята амнистія личнаго характера. Эта неустановленность понятія амнистіи находитъ себѣ объясненіе отчасти въ томъ, что многіе политическіе дѣятели не имѣютъ солиднаго образованія, отчасти въ политической или скорѣе партійной заинтересованности. Трудно предположить, чтобы входящіе въ составъ партій юристы не имѣли точныхъ знаній объ амнистіи, между тѣмъ какъ при обсужденіи послѣднихъ амнистій почти никакихъ преній въ Народномъ Собраніи не было. Политическій оппортунизмъ играетъ такимъ образомъ не малую роль въ искаженіи существа амнистіи.

Другой характеристической чертой высказывавшихся мнѣній является признаніе амнистіи политической и государственной необходимостью. Неизбѣжность амнистіи никѣмъ не отрицается, и ст. 15 конституціи никакой критикѣ въ этомъ отношеніи не подвергалась. Обычной мотивировкой амнистіи является указаніе на потребность въ умиротвореніи страны, въ забвеніи преступленій, совершенныхъ между одной и другой эпохой жизни государства. Какъ выразился депутатъ Такевъ при обсужденіи амнистіи 1894 г., амнистія дается

въ такое время, когда преслѣдованіе извѣстныхъ преступленій бываетъ болѣе опаснымъ, чѣмъ полное прощеніе.

Соображенія практической цѣлесообразности играли всегда большую роль при предоставленіи амнистіи въ Болгаріи. Основываясь на нихъ, вносили обыкновенно рядъ ограниченій въ амнистію. Этимъ объясняется исключеніе главарей и зачинщиковъ въ амнистіи 1888 г., внесенное по предложенію Стамбулова, желавшаго сохранить за правительствомъ свободу примѣненія амнистіи. Въ 1894 г., во время разгара преній объ отдѣльныхъ исключеніяхъ, лѣвыя партіи демократовъ и соціалистовъ именно и напирали на общій характеръ амнистіи, по существу недопускающій индивидуальныхъ исключеній.

Наконецъ, всѣ почти мнѣнія сходятся на признаніи власти Народнаго Собранія даровать амнистію властью формально и матеріально неограниченной, не считая, конечно, необходимости утвержденія закона объ амнистіи княземъ. Въ этомъ утвержденіи, однако, ни разу не было отказано.

При предоставленіи наиболѣе важныхъ амнистій (24 XII 1888, 20 XII 1894, 20 IV 1901 г.), Народное Собраніе слѣдовало указаніямъ политическаго опыта и давало амнистію болѣе осторожно, чѣмъ можно было ожидать, судя по общему настроенію народа. Самое отдаленное опасеніе возможности безпорядковъ влекло за собою внесеніе ограниченій въ амнистію. Такова амнистія 1888 г., когда страна еще не пришла въ нормальное состояніе. Вообще же, только необходимость успокоенія страны и увѣренность въ ненарушимости общественнаго порядка послѣ амнистіи руководила Народнымъ Собраніемъ. Лишь послѣ 1894 г. роль партій при дарованіи амнистіи увеличивается, и дѣло доходитъ даже до злоупотребленія амнистіей. Такъ, амнистія 23 XII 1896 г. скрываетъ за собою амнистію бывшихъ министровъ, о дѣйствіяхъ которыхъ было произведено разслѣдованіе избранной Народнымъ Собраніемъ анкетной коммисіей, послѣ того какъ коммисія эта установила массу злоупотребленій съ ихъ стороны. Для того, чтобы замять дѣло, министерство и провело всеобщую амнистію. Амнистіи 7 II 1900 г. и 4 I 1904 г. относятся главнымъ образомъ къ дѣйствіямъ приверженцевъ

партій, которыя получили большинство на выборахъ и своими, часто преступными, дѣйствіями укрѣпили положеніе составленнаго раньше министерства. Правда, эти амнистіи говорятъ вообще о преступленіяхъ извѣстныхъ категорій и не исключаютъ виновныхъ лицъ другихъ партій, но эти послѣднія не образуютъ обыкновенно главнаго контингента амнистируемыхъ преступниковъ. Наконецъ, амнистіи 31 XII 1903 г. и, особенно, 30 I 1904 г. можно объяснить не какими либо высшими интересами страны, а скорѣе эгоистическими соображеніями партій. Министерства, за немногими исключеніями, тѣсно связанныя съ извѣстной партіей, склонны къ неразборчивости средствъ и злоупотребленіямъ властью въ надеждѣ на амнистію Народнаго Собранія. Во время обсужденія самыхъ амнистій большой борьбы страстей не бывало, такъ какъ борьба эта обыкновенно ограничивается выборами, и министерство въ палатѣ имѣетъ подавляющее большинство. Такимъ образомъ можно утверждать, что господствующая партія въ согласіи съ министерствомъ, выходящимъ изъ ея же среды, предоставляетъ амнистію. Общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи играетъ очень небольшую роль. Амнистіи 1894 и 1901 гг., по заявленію отдѣльныхъ ораторовъ, требовались страной; другія амнистіи не волновали много общественнаго мнѣнія, и даже неправильныя амнистіи 1903 и 1904 гг. были осуждены лишь болѣе независимой печатью, но сильнаго общественнаго возбужденія не послѣдовало. Эта преобладающая роль партій при предоставленіи амнистіи, а также слабое обсужденіе ея въ народномъ собраніи создаютъ у многихъ убѣжденіе въ необходимости второй Палаты—Сената. Въ такомъ случаѣ амнистія въ значительной степени потеряла бы свое партійное значеніе, такъ какъ во второй палатѣ партіи оказываютъ всегда меньшее вліяніе и отдѣльные члены ея менѣе заинтересованы въ судьбахъ той или иной партіи. Во всякомъ случаѣ признается, что сдержка партійныхъ стремленій можетъ быть предоставлена только законодательному же органу.

Примѣненіе французской конструкціи амнистіи въ Болгаріи такимъ образомъ въ общемъ приноситъ благотворные

результаты; отдѣльныя же злоупотребленія объясняются дезорганизованностью общественнаго мнѣнія, не привыкшаго къ воздѣйствію на парламентарный механизмъ, и однопалатной системой при отсутствіи какихъ либо другихъ сдержекъ въ осуществленіи права амнистіи. Основанія амнистіи имѣютъ почти исключительно политическій, а не династическій характеръ, и потому болѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ гражданскаго строя. Противниковъ законодательной формы амнистіи въ Болгаріи не находится.

Конструкція амнистіи, принятая *въ Швейцаріи* [1]), во многомъ приближается къ французской, однако она не лишена и многихъ оригинальныхъ чертъ, главнѣйшей изъ которыхъ является широкая возможность для населенія непосредственно участвовать въ предоставленіи амнистіи. Своеобразно также отношеніе помилованія и амнистіи другъ къ другу. Съ другой стороны, при опредѣленіи юридическаго существа амнистіи, особенно въ кантональныхъ законодательствахъ, многое заимствовано изъ германской конструкціи, на которой мы остановимся ниже.

Постановка амнистіи въ Швейцаріи должна быть разсмотрѣна особо для союзнаго законодательства, и особо для законодательства отдѣльныхъ кантоновъ.

Попытка установить единое швейцарское уголовное право впервые была сдѣлана въ 1799 г. изданіемъ Гельветическаго кодекса, но этотъ кодексъ потерялъ силу съ распаденіемъ единой Гельветической республики. До 1848 г. уголовное право относилось къ компетенціи отдѣльныхъ кантоновъ, и только по ст. 104 и 106 союзной конституціи 1848 г. рядъ деликтовъ перешелъ въ компетенцію союзнаго законодательства, чтобы дать союзу возможность защитить свое существованіе уголовно-правовыми нормами [2]). Всеобщій референ-

---

[1]) Stoos. Die Grundzüge des schweizerischen Strafrechts. I. 1892. Conrad Stockar. Das schweizerische Begnadigungsrecht, hauptsächlich vom staats-und strafprozessrechtlichen Standpunkt aus dargestellt. Zurich. 1901.

[2]) Въ компетенцію союзной уголовной юстиціи входятъ приблизительно слѣдующія преступленія: верховная измѣна союзу, возстаніе, насиліе надъ долж-

думъ 13 ноября 1898 г. уполномочилъ измѣнить конституцію внесеніемъ ст. 64[2], по которой Союзу предоставляется право уголовнаго законодательства въ полной мѣрѣ. На основаніи этого новаго права нынѣ выработанъ общій проектъ, не прошедшій однако еще всѣхъ стадій законодательнаго обсужденія.

По дѣйствующему швейцарскому праву, Союзъ уполномоченъ къ помилованію во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ приговоръ постановленъ на основаніи союзныхъ законовъ (§ 125 п. 2 закона о Bundesrechtspflege). § 167 проекта уголовнаго уложенія выражается точнѣе: „Право помилованія принадлежитъ союзу во всѣхъ областяхъ уголовнаго права, подчиненныхъ его законодательной власти". Тѣми же границами опредѣляется и право союза на амнистію.

Къ предоставленію *какъ помилованія, такъ и амнистіи*, уполномоченъ лишь законодательный органъ—*Союзное Собраніе*. Ст. 87 п. 7 союзной конституціи 1872 г. постановляетъ, что „помилованіе и амнистія подлежатъ вѣдѣнію Союзнаго Собранія" (тоже было и въ конституціи 1848 г.). По словамъ Стокара, предоставленіе этихъ правъ законодательному учрежденію было рѣшено изъ опасенія предоставить исполнительному органу—Bundesrat слишкомъ обширную компетенцію, чтобы не дать ему средствъ дѣйствовать независимо отъ власти законодательной (впрочемъ, само Союзное Собраніе служитъ одновременно и высшимъ органомъ исполнительной власти). На такую конструкцію повліяли, несомнѣнно, и литературныя мнѣнія французскихъ юристовъ.

Право помилованія и амнистіи осуществляется союзнымъ собраніемъ отъ имени швейцарскаго народа (ст. 71 конст.). Мало того, акты помилованія или амнистіи могутъ быть подвергнуты референдуму всѣхъ швейцарскихъ гражданъ. Всѣ

ностными лицами союза, преступленія противъ международнаго права, политическія преступленія, явившіяся причиною или слѣдствіемъ безпорядковъ, вызвавшихъ вооруженное вмѣшательство союзныхъ кантоновъ, далѣе рядъ должностныхъ преступленій чиновниковъ союза, подлогъ въ актахъ союза, желѣзнодорожныя, почтовыя преступленія и т. д. Сюда же относятся нарушенія союзныхъ фискальныхъ и полицейскихъ установленій.

постановленія Союзнаго Собранія, носящія названія закона, подлежатъ факультативному народному голосованію и обязательно должны не приводиться въ теченіе опредѣленнаго выжидательнаго срока въ дѣйствіе. Къ нимъ несомнѣнно относится амнистія, являющаяся закономъ. Помилованіе по своей природѣ можетъ быть отнесено къ другой группѣ—къ союзнымъ постановленіямъ, которыя допускаютъ референдумъ только въ томъ случаѣ, если они создаютъ общую обязанность и не имѣютъ характера настоятельной спѣшности [1]). Внесеніе въ Союзное Собраніе предложенія о помилованіи или амнистіи не пріостанавливаетъ исполненія приговора, кромѣ случая присужденія къ смертной казни [2]). Обсужденіе въ обѣихъ палатахъ помилованія и амнистіи нѣсколько отлично. Въ то время какъ для осуществленія права помилованія требуется абсолютное большинство голосующихъ членовъ обѣихъ палатъ, соединившихся вмѣстѣ подъ предсѣдательствомъ президента національнаго собранія (ст. 92 конст.), для осуществленія права амнистіи необходимо согласіе обѣихъ палатъ послѣ обособленнаго обсужденія вопроса въ каждой изъ нихъ, т. е. установленъ нормальный законодательный порядокъ (ст. 89 п. 1 конст.) [3]). Исполненіе актовъ помилованія и амнистіи лежитъ на обязанности Bundesrat.

Какого-либо опредѣленія характера и основаній амни-

---

[1]) Stockar, S. 102, и амнистію относитъ къ этой 2-ой группѣ, причемъ предполагаетъ, что амнистія всегда бываетъ актомъ настоятельной спѣшности (dringlicher Natur), и потому исключена отъ референдума.

[2]) Для внесенія предложеній о помилованіи въ Швейцаріи установленъ сложный порядокъ съ участіемъ органовъ судебнаго вѣдомства. Иниціатива можетъ принадлежать: союзному совѣту, суду первой инстанціи и апелляціонному, присяжнымъ и даже частнымъ лицамъ (послѣднія приносятъ прошенія союзному совѣту, который испрашиваетъ заключенія слѣдователя и прокурора, участвовавшихъ въ дѣлѣ, и затѣмъ вноситъ предложеніе со своимъ докладомъ въ Союзное Собраніе). Порядокъ этотъ вслѣдствіе сравнительно небольшого числа просьбъ не вызываетъ неудобствъ, развѣ только въ дѣлахъ о полицейскихъ правонарушеніяхъ (помилованіе въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть делегировано кантональнымъ органамъ).

[3]) Stockar, S. 100, Stoos, p. 460, исходя изъ взгляда на амнистію, какъ на актъ управленія, считаютъ неудобнымъ подобный порядокъ обособленнаго обсужденія, опасаясь возможныхъ разногласій палатъ.

стіи въ союзномъ правѣ не содержится. § 168 проекта закона о союзномъ правосудіи опредѣлялъ амнистію, какъ „прекращеніе уголовнаго преслѣдованія до, во время или послѣ производства уголовнаго слѣдствія, или до или послѣ постановленія приговора". Въ объясненіи къ этому опредѣленію указывалось, что „подъ амнистіей понимается прекращеніе уголовнаго преслѣдованія одного или нѣсколькихъ преступныхъ дѣяній, учиненныхъ однимъ или нѣсколькими лицами; такимъ образомъ понятіе аболиціи уже содержится въ понятіи амнистіи". Амнистія должна возстановлять въ уголовноправовомъ отношеніи то состояніе, которое имѣлось до учиненія преступнаго дѣянія или, другими словами, должна погашать уголовный характеръ дѣянія [1]). Амнистія въ большинствѣ случаевъ примѣнялась въ Швейцаріи къ политическимъ преступленіямъ, хотя ограниченія ея только ими въ законѣ не содержится [2]). Обыкновенно въ обоснованіе необходимости амнистіи приводились соображенія государственнаго интереса, хотя законъ не требуетъ опредѣленной мотивировки акта объ амнистіи. Наконецъ, хотя въ теоріи амнистія предоставляется Союзнымъ Собраніемъ совершенно свободно, однако на практикѣ, если она касается особенно отдѣльныхъ кантоновъ, испрашивается согласіе этого кантона чрезъ посредство Nationalrat [3]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что швейцарское союзное законодательство пошло дальше французской системы, сдѣлавъ и помилованіе прерогативой народнаго представительства, съ другой стороны, предоставивъ народу, путемъ референдума и законодательной инищіативы, непосредственно вліять на предоставленіе амнистіи.

Законодательства отдѣльныхъ кантоновъ представляютъ весьма пеструю и вмѣстѣ съ тѣмъ расплывчатую картину,

---

[1]) Blumer-Morel, полагаетъ, что дѣйствіе амнистіи равносильно дѣйствію аболиціи (т. е. имъ прекращается только право преслѣдованія). Мнѣнія Stockar (S. 87) и Stoos (S. 364) расширяютъ дѣйствіе амнистіи и на погашеніе права исполненія наказанія.

[2]) Stoos. p. 456.

[3]) Stockar. S. 89.

которую мы постараемся изобразить лишь въ общихъ чертахъ.

Въ значительномъ большинствѣ кантоновъ примѣненіе права амнистіи не дифференцировано отъ примѣненія права помилованія. Оно осуществляется обыкновенно законодательными или, рѣже, правительственными собраніями подъ постояннымъ контролемъ всего народа, могущаго ставить вопросъ на всеобщее голосованіе.

Въ большинствѣ кантоновъ амнистія и помилованіе принадлежатъ совѣту кантона или такъ называемому „Большому Совѣту" (Grosses Rath или Landesrath), составляющемуся изъ выборныхъ отъ народа [1]) и иногда выполняющему функціи представительнаго законодательнаго учрежденія (при непосредственной законодательной власти народа ему принадлежитъ лишь предварительное обсужденіе законопроектовъ и иныхъ мѣръ). Исполнительнымъ органамъ—Правительственному Совѣту (Regierungsrath)—принадлежатъ лишь ограниченныя полномочія. Такъ въ Цюрихѣ онъ рѣшаетъ о помилованіи, если грозящее наказаніе не пожизненная тюрьма или лишеніе свободы, не соединенное съ ограниченіемъ правъ; въ послѣднихъ случаяхъ онъ вноситъ лишь предложеніе въ Большой Совѣтъ. Въ Ваадтѣ ему всецѣло принадлежитъ право помилованія; въ Бернѣ помилованіе предоставляется Большимъ Совѣтомъ, но при участіи дирекціи департамента юстиціи; право же амнистіи принадлежитъ по общему правилу всецѣло Большому Совѣту. Лишь въ немногихъ кантонахъ (Галленѣ, Солотурнѣ, Базелѣ—городѣ и Шаффгаузенѣ) право помилованія принадлежитъ Правительственному Совѣту, и только въ исключительныхъ случаяхъ переходитъ къ Большому Совѣту. Въ Женевѣ иАаргау функціи Правительственнаго Совѣта въ дѣлахъ о помилованіи и амнистіи исполняются особой коммисіей, состоящей изъ членовъ Большого Совѣта, съ правомъ переноса въ Большой Совѣтъ въ слу-

---

[1]) Напр. въ Inner-Rhoden большой совѣтъ состоитъ изъ членовъ правительственнаго совѣта и народныхъ представителей по одному отъ 250 жителей. Въ Бернѣ Большой Совѣтъ избирается всеобщей подачей голосовъ на 4 года и т. д.

чаѣ значительности грозящаго наказанія (Женева) или требованія 3-хъ членовъ (Ааргау). Въ Landsgemeinde, кантонахъ, гдѣ господствуетъ чистая демократія (Ури, Унтервалденъ, Аппенцель, Гларусъ) или гдѣ особенно распространенъ референдумъ (Граубюнденъ, Базель-страна, Тургау, Цюрихъ, Бернъ, Ааргау, Солотурнъ и Швицъ) народъ по общему правилу принимаетъ непосредственное участіе въ предоставленіи помилованія и амнистіи [1]).

При такомъ демократическомъ строѣ не представляется особой необходимости въ строгомъ разграниченіи отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ вслѣдствіе непосредственнаго руководства народомъ функціями исполнительной власти. Это мы видимъ и на примѣрѣ амнистіи. Законодательства нѣкоторыхъ кантоновъ вовсе не упоминаютъ объ амнистіи (Цюрихъ, Ури, Гларусъ, Базель-городъ, Аппенцель, Сенъ-Галленъ); другія, допускаютъ амнистію неограниченно (Бернъ, Фрейбургъ, Тессинъ, Ваадтъ, Валлисъ, Женева, Неуенбургъ); третьи, наконецъ, ограничиваютъ амнистію областью политическихъ преступленій (Швицъ, оба Унтервалденъ, Цугъ, Солотурнъ, Базель-страна, Шаффгаузенъ, Ааргау). Ближайшее опредѣленіе преступленій, по которымъ допускается амнистія, мы находимъ въ законодательствѣ кантона Тургау, по которому могутъ быть амнистрованы только: „опасныя для государства преступленія и тѣ изъ политическихъ, относительно которыхъ, вслѣдствіе слишкомъ большого возбужденія населенія и количества ихъ, было бы неудобно производить законное слѣдствіе и судъ“. Законодательство Люцерна глухо говоритъ о допустимости амнистіи „только въ исключительныхъ случаяхъ“.

---

[1]) „Предоставленіе амнистіи въ Нидвальденѣ—пишетъ Heinrich Ryffel (Die Schweizerische Landsgemeinden. Zürich 1904, p. 247),—въ которомъ только и имѣются законодательныя постановленія по этому предмету, принадлежитъ Landrath (то же что и Grosser Rath). Въ другихъ же кантонахъ, за отсутствіемъ особыхъ постановленій, слѣдуетъ признать на это компетентной только Landsgemeinde (общее собраніе гражданъ)“. Впрочемъ, какъ это видно изъ законодательнаго текста, амнистія въ Нидвальденѣ смѣшана съ реституціей, такъ что это исключеніе для амнистіи въ собственномъ смыслѣ не имѣетъ значенія.

Въ законодательствѣ же Люцерна (§ 88 уг. ул.) мы находимъ опредѣленіе существа и дѣйствія амнистіи. „Въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, при учиненіи политическихъ преступленій, Большой Совѣтъ можетъ самостоятельно постановлять объ амнистіи, еще до начала разслѣдованія, съ исключеніемъ отдѣльныхъ участниковъ или безъ этого, или, если слѣдствіе уже началось или окончено, можетъ требовать прекращенія процесса до суда (аболиціи). Въ этихъ случаяхъ Совѣтъ можетъ также освобождать отъ уже назначеннаго наказанія". Приводимое здѣсь различіе между амнистіей и аболиціей не имѣетъ практическаго значенія. Иногда амнистія смѣшивается съ возстановленіемъ въ правахъ (въ Нидвальденѣ), иногда съ аболиціей (Швицъ). Въ Солотурнѣ (у. у. с. ст. 460) указано, что дѣйствіе амнистіи проявляется въ прекращеніи всякаго преслѣдованія и, въ случаѣ постановленія приговора—въ помилованіи. Иногда вносятся ограниченія амнистіи преступленій, преслѣдуемыхъ по частной жалобѣ (Тессинъ, законъ 27 мая 1898 г.).

Предложеніе объ амнистіи только въ рѣдкихъ случаяхъ пріостанавливаетъ исполненіе приговора. Такъ, въ Тессинѣ исполненіе приговора пріостанавливается, если предложеніе внесено въ теченіе 30 дней послѣ вступленія приговора въ законную силу. Въ Тургау и Люцернѣ Правительственному Совѣту предоставлено права пріостанавливать исполненіе приговора по политическимъ дѣламъ до рѣшенія Большимъ Совѣтомъ вопроса объ амнистіи.

Издается, наконецъ, амнистія иногда въ формѣ закона (напр. амнистія 21 сентября 1832 г. въ Базелѣ—городѣ и странѣ), иногда въ видѣ постановленія. Для предоставленія амнистіи въ Тессинѣ требуется большинство $^3/_4$ голосовъ. Вообще же случаи предоставленія амнистіи въ отдѣльныхъ кантонахъ въ высшей степени рѣдки, что вполнѣ понятно при отсутствіи поводовъ, вслѣдствіе неразвитой репрессіи политическихъ преступленій.

Изъ изложеннаго видно, что и въ большинствѣ кантоновъ Швейцаріи господствуетъ законодательная форма амнистіи и что правовая конструкція амнистіи въ нихъ является

большею частью лишь рудиментарной формой построенія, принятаго въ союзномъ Швейцарскомъ правѣ.

Примѣръ Швейцаріи, гдѣ близость правовой формы амнистіи къ народнымъ стремленіямъ достигнута въ наибольшей степени и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствуютъ всякія злоупотребленія партій въ примѣненіи ея, доказываетъ, что не сама форма, а политическія условія составляютъ ту причину, благодаря которой расшатывается правопорядокъ или уголовная репрессія становится игрушкой въ рукахъ борящихся политическихъ соперниковъ [1]).

Глава V.

Право амнистіи и королевскаго прощенія въ Англіи.

Законодательная форма амнистіи выработалась самостоятельно только во Франціи, и оттуда лишь была заимствована другими странами. Два другія великихъ государства, шедшія самостоятельнымъ историческимъ путемъ—Англія и Германія, находятся лишь на пути къ выработкѣ амнистіи, какъ особаго правового института въ отличіе отъ помилованія. Развитіе въ нихъ отдѣльныхъ формъ помилованія, приближающихся къ амнистіи, представляетъ настолько своеобразныя черты, что будетъ нелишнимъ особо на нихъ остановиться.

Англія является государствомъ, въ которомъ система публичнаго правосудія развилась сравнительно поздно. Начала частной мести и частныхъ композицій господствовали въ ней первые десять вѣковъ почти безраздѣльно. Право прощенія долгое время принадлежало частному обвинителю или истцу,

---

[1]) Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть, что законодательная форма амнистіи существуетъ и въ *Колумбіи* (Strafgesetsgebung der Gegenwart. 1898 B. II. статья Crusen). Право изданія амнистіи принадлежитъ здѣсь Конгрессу. Амнистія допускается только по отношенію къ преступленіямъ противъ публичнаго порядка. Оригинальнымъ является лишь то правило, что государство, даруя амнистію, можетъ уничтожать частно-правовыя притязанія по поводу учиненныхъ преступленій, но обязано въ такихъ случаяхъ вознаградить потерпѣвшихъ изъ государственныхъ средствъ (гл. VI ст. 100—106 у. у. с.).

но не коронѣ. При частномъ преслѣдованіи преступленій, сохранявшемся до 1817 г. (въ послѣднія столѣтія въ качествѣ пережитка), только обвинитель-потерпѣвшій могъ помиловать виновнаго [1]) (обыкновенно это онъ и дѣлалъ за извѣстную сумму). Право помилованія, какъ прерогатива короля, возникло изъ того взгляда, что король является потерпѣвшимъ при извѣстныхъ преступленіяхъ, и въ качествѣ таковаго можетъ отказаться отъ присужденнаго въ удовлетвореніе его наказанія. „Въ дѣлахъ, гдѣ тяжба ведется королемъ—говоритъ Блэкстонъ—король можетъ миловать и освобождать отъ наказанія, при частномъ же обвиненіи, которое ведетъ частное лицо, король не можетъ ни миловать, ни освобождать отъ уплаты присужденнаго вознагражденія за нанесенные побои. Какъ король своимъ помилованіемъ можетъ прекратить обвиненіе, такъ и частный обвинитель своимъ отказомъ можетъ лишить силы свое обвиненіе“ [2]). „Миръ короля“, охранявшій правопорядокъ, былъ какъ бы личнымъ благомъ короля; право помилованія вытекало изъ общаго права распоряженія своими частными благами. Поэтому намѣстники въ „comtés palatins“ (Честеръ, Дургэмъ, Ланкастръ), получившіе право поддержанія королевскаго мира, съ самаго ранняго времени пользовались также правомъ помилованія на ряду съ сувереномъ [3]).

Только постепенно, въ теченіе долгаго времени, король сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ право помилованія. Лишь въ 1535 г. по акту 27 Geo. VIII c. 24 (an act for recontinuing liberties in the crown) [4]) было постановлено, что „никто,

---

[1]) Такъ при Елизаветѣ, въ пятый годъ ея царствованія одной вдовой было заявлено частное обвиненіе вслѣдствіе убійства ея мужа. Обвиняемый былъ признанъ виновнымъ только въ легкомъ убійствѣ; возникъ вопросъ, можетъ ли общее помилованіе, дарованное въ то время, освободить отъ наказанія осужденнаго, и было признано, что въ данномъ случаѣ королевѣ не принадлежитъ права помилованія. Cherry. Lectures on the growth of criminal law 1890. Early english criminal law. Переводъ П. Люблинскаго стр. 101.

[2]) Cherry. Ibid. стр. 105.

[3]) Franqueville. La systême judiciaire de la Grande Bretagne. 1893. t. I p. 231.

[4]) Statutes at large. t. 2.

начиная съ 1 іюля сего 1536 года, не будетъ имѣть власти или права миловать или прощать за измѣны, убійства или фелоніи, прощать соучастниковъ въ этихъ преступленіяхъ, возвращать изгнанниковъ, кромѣ короля; король же будетъ имѣть на это полное право".

Право помилованія могло быть осуществляемо въ теченіе всего процесса, такъ что оно включало и аболицію, и помилованіе въ тѣсномъ смыслѣ. Стюарты, въ особенности Яковъ II, сильно злоупотребляли этимъ правомъ, предоставляя безнаказанность отдѣльнымъ лицамъ въ государственныхъ процессахъ. Несомнѣнно англійская конституція въ „Биллѣ о правахъ" имѣла въ виду эти злоупотребленія, когда категорически отмѣняла право диспенсаціи: „1) Присваиваемая себѣ королемъ власть пріостановки исполненія законовъ—суспенсація безъ согласія парламента незаконна; 2) присваиваемая себѣ королемъ власть диспенсаціи отъ законовъ или отъ исполненія ихъ, въ томъ видѣ, какъ она осуществлялась недавно, является незаконной" [1]). На практикѣ, однако, благодаря приданному обычаемъ толкованію этихъ статей, право помилованія и аболиціи не считалось отмѣненнымъ для случаевъ, когда уголовное преслѣдованіе возбуждалось отъ имени короля.

Близко къ современной амнистіи приближалась та форма, которая называлась general pardon, free pardon—общее прощеніе. Обычнымъ было давать подобныя милости при коронаціи новаго короля [2]). Изъ такихъ коллективныхъ актовъ помилованія, носящихъ характеръ политической мѣры, отмѣтимъ амнистію 1570 г., дарованную гугенотамъ, амнистію

---

[1]) Gneist. Englische Verwaltungsrecht. 1867. B. II. S. 733. Диспенсація предполагаетъ власть изъятія спеціально изъ подъ дѣйствія уголовныхъ законовъ. Современное государственное право относитъ диспенсацію къ законодательной области. Въ Англіи она осуществляется парламентомъ посредствомъ такъ наз. private bills. Большинство государствовѣдовъ считаютъ помилованіе видомъ диспенсаціи. G. Meyer. Neue Heidelb. Jahrb. I S. 347. Bornhak. Preussisches Staatsrecht I. S. 351. Steinitz. Dispensationbegriff und Dispensationgewalt 1901, S. 23.

[2]) Encyclopedia of English law. vol. IX p. 353.

1660 г., дарованную Карломъ II [1]) послѣ внутреннихъ смутъ, наконецъ, полную амнистію, данную въ 1721 г. Георгомъ II всѣмъ преступникамъ, кромѣ тѣхъ, которые въ моментъ дарованія амнистіи находились на службѣ у претендента [2]).

Но предоставивъ королю право частнаго и общаго помилованія, англійская конституція постаралась поставить его въ такія рамки, въ которыхъ оно не представляло бы опасности для прочности правопорядка. Еще Локкъ характеризовалъ эту прерогативу власти, какъ „позволеніе, данное народомъ своему властителю дѣйствовать по усмотрѣнію *въ цѣляхъ общественнаго благополучія* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законѣ оказывается недосмотръ или пробѣлъ“.

Первымъ ограниченіемъ прерогативы помилованія и явилась необходимость содѣйствія королю извѣстныхъ органовъ при выполненіи этой функціи. Такимъ органомъ является Home Secretary of the State. Раньше вопросъ о помилованіи обсуждался даже въ особомъ совѣтѣ, но въ царствованіе Викторіи этотъ обычай вышелъ изъ употребленія [3]). Въ прежнее время такое содѣйствіе оказывалъ Privy Council, который и образовался именно для разсмотрѣнія просьбъ о помилованіи [4]). Хотя принципъ отвѣтственности министровъ сохраняется и по отношенію къ актамъ помилованія, однако парламентъ постоянно отклонялъ отъ себя критику и обсужденіе предоставленныхъ королемъ помилованій, а Home Secretary (министръ внутреннихъ дѣлъ) отказывался давать отвѣты на обращенные къ нему вопросы о предстоящемъ помилованіи [5]).

Другимъ ограниченіемъ акта помилованія является форма его. По общему правилу, для дѣйствительности акта необхо-

---

[1]) Franqueville, t. I p. 48.

[2]) 7 Geo. I c. 29. General and Free pardon. Statutes. 5 t. Особенностью этого послѣдняго акта общаго прощенія является то, что онъ изданъ *съ согласія парламента*. Hawkins. Pleas of the crown. Encyclopedia of english law IX p. 353.

[3]) Stephen History of the criminal law. v. II, p. 88.

[4]) Franqueville, t. I p. 165.

[5]) Ibid. p. 91.

димо приложеніе большой печати; но со времени акта 6 Geo. IV c. 25 суды довольствуются и одною собственноручной подписью короля, контрассигнованною государственнымъ секретаремъ [1]). Въ прежнее время по акту 27 Edw. I c. 2, для предупрежденія произвола въ этой области, требовалось приведеніе въ актѣ о помилованіи *мотивовъ* и имени лица, сдѣлавшаго предложеніе о помилованіи; и если судъ убѣждался, что прощеніе было получено по ложному навѣту (false suggestion), то актъ этотъ не приводился въ исполненіе [2]). Далѣе ссылка на актъ помилованія могла имѣть силу только тогда, если она была сдѣлана предъ началомъ судебнаго слѣдствія или вообще до постановленія приговора; послѣ постановленія приговора для помилованія необходимъ былъ новый актъ [3]).

Изъ дѣйствія права помилованія, кромѣ того, изъяты отдѣльныя преступленія политическаго характера. Наиболѣе раннимъ изъятіемъ подобнаго рода является воспрещеніе прекращать посредствомъ помилованія слѣдствіе, производимое Палатой общинъ, по поводу преступныхъ дѣяній, учиненныхъ министрами, т. е. при обвиненіяхъ по impeachment [4]). Но король можетъ освобождать отъ наказанія уже осужденныхъ министровъ. По поводу этого воспрещенія Блэкстонъ [5]) замѣчаетъ: „Въ Англіи существуетъ особое ограниченіе прерогативы помилованія въ случаѣ парламентскихъ обвиненій; милость короля не можетъ распространяться на эти обвиненія и пріостанавливать разслѣдованіе или препятствовать возбужденію обвиненія противъ явныхъ преступниковъ. Судъ палаты не признаетъ здѣсь допустимой ссылку на помилованіе“.

Далѣе по Habeas Corpus act 1689 г. король не можетъ предоставлять помилованіе за незаконное лишеніе англича-

---

[1]) Harris. Principles of criminal law 1904. p. 492.

[2]) Encyclopedia, IX p. 352.

[3]) Kenny. Outlines of criminal law 1904 p. 16. Stephen. Digest of the law of criminal procedure 1883 art. 266.

[4]) Это запрещеніе было закрѣплено Act of Settlement 1701 г. и позднѣе подтверждено 12 и 13 Will. III c. 2 см. Harris p. 302.

[5]) Commentaries IV c. 31.

нина свободы, учиненное за предѣлами Соединеннаго Королевства, съ цѣлью лишить заключеннаго защиты этого акта [1]). Исключается изъ власти помилованія и наказаніе, наложенное судомъ за contempt of court, такъ какъ это наказаніе примѣняется по полному усмотрѣнію суда съ цѣлью принудить наказываемаго выполнить извѣстное процессуальное дѣйствіе [2]).

Наконецъ, право помилованія не можетъ быть осуществляемо со вредомъ для интересовъ третьихъ лицъ. Non potest rex gratiam facere cum injuria et damno aliorum—такова норма обычнаго права [3]). Согласно правилу, формулированному Остиномъ, „гражданскія притязанія всегда могутъ быть прекращены отказомъ истца и никогда—помилованіемъ короны" [4]). Изъ этого же положенія вытекаетъ и дальнѣйшее ограниченіе: помилованіе не можетъ быть примѣнено къ актамъ, приносящимъ общій вредъ, до тѣхъ поръ, пока не представлено удовлетвореніе за этотъ вредъ, потому что оно можетъ въ данномъ случаѣ повредить притязаніямъ частныхъ лицъ. Впрочемъ, за послѣднее время (22 Vict. c. 32) постановлено, что король можетъ прощать денежныя взысканія, хотя бы они полностью или отчасти должны были быть уплачены кому-либо другому, а не казнѣ [5]). Исключено отъ помилованія по тому же основанію и денежное взысканіе, взимаемое съ лица, нарушившаго обязанность храненія мира по отношенію къ кому либо (recognizance of keeping the peace towards on individual) [6]).

Объемъ дѣйствія актовъ помилованія также слагался постепенно. Помилованіе раньше освобождало только отъ наказанія, но не снимало позора. Позднѣе отъ этого ограниченія сохрани-

---

[1]) Car. II c. 2. Harris p. 492. Kenny. Outlines of criminal law. 1904 p. 492. Здѣсь имѣется одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ примѣненія writ of praemunire (Harris p. 62).

[2]) Franqueville t. II, p. 26—27.

[3]) Gneist, Englische Verwaltungsrecht I S. 25.

[4]) Kenny, p. 15.

[5]) Harris, p. 492.

[6]) Encyclopedia of english law, t. IX p. 353.

лась только фикція corruption of blood (порчи крови), вслѣдствіе чего дѣти, родившіяся до помилованія, теряли право на наслѣдованіе; теперь признается, что помилованіе можетъ изгладить все[1]). Оно освобождаетъ „from all disqualifications and forfeitures“ (отъ всѣхъ праволишеній и штрафовъ), достигая такимъ образомъ полнаго дѣйствія амнистіи. Въ случаѣ смягченія наказанія помилованіе называется условнымъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ оно не обязательно для преступника, и ему предоставляется или отбывать назначенное наказаніе, или принять помилованіе [2]).

Мы считали нужнымъ войти въ разсмотрѣніе формъ и ограниченій помилованія въ англійскомъ правѣ, потому что они во многомъ были заимствованы континентальными странами. Кромѣ того, отчасти благодаря имъ, право помилованія не стало орудіемъ политической несправедливости. Благодаря высокому положенію англійскихъ судовъ уголовныя репрессіи никогда не становились „упрощеннымъ средствомъ истребленія крамолы“ и въ послѣднее время не возникало необходимости въ полныхъ амнистіяхъ. Въ отдѣльныхъ же случаяхъ контроль парламентарнаго министерства надъ правомъ помилованія являлся достаточнымъ средствомъ согласованія примѣненія его съ потребностями страны.

Кромѣ королевскаго помилованія, имѣющаго часто коллективный характеръ и по дѣйствію близкаго къ амнистіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по отношенію къ должностнымъ лицамъ Англія знаетъ *и парламентскую амнистію* (acts of Indemnity), которая обыкновенно слѣдуетъ за пріостановкой дѣйствія Habeas Corpus act, какъ мѣра, погашающая всѣ преступныя дѣйствія властей по задержанію, обыскамъ и разогнанію собраній, учиненныя ими въ интересахъ поддержанія порядка и безопасности [3]) государства

---

[1]) Ibid., p. 352. Franqueville I p. 52 „Aujourd'hui la grâce efface tout“.

[2]) Harris, p. 493.

[3]) Необходимость парламентской амнистіи здѣсь обусловливается невозможностью для короля прекратить помилованіемъ частные иски, вытекающіе изъ преступленія; между тѣмъ именно въ возможности предъявленія ихъ противъ властей, дѣйствовавшихъ неправильно, безъ всякаго предварительнаго разрѣше-

во время пріостановки этого акта. Эти акты объ амнистіи представляютъ много любопытныхъ сторонъ, на которыхъ вкратцѣ позволимъ мы себѣ остановиться [1]).

Одной изъ главныхъ основъ правопорядка въ Англіи является правило, по которому каждое должностное лицо можетъ быть привлечено гражданиномъ непосредственно къ уголовной или гражданской отвѣтственности за свои служебныя дѣйствія. Кругъ дозволенныхъ для власти вторженій въ область личной свободы гражданъ весьма узокъ въ Англіи, и потому при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ власть безсильна была бы подавить опасность, если бы полномочія ея не расширялись. Но расширеніе правъ административной власти, допускаемое парламентомъ посредствомъ вотированія пріостановки Habeas Corpus Act, часто является недостаточнымъ, и правительство въ цѣляхъ подавленія опасныхъ движеній не останавливается предъ самовольнымъ незаконнымъ расширеніемъ своихъ полномочій. Преступность подобныхъ дѣйствій правительства въ Англіи никто не отрицаетъ, но въ виду особыхъ мотивовъ парламенту предоставлено право амнистировать ихъ, освободивъ министровъ и виновныхъ чиновъ администраціи отъ всякой отвѣтственности. Вотированію парламентомъ билля объ амнистіи предшествуетъ обсужденіе основаній къ тому въ связи съ разсмотрѣніемъ данныхъ о самомъ примѣненіи исключительныхъ полномочій. Формулировка билля стоитъ въ зависимости

нія, и лежитъ одна изъ главнѣйшихъ гарантій англійскаго права. Амнистія здѣсь такимъ образомъ дается скорѣе въ цѣляхъ погашенія гражданско-правовыхъ послѣдствій, нежели уголовно-правовыхъ. Возможность погашенія послѣднихъ парламентомъ имѣетъ принципіальную важность, какъ показатель того, что собственно парламентъ ставитъ свою волю выше воли короля, дѣйствующаго единолично. Такъ парламентъ, а не король делегируетъ губернаторамъ колоній право помилованія (см. напр. въ Strafgesetsgubung der Gegenwart, herausg. v. L i s z t. B. II о правѣ губернатора Канады (S. 275), губернаторовъ штатовъ Австраліи (S. 315) на помилованіе). Точно также право помилованія короля закрѣплено и основано на актѣ *парламента* (27 Geo VIII c. 24).

[1]) Дальнѣйшее изложеніе англійской практики актовъ объ амнистіи основано въ существенныхъ чертахъ на обстоятельномъ изслѣдованіи В. Θ. Д е р ю ж и н с к а г о Habeas corpus act и его пріостановка. 1895. Глава IV. Акты объ амнистіи, стр. 299—368.

отъ свойства учиненныхъ преступныхъ дѣяній и мотивовъ, вызвавшихъ ихъ. Мотивировка излагается въ самомъ актѣ, чѣмъ парламентъ какъ бы даетъ отчетъ странѣ въ примѣненіи этого своего полномочія; вмѣстѣ съ тѣмъ потерпѣвшимъ открытъ широкій доступъ для вліяній на выработку этихъ актовъ посредствомъ петицій, которыя тщательно разсматриваются въ коммисіи.

Акты объ амнистіи были издаваемы за все время 6 разъ: въ 1689 г. относительно дѣйствій, предшествовавшахъ возведенію на престолъ Вильгельма и Маріи, въ 1715, два акта въ 1746, въ 1801 и въ 1818. Они сосредоточиваются вокругъ 2 моментовъ исторіи Англіи—борьбы съ приверженцами Якова II, которые пытались, съ цѣлью возвращенія династіи Стюартовъ, вызвать внутренніе безпорядки, и—борьбы съ зарождающимся рабочимъ движеніемъ, обострившейся въ началѣ XIX вѣка. Пріостановки Habeas Corpus act 1695, 1707, 1722, 1743 г.г. не сопровождались амнистіей [1]).

Не останавливаясь на формахъ отдѣльныхъ актовъ, отмѣтимъ лишь оффиціальные мотивы изданія ихъ и дѣйствіе этихъ актовъ.

Во всѣхъ актахъ, даже въ самомъ ихъ заглавіи, подчеркивается, что амнистируемыя дѣйствія содѣйствовали достиженію какой либо государственно-важной цѣли—возведенію на престолъ государя, защитѣ правительства и государя, охраненію общественнаго спокойствія, разсѣянію мятежныхъ сборищъ и т. д. Затѣмъ устанавливается правильность политическихъ мотивовъ, которыми руководились лица, нарушившія права гражданской свободы. Напр., въ актѣ 1689 говорится: „Послѣ благополучнаго восшествія на престолъ ихъ величествъ совершены были—вслѣдствіе войнъ и смутъ, причи-

---

[1]) Пріостановки H. C. act и амнистіи не вызывались сильнымъ народнымъ движеніемъ; правительство довольствовалось часто симптомами. При Вильгельмѣ III во всѣ 3 случая амнистіи массы были спокойны. Въ 1715 и 1746 г.г. были дѣйствительно серьезные безпорядки. Основаніемъ пріостановки 1794 г. было нѣсколько тревожныхъ митинговъ въ Шеффильдѣ. Амнистія послѣ этой пріостановки послѣдовала лишь въ 1801 г. Пріостановка 1817 была вызвана безпорядками въ Манчестерѣ.

ненныхъ врагами ихъ и королевства—различныя подобныя дѣйствія (неправильное задержаніе, обыски, насиліе, несоблюденіе законныхъ формальностей), необходимыя и дозволительныя въ виду требованія общественныхъ интересовъ. Всѣ такія дѣйствія должны быть оправданы, а лица, ихъ совершившія, освобождены отъ отвѣтственности. Между тѣмъ нѣкоторые, зложелательно относящіеся къ правительству, безопасности и благоденствію королевства начали и ведутъ или грозятся начать и вести иски и преслѣдованія противъ вѣрныхъ подданныхъ ихъ величествъ за вышеуказанныя дѣйствія...“ Чаще всего въ актахъ упоминается мотивъ необходимости поддержанія общественнаго спокойствія всѣми мѣрами. Въ актахъ 1801 и 1818 г.г. послѣ допущенныхъ администраціей многочисленныхъ весьма возмутительныхъ арестовъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, въ мотивировку акта объ амнистіи было введено новое основаніе: „въ случаѣ привлеченія къ отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ незаконныхъ арестахъ, имъ пришлось бы обнаружить публично тѣхъ людей, которые тайно донесли на подозрѣваемыхъ и открыли ихъ замыслы, между тѣмъ, въ цѣляхъ предупрежденія въ будущемъ измѣнническихъ замысловъ, необходимо, чтобы эти пути оставались тайными и неразоблаченными“. При обсужденіи биллей указывалось также на то, что министры, руководясь побужденіями о поддержаніи безопасности въ странѣ, должны быть оправданы, что подобная амнистія является не милостью имъ, а актомъ справедливости въ публичныхъ интересахъ, который можетъ быть навязанъ публично, если министры захотѣли бы отказаться отъ него .... Къ чести англійскаго парламента, однако, слѣдуетъ отмѣтить, что поставленіе шпіонской тайны выше требованій правосудія прошло не безъ сильной оппозиціи. Лордъ Грей говорилъ, что билль 1801 г., допускавшій этотъ мотивъ, „слѣдовало бы назвать биллемъ, покровительствующимъ и поощряющимъ тайныхъ обвинителей; онъ готовъ утверждать, что это первый въ исторіи англійской конституціи случай, когда такимъ людямъ предлагаютъ открытое покровительство и поощреніе“. Вильбефорсъ въ

1818 г. говорилъ: „Британская имперія не нуждается въ подобной помощи для своей безопасности; она не ищетъ защиты у такихъ союзниковъ. Наша свобода, наши права, наше спокойствіе опираются на начала закона и конституціи, и съ презрѣніемъ отвергаютъ поддержку со стороны столь низкихъ союзниковъ".

По кругу обнимаемыхъ имъ дѣяній актъ объ амнистіи охватываетъ обыкновенно лишь нарушенія правилъ о задержаніи, хотя послѣдніе акты проявляютъ тенденцію расширять списокъ амнистированныхъ дѣяній. Актъ 1801 г. амнистируетъ дѣйствія по производству арестовъ, заключенію и содержанію подъ стражей лицъ, подозрѣвавшихся въ измѣнѣ и измѣнническихъ проискахъ; въ актѣ 1818 г. сюда присоединены: отобраніе бумагъ у такихъ лицъ, разсѣяніе шумныхъ, безпорядочныхъ и противозаконныхъ сборищъ и производство домовыхъ обысковъ съ цѣлью розысканія оружія. При обсужденіи билля 1818 г. указывалось, что если дѣянія эти учинены съ особою жестокостью, то они не покрываются амнистіей; амнистируемое дѣяніе здѣсь поглощается преступленіемъ жестокаго обращенія.

Дѣйствіе амнистіонныхъ актовъ ясно выражено въ первомъ изъ нихъ, актѣ 1689 г., и точно воспроизведено въ остальныхъ пяти. Тамъ указано: „постановляется, что всякаго рода иски, тяжбы и преслѣдованія, направленные противъ лицъ, которыя совѣтомъ, приказомъ или дѣйствіемъ служили государю и безопасности правительства, прекращаются и становятся ничтожными; въ случаѣ же возбужденія такихъ исковъ отвѣтчики могутъ въ опроверженіе ихъ ссылаться на настоящій актъ, при чемъ, сверхъ признанія исковъ ничтожными, въ пользу отвѣтчиковъ причитаются ихъ издержки въ двойномъ размѣрѣ". Такимъ образомъ такая амнистія не только погашаетъ преслѣдованіе, но и грозитъ штрафами за попытку возобновленія его.

Несправедливость и крайняя опасность для правъ гражданъ частнаго изданія подобныхъ актовъ не подлежитъ сомнѣнію. Правительство, почти постоянно находящее поддержку въ парламентѣ, односторонне освобождаетъ своихъ агентовъ

отъ отвѣтственности. „Оно—по словамъ Ламбтона—набрасываетъ непроницаемое покрывало забвенія на всѣ акты тираніи и угнетенія, совершенные за время дѣйствія акта о пріостановкѣ, отъ потерпѣвшихъ же оно требуетъ, чтобы они заглушили голосъ справедливыхъ жалобъ, чтобы они пренебрегли многочисленными петиціями парламенту“ . . . По выраженію С. Ромильи „билль объ амнистіи есть билль объ отнятіи всѣхъ законныхъ средствъ защиты у пострадавшихъ отъ противозаконнаго и произвольнаго примѣненія власти и о наказаніи тѣхъ, которые пожелали бы обратиться къ этимъ средствамъ, взысканіемъ съ нихъ судебныхъ издержекъ въ двойномъ размѣрѣ“. Только гарантія парламентской всесторонности и апелляція къ народу въ видѣ мотивировки акта нѣсколько умѣряютъ его отрицательное вліяніе на права гражданъ. Нужно помнить при этомъ, что такое право амнистіи примѣняется обыкновенно въ области, гдѣ возможность помилованія со стороны короля исключена или стѣснена и въ странѣ, гдѣ судъ присяжныхъ безпощаденъ къ незаконному нарушенію свободы [1]).

Резюмируя сказанное о помилованіи и амнистіи въ Англіи, мы должны будемъ признать, что личное начало преслѣдованія королемъ уголовныхъ правонарушеній оказало рѣшительное вліяніе на сосредоточеніе въ рукахъ короля прерогативы помилованія, по своему дѣйствію способной изгладить всѣ публично-правовыя послѣдствія преступныхъ дѣяній. Но для удержанія этой власти короля въ границахъ, не опасныхъ для политической свободы и правопорядка, отчасти статутами парламента, отчасти по обычному праву, были установлены ограниченія, съ одной стороны, въ видѣ необходимаго содѣйствія при помилованіи отдѣльныхъ органовъ, въ видѣ

---

[1]) Акты объ амнистіи односторонни, такъ какъ касаются только должностныхъ лицъ. По отношенію же къ частнымъ лицамъ, осужденнымъ или привлеченнымъ къ суду во время пріостановки акта Habeas Corpus, если бы правительство пожелало освободить ихъ отъ репрессій, оно имѣло бы слѣдующія вполнѣ достаточныя средства: 1) предписать главному коронному обвинителю, attorney general, всегда принадлежащему къ партіи правительственнаго большинства, прекратить начатыя обвиненія; 2) представить королю актъ о полномъ помилованіи. Парламентъ, несомнѣнно, въ этомъ отношеніи могъ вліять на министерство.

отвѣтственности министерства и формальныхъ условій дѣйствительности акта о помилованіи, а съ другой—въ видѣ исключенія помилованія въ отдѣльныхъ, опасныхъ для личной свободы случаяхъ. Право амнистіи, имѣющей въ виду изглаживаніе скорѣе гражданскихъ послѣдствій преступныхъ дѣяній, сохранено парламентомъ за собою [1]); оно находило себѣ примѣненіе почти исключительно по отношенію къ должностнымъ лицамъ, виновнымъ въ опредѣленныхъ преступленіяхъ противъ личной свободы, но ничто не мѣшаетъ въ случаѣ нужды примѣнять его и въ болѣе широкой области [2]). Право парламента, несомнѣнно, стоитъ выше прерогативы короля; первый опредѣляетъ объемъ полномочій второго.

Англійская доктрина, не различая аболиціи и помилованія осужденныхъ, основаніемъ для обособленія помилованія и амнистіи выставляетъ главнымъ образомъ возможность стѣсненія частныхъ притязаній [3]). Такое разграниченіе объясняется исторически крайне слабымъ вмѣшательствомъ короны въ гражданскія дѣла и, наоборотъ, близкимъ участіемъ ея въ преслѣдованіи уголовныхъ дѣлъ. Насколько оно соотвѣтствуетъ правно-политическимъ основаніямъ, мы увидимъ ниже.

Нормы англійскаго права о помилованіи и амнистіи съ нѣкоторыми модификаціями дѣйствуютъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Изъ сепаратнаго законодательства отдѣльныхъ штатовъ можно почерпнуть слѣдующія об-

---

[1]) Едва ли правильно поэтому неоднократное утвержденіе Franqueville (напр. т. I, p.p. 36, 48) о принадлежности права амнистіи только королю.

[2]) Развитіе парламентской амнистіи не пошло дальше, благодаря отсутствію всякихъ конфликтовъ парламента съ королевской властью въ послѣднія столѣтія, благодаря отсутствію массовыхъ репрессій въ области политическихъ преступленій и, главнымъ образомъ, благодаря широкому господству принципа усмотрѣнія при уголовномъ преслѣдованіи. Отказъ отъ обвиненія всегда во власти государственнаго или частнаго обвинителя.

[3]) Эти притязанія въ англійскомъ правѣ несомнѣнно заключаютъ въ себѣ карательный элементъ. Такъ иски о незаконномъ заключеніи (actions of the false imprisonment), о libel и т. д. суть иски несомнѣнно карательнаго характера. См. В. Ѳ. Дерюжинскій у. с. стр. 94. П. П. Люблинскій, Свобода личности въ уголовномъ процессѣ. 1906. стр. 93.

ція правила [1]). Помилованіе можетъ служить средствомъ защиты (plea) противъ обвинительнаго акта (останавливаетъ судебное производство) или противъ постановленнаго приговора (останавливаетъ исполненіе приговора). Оно должно быть представлено стороной въ подлинникѣ съ приложеніемъ государственной печати. Судъ дѣлаетъ тогда особое постановленіе „quod eat sine die". Власть помилованія и аболиціи, принадлежащая въ Англіи королю, въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ принадлежитъ губернаторамъ. Впрочемъ, въ цѣляхъ ограниченія власти губернатора созданы особые Boards of pardon, на обязанности которыхъ вообще лежитъ исполненіе наказанія и предоставленіе условнаго помилованія. При предоставленіи помилованія для губернатора обязательно мнѣніе этихъ Boards [2]). Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ городахъ право помилованія за полицейскія нарушенія принадлежитъ мэру—mayor [3]). Оно опредѣляется, какъ „проявленіе власти, освобождающее одно или нѣсколько лицъ отъ законной отвѣтственности за преступленіе или преступленія". Помилованіе регулируется въ большинствѣ случаевъ посредствомъ нормъ common law. Имѣются ограниченія помилованія въ случаѣ impeachment (констит. § 2), въ случаяхъ преступнаго нарушенія законовъ Соединенныхъ Штатовъ (въ этихъ случаяхъ требуется отложить исполненіе приговора до сообщенія рѣшенія президента по этому предмету), при общевредномъ характерѣ дѣянія, при отысканіи поручительства храненія мира, при частныхъ искахъ qui tam. Изданіе general pardons, также предоставлено губернаторамъ. По своему дѣйствію полное помилованіе „obliterates guilt"—изглаживаетъ вину. Однако, оно не можетъ возстановить потерянныхъ должностей, возвратить имущество, перешедшее къ другимъ или къ казнѣ; наконецъ, оно не избавляетъ отъ уплаты гражданскаго иска и судебныхъ издержекъ. Народъ въ значительной степени сохранилъ

---

[1]) Hochheimer. The law of crimes and criminal procedure. Baltimore 1904. p. 201—203.

[2]) Hartmann. Die Strafrechtspflege in Amerika. 1906. S. 182.

[3]) Ibid. S. 184.

за собой участіе въ помилованіи. Чаще всего помилованіе происходитъ посредствомъ вердикта присяжныхъ, которые, напр., могутъ поставить въ своемъ вердиктѣ условіе о непримѣненіи смертной казни или другого законнаго наказанія къ лицу, признанному ими виновнымъ. Англійскіе присяжные въ случаѣ особыхъ обстоятельствъ „просятъ корону о милосердіи", американскіе—сами милуютъ. Помимо того въ нѣкоторыхъ штатахъ по закону просьбы о помилованіи подлежатъ обнародованію въ томъ судебномъ округѣ, въ которомъ учинено преступленіе, и самое разсмотрѣніе просьбъ о помилованіи происходитъ въ публичномъ засѣданіи. Эти средства имѣютъ въ виду дать возможность общественному мнѣнію высказаться по поводу помилованія и обезпечить правильное примѣненіе его [1]). Въ общемъ союзномъ правѣ (Sect. 447. Penal code of the United States, проекта 1901 г., систематизировавшаго прежнее законодательство) предоставлено дискреціонное право президенту смягчать или отмѣнять назначенныя судами наказанія. Мы находимъ, наконецъ, отдѣльныя примѣры примѣненія въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ амнистіи по англійскому образцу,—acts of indemnity [2]).

Сосредоточеніе въ рукахъ исполнительной власти такихъ правъ помилованія, включающаго въ себя и аболицію, несмотря на республиканскую форму правленія, объясняется отчасти взглядомъ на помилованіе, какъ на актъ административной власти и стремленіемъ строго провести дѣленіе властей, отчасти же подражаніемъ англійскому образцу [3]).

---

[1]) Hartmann. S. 80, 159.

[2]) Такъ напримѣръ, намъ извѣстны acts of indemnity, принятые въ Виргиніи въ 1782, 1779, 1836 гг. см. Cutler, Lynch law in the United States. 1905. p. 29, 72.

[3]) Изъ другихъ республикъ Америки, въ *Эквадорѣ* право помилованія и амнистіи принадлежитъ президенту, хотя со многими ограниченіями (Strafgesetzgebung der Gegenwart B. II. Crusen. S. 32); въ *Сальвадорѣ* помилованіе также осуществляется правительственными органами (Ibid. Eisenman. S. 156).

Глава VI.

Германское законодательство и доктрина объ амнистіи и аболиціи.

Въ отношеніи развитія права помилованія Германія является одной изъ самыхъ отсталыхъ странъ Европы. Въ ней лишь намѣчаются тѣ правовые принципы, которые въ другихъ государствахъ привели къ образованію самостоятельнаго института амнистіи. Съ другой стороны, въ ней еще царитъ пестрота партикулярныхъ законодательствъ, не вполнѣ урегулированныхъ даже въ своихъ отношеніяхъ къ общеимперскому праву. Но и неразвитое состояніе права въ этой области, постоянно сталкивающагося съ прерогативами отдѣльныхъ государей, все же позволяетъ извлечь нѣкоторыя общія начала, свойственныя германскому воззрѣнію на амнистію.

Германское право вообще различаетъ аболицію—прекращеніе начатаго уголовнаго процесса, и помилованіе въ тѣсномъ смыслѣ—смягченіе или отмѣну наказанія. Амнистія по германскому праву есть не самостоятельный правовой институтъ, а соединеніе нѣсколькихъ аболицій и помилованій. Соціальная сторона амнистіи остается безразличной. Съ такой точки зрѣнія не представляется возможнымъ выдѣлить особо исторію развитія амнистіи въ нѣмецкихъ государствахъ, а приходится прослѣдить ее въ связи съ развитіемъ общаго права помилованія и, особенно, аболиціи, оттѣняя лишь интересующую насъ сторону.

Древне-германское право не знало публичныхъ наказаній въ собственномъ смыслѣ; преступленіе могло быть заглажено уплатой пени потерпѣвшему [1]); лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ религіозныхъ вѣрованій, наказаніе пріобрѣтало характеръ требованія божества [2]), и тогда наказанія выполнялись жрецами. Но съ укрѣпленіемъ королевской власти устанавливается сознаніе, что преступленіе нарушаетъ не только частные интересы, но и общій миръ;

---

[1]) Wilda. Strafrecht der Germanen 1842 p. 314 ff.

[2]) Grimm. Reichsalterthumer. p. 739, Lueder. Das Souveränitäts-Recht der Begnadigung 1860 p. 56.

за несоблюденіе этого мира съ виновнаго взыскивается бусса (Wette) [1]). Эта бусса и явилась зародышемъ публичныхъ каръ; за извѣстныя преступленія, crimina atrocissima, Ungerichte короли впослѣдствіи стали отказываться отъ принятія Wette и назначали Strafen um Hals und Hand, т. е. казни [2]).

Судья, осуществлявшій правосудіе, не могъ предоставлять помилованія во всемъ томъ, что относилось къ частному интересу; и лишь за нарушеніе королевскаго мира судья могъ прощать причитающуюся ему, как представителю короны, пеню [3]). Такое право принадлежало суду и въ области политическихъ преступленій, гдѣ преступленіемъ были затронуты только интересы верховной власти [4]).

Лишь съ XIII вѣка уголовное право Германіи пріобрѣтаетъ характеръ права публичнаго. Вмѣсто уплаты Wette, виновный уже долженъ былъ подвергаться публичнымъ наказаніямъ, отъ которыхъ онъ могъ лишь иногда откупиться (Ledigungsrecht) [5]). Принятіе выкупа такимъ образомъ зависѣло отъ потерпѣвшаго и судьи; король могъ осуществлять свое право помилованія только съ ихъ согласія [6]); иногда для этого требовалось еще согласіе общины [7]). Это отчасти соотвѣтствовало тогдашнимъ

---

[1]) Wette или Wedde носило названіе fredus—если шло народу, и bannus—если шло судьѣ за нарушеніе мира.

[2]) H. Meyer. Deutsches Staatsrecht. 1895. S. 552.

[3]) Sternberg. Begnadigung bei den Naturrechtslehrern 1899 S. 6—11. Ѳома Аквинскій милосердіе вмѣнялъ въ обязанность судьи: iudicium sine misericordia fiet ei, qui non facit misericordiam.

[4]) Такъ у Plochmann. (Das Begnadigungsrecht. 1845 S. 26) приводится нѣсколько примѣровъ помилованія за государственную измѣну въ началѣ среднихъ вѣковъ.

[5]) Первыя указанія на это право мы находимъ въ источникахъ XIV вѣка. См. Davidson. Das Begnadigungsrecht 1903 p. 7 Ledigungsrecht состояло въ отказѣ судьи отъ примѣненія наказанія за уплату ему извѣстной суммы.

[6]) Lueder. o. c. p. 59.

[7]) Правило это выражалось въ слѣдующемъ положеніи: „wer die Tat richten sol, der hat gewalt gnade zu tun". См. Frauenstädt. Das Begnadigungsrecht im Mittelalter". Liszt's. Zeitschrift XVII S. 890. Наряду съ судьей право помилованія имѣлъ и Tronbote. Ibid. Нѣсколько позднѣе уже помилованіе ставится въ связь съ суверенной властью. Tiraquellus (см. Sternberg p. 36) уже приписываетъ право помилованія императору и папѣ, какъ верховнымъ органамъ государства.

политическимъ условіямъ, когда король не считался сосредоточіемъ всѣхъ публичныхъ функцій, а каждый органъ имѣлъ самостоятельную публично-правовую компетенцію [1]).

Къ XVI вѣку публичный взглядъ на наказаніе укрѣпляется, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ возможность для главы государства вліять на него посредствомъ законодательства. Отдѣльные государи начинаютъ самостоятельно осуществлять право помилованія, хотя весьма осторожно, вслѣдствіе опасенія ослабить силу репрессіи, на которой держался почти весь государственный строй [2]). Право помилованія уже непосредственно вытекало изъ верховной власти и не зависѣло отъ отношенія потерпѣвшаго къ преступнику [3]). Новая доктрина нашла себѣ теоретиковъ въ лицѣ Карпцова и его послѣдователей. Такъ послѣдними было установлено различіе между mitigatio ex justa causa—толкованіемъ ex aequitate, которымъ обладалъ судья, и mitigatio ex gratia principis—„dispensatio ejus, qui legislatoria potestate gaudet“ [4]).

Впрочемъ, право суверена на помилованіе встрѣчало себѣ препятствіе въ высшихъ санкціяхъ при учиненіи наиболѣе важныхъ злодѣяній, не подлежавшихъ погашенію ни по божескому [5]), ни по естественному праву [6]).

Въ отдѣльныхъ памятникахъ къ концу XVI в. мы находимъ ясно выраженное право государя на помилованіе, ко-

---

[1]) Въ австрійскихъ земляхъ процессъ развитія права помилованія шелъ тѣмъ же путемъ. Такъ уже въ Tiroler Malefizordnung 1499 г. упоминается о правѣ судьи миловать при присужденіи къ смертной казни, когда откупаться было запрещено. Wahlberg. Kleine Schriften. II. S. 123.

[2]) Plochmann o. c. p. 31. Lueder. o. c. p. 60.

[3]) Bornhak. Preussisches Staatsrecht. I p. 531 исторически выводитъ это право помилованія изъ landesherrliche Gerichtsherrlichkeit короля.

[4]) Wahlberg. o. c. p. 125.

[5]) Къ crimina juris divini относились: magia, latrocinium, incestum, sodomia, veneficium, falsificatio monetae. Sternberg. p. 37.

[6]) Carpzov. Pract. nova saxonica rerum criminarum P. III. qu. 150. Послѣдователь Карпцова Damm (Tractatus de poenis 1661) пишетъ, что слѣдуетъ различать leges ceremoniales, forenses, morales. По отношенію къ послѣднимъ право диспенсаціи монарха недопускается, такъ какъ не имъ эти законы созданы. См. Sternberg. Begnadigung bei den Naturrechtslehrern 1899. p. 27. О мнѣніи Clüsener 1703. Ibid. p. 52.

торое, вѣроятно, подъ вліяніемъ примѣра Франціи, начинаетъ съ XVII в. проявляться и въ формѣ аболиціи. До конца XVIII вѣка королевская власть осуществляетъ помилованіе лишь при наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, въ менѣе важныхъ случаяхъ судья по прежнему примѣняетъ свое право освобожденія отъ наказанія въ случаѣ уплаты извѣстной денежной суммы [1]).

Съ середины XVII вѣка начинаетъ примѣняться и амнистія. Такъ въ п. 2 Вестфальскаго мирнаго договора 1648 г. германскимъ гражданамъ даруется амнистія. Въ 1701 г. король Фридрихъ I по поводу своей коронаціи издаетъ декретъ объ амнистіи; въ 1714 г. подобный же декретъ издается герцогомъ Ангальтскимъ [2]).

Съ другой стороны, право аболиціи и амнистіи находитъ себѣ выраженіе и въ австрійскомъ законодательствѣ. Theresiana различаетъ уже въ области Landesfürstliche Begnadigung отдѣльные виды: общее прощеніе или амнистію, аболицію и помилованіе лицъ уже осужденныхъ. Спеціальнаго опредѣленія амнистіи мы въ ней не находимъ; аболиція же опредѣлялась, какъ верховный актъ „dadurch der Beschuldigte von aller Klag, Frag, Strafe, Ehrenmakel und künftigen Vorstoss gänzlich sichergestellt wird" [3]).

Такая практика нашла себѣ отраженіе и въ теоріи. Трудолюбивый Христіанъ Вольфъ въ части III своего „Jus naturae methodo scientifico pertractatum 1740—1748" говоритъ уже особо объ аболиціи и амнистіи [4]) и даетъ очень строй-

---

[1]) Hälschner. Deutsches Strafrecht I, p. 542. Lueder. o. c. p. 64. Въ Австріи Peinliche Gerichtsordnung 1656 г. провозглашаетъ право помилованія королевской регаліей; но государямъ до XVIII вѣка приходилось бороться, чтобы достичь большей строгости приговоровъ съ судьями, примѣнявшими Ledigun. Wahlberg. o. c. S. 125.

[2]) Lueder. o. c. p. 64.

[3]) Wahlberg. o. c. p. 128.

[4]) Abolitio est exemptio laesoris e numero reorum. Оно пригодно для casus dubios. Носителемъ права аболиціи является государь. „Amnestia est oblivio in perpetuum. Въ то время какъ аболиція можетъ имѣть мѣсто лишь post actam rem, т. е. послѣ начала слѣдствія, амнистія погашаетъ также и самую жалобу. Право амнистіи также принадлежитъ суверену, но должно быть осуществляемо

ную теорію ихъ. Дальнѣйшаго развитія взглядовъ Вольфа въ юридической германской литературѣ мы, однако, не находимъ [1]).

Начавшаяся послѣ французской революціи 1789 г. реакція въ Европѣ не могла способствовать развитію амнистіи, какъ самостоятельнаго правового института. Абсолютная власть монарха, исключительно сосредоточившая въ своихъ рукахъ право помилованія, крайне скупа была на ослабленіе репрессіи, особенно въ области политическихъ преступленій. Движеніе 1848 года въ большинствѣ случаевъ не закрѣпило въ рукахъ народнаго представительства какихъ либо правъ въ области амнистіи, и потому и въ дальнѣйшій періодъ амнистія не могла выдѣлиться въ отличный отъ общаго помилованія правовой институтъ.

Въ *Австріи* законодательства послѣ Терезіаны уже не упоминаютъ объ амнистіи, хотя на практикѣ несомнѣнно она продолжала примѣняться. „Короли—пишетъ Вальбергъ [2]) предоставляли милость во всѣхъ формахъ: амнистіи, аболиціи, сокращенія наказаній, реабилитаціи, изъ высшихъ политическихъ соображеній, изъ великодушія, изъ стремленія къ успокоенію". Послѣ 1848 г. спеціально можно отмѣтить амнистію преступныхъ дѣяній, учиненныхъ во время безпоряд-

---

въ интересахъ государства „Amnestia praecipue in re publica turbulenta, ubi ultro citroque injuriae inferuntur et accipiuntur, ut is in pristinum statum revocetur, item in bellis intestinis". По естественному разуму амнистія должна быть предоставляема тогда, когда она лучше, чѣмъ наказаніе, можетъ предупредить въ будущемъ зло. Особенно она пригодна при преступленіяхъ, учиненныхъ массами, при возстаніяхъ. Массовое наказаніе всегда вредно для государства, такъ какъ вызываетъ возбужденіе въ странѣ. Sternberg o. c. p. 77—78.

[1]) Въ систематическихъ руководствахъ мы встрѣчаемъ лишь ссылку на право аболиціи, принадлежащее монарху. Такъ I. Böhmer. Elementa jurisprudentiae criminalis Halle 1738. S. 333: Impeditur criminum cognitio, ut nec incipere nec coepta ulterius currere queat… 3) abolitione principis. G. Meister. Principia juris criminalis. Goettingen 1792 S. 484 „Abolitio, quae reis tribuitur est actus imperii civilis, quo reus e processu, criminali nondum finito eximitur. Effectus ejus est, ut criminalis cognitio delicti sublata et exclusa sit in perpetuum". То же повторяетъ и Feuerbach. Lehrbuch 4 Aufl. 1808. S. 62. См. подробнѣе Heimberger. Landesherrliche Abolitionsrecht. 1901. S. 6.

[2]) O c. S. 131.

ковъ въ 1849 г. въ Италіи, Галиціи и Венгріи [1]), амнистію, данную Францъ Іосифомъ 23 ноября 1853 г. согласно договору въ Виллафранкѣ [2]).

Ясное выраженіе право амнистіи нашло себѣ лишь въ ст. 13 основнаго австрійскаго закона о судебной власти отъ 21 декабря 1867 г., которая гласитъ: „Императоръ имѣетъ *право амнистіи* и право снимать или смягчать наказанія, назначенныя судами, а равно и освобождать приговоренныхъ отъ законныхъ послѣдствій ихъ осужденія, съ оговоркою, однако, въ пользу ограниченій, содержащихся въ законѣ о министерской отвѣтственности. Право предписывать, чтобы преступное дѣяніе не было предметомъ преслѣдованія или чтобы начатое по этому случаю преслѣдованіе было прекращено, будетъ опредѣлено постановленіями устава уг. суд.“.

И, дѣйствительно, уст. уг. суд. 1873 г. въ ст. 2 содержитъ правило, по которому: „публичное обвиненіе погашается, какъ только императоръ предпишетъ, чтобы противъ какого либо преступнаго дѣянія не было возбуждено слѣдствія или чтобы было прекращено уже начатое“ [3]). Не трудно видѣть, что ссылка на регулированіе права аболиціи и амнистіи въ уставѣ уг. суд. оказалась совершенно призрачной; составители послѣдняго уклонились отъ этой важной задачи и повторили лишь дискреціонное право, содержавшееся въ законѣ 1867 г.

Въ военно-уголовномъ процессѣ императору принадлежатъ тѣ же права (§ 264 M. St. P. 0); но право аболиціи съ нимъ раздѣляютъ и Gerichssherrn (судьи) [4]).

Изъ этихъ немногихъ указаній теорія дѣлаетъ тѣ заклю-

---

[1]) Ibid. S. 134.

[2]) Chomette. De l'amnistie. 1898. p. 90. При этой амнистіи даровалось и помилованіе въ извѣстной степени за общія преступленія: „Если было назначено наказаніе не только за какія либо политическія преступленія, но и за общія, то главнокомандующій и министръ юстиціи, по соглашенію, рѣшатъ, какъ слѣдуетъ измѣнить наказаніе во вниманіе къ данному акту милости“.

[3]) Löffler. Strafprocessgesetze. Leipzig 1905. S. 7.

[4]) Mischler und Ulbricht. Oesterreichisches Staatswörterbuch 1895. S. 113.

ченія: 1) что право аболиціи и амнистіи, какъ одно изъ проявленій суверенной власти, есть изъятіе въ пользу Opportunitätprincip преслѣдованія [1]); 2) что аболиція по отношенію къ частнымъ обвиненіямъ недопустима [2]), 3) что амнистія есть лишь соединеніе многихъ актовъ помилованія и аболиціи [3]), и 4) что единственное ограниченіе этого права установлено относительно министровъ по § 39 закона 25 іюня 1867 г., которые могутъ быть помилованы не иначе, какъ по предложенію Рейхсрата.

Та же недостаточность регулировки права амнистіи существуетъ и въ *Венгріи* [4]).

Въ самой *Германіи* постановленія о видахъ помилованія, какъ я уже замѣтилъ, крайне пестры [5]). Разграниченіе компетенціи императора и отдѣльныхъ союзныхъ государей, опредѣленіе правъ ихъ въ области помилованія представляетъ одинъ изъ сложнѣйшихъ въ догматическомъ отношеніи вопросовъ германскаго государственнаго права. Намъ нѣтъ, конечно, необходимости входить во всѣ тонкости отдѣльныхъ теоретическихъ различеній. Мы не будемъ даже излагать полностью все законодательство о помилованіи, а ограничимся главнѣйшими постановленіями.

Въ Германіи господствуетъ атомистическій взглядъ на ам-

---

[1]) Ullmann Lehrbuch österreichischen Strafprocessrechts. 1882. S. 249. Glaser. Handbuch des Strafprocessrechts. 1885, II. S. 53. видитъ основаніе такого исключенія въ томъ, что веденіе слѣдствія послѣ амнистіи или аболиціи мѣшало бы достиженію высшихъ государственныхъ цѣлей.

[2]) Finger. Das Strafrecht. 1894. I. S. 323.

[3]) Ibid. S. 323.

[4]) Ст. 14 венгерской конституціи предоставляетъ право амнистіи и помилованія императору. Уголовными законами оно не регулировано. См. Strafgesetzgebung der Gegenwart. I. Wlassics. S. 174.

[5]) Литература: Lüder, o. c. 1860. Heinze. Holtzendorf's Handbuch II S. 629. Löb. Begnadigungsrecht 1881. Binding. Handbuch des Strafrecht, 1885. I. S. 861. Elsas. Ueber das Begnadigungsrecht. 1888. Особенно Heimberger Das landesherrliche Abolitionsrecht. 1901. Hugo Meyer. Deutsches Strafrecht 1888. S. 46. Idem. D. Staatsrecht 1895. S. 541. Liszt. Lehrbuch des Strafrechts. 1903. S. 289. Laband. D. Staatsrecht III. S. 482. Руководства по процессу Bennecke S. 39. Kries. S. 104, Glaser II. S. 53, John I. S. 108, Birkmeyer S. 25, Geyer. S. 66, Beling. S. 610.

нистію: амнистія есть лишь соединеніе отдѣльныхъ актовъ аболиціи и помилованія осужденныхъ. Такъ какъ въ осуществленіи права помилованія особыхъ преградъ для верховной власти не поставлено, то намъ, слѣдовательно, достаточно будетъ ознакомиться со случаями, въ которыхъ допускается аболиція, чтобы сдѣлать отсюда заключенія о границахъ допустимости амнистіи.

Въ дѣлахъ, подсудныхъ имперскому суду въ 1-ой инстанціи, согласно ст. 484 уст. уг. суд., императору принадлежитъ лишь право помилованія; аболиція здѣсь недопустима [1]). Въ области уголовно-морского права также указывается только на принадлежащее императору право помилованія, но практика выводитъ здѣсь право аболиціи изъ верховной власти императора надъ флотомъ; больше сомнѣній возникаетъ относительно возможности аболиціи преступленій въ сухопутныхъ войскахъ; наиболѣе основательнымъ признается мнѣніе, по которому здѣсь дѣйствуютъ постановленія отдѣльныхъ союзныхъ государствъ объ аболиціи [2]).

Относительно права аболиціи въ отдѣльныхъ государствахъ существуютъ большія разногласія. Въ литературѣ высказано нѣсколько мнѣній, отрицающихъ возможность примѣненія въ нихъ аболиціи послѣ изданія германскаго устава угол. судопр. 1877 г. [3]). Но придерживаясь господствующей

---

[1]) Таково господствующее мнѣніе. Contra Binding (Handbuch I, S. 870), который полагаетъ, что императору принадлежитъ право аболиціи отчасти *до* установленія процессуальнаго отношенія, (случаи взятія обратно обвиненія). отчасти *послѣ* (отказъ прокурора отъ обвиненія). Однако, какъ правильно замѣчаетъ Heimberger, S. 84, Биндингу, если онъ признаетъ эти случаи за аболицію, пришлось бы построить ученіе о „возвратимой аболиціи", такъ какъ взятое обратно обвиненіе всегда можетъ быть возбуждено вновь.

[2]) Heimberger S. 113. Laband. III. S. 489.

[3]) I. Первое мнѣніе (Bennеke und Beling Lehrbuch des Strafprocessrecht 1900. S. 610) выводитъ отмѣну аболиціи изъ § 6 вступит. закона къ уст. уг. суд., по которому упраздняются несогласные съ новымъ уставомъ процессуальные институты. Но въ герм. литературѣ аболиція разсматривается не какъ процессуальный институтъ, а какъ правительственный актъ, несмотря на то, что въ конституціяхъ отдѣльныхъ государствъ Германіи постановленія объ аболиціи заключаются во главѣ о правосудіи (они имѣютъ въ виду лишь воздѣйствіе на правосудіе). II. Другое мнѣніе (Iohn. Strafprocessordnung 1884. S. 109. Iastrow.

теоріи и практики, мы признаемъ такое право существующимъ, и попытаемся систематизировать законодательныя постановленія отдѣльныхъ союзныхъ государствъ [1]). Ихъ можно свести къ слѣдующимъ 7 группамъ:

I. Аболиція допускается безъ всякихъ ограниченій ясно выраженнымъ постановленіемъ конституціи (княжества Reuss старшей и младшей линіи) или молчаливо презюмируется (Ангальтъ, Липпе, Шварцбургъ-Рудольфштадтъ, оба Мекленбурга, Любекъ). Въ Рудольфштадтѣ установленъ даже особый порядокъ для просьбъ объ аболиціи: чрезъ прокурора окружнаго суда или, въ участковой юстиціи, чрезъ судью онѣ подаются на имя государя. Къ этой группѣ относится, наконецъ, Саксенъ-Мейнингенъ, гдѣ аболиція обнимается общимъ неограниченнымъ правомъ помилованія.

Gerichtssaal. 1882. S. 532. Stenglein Kommentar. § 6) считаетъ аболицію отмѣненной, какъ несогласную съ духомъ уст. уг. суд., не знающимъ кабинетной юстиціи. На юридическое значеніе подобный аргументъ едва ли можетъ притязать. III. Кризъ (Lehrbuch. 1892. S. 104) выставляетъ иное обоснованіе отмѣны: уголовные суды дѣйствуютъ по имперскому закону и мѣстные государи не могутъ давать имъ предписаній процессуальнаго характера. Но, по мнѣнію Геймбергера, Лабанда, Мейера, Листа и др., право аболиціи стоитъ внѣ уголовнаго процесса. IV. Iastrow (o. c. S. 532) замѣчаетъ, что аболиція устранена ст. 16 учр. суд. уст., по которой „никто не можетъ быть изъятъ изъ компетенціи своего законнаго судьи“. Но нѣтъ сомнѣнія, что это правило имѣетъ силу лишь противъ примѣненія исключительной подсудности. V. Тотъ же Iastrow и Löb (S. 18) видятъ въ аболиція противорѣчія установленному въ ст. 152 уст. уг. суд. Legalitätsprincip; но какъ показываютъ конституціи отдѣльныхъ германскихъ государствъ, принципъ законности прекрасно могъ совмѣщаться съ правомъ аболиціи и по существу не противорѣчитъ ему. VI. Наконецъ, Биркмейеръ (Lehrbuch. S. 37) считаетъ аболицію, какъ уголовно правовое матеріальное установленіе, отмѣненной съ изданіемъ уголовн. улож. 1870 г., § 2 котораго отмѣнилъ прежніе уголовные законы. Но аболиція есть государственно-правовая мѣра, а не спеціально уголовная. Рейхсгерихтъ въ рѣшеніяхъ 1896 г. № 1649 и 1900 г. № 1718 призналъ аболицію отдѣльныхъ союзныхъ государей допустимой, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло переходитъ далѣе для пересмотра въ Имперскій судъ. Спорность принципіальнаго вопроса о допустимости аболиціи со стороны союзныхъ государей крайне обостряется политическими тенденціями этого вопроса. Получившее преобладаніе утвердительное рѣшеніе его можетъ быть такимъ же путемъ толкованія замѣнено противоположнымъ отрицательнымъ, стоитъ только придать расширительное значеніе указаннымъ противниками общимъ положеніямъ.

[1]) Систематизація эта произведена нами отчасти на основаніи работы Heimberger S. 45—69, отчасти—H. Meyer Staatsrecht. S. 552 ff.

II. Нѣкоторыя ограниченія существуютъ въ Бременѣ, гдѣ по § 57 конституціи 1875 г. для предоставленія помилованія и аболиціи требуется предварительное заключеніе подлежащаго суда, по содержанію своему, однако, необязательное для монарха.

III. Во многихъ государствахъ аболиція допускается не иначе, какъ съ согласія палатъ, по отношенію къ министрамъ, нарушившимъ конституцію, или по отношенію къ государственнымъ служащимъ, учинившимъ должностныя преступленія. Эти ограниченія или ясно выражены (Саксонія, Кобургъ-Гота, Вальдекъ, Шаумбургъ-Липпе), или заключаются въ понятіи помилованія съ указанной оговоркой (Ольденбургъ, Саксенъ-Альтенбургъ) или явствуютъ изъ спеціальнаго подчеркиванія исключенія, по которому можно судить о существованіи общаго правила допустимости аболиціи (Гессенъ, Саксенъ-Веймаръ).

IV. Иногда ограниченія II и III группъ соединяются вмѣстѣ, и требуется для примѣненія аболиціи заключеніе извѣстныхъ органовъ (въ Брауншвейгѣ—высшаго суда, въ Вюртембергѣ—министра юстиціи [1]) съ оговоркою о невозможности помилованія министровъ, нарушившихъ конституцію.

V. Въ Пруссіи, согласно § 49 п. 3 конституціи 31 января 1850 г., аболиція уже начатаго слѣдствія [2]) возможна только *въ силу закона* [3]).

VI. Въ имперской землѣ Эльзасъ Лотарингіи мы находимъ чужеродный пережитокъ—остатокъ французскаго права съ его конструкціей амнистіи, какъ коллективнаго акта. Къ императору германскому перешли по закону 4 іюня 1879 г.

---

[1]) Вюртембергская конституція въ ст. 97, допуская аболицію, требуетъ, однако, чтобы государь этой своей дѣятельностью не поколебалъ въ странѣ силы закона и уваженія къ дѣйствующему уголовному законодательству.

[2]) Понятіе „уже начатаго слѣдствія" весьма спорно. Контроверзы см. Heimberger S. 58.

[3]) Понятіе закона, по мнѣнію германскихъ юристовъ, здѣсь должно пониматься лишь въ формальномъ смыслѣ. Подробныхъ толкованій этого постановленія не имѣется.

всѣ права императора французскаго. Послѣднему, согласно § 1 сенатусконсульта 25 декабря 1852 г., принадлежало лишь право амнистіи (но не аболиціи). Отсуда слѣдуетъ, что императоръ германскій не имѣетъ здѣсь права индивидуальной аболиціи [1]), а лишь право амнистіи. Право это онъ можетъ делегировать намѣстнику.

VII. Наконецъ, въ Баваріи, Баденѣ и Гамбургѣ аболиція совершенно не допускается. Въ Баваріи титулъ VIII § 4 конституціи 1818 г. гласитъ: „король можетъ давать помилованіе и смягчать наказаніе въ уголовныхъ дѣлахъ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ пріостанавливать ни слѣдствія, ни хода судебнаго процесса". Въ Гамбургѣ и Баденѣ аболиція должна быть признана недопустимой вслѣдствіе узкаго опредѣленія права помилованія [2]).

Проф. Геймбергеру, на основаніи частной анкеты правительствъ германскихъ союзныхъ государствъ, удалось собрать данныя о фактическомъ примѣненіи аболиціи. По общему отзыву, примѣняется аболиція вообще весьма рѣдко. Чаще всего она допускается въ Саксенъ-Альтенбургѣ по отношенію къ дѣтямъ школьнаго возраста, чтобы предохранить ихъ отъ вреднаго фигурированія на судѣ. Такъ въ 1900 г. подобныхъ аболицій было 23. Случаевъ аболиціи по инымъ основаніямъ за 30 лѣтъ было 43. Затѣмъ въ Саксоніи аболиціей пользуются для условнаго помилованія въ формѣ, близко подходящей къ англійской. Изъ другихъ государствъ, въ Ольденбургѣ со времени существованія Имперіи было 16 просьбъ объ аболиціи, изъ нихъ лишь 7 были удовлетворены; въ Бременѣ—было 145 просьбъ, изъ нихъ 25 увѣнчались успѣхомъ. Въ Шварценбургѣ за 10 лѣтъ было 2 случая аболиціи. Ни разу не примѣнялась аболиція со времени основанія им-

---

[1]) Binding. (Grundriss 5 Aufl. S. 234) отрицаетъ и это право амнистіи, впрочемъ, какъ указываетъ Лабандъ (III. S. 490), неосновательно. Спеціальныя контроверзы по этому вопросу см. Elsas S. 70, Heimberger S. 61, Arndt Verordnungsrecht S. 237.

[2]) Впрочемъ, Гамбургскій сенатъ считаетъ себя принципіально уполномоченнымъ на амнистію, хотя съ 1879 г. ни разу не осуществлялъ этого своего права (Heimberger, S. 67).

періи въ Липпе, Шварцбургъ-Зондергаузенъ, Вальдекъ, Пирмонъ, Гамбургѣ, и Мекленбургъ-Стрелицѣ. Въ остальныхъ государствахъ аболиціи были (судя по неопредѣленнымъ отвѣтамъ) весьма рѣдки. Любопытно отмѣтить, что въ таблицѣ преступныхъ дѣяній, по которымъ были предоставляемы аболиціи, приведенной у Геймбергера, мы не находимъ *ни одного политическаго преступленія*.

Амнистіи въ Германіи, какъ соединеніе нѣсколькихъ помилованій и аболицій, ни въ чемъ не отличаются отъ подобныхъ же индивидуальныхъ актовъ; но если бы попытаться обособить въ отдѣльную группу случаи, подходящіе къ нашимъ Всемилостивѣйшимъ Манифестамъ и представляющіе изъ себя лишь болѣе широкіе акты помилованія, то въ новѣйшей исторіи Германіи можно было бы отмѣтить рядъ такихъ коллективныхъ помилованій. Они могутъ быть сведены въ двѣ группы—воинскихъ и династическихъ амнистій. Примѣрами амнистій первой группы являются амнистія послѣ франко-прусской войны, предоставленная по трактату 10 мая 1871 г. [1]), условная амнистія отъ 9 февраля 1879 г., дарованная эльзасцамъ по поводу неявки ихъ къ отбыванію воинской повинности, амнистія 1879 г., погашавшая въ Эльзасѣ преслѣдованія за Fahnenflucht, наконецъ амнистія 1871 г. въ Шварценбургъ-Зондергаузенъ, погашавшая, вскорѣ послѣ войны, преслѣдованія за нѣкоторыя воинскія преступленія [2]).

Другимъ видомъ примѣнявшейся въ Германіи амнистіи является амнистія *династическая*, предоставлявшаяся въ интересахъ укрѣпленія любви и преданности къ династіи. Сюда относятся амнистія 1889 г. въ Вюртембергѣ (по поводу 25 лѣтняго юбилея короля), амнистія въ Ангальтѣ отъ 1896 г.

---

[1]) Амнистія эта прекращала преслѣдованія „за весь вредъ и несправедливость, учиненныя съ той и другой стороны, за преступныя дѣянія солдатъ, учиненныя на непріятельской территоріи или не имѣющія отношенія къ войнѣ“; амнистія распространялась и „на примкнувшихъ къ врагу во время войны“. Точно также указывалось, что „ни одинъ житель уступленной Германіи области не будетъ преслѣдоваться ни лично, ни имущественно за его политическія или военныя дѣйствія во время войны“. См. Mischler Staatswörterbuch 1895 S. 113).

[2]) Heimberger, S. 81.

(по поводу 25-лѣтняго юбилея герцога), амнистировавшія преступленія печати и нѣкоторыя политическія, амнистія въ Шаумбургъ-Липпе (при вступленіи на престолъ новаго герцога). Въ Вюртембергѣ была дарована довольно обширная амнистія въ 1891 г. по поводу вступленія на престолъ Вильгельма II. Наиболѣе широкій характеръ амнистія получила въ 1896 г. по случаю 25-лѣтія основанія имперіи. Слѣдуетъ отмѣтить, наконецъ, недавнюю амнистію 1906 г. по случаю рожденія внука императора. Впрочемъ послѣднія двѣ амнистіи касались только лицъ, уже осужденныхъ, такъ какъ права аболиціи, какъ мы видѣли, по имперскому законодательству не существуетъ.

Дѣйствіе амнистіи, по германской теоріи слагается изъ дѣйствія помилованія и аболиціи. Относительно перваго не возникаетъ юридическихъ сомнѣній, и потому мы остановимся лишь на разсмотрѣніи дѣйствія аболиціи. Аболиція препятствуетъ дальнѣйшему производству слѣдствія, обращаясь къ каждому судебному органу съ требованіемъ прекратить производство [1]). Изъ такого дѣйствія аболиціи можно сдѣлать слѣдующіе выводы [2]): 1) дѣяніе не можетъ быть принято во вниманіе при установленіи рецидива; 2) отпадаетъ возможность для виновнаго въ оскорбленіи ссылаться на судебный процессъ, какъ на доказательство своей добросовѣстности при приписываніи лицу, дѣяніе котораго аболировано, учиненія этого позорящаго дѣянія; 3) возможно продолженіе объективнаго производства по ст. 42 уг. ул. объ уничтоженіи вредныхъ послѣдствій преступленія и 4) аболиція, дарованная одному, не распространяется на другихъ соучастниковъ [3]). Аболиція затрагиваетъ только притязаніе государства на наказаніе, не касаясь

---

[1]) Elsas. o. c. S. 87 полагаетъ, что такое предписаніе можетъ быть направлено лишь къ прокурору, а не къ судьѣ, и потому аболиція можетъ быть примѣнена только до открытія главнаго производства. Löb, S. 53, уподобляетъ дѣйствіе аболиціи въ этомъ отношеніи дѣйствію вступившаго въ силу оправдательнаго приговора, она разрываетъ связь опредѣленнаго лица съ опредѣленнымъ преступленіемъ.

[2]) Heimberger, s. 117.

[3]) Также Elsas, S. 16. Совершенно обратное положеніе принято во французской доктринѣ.

другихъ притязаній (частнаго обвинителя [1]) или гражданскаго истца, если даже имъ является казна). Однако взысканіе буссы въ уголовномъ порядкѣ аболиціей можетъ быть устранено.

Наконецъ, что касается формы, то въ Пруссіи аболиціи и амнистіи предоставляются въ формѣ закона [2]); въ остальныхъ государствахъ—въ видѣ письменнаго указа. По содержанію въ этомъ указѣ долженъ лишь заключаться отказъ отъ преслѣдованія учиненнаго преступнаго дѣянія.

Такое состояніе законодательства, при которомъ амнистія является съ догматической точки зрѣнія совершенно безполезнымъ понятіемъ [3]), не могло не отразиться и на состояніи научной разработки вопроса объ амнистіи въ Германіи.

Въ то время какъ въ литературѣ начала XIX вѣка шелъ еще живой споръ о политическихъ основаніяхъ аболиціи [4]), литература второй половины XIX в. всецѣло становится на почву строго юридической разработки существующаго права, независимо отъ его правно-политической цѣнности, вслѣдствіе чего ею тщательно консервируются и разрабатываются

---

[1]) Таково мнѣніе Биндинга (Handb. I, S. 870). Heimberger, S. 120, исходя изъ того положенія, что частный обвинитель только приводитъ въ дѣйствіе карательную власть государства и его притязаніе на наказаніе, считаетъ что государство въ правѣ отказатьсяотъ своего притязанія на наказаніе и по отношенію къ дѣяніямъ, преслѣдуемымъ по частной жалобѣ. Ошибка Биндинга въ томъ, что онъ смотритъ на аболицію, какъ на приказъ прокуратурѣ. Также и Elsas p. 30, вопреки цитированію его у Heimberger'а.

[2]) Heimberger, p. 120, замѣчаетъ, что форма закона здѣсь требуется не потому, что въ аболиціи видятъ отмѣну судебно-уголовныхъ законовъ, а такъ какъ хотятъ предупредить злоупотребленіе аболиціей.

[3]) Davidsohn, Das Begnadigungsrecht, 1903, p. 56.

[4]) Такъ Vollgraff (Vermischte Abhandlungen II) отрицалъ допустимость аболиціи, такъ какъ она препятствуетъ частнымъ лицамъ доказать свои гражданскія притязанія. Того же мнѣнія были Kleinschrod, System. Entw. II S. 111. Tittmann, Handbuch, I, s. 139 и Grolmann Grundsätze der Criminalwiss. S. 101. Но большинство находило, что право аболиціи вытекаетъ изъ права суверена и оправдывается какъ требованіями справедливости (если само слѣдствіе составило для обвиняемаго уже достаточное испытаніе), такъ и соображеніями политики (для открытія шаекъ соучастниками, при возстаніяхъ). При торжественныхъ и радостныхъ событіяхъ коллективныя аболиціи хотя и не необходимы, но оправдываются Güte und Gerechtigkeit (Luedero, c. p. 209 ff.).

институты, по существу отмирающіе и подлежащіе замѣнѣ болѣе развитыми. Существо амнистіи, основанной на выдѣленіи особыхъ формъ помилованія въ отдѣльную группу, вслѣдствіе соціальнаго ихъ значенія, остается совершенно незамѣтнымъ при такой чисто формальной разработкѣ права [1]).

Аболиція разсматривается въ германской доктринѣ какъ отказъ отъ поддержанія уже заявленнаго государственнаго притязанія на наказаніе или какъ Verzicht auf das Strafklagerecht [2]). Если аболиція и имѣетъ характеръ предположенія процесса, то этимъ еще не утверждается, что сама она есть институтъ процессуальнаго характера. Законодательнымъ актомъ [3]) она не можетъ быть признана, ибо, какъ замѣчаетъ Лабандъ [4]), „она нисколько не измѣняетъ существующихъ правовыхъ нормъ; она устраняетъ или измѣняетъ лишь одно отдѣльное послѣдствіе, къ которому въ конкретномъ случаѣ приводятъ правовыя положенія“ [5]). Наконецъ, аболиція не можетъ быть признана актомъ правосудія, такъ какъ она не является приговоромъ, оправдывающимъ или осуждающимъ обвиняемаго. Единственно допустимымъ взглядомъ является, по мнѣнію германскихъ юристовъ, взглядъ на аболицію, какъ на актъ государственнаго управленія, въ частности управленія юстиціей [6]).

---

[1]) Кой-какія уголовно-политическія соображенія въ позднѣйшей литературѣ мы находимъ лишь относительно права помилованія въ узкомъ смыслѣ. См. Davidsohn o. c. S. 9—22. Противъ раціональности допущенія въ законѣ аболиціи, безъ всякой мотивировки этого своего мнѣнія однако, высказывается Liszt. Lehrbuch, 1903, S. 290.

[2]) Finger (Strafrecht, 1894, I, p. 322). Binding (Hanbuch, I, S. 869). Heimberger p. 5. Stockar, Schweizerisches Begnadigungsrecht, 1901, p. 38.

[3]) Признаніе аболиціи за lex specialis въ германской литературѣ было установлено впервые Карпцовымъ (Practica rerum crim. 150, 15, 16). Позднѣе такого взгляда придерживались Heinze Holtzendorf's Handbuch p. II 663, Schütze Lehrbuch des Strafrechts p. 214. Hälschner, Deutsches Strafrecht. I, p. 730. Köstlin. System des d. Strafrechts I, p. 632. Seuffert въ Stengels Wörterbuch.

[4]) Deutsches Staatsrecht. III, 484. То же повторяетъ Stockar, S. 23.

[5]) Къ взгляду Лабанда присоединяются H. Meyer, Staatsrecht. 1895 p. 231, G. Meyer, Staatsrecht. 1899 S. 573. Binding, Handbuch I 1885, S. 862. Heimberger, p. 7. Только Löb, p. 7, разсматриваетъ помилованіе въ широкомъ смыслѣ, какъ совокупное дѣйствіе законодательной и судебной власти.

[6]) Лабандъ, Фингеръ, Мейеръ, Геймбергеръ, Стокаръ,

Конструкція аболиціи какъ *отказа* отъ извѣстнаго публичнаго права не противорѣчитъ признанію ея актомъ управленія [1]), такъ какъ существо ея заключается въ повелительно выраженной волѣ государственнаго органа. Общее опредѣленіе аболиціи, могущее быть признаннымъ за господствующее въ германской литературѣ, гласитъ: аболиція по своей правовой природѣ есть актъ, служащій основаніемъ для прекращенія процесса (отрицательная предпосылка процесса), относящійся къ управленію юстиціей и состоящій въ отказѣ отъ поддержанія уже заявленнаго государственнаго притязанія на наказаніе [2]).

Взглядъ на юридическую природу аболиціи кореннымъ образомъ опредѣляетъ и конструкцію амнистіи въ германской литературѣ.

Въ германской литературѣ 50-хъ гг., подъ вліяніемъ французскаго образца, замѣтна была склонность къ обособленію амнистіи отъ родственныхъ ей институтовъ аболиціи и помилованія. *Бернеръ* въ своемъ „Учебникѣ“ [3]) говоритъ объ амнистіи особо, считая ее понятіемъ болѣе широкимъ, чѣмъ помилованіе. Доктрина амнистіи у него построена на основаніяхъ французскаго права [4]). Впрочемъ, онъ по политиче-

---

Elsas. Противъ этого взгляда высказывается Биндингъ (Grundriss des Strafrechts. 1897 S. 231), который указываетъ, что прежде право помилованія принадлежало и частнымъ лицамъ и не могло быть ими осуществляемо какъ функція государственнаго управленія. Самъ Биндингъ признаетъ аболицію отказомъ отъ обязанности преслѣдовать. Davidsohn, S. 31, признавая также аболицію актомъ управленія, оговаривается, однако, что въ данномъ случаѣ административной власти позволяется вторгаться въ область правосудія лишь *въ пользу* отдѣльнаго лица.

[1]) Heimberger, S. 11.

[2]) Heimberger p. 12. Stockar, p. 7. Laband p. III, 482—484.

[3]) Учебникъ уголовнаго права пер. Неклюдова, 1867. т. I, стр. 909.

[4]) „Амнистія не можетъ погасить собою гражданскія послѣдствія преступленія, но она исходитъ изъ той необходимой для ея цѣли фикціи, что преступленіе вовсе не существовало, и поэтому преступленіе, погашенное амнистіей, не можетъ служить основаніемъ къ опредѣленію наказанія за рецидиву въ случаѣ совершенія новаго преступленія. Амнистія распространяется на всѣхъ участниковъ въ преступленіи, потому что она игнорируетъ самое событіе дѣянія. Безъ сомнѣнія, она можетъ являться въ условной формѣ, заключая въ себѣ извѣстныя ограниченія помилованія; однако эти ограниченія должны быть положительно указаны. При этомъ мы должны принять во вниманіе, что амнистія, исключаю-

скимъ основаніямъ признаетъ необходимымъ право амнистіи сохранить въ рукахъ монарха: „Право помилованія не должно быть предоставляемо палатамъ. Парламентскій милостивый манифестъ лишилъ бы помилованіе его святости. Онъ даже уничтожилъ бы совершенно цѣль политической амнистіи, потому что политическія преступленія, которыя амнистія должна покрыть непроницаемой завѣсой, были бы возстановлены имъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ и утихнувшая борьба партій возгорѣлась бы снова. Кромѣ того палаты являются слишкомъ медленнымъ и неудобоподвижнымъ органомъ для отправленія помилованія" [1]).

Особенную природу амнистіи признавалъ и *Людеръ* въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о правѣ помилованія [2]). Въ противоположность аболиціи по его мнѣнію, амнистія есть необходимый въ современной государственной жизни институтъ. Она часто (но не всегда) проявляется въ видѣ abolitio personarum et causarum, и можетъ включать въ себя и аболицію и помилованіе въ тѣсномъ смыслѣ. Можно назвать амнистіей и актъ, состоящій только изъ помилованія многихъ лицъ (напр. амнистія по поводу радостнаго событія). Амнистія не должна непремѣнно покоиться на основаніяхъ политики, благость и справедливость также могутъ для нея быть подходящими основаніями ея. По мнѣнію Людера, противоположному французской доктринѣ, нельзя утверждать, что амнистіи присуще особое дѣйствіе, ей одной только свойственное. Все зависитъ отъ суверена. Для понятія амнистіи необходимо помилованіе многихъ *однимъ* актомъ, причемъ число одновременно амнистируемыхъ должно быть относительно большимъ. Такимъ образомъ Людеръ, хотя и отмѣчаетъ нѣкоторыя особенности амнистіи, однако не настолько характерныя, чтобы онѣ въ

щая слишкомъ много лицъ отъ помилованія, вступила бы на путь, ведущій къ вырожденію ея въ аболицію, что недопускается конституціонными законами. Цѣль амнистіи—возстановить миръ между враждующими партіями и покрыть тѣмъ самымъ прошедшее непроницаемой завѣсой, когда все дѣло въ его совокупности будетъ сдано въ архивъ и предано забвенію". Бернеръ, стр. 912.

[1]) Бернеръ, стр. 909.

[2]) Lueder, Das Souveränitätsrecht der Begnadigung 1860. S. 211 ff.

глазахъ послѣдующихъ авторовъ могли послужить основаніемъ къ созданію новаго правового института.

Однако съ начала пятидесятыхъ же годовъ сталъ укрѣпляться взглядъ, что амнистія есть лишь чисто внѣшнее понятіе, состоящее изъ актовъ помилованія и аболиціи. Въ такомъ смыслѣ именно высказались *Mittermaier* [1]) и *Jagemann* [2]). Въ позднѣйшей литературѣ, хотя и отмѣчались отдѣльные элементы понятія амнистіи, однако ей не придавалось самостоятельнаго значенія [3]). Лишь изрѣдка упоминается она, какъ особый видъ помилованія [4]). Въ новѣйшей германской литературѣ мы находимъ лишь 2 попытки опредѣлить понятіе амнистіи. *Stockar* (стр. 8) опредѣляетъ ее, какъ „отказъ государства отъ своего правомочія на наказаніе значительнаго числа преступниковъ извѣстной категоріи", и съ такой точки зрѣнія не видитъ необходимости создавать особую законо-

---

[1]) Feuerbach. Lehrbuch, herausgeb. von Mittermaier 1847. S. 122.

[2]) Jagemann. „Begnadigung und Amnestie" статья въ Gerichtsaal. Bd. III Jahrg. 1851. S. 75.

[3]) Такъ Stockar (Schweizerisches Begnadigungsrecht. 1901. S. 7) пишетъ: „Въ одномъ пунктѣ литература согласна, именно, что понятію амнистіи присуща множественность. Въ остальномъ господствуетъ большое разнообразіе взглядовъ. Въ то время какъ одни требуютъ множества преступленій (Merkel) или преступниковъ (Geib, Stooss), большинство юристовъ опредѣляетъ амнистію какъ помилованіе, касающееся опредѣленныхъ категорій преступленій или преступниковъ, считая необходимымъ, чтобы различные дѣянія или дѣятели стояли въ какомъ либо отношеніи другъ къ другу, напр. по природѣ, мотиву или цѣли дѣянія. По мнѣнію однихъ, амнистія является не болѣе, какъ соединеніемъ нѣсколькихъ аболицій, такъ что правила относительно аболиціи находятъ свое примѣненіе и къ амнистіи, по мнѣнію другихъ, являющемуся господствующимъ, амнистія можетъ заключать въ себѣ и аболиціи, и помилованія въ тѣсномъ смыслѣ. Наконецъ, самое дѣйствіе амнистіи почитается спорнымъ. Одни (Berner Jagemann) считаютъ, что амнистія совершенно вычеркиваетъ преступленіе, въ противоположность помилованію, которое касается только послѣдствій преступленія или приговора, другіе (Elsas, Heinze, H. Meyer) сравниваютъ дѣйствіе амнистіи съ дѣйствіемъ помилованія". Davidshon (o. c. 1903. S. 53) правильно считаетъ невозможнымъ различіе, проводимое между помилованіемъ и амнистіей съ точки зрѣнія количества и опредѣленности лицъ, подлежащихъ той или другой. Stockar (S. 9) самъ считаетъ характерной для амнистіи множественность преступниковъ, а не преступленій. Мыслима амнистія одного преступленія, учиненнаго многими.

[4]) Binding, Handbuch I, S. 861.

дательную форму. „Если мы спросимъ себя, должна ли амнистія составлять третій видъ помилованія, то должны будемъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Ибо, поскольку актъ объ амнистіи содержитъ только нѣсколько аболицій или только нѣсколько помилованій въ тѣсномъ смыслѣ, то все различіе будетъ состоять въ числѣ объектовъ; но хотя бы одинъ и тотъ же актъ объ амнистіи содержалъ въ себѣ соединеніе аболицій и помилованій, онъ не долженъ былъ быть признанъ особымъ правовымъ институтомъ, такъ какъ мы уже выше установили, что вслѣдствіе соединенія обоихъ видовъ помилованія въ одномъ актѣ не возникаетъ новаго вида помилованія" (S. 10). Имѣя въ виду, вѣроятно, это мотивированное мнѣніе Стокара, Davidsohn дѣлаетъ нѣкоторыя слабыя оговорки въ пользу обособленія понятія амнистіи и законодательной ея конструкціи. „Амнистія—пишетъ онъ—есть отказъ государства отъ своего права наказанія, по отношенію къ цѣлой категоріи лицъ или дѣяній, въ какомъ бы процессуальномъ положеніи ни находилось каждое отдѣльное дѣло въ моментъ обнародованія милости" (S. 54). Но „могутъ возникнуть несообразности, если въ амнистіи соединить вмѣстѣ съ помилованіемъ въ тѣсномъ смыслѣ всѣхъ уже осужденныхъ и аболицію по отношенію къ тѣмъ, противъ которыхъ еще не возбуждено уголовное преслѣдованіе или оно только что начато. Въ такихъ случаяхъ можетъ произойти то, что амнистія будетъ издаваться частью сегодня, частью чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, частью отъ лица короля, частью отъ лица палатъ, и такимъ образомъ будетъ нарушено единство акта [1]). Это не можетъ быть, однако, избѣгнуто, какъ предлагаетъ Бернеръ, соединеніемъ въ рукахъ короля права помилованія и права прекращенія процесса, но лучше достигнуть этого опубликованіемъ амнистіи короля одновременно съ законами, допускающими аболицію, или еще лучше—изданіемъ единаго законодательнаго акта объ амнистіи, подъ условіемъ отказа короля отъ принадлежащаго ему права помилованія" (S. 55, 56).

Такимъ образомъ въ германской литературѣ амнистія,

---

[1]) Davidsohn имѣетъ въ виду прусскій порядокъ аболиціи.

преимущественно благодаря тому, что она не могла по политическимъ условіямъ вылиться въ форму законодательнаго акта, получила весьма слабую разработку. Господствующій догматическій методъ разработки права не отмѣтилъ тѣхъ основаній, по которымъ такое обособленіе должно было бы имѣть мѣсто. Литература выставила лишь различіе между аболиціей и помилованіемъ, какъ двумя „формами управленія юстиціей". Между тѣмъ правовыя требованія современной жизни расшатали окончательно raison d'être индивидуальной аболиціи, они не допускаютъ возможности ставить препятствія теченію правосудія въ *частныхъ*, индивидуальныхъ интересахъ, и это требованіе жизни выразилось въ полномъ вырожденіи аболиціи въ практикѣ Германіи. Коллективныя же помилованія, которыя часто выполняютъ тамъ роль амнистіи, не способны удовлетворить потребность общества въ забвеніи прошлыхъ преступленій, будучи лишенными многихъ существенныхъ качествъ (возможности немедленной пріостановки всѣхъ дѣлъ, возникшихъ на почвѣ погашаемыхъ преступленій, устраненія гражданскихъ исковъ объ убыткахъ, и т. д.). Благодаря отсталости этихъ правовыхъ институтовъ, и объемъ допускаемой репрессіи, въ особенности въ области политическихъ преступленій, не стоитъ въ надлежащемъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными нуждами государства. Благотворное вліяніе амнистіи стѣснено, и дѣйствіе ея направлено скорѣе въ сторону укрѣпленія монархизма, нежели въ сторону развитія гражданственности. Мы думаемъ, что развитіе политическихъ идей въ Германіи и большее объединеніе судебной организаціи должно вызвать значительныя измѣненія въ организаціи власти помилованія, и, въ частности, выдѣленіе амнистіи въ самостоятельный правовой институтъ имѣющій законодательную конструкцію.

Глава VII.

Системы амнистіи, какъ прерогативы монарха.

Остановимся, наконецъ, на нѣкоторыхъ системахъ, предоставляющихъ право амнистіи монарху, но которыя, въ отли-

чіе отъ германской системы, не допускаютъ индивидуальной аболиціи и знаютъ амнистію, какъ самостоятельный правовой институтъ.

Итальянское законодательство о видахъ помилованія даетъ намъ любопытную промежуточную форму между индивидуальнымъ помилованіемъ и амнистіей. Ст. 8 конституціи 1848 г. глухо говоритъ, что „королю принадлежитъ право помилованія". Уголовное законодательство (art. 86—90 codice penale и art. 826—833 cod. di proc. pen.) распространяетъ это королевское право на всѣ 3 извѣстныхъ въ Италіи вида помилованія—grazia, amnistia, indulto. Grazia есть индивидуальное помилованіе осужденныхъ преступниковъ. Indulto, по своему юридическому характеру, есть коллективное помилованіе, относящееся къ опредѣленному классу преступленій; послѣдствія indulto и grazia совершенно одинаковы [1]). Амнистія же погашаетъ уголовное преслѣдованіе и прекращаетъ исполненіе приговора и всѣ уголовныя послѣдствія его (ст. 86 угол. улож.). На дѣлѣ, впрочемъ, амнистія часто смѣшивается съ индульгенціей.

Хотя амнистія, какъ и помилованіе, принадлежитъ королю [2]), однако порядокъ предоставленія ея иной, чѣмъ порядокъ предоставленія помилованія [3]); онъ основанъ на необходимомъ содѣй-

---

[1]) Помилованіе, отмѣняющее или измѣняющее наказаніе, прекращаетъ ограниченія публичныхъ и гражданскихъ правъ осужденнаго, но оно не снимаетъ ни запрещенія поступать на государственную службу, ни запрещенія профессіональной дѣятельности, ни, наконецъ, спеціальнаго надзора полиціи, если только объ этомъ не существуетъ спеціальной оговорки въ декретѣ о помилованіи или индульгенціи (ст. 86 угол. улож.). См. изданіе итальянскихъ уголовныхъ кодексовъ съ комментаріями подъ ред. Luigi Lucchini. Torino. 1897.

[2]) Впрочемъ, такъ какъ конституція Италіи умалчиваетъ о правѣ короля на амнистію, въ литературѣ происходитъ споръ о принадлежности ея королю, съ сильнымъ, впрочемъ, преобладаніемъ защитниковъ существующей практики. См. Tuozzi. Corso di diritto penale. 1899. vol. 1 p. 502.

[3]) Порядокъ помилованія слѣдующій (ст. 826—829): Просьбы о помилованіи осужденныхъ должны быть направлены къ королю и представлены ему министромъ помилованія и юстиціи; на нихъ должна быть подпись или просителя, или адвоката, или прокурора. Онѣ не останавливаютъ исполненія приговора, если только на этотъ счетъ не будетъ особаго королевскаго предписанія. Помилованіе можетъ затрагивать только уже вступившіе въ законную силу приговоры.

извѣстныхъ правительственныхъ органовъ. Амнистія предоставляется королевскимъ декретомъ, но требуется, чтобы этотъ декретъ былъ изданъ не иначе, какъ по предложенію министра юстиціи и по выслушаніи заключенія совѣта министровъ. Министры являются отвѣтственными предъ палатой за этотъ декретъ (при помилованіи этой отвѣтственности не существуетъ) [1]). Обращеніе къ парламенту за разрѣшеніемъ амнистіи необходимо только по отношенію къ министрамъ, нарушившимъ конституцію.

Амнистія разсматривается какъ актъ суверенной власти, покрывающій забвеніемъ извѣстную категорію преступленій посредствомъ прекращенія уголовнаго преслѣдованія или отмѣны осужденія, если таковое имѣло мѣсто [2]). Но въ законѣ содержатся нѣкоторыя ограниченія „полнаго забвенія". Такъ амнистія не даетъ права ни на возстановленіе конфискованныхъ предметовъ, ни на возвращеніе суммъ, уплаченныхъ казнѣ въ видѣ денежныхъ пеней. Предполагавшееся раньше ограниченіе допустимости амнистіи при преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ по частной жалобѣ, не внесено въ законъ. Практика указываетъ, что въ случаѣ амнистіи уголовные суды становятся некомпетентными въ опредѣленіи гражданскаго вознагражденія за вредъ и убытки [3]).

Въ законѣ, наконецъ, опредѣленъ порядокъ примѣненія амнистіи, подробно развитый кассаціонной практикой. Примѣненіе амнистіи различается въ зависимости отъ того, является ли амнистія безусловной, или условной. Въ первомъ

Получившіе помилованіе, подъ страхомъ потери его, должны въ теченіе двухъ мѣсяцевъ представить декретъ прокуратурѣ суда, постановившаго приговоръ. Декретъ о помилованіи заносился секретаремъ суда въ приговоръ въ теченіе трехъ дней и если декретъ только замѣняетъ или уменьшаетъ наказаніе или содержитъ какія-либо условія, то прокуратура заботится о выполненіи ихъ, о чемъ заноситъ въ приговоръ. Индульгенція (ст. 831) также предоставляется, королевскимъ декретомъ, въ которомъ перечисляются преступленія и осужденные, подлежащіе ей, и условія допущенія къ ней. Она не можетъ прекращать уголовнаго преслѣдованія.

[1]) Ст. 830 уст. угол. суд. Tuozzi, o. c. p. 503.

[2]) Tuozzi o. c. p. 498, Lucchini. Codice penale 1897 p. 113.

[3]) Lucchini, o. c. p. 114.

случаѣ амнистія примѣняется механически. Если же амнистія не будетъ примѣнена судьей во время слѣдствія или суда, то генералъ-прокуроръ апелляціоннаго суда, въ округѣ котораго долженъ бы быть постановленъ или въ дѣйствительности постановленъ приговоръ о преступномъ дѣяніи, самъ обязанъ заявить о необходимости прекращенія дѣла и объ освобожденіи заключенныхъ. Заявленіе это вносится въ обвинительную камеру (sezione d'accusa), которая дѣлаетъ соотвѣтственное постановленіе. Если же изъ дѣла не выясняется еще въ достаточной степени характеръ преступленія, относительно котораго возбуждено преслѣдованіе, и потому неизвѣстно, обнимается ли преступленіе амнистіей, или нѣтъ, то примѣненіе амнистіи пріостанавливается до полнаго выясненія его характера. Прокуроръ разсылаетъ также копіи своего заявленія и постановленія обвинительной камеры окружнымъ судамъ и преторамъ. Если какой-либо обвиняемый или осужденный полагаетъ, что дѣяніе его обнимается амнистіей, между тѣмъ какъ генеральный прокуроръ не возбудилъ вопроса о немъ, то онъ можетъ въ теченіе шести мѣсяцевъ со времени опубликованія королевскаго декрета подавать просьбу въ обвинительную камеру, которая немедленно, по выслушаніи заключеній прокурора, дѣлаетъ постановленіе по этому вопросу. Если же декретъ ставитъ для примѣненія амнистіи какія-либо условія или обязательства, то лицо, желающее ею воспользоваться, должно въ теченіе срока, указаннаго въ декретѣ или, при отсутствіи таковаго, въ теченіе шести мѣсяцевъ со времени обнародованія амнистіи, обратиться въ обвинительную камеру округа, въ которомъ ведется его дѣло, чтобы получить разрѣшеніе. Объ этомъ разрѣшеніи суды должны быть извѣщены въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (ст. 830 уст. угол. суд.).

Кассаціонная практика установила нѣсколько дальнѣйшихъ правилъ о примѣненіи амнистіи [1]). Такъ, по своему

---

[1]) Собраніе ея см. Lugi Luchini p. 113—115, 1040 и Repertorio generale di Giurisprudenza, bibliografia e legislazione, Foro Italiano. Anno 1902.

существу, амнистія не можетъ имѣть силы по отношенію къ будущимъ преступленіямъ, однако она обнимаетъ и дѣянія, учиненныя въ день, обозначенный въ ея датѣ. Амнистія есть забвеніе, а забвеніе можетъ относиться только къ прошлому; въ этомъ она отличается отъ обыкновенныхъ законовъ, расчитанныхъ именно на будущее. Отказъ отъ амнистіи не допускается (касс. 17 янв. 1894, Tuozzi. p. 505). Какъ верховная милость, амнистія подлежитъ возможно болѣе широкому истолкованію—beneficium principis plenissime, quam interpretari debemus. Предѣлъ допустимости амнистіи, если она ограничена только наиболѣе легкими дѣяніями, опредѣляется размѣрами наказанія, грозящаго въ законѣ, а не дѣйствительно назначеннаго. Понятіе политическихъ преступленій при толкованіи амнистіи практика расширяетъ весьма значительно [1]).

Къ Итальянской системѣ близко подходитъ и *Испанское* законодательство [2]). Оно (ст. 54 констит. 1876 г.) предоставляетъ королю право помилованія, подъ которымъ разумѣетъ помилованіе (perdão real), индульгенцію (indulto generale) и амнистію (amnistia). Декретомъ 7 декабря 1866 г. ст. 4 король отказался отъ примѣненія впредь indultos generales, вслѣдствіе допускавшихся здѣсь злоупотребленій. Различіе между двумя остальными формами доктрина проводитъ слѣдующимъ образомъ [3]). 1. Амнистія по существу есть законодательный актъ, хотя и осуществляется только королемъ, помилованіе же—актъ исполнительной власти. 2. Амнистія обща, помилованіе должно быть частнымъ. 3. Амнистія погашаетъ

Roma 1903. p. 34—39. Правила эти однородны съ принятыми во французской доктринѣ.

[1]) Наиболѣе широкія амнистіи были дарованы въ Италіи въ 1893 и 1900 г.г. Вокругъ толкованія ихъ и сосредоточивается по преимуществу судебная практика.

[2]) Jose Rubio. Programa razionado de un curso de derecho penal. Madrid, 1889. Также Strafgesetsgebung der Gegenwart изд. Guttentag B. I. Устарѣлыя данныя у Хартуляри. Право суда и помилованія 1899 стр. 71, 72.

[3]) Rubio, o. c. p. 547.

право преслѣдованія, суда и выполненія наказанія и всѣ уголовныя послѣдствія преступленія, помилованіе же—только право исполненія наказанія. 4. Амнистія не столько милость, сколько забвеніе преступленія; основаніемъ ея служитъ conveniencia general, не требующая наказанія вслѣдствіе измѣненія условій, которыя обыкновенно оправдываютъ его примѣненіе; помилованіе же не притязаетъ на общее значеніе основаній своего примѣненія [1]). Такимъ образомъ и испанское законодательство знаетъ амнистію, какъ самостоятельный правовой институтъ, сохраняя однако право изданія ея за королемъ.

Эту форму представляетъ намъ и большинство другихъ государствъ. Въ нихъ право амнистіи составляетъ прерогативу короны, лишь въ слабой степени регулированную дѣйствующими законами. Такъ въ *Португаліи* конституція 1826 г. ст. 74 п. 8 предоставляетъ королю даровать амнистію „въ необходимыхъ случаяхъ, когда того требуетъ чувство гуманности и благо государства" [2]). Въ *Греціи* (ст. 39 конституціи 1864 г.) „король имѣетъ право объявлять амнистію, но исключительно по политическимъ преступленіямъ и за отвѣтственностью министерства". Право короля на амнистію (кромѣ обвиненій министровъ) признано также въ *Даніи* (ст. 26 конституціи 1866 г.), *въ Румыніи* (но только по политическимъ дѣламъ; индивидуальная аболиція категорически воспрещена ст. 93 конституціи 1866 г.), и *въ Сербіи* (ст. 50 конституціи 1903 г.). Въ *Японіи* право амнистіи принадлежитъ императору (статья 16 Японск. констит. 1889 г.), въ *Турціи*—султану (*van der Berg* въ Strasgesetsgebung derGegenwart. S. 726) въ *Персіи*—шаху (*Хартуляри* стр. 90).

---

[1]) Для примѣненія помилованія въ Испаніи требуется предварительное сношеніе съ судебнымъ мѣстомъ, постановившимъ приговоръ.

[2]) Предварительное обсужденіе вопроса въ палатахъ требуется лишь для помилованія министровъ, осужденныхъ за преступленія по должности: Ibid. п. 7. Совершенно неосновательныя свѣдѣнія у Хартуляри стр. 74. Отдѣльныя упоминанія о правѣ помилованія въ Португаліи см. Strafgesetsgebung der Gegenwart I, p. 548.

Наконецъ, *въ Швеціи* [1]) и *Норвегіи* [2]) мы не находимъ никакихъ ни законодательныхъ, ни практическихъ указаній о примѣненіи амнистіи.

---

[1]) По ст. 25 Шведской конституціи королю принадлежитъ только право миловать уголовныхъ преступниковъ, отмѣнять смертную казнь, возстановлять въ правахъ и возвращать конфискованное имущество. Для ходатайствъ о помилованіи установленъ особый порядокъ. Они предварительно разсматриваются верховнымъ судомъ, а затѣмъ принимаются непремѣнно въ засѣданіи Государственнаго Совѣта. См. Uppström въ Strafgesetsgebung der Gegenwart. I S. 259.

[2]) Въ Норвегіи по конституціонному закону 28 іюня 1889 г. (ст. 20 конституціи) королю принадлежитъ только право помилованія преступниковъ послѣ того, какъ приговоръ надъ ними будетъ произнесенъ.

Часть вторая.

Политическія основанія амнистіи.

Глава I.

Общее значеніе амнистіи.

Та сторона государственной дѣятельности, на которую амнистія непосредственно направлена, есть репрессія и, по преимуществу, репрессія уголовная. Еще не такъ давно требованія этой репрессіи возводилось на степень безусловныхъ максимъ государственной жизни, возвышающихся надъ всѣми остальными цѣлями государственнаго властвованія. Да и теперь еще кое-гдѣ эти пережитки идеи état-gendarme пользуются авторитетомъ, несмотря на то, что молодая государственная жизнь жестоко взламываетъ ихъ, словно зимній ледъ, сковавшій весенній притокъ водъ. Жизненный авторитетъ этихъ теорій потерянъ вмѣстѣ съ появленіемъ въ наукѣ уголовнаго права ряда новыхъ институтовъ, несомнѣнно подрывающихъ эти правила безусловной репрессіи (условное осужденіе, условное освобожденіе, исправленіе малолѣтнихъ и пр.), но несмотря на это оказавшихъ значительную жизненную пользу. Внимательное изученіе условій борьбы съ преступленіемъ показало, что преступность, коренясь въ тайникахъ общественной жизни, требуетъ для своего искорененія болѣе глубокой и приспособленной соціальной реакціи, нежели та, которую можетъ доставить репрессія, понимаемая въ смыслѣ примѣненія къ виновному мѣръ, спеціально предназначенныхъ

причинять ему страданія или ущербъ. Съ другой стороны, получило признаніе, хотя еще не столь ясное, то положеніе, что репрессія занимаетъ скромное мѣсто въ ряду другихъ соціальныхъ принциповъ, которыми руководится государство въ своей дѣятельности, направленной на этическое совершенствованіе гражданскаго поведенія, и что роль репрессіи прогрессивно ослабляется. На смѣну страха привлекаются иные мотивы человѣческой психики, съ помощью которыхъ желательное для общества поведеніе достигается съ большею легкостью. Даже въ области исполненія наказанія съ большимъ успѣхомъ начинаетъ примѣняться воздѣйствіе на моральное сознаніе виновныхъ съ цѣлью привлечь къ возрожденію ихъ внутреннія силы самого преступника, явившееся на смѣну подавляющаго дѣйствія возмездія. Къ сожалѣнію, въ современной уголовной наукѣ соціально-политическое значеніе начала возмездія, какъ основы репрессіи, выяснено еще крайне слабо. Въ построеніяхъ отдѣльныхъ авторовъ „классической школы" это начало продолжаетъ играть роль конечной стѣны, за которую не перелетаетъ ихъ уголовно-политическая мысль; въ работахъ другихъ это начало отвергается безъ особой оцѣнки самымъ рѣшительнымъ образомъ вмѣстѣ со всей системой современнаго уголовнаго правосудія; обстоятельной оцѣнки же относительнаго значенія этого начала мы нигдѣ не находимъ. При обоснованіи своихъ взглядовъ на амнистію намъ приходится поэтому дѣлать краткіе экскурсы въ эту область.

Употребляя терминъ репрессія, мы разумѣемъ подъ нимъ примѣненіе государственною властью къ лицу, виновному въ какомъ либо запрещенномъ дѣяніи, мѣръ, причиняющихъ ему какой-либо ущербъ, съ цѣлью вызвать съ помощью страха въ немъ самомъ и въ окружающемъ обществѣ мотивы воздержанія отъ подобныхъ дѣяній. Репрессія называется *уголовной*, если средствомъ ея служитъ наказаніе, т. е. мѣра исключительно публичнаго характера, назначаемая судомъ; *гражданской*, если средствомъ является взысканіе вознагражденія въ пользу частнаго лица и *административной*, если мѣра, причиняющая ущербъ, назначается безъ суда, властью админи-

страціи. Репрессія дѣйствительна, если мѣры ея укрѣпляютъ въ обществѣ мотивы воздержанія и тѣмъ способствуютъ укрѣпленію законности. Взятая сама по себѣ, безъ этого соціально-укрѣпляющаго дѣйствія, репрессія есть глубоко отрицательное явленіе, грубая месть преступнику, распложающая въ обществѣ одіозныя чувства и истощающая государство ненужностью своего поддержанія.

Отрицать значеніе соціальнаго дѣйствія репрессіи невозможно. Государство можетъ развивать и совершенствовать свою дѣятельность только тогда, когда низкія, преступныя побужденія его гражданъ парализованы репрессіей и подъ вліяніемъ ея постепенно вырождаются. Оно можетъ создавать новыя, болѣе высокія правообразованія не иначе, какъ укрѣпивъ устойчивость элементарныхъ правилъ поведенія. Понятно, поэтому, что въ жертву этой задачѣ прогресса оно должно приносить тѣ невыгоды, которыя вызываетъ сама по себѣ репрессія. Однако, оцѣнка предѣловъ необходимости такой жертвы должна быть произведена съ принятіемъ во вниманіе всякихъ другихъ средствъ, могущихъ замѣнить здѣсь репрессію. Однимъ изъ такихъ средствъ является сила моральнаго сознанія, т. е. наличность въ психикѣ гражданъ самостоятельнаго императивнаго побужденія къ проведенію въ жизнь извѣстныхъ соціальныхъ началъ поведенія. Моральное сознаніе уже не нуждается въ укрѣпленіи его репрессіей, и появленіе его въ широкихъ массахъ свидѣтельствуетъ о возможности ослабленія силы репрессіи, а иногда обусловливаетъ и полную ея отмѣну. Экономія репрессіи есть одинъ изъ главнѣйшихъ принциповъ государственной дѣятельности. Этимъ и объясняется постоянно замѣчаемое въ сильномъ государствѣ стремленіе къ суженію круга дѣйствія ея. Такое суженіе происходитъ многими путями и, главнымъ образомъ, посредствомъ соотвѣтственныхъ реформъ уголовнаго законодательства. Въ настоящей работѣ мы лишены возможности останавливаться на нихъ. Насъ интересуетъ исключительно одинъ способъ такого ослабленія, именно, амнистія.

Однимъ изъ наиболѣе прочныхъ принциповъ репрессіи является тотъ, что каждое преступное дѣяніе должно подле-

жать преслѣдованію и наказанію. Если бы отпала увѣренность въ необходимости этихъ послѣдствій, то нормы уголовнаго закона потеряли бы свою репрессивную или, что тоже, психологически-рестриктивную силу надъ гражданами. Амнистія, грубо посягая на этотъ принципъ, устанавливая массовую безнаказанность, несомнѣнно допустима лишь въ томъ случаѣ, если будетъ за нею признано важное значеніе для правильной государственной жизни, если ей будетъ дано такое правно-политическое обоснованіе, которое поколеблетъ силу сопротивленія указаннаго выше принципа неизбѣжности и регулярности репрессіи. Постараемся же установить это обоснованіе, какъ необходимую предпосылку для признанія амнистіи институтомъ, согласнымъ съ культурными функціями государства и заслуживающимъ дальнѣйшей разработки.

Каждый приговоръ суда является сильнымъ въ соціальномъ отношеніи не столько потому, что за нимъ обезпеченъ авторитетъ принудительной власти государства, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что за нимъ стоитъ извѣстное общественное отношеніе, что ему присвоена извѣстная соціальная оцѣнка, въ которой выражается степень потребности въ репрессіи даннаго дѣянія, испытываемая обществомъ, и значеніе, придаваемое обществомъ тѣмъ законодательнымъ началамъ, въ защиту которыхъ эта репрессія примѣняется. Оцѣнивая приговоры, общество говоритъ о „чрезмѣрной“, „излишней“ и т. п. репрессіи, когда сила ея переходитъ размѣры общественно-необходимаго. Оно говоритъ о „безсмысленной“, „варварской“, „возмутительной“ и пр. репрессіи, когда эта репрессія примѣняется въ защиту соціальныхъ нормъ, уже отжившихъ, ничтожныхъ, извращенныхъ. Противорѣчіе, выступающее между оффиціальнымъ приговоромъ, устанавливающимъ репрессію, и между оцѣнкой общества, заключающей въ себѣ обыкновенно жизненный критерій необходимости репрессіи, лишаетъ репрессію въ значительной части ея силы, влечетъ за собою многочисленныя соціально-вредныя послѣдствія и вызываетъ иногда необходимость въ массовой отмѣнѣ ея [1]).

[1]) Угрозу уголовнаго закона можно сравнить съ векселемъ, выданнымъ госу-

Осуществленіе репрессіи непопулярной, навязывающей обществу правила поведенія и нормы, имъ не признаваемыя за цѣнныя, истощающей общество своею чрезмѣрностью, не достигаетъ своей цѣли. Принудительное воздѣйствіе общественнаго мнѣнія, обезпечивающаго силу репрессіи, падаетъ, а остается лишь чувство страха предъ принудительной властью государства, само по себѣ недостаточное для поддержанія поведенія высокаго типа. Гражданами сознается извѣстный антагонизмъ между культурными идеями общества и продуктами оффиціальной судебной дѣятельности, который можетъ доходить до полнаго отказа въ признаніи соціальнаго авторитета за приговорами государственнаго суда, до восхваленія дѣяній, осужденныхъ въ оффиціальныхъ приговорахъ, и до открытаго призыва къ нимъ, какъ къ соціально одобряемымъ актамъ. Акты репрессіи при такихъ условіяхъ не только

дарственной власти обществомъ за счетъ пользованія авторитетомъ ея. Общество нуждается въ охраненіи правопорядка, въ обезпеченіи основныхъ устоевъ своей дѣятельности и, испытывая потребность для этого въ особой охранительной силѣ, привлекаетъ авторитетъ государственной власти. Наказаніе есть возмѣщеніе, предоставляемое обществомъ государству въ случаѣ нарушенія кѣмъ либо изъ членовъ общества государственнаго авторитета посредствомъ совершенія преступленія. Наказаніе необходимо для возстановленія и поддержанія этого авторитета; для самого же общества оно представляетъ тяжелую обязанность, крупный экономическій и моральный ущербъ. Квитанціями, по которымъ общество уплачиваетъ государственной власти репрессію, являются судебныя приговоры. Исправный платежъ по квитанціямъ есть необходимое условіе силы векселя, въ которой общество заинтересовано. Если авторитетъ власти очень силенъ, то она по собственной иниціативѣ можетъ погашать цѣлыя серіи подобныхъ квитанцій, не требуя по нимъ даже уплаты (амнистія).

Но бываетъ иногда, что государство навязываетъ обществу векселя, послѣднему вовсе не нужные, требуетъ уплаты по квитанціямъ, не признаваемымъ обществомъ правильными, или, усиливая тяжесть наказаній, увеличиваетъ произвольно размѣры платежей до крайности. Въ этихъ случаяхъ общество иногда отказывается отъ уплаты репрессіи. Государство прибѣгаетъ къ войску, военному положенію, административнымъ дѣйствіямъ, какъ къ мѣрамъ взысканія, оно истощаетъ, насилуетъ, угнетаетъ общество ради поддержанія своего авторитета покоющагося на дутыхъ векселяхъ. При такихъ условіяхъ несомнѣненъ кризисъ, который можетъ наступить или въ видѣ сопротивленія общества (революція), или въ видѣ его разоренія (реакція и упадокъ) или въ видѣ безвозмезднаго погашенія государствомъ квитанцій и отказа отъ требованій по дутымъ векселямъ, правда, съ нѣкоторымъ ущербомъ для государственнаго авторитета (амнистія)

не вызываютъ мотивовъ воздержанія въ обществѣ, но порою являются соціально-высокими стимулами къ продолженію подобной дѣятельности; ореолъ геройства придаетъ этой дѣятельности особенную силу подражанія. Не только общество, но даже виновныя лица перестаютъ воспринимать силу репрессіи. Индивидуальная чувствительность виновныхъ къ актамъ подобной репрессіи притупляется; на смѣну чувства преклоненія предъ высокимъ торжествомъ правосудія выступаетъ затаенная злоба побѣжденнаго, готоваго временно перенести мучительства съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ надлежаще организовать свою месть. Страданіе, вызываемое наказаніемъ, является уже не страданіемъ искупительнымъ, а страданіемъ возбудительнымъ, скопляемымъ для большей силы грядущаго взрыва. Наказаніе дѣйствуетъ здѣсь не репрессивно-угнетательно, а нагнетательно. Вмѣсто того, чтобы уничтожать упорство осужденнаго по отношенію къ велѣніямъ государственной власти, оно усиливаетъ его во много разъ.

Такимъ образомъ, репрессія, стоящая въ антагонизмѣ съ общественными требованіями и оцѣнкой, не только не достигаетъ своихъ цѣлей созданія въ обществѣ и въ виновномъ индивидѣ мотивовъ воздержанія, и тѣмъ самымъ не только теряетъ единственное оправданіе своего существованія, но и усиливаетъ противоположные мотивы, порождая борьбу съ деспотизмомъ власти и вызывая реакцію на грубую силу, примѣняемую въ качествѣ наказанія. Авторитетъ государственной судебной власти падаетъ, ослабляется контроль права надъ поведеніемъ гражданъ, появляется меньшая устойчивость и энергія правовыхъ дѣйствій, подрывающая развитіе общественныхъ силъ. И дальнѣйшее примѣненіе репрессіи не только не укрѣпитъ эти послѣднія, но будетъ наносить имъ все новые и новые удары. Здѣсь именно появляется необходимость въ такомъ правовомъ институтѣ, который позволялъ бы отсѣкать репрессію, ставшую ненужной или опасной для государства. Такое средство диктуется необходимостью поддерживать культурныя задачи государства, а не отдавать всѣ силы на служеніе Молоху репрессіи, какъ какой то самодовлѣющей цѣли. Это средство является вполнѣ пріемле-

мымъ, такъ какъ уничтожаетъ уже дискредитированную репрессію, положительное дѣйствіе которой поддерживалось лишь фикціей [1]).

Амнистія обыкновенно является результатомъ чрезмѣрнаго злоупотребленія уголовной репрессіей въ борьбѣ съ соціально-политическими идеями. Она служитъ лучшимъ доказательствомъ преувеличенности тѣхъ надеждъ, которыя возлагаетъ на репрессію государственная власть, замкнувшаяся въ своемъ консерватизмѣ. Одѣвшись въ броню уголовнаго закона, консерватизмъ пытается отстрѣливаться отъ новыхъ теченій, неустанно обрушивающихся на его неподвижные устои; но если этимъ теченіямъ удастся совершить свою работу, то тяжесть одѣтой брони усиливаетъ силу паденія стараго авторитета. Амнистія тѣмъ шире и тѣмъ опаснѣе для старыхъ началъ, чѣмъ сильнѣе была репрессія, примѣнявшаяся въ защиту ихъ.

Но не только непопулярность или чрезмѣрность репрессіи приводитъ къ амнистіи. Амнистія иногда, наоборотъ, бываетъ знакомъ силы и популярности господствующей политики. Для авторитетнаго государственнаго строя нѣтъ опасности отсѣкать иногда, по соотвѣтственнымъ поводамъ, репрессію въ политической области, если власть можетъ учесть возмѣщающее значеніе пробуждаемыхъ амнистій моральныхъ мотивовъ поведенія. Устраненіе репрессіи здѣсь приноситъ несомнѣнную пользу государству, укрѣпляетъ моральный его авторитетъ.

Въ дальнѣйшемъ мы изучимъ соціальное значеніе амнистіи разностороннѣе и полнѣе, пока же мы можемъ только отвѣтить на принципіальный вопросъ о томъ, допустима ли амнистія въ современномъ государственномъ строѣ. Основываясь на вышеизложенномъ, мы должны признать, что отвѣтъ этотъ будетъ утвердительнымъ. Въ жизни государствъ

---

[1]) Амнистія съ такой точки зрѣнія есть мѣра оздоровленія, устраняющая изъ народной психики ферменты броженія, вызываемые репрессіей, особенно репрессіей, примѣняемой для поддержки устарѣлыхъ и разлагающихся политическихъ началъ.

бываютъ такіе моменты, когда репрессія, вслѣдствіе ли своей чрезмѣрности и несоотвѣтствія тѣмъ началамъ, въ защиту которыхъ она примѣнялась, вслѣдствіе ли массовой ея недоброкачественности, или вслѣдствіе ненужности ея благодаря моральной силѣ государственнаго авторитета, становится излишней или даже вредной. Общество отказываетъ ей въ своей поддержкѣ или даже прямо выступаетъ противъ нея; на виновныхъ же она не оказываетъ должнаго дѣйствія. Въ этихъ случаяхъ она подлежитъ устраненію безъ особеннаго ущерба для государства. Крушеніе уголовнаго закона сильнѣе всего вызывается частымъ его нарушеніемъ и частой необходимостью репрессіи.

Inde laudem meretur princeps qui
Multa metu poenae, poena qui pauca coercet (Ovidius. Ex pont. I, 3).

Амнистія же, устраняя репрессію, колеблетъ не столько самый уголовный законъ, сколько авторитетъ государственной власти, пользовавшейся этимъ закономъ для поддержанія своего политическаго могущества. Спасаетъ этотъ авторитетъ отъ колебаній только „перемѣна курса“, которой и сопровождается обыкновенно амнистія. Вотъ почему амнистія знаменуетъ собою обыкновенно переходъ къ новымъ началамъ государственной жизни, которыя долгое время находились подъ гоненіемъ. Вотъ почему самое представленіе объ амнистіи связано съ свѣтлыми надеждами на лучшій строй.

Если признать, что государственная жизнь должна обновляться, если признать авторитетъ власти основаннымъ на моральномъ сознаніи гражданъ и на способности ея отражать въ себѣ высокія задачи государственнаго властвованія, а не на непреклонности ея отсталой воли, если признать, что уголовная репрессія есть не цѣль сама по себѣ, а лишь средство, то мы будемъ имѣть право назвать амнистію однимъ изъ необходимыхъ государственно-правовыхъ институтовъ, содѣйствующихъ развитію соціальнаго и политическаго строя.

Глава II.

Амнистія и другія мѣры погашенія репрессіи.

Амнистія является мѣрой, погашающей репрессію en masse въ различныхъ стадіяхъ ея примѣненія. Она включаетъ въ себя дѣйствіе цѣлаго ряда отдѣльныхъ институтовъ, частично погашающихъ примѣненіе мѣръ репрессіи при извѣстныхъ лишь конкретныхъ условіяхъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ представляется даже возможнымъ разложить правовое дѣйствіе амнистіи на рядъ частныхъ институтовъ погашенія наказанія или преслѣдованія. Эта возможность является въ глазахъ германскихъ криминалистовъ основаніемъ отрицать самостоятельную правовую природу амнистіи и признавать ее только соединеніемъ аболиціи и помилованія. Поэтому, для того, чтобы установить самостоятельную природу амнистіи, необходимо выяснить отношеніе ея къ различнымъ институтамъ частичнаго погашенія репрессіи. Рѣшеніе этого вопроса должно быть поставлено не столько на почву выясненія догматическихъ различій, такъ какъ каждый разъ возможно было бы оспариваніе силы дѣйствія этихъ различій да и характеръ ихъ во многомъ зависѣлъ бы отъ уровня развитія права въ соотвѣтственной области, сколько на почву правовой политики, имѣющей цѣлью выяснить тѣ политическія основанія, по которымъ должно произойти обособленіе амнистіи отъ прочихъ институтовъ и установленіе тѣхъ или иныхъ догматическихъ различій.

При нормальныхъ условіяхъ, въ силу принципа nullum crimen sine poena, каждый актъ репрессіи долженъ приводиться въ исполненіе. Однако, какъ мы уже указывали, самое исполненіе, какъ таковое, является безусловно вреднымъ, если за нимъ не обезпеченъ извѣстный соціальный эффектъ, если оно не будетъ способствовать укрѣпленію мотивовъ воздержанія. Пока эти мотивы сами по себѣ слабы, общество нуждается въ постоянномъ подогрѣваніи ихъ репрессіей. Но на извѣстной ступени развитія нужда въ такомъ подогрѣваніи въ значительной степени ослабляется, и государство получаетъ воз-

можность устранять извѣстную часть излишней репрессіи. Уголовная политика предлагаетъ цѣлый рядъ такихъ средствъ устраненія—условное осужденіе, судебное помилованіе, замѣна наказанія репрессивнаго мѣрами безопасности и т. д. Сюда же относится и институтъ давности наказанія, устраняющій репрессію въ силу отпаденія ея соціальной эффективности по истеченіи извѣстнаго періода времени, изгладившаго память о преступленіи. Давность преслѣдованія служитъ еще болѣе соотвѣтственнымъ средствомъ погашенія актовъ репрессіи, такъ какъ преступное дѣяніе, не выдвинутое на поверхность общественнаго вниманія актами судебной власти, имѣетъ способность изгладиться еще болѣе быстро и глубоко.

Но уголовная политика идетъ осторожными и медленными шагами, расчитанными на нормальныя условія общественной жизни и на правильное отношеніе государственныхъ силъ. Каждый институтъ ея связанъ съ рядомъ предположеній, внимательно оцѣниваемыхъ судебными или административно-судебными органами. Такъ, для условнаго осужденія необходимы условія, свидѣтельствующія о возможности исправленія безъ примѣненія наказанія; для замѣны репрессіи мѣрами безопасности необходимо, наоборотъ, убѣжденіе въ крайне трудной исправимости преступника; для реабилитаціи, устраняющей праволишенія, какъ послѣдствіе наказанія, необходима презумпція уже наступившаго исправленія и т. д. Словомъ, всѣ подобные институты уголовной политики тѣсно связаны съ личными свойствами преступниковъ. Поэтому и примѣненіе ихъ предоставляется судебной власти, наиболѣе способной къ ознакомленію съ личностью преступника. Успѣшность спеціальнаго предупрежденія есть главнѣйшее основаніе примѣненія этихъ мѣръ вмѣсто актовъ репрессіи.

Амнистія въ отдѣльныхъ случаяхъ оказываетъ дѣйствіе, аналогичное дѣйствію этихъ мѣръ. Такъ, несомнѣнно, она охватываетъ дѣйствіе реабилитаціи, прекращая всѣ праволишенія; она можетъ дѣйствовать аналогично условному осужденію, если напр. примѣненіе амнистіи поставлено въ зависимость отъ какого либо условія, долженствующаго свидѣтельствовать объ исправленіи или возможности таковаго со сто-

роны амнистируемаго (условная амнистія); она можетъ быть поставлена въ зависимость отъ вознагражденія потерпѣвшаго и въ этомъ отношеніи приблизиться по своему дѣйствію къ институтамъ устраненія репрессіи въ случаѣ вознагражденія потерпѣвшаго, рекомендуемымъ итальянской школой; она можетъ дѣйствовать, какъ сокращенная давность и т. д. Словомъ, самыя различныя формы погашенія наказанія могутъ находить въ ней свое выраженіе. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что амнистія можетъ быть съ ними отождествляема или разсматриваема какъ простое ихъ сочетаніе? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Если для примѣненія данныхъ институтовъ основаніемъ служитъ убѣжденіе въ успѣшности ихъ для спеціальнаго предупрежденія, то амнистія почти совершенно игнорируетъ это основаніе; подобное дѣйствіе является для нея лишь побочнымъ, она, наоборотъ, отвлекается въ сторону чисто соціальныхъ основаній, игнорируя личныя. Она расчитываетъ даже не только на дѣйствіе въ области общаго предупрежденія, но и на болѣе высокія государственныя цѣли. Имѣя нѣкоторое сходство въ правовомъ дѣйствіи съ этими институтами, она совершенно отлична отъ нихъ въ своемъ соціальномъ дѣйствіи. Поэтому предоставленіе ея должно быть предоставлено другому органу, предположенія примѣненія ея должны быть иныя, порядокъ примѣненія также иной. Всѣ эти различія, въ конечномъ итогѣ, и создаютъ правовой институтъ совершенно иного порядка, нежели выработанныя уголовной политикой отдѣльныя мѣры погашенія репрессіи. Основанія примѣненія этихъ мѣръ, предоставленныхъ подчиненнымъ органамъ, обыкновенно опредѣленно указаны въ законѣ, основанія же амнистіи, примѣняемой верховною властью, обыкновенно не опредѣляются, будучи предоставлены дискреціонному усмотрѣнію этой власти. Но если выяснить эти основанія и противопоставить основаніямъ мѣръ уголовной политики, то различіе станетъ достаточно яркимъ, чтобы признать невозможность ихъ сліянія.

Говоря о мѣрахъ, устраняющихъ репрессію, мы намѣренно не останавливались на вопросѣ о *помилованіи*. Вопросъ этотъ составляетъ центръ разногласій, и потому удоб-

нѣе будетъ разсмотрѣть его особо съ большею подробностью. Право амнистіи выросло изъ прерогативы помилованія, оно обособляется отъ послѣдней только на развитой стадіи, когда амнистія получаетъ гражданско-политическій характеръ. Во многихъ странахъ право амнистіи до сихъ поръ тѣсно связано съ помилованіемъ и не обособляется ни на практикѣ, ни въ теоріи. Только французская доктрина ясно обособила эти два вида, поручивъ осуществленіе ихъ различнымъ органамъ и проведя различія въ ихъ общемъ характерѣ. Въ то время, какъ амнистія коллективна, реальна, неотвергаема, помилованіе индивидуально и зависитъ отъ воли милуемаго. Амнистія изглаживаетъ само преступное дѣяніе, помилованіе— только наказаніе, слѣдуемое за него [1]).

Но и французская доктрина не выясняетъ соціальныхъ основаній для обособленія этихъ двухъ институтовъ, ограничиваясь выясненіемъ догматическихъ различій. Попытаемся сами указать на нихъ въ краткихъ словахъ.

---

[1]) Пейронне, (Pensées d'unprisonnier. 1831. ch. XIV), между прочимъ, выражаетъ слѣдующимъ образомъ соціальное различіе амнистіи и помилованія: „Не остается никакого сомнѣнія въ виновности послѣ принятія помилованія; не остается никакого сомнѣнія въ невинности послѣ амнистіи. Амнистія не заставляетъ ничего терять осужденнаго, помилованіе же заставляетъ его терять все вплоть до права называть себя невиннымъ. Помилованіе не только не возстановляетъ невинности, но, наоборотъ, присоединяетъ къ приговору судьи, по крайней мѣрѣ въ скрытомъ видѣ, приговоръ осужденнаго, принимающаго помилованіе. Амнистія является больше политической, нежели судебной мѣрой. Когда государь желаетъ быть снисходительнымъ посредствомъ отказа отъ наказанія, онъ даетъ помилованіе. Онъ издаетъ амнистію, когда онъ не желаетъ наказывать и не долженъ быть снисходительнымъ". Этотъ взглядъ Пейронне, однако, неточенъ. И амнистія не возстанавливаетъ невинности. Для послѣдней цѣли предназначенъ институтъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ. Возстановленіе невинности требуетъ не только прекращенія наказанія, но и вознагражденія за несправедливо понесенную часть его. Кромѣ того, амнистированный лишенъ возможности отыскивать вознагражденіе за неправильное осужденіе съ доносителя или потерпѣвшаго, недобросовѣстно обвинявшихъ его, оправданный же при пересмотрѣ этого права не лишенъ. „Амнистія—пишетъ Garraud (Précis. 1904. p. 939), устраняя преступный характеръ дѣянія, дѣйствуетъ въ силу законной фикціи, и съ этой точки зрѣнія ея дѣйствіе аналогично дѣйствію возобновленія дѣлъ. Но послѣднее изглаживаетъ преступный характеръ не въ силу фикціи, а потому, что въ дѣйствительности его не существовало". Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ можетъ быть требуемо по французской теоріи, несмотря на амнистію. Legraverend II p. 743. Alimena. Studi di procedura penale 1906, p. 743.

Право помилованія, какъ право, покоющееся на неограниченномъ усмотрѣніи единоличнаго верховнаго органа и, въ большинствѣ случаевъ, не стѣсненное вспомогательнымъ участіемъ другихъ органовъ власти, могло свободно приспособляться въ теченіе долгаго времени своего существованія къ выполненію самыхъ разнообразныхъ задачъ въ судебной области. Оно часто помогало образованію различныхъ правовыхъ институтовъ, становившихся впослѣдствіи самостоятельными и независимыми отъ верховной власти. Такъ напр., въ Англіи пересмотръ уголовныхъ дѣлъ выросъ и развился главнымъ образомъ на почвѣ права помилованія, и до сихъ поръ организація его сохраняетъ въ значительной степени слѣды такого своего происхожденія [1]). Примѣненіе новыхъ уголовно-политическихъ институтовъ условнаго осужденія, условнаго освобожденія, реабилитаціи и пр. во многихъ странахъ (напр. въ Германіи, Америкѣ) происходитъ при помощи по-

---

[1]) Такъ главнѣйшій видъ пересмотра, соотвѣтствующій нашему кассаціонному, происходитъ въ Англіи посредствомъ выдачи writ of error, который развился изъ права помилованія и представляетъ собою restitutio ex capite gratiae. Съ 1704 г. для его допущенія стало достаточнымъ разрѣшеніе со стороны генеральнаго атторнея (fiat), отказа въ которомъ, впрочемъ, ни разу не было (S t e p h e n. History I, p. 308). Далѣе, дѣла, гдѣ возбуждается сомнѣніе относительно правового вопроса, судьи могутъ передавать на разсмотрѣніе особаго суда Court for Crown Cases Reserved, учрежденнаго въ 1848 г.; функціи его въ 1873 г. были переданы High Court of Justice. Этотъ видъ пересмотра также возникъ изъ помилованія. Сомнѣвающійся въ примѣненіи закона судья переноситъ дѣло въ совѣщаніе своихъ коллегъ и въ случаѣ благопріятнаго для осужденнаго исхода совѣщанія объявляетъ ему помилованіе—free pardon (S t e p h e n. Ibid. I. 311. K e n n y. Outlines p. 420, 490). До сихъ поръ помилованіе въ Англіи замѣняетъ институтъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ. О помилованіи невинно осужденныхъ рѣшаетъ Home Secretary и затѣмъ докладываетъ о томъ королю. Такъ, по статистическимъ даннымъ, приводимымъ R o s e n f e l d'омъ (A s c h r o t t. Reform des Strafprocesses. 1906. S. 654) въ 1903 г. въ Англіи изъ 433 случаевъ помилованія 23 обязаны такой функціи Home Secretary. Это помилованіе людей завѣдомо невинныхъ составляетъ, конечно, большую аномалію. Въ 1906 году, наконецъ, палатой общинъ принятъ билль (Court Criminal Appeals Bill), по которому учреждается апелляціонный судъ, на обязанности котораго будетъ лежать и возобновленіе уголовныхъ дѣлъ (Ср. A l i m e n a. Studi di procedura penale. 1906. La revisione).

Точно также, напр., въ Англіи еще не развился (кромѣ области политическихъ преступленій) институтъ давности преступленія. Эту функцію выполняетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ то же помилованіе.

милованія, примѣненіе котораго ставится въ зависимость отъ успѣшности спеціальнаго предупрежденія въ конкретномъ случаѣ. Въ другихъ странахъ эти институты стали самостоятельными правовыми институтами. Особое смягченіе наказанія почти во всѣхъ странахъ производится чрезъ помилованіе. Въ прошломъ право помилованія служило средствомъ объединенія и организаціи всего судебнаго строя. Словомъ, благодаря неопредѣленному своему характеру, помилованіе привлекалось для поддержки самыхъ разнообразныхъ правообразованій въ области правосудія. Примѣнялось оно и въ той области, которая нынѣ занята самостоятельнымъ правовымъ институтомъ амнистіи. По существу приспособленное къ конкретнымъ обстоятельствамъ дѣла, являясь какъ бы видомъ пересмотра дѣла верховною властью [1]), помилованіе для выполненія функцій, соотвѣтствующихъ амнистіи, принимало болѣе широкій соціальный характеръ (коллективное помилованіе), облекалось въ новыя формы (манифесты), соединялось съ другими правами государя (напр., правомъ сложенія недоимокъ или предоставленія различныхъ льготъ). Эта не совсѣмъ соотвѣтствующая помилованію форма безъ особыхъ неудобствъ могла примѣняться до тѣхъ поръ, пока высшая исполнительная власть обладала правомъ помилованія въ такомъ объемѣ, который необходимъ для успѣшнаго дѣйствія амнистіи, или пока она по своему положенію оставалась соотвѣтственнымъ органомъ предоставленія послѣдней. Съ отпаденіемъ же этихъ условій потребность въ амнистіи должна была привести къ образованію самостоятельнаго правового института, независимаго отъ помилованія и иначе организованнаго, какъ это мы видѣли выше на рядѣ примѣровъ западнаго права.

Необходимость измѣненія органа предоставленія амнистіи и расширенія ея правового дѣйствія дѣйствительно имѣется при гражданско-политической амнистіи, какъ это мы постараемся доказать въ главѣ объ органѣ предоставленія ам-

---

[1]) См. такую характеристику его у Alimena. Studi di procedura penale. p. 436.

нистія. А появленіе такой потребности должно влечь за собою стремленіе къ удовлетворенію ея спеціальнымъ институтомъ.

Такимъ образомъ амнистія, выросши на стеблѣ права помилованія, дойдя до извѣстной степени зрѣлости, должна, подобно многимъ другимъ правовымъ институтамъ, отпасть и получить самостоятельную жизнь. Но, чтобы выводъ этотъ былъ надеженъ, нужно доказать, что амнистія составляетъ не нормальную, а только побочную функцію права помилованія, что по своимъ основаніямъ, дѣйствію и способу примѣненія она существенно отличается отъ нормально приписываемыхъ помилованію функцій.

Помилованіе въ широкомъ смыслѣ раздѣляютъ на помилованіе осужденныхъ и аболицію. Хотя вмѣстѣ взятыхъ дѣйствій этихъ двухъ видовъ помилованія и недостаточно для полученія полнаго правового дѣйствія амнистіи, однако, не будемъ возражать по этому поводу. Помилованіе осужденныхъ въ настоящее время примѣняется какъ нѣкоторый корректив недостатка уголовныхъ законовъ или несовершенствъ судебнаго строя, если въ отдѣльныхъ случаяхъ эти недостатки повлекли рѣзкую несправедливость [1]); иногда по-

---

[1]) Въ германской доктринѣ основанія помилованія подвергались довольно тщательной обработкѣ. Одни авторы (Abegg III p. 348, Elsas p. 11, Feuerbach p. 122, Hälschner p. 543, Köstlin p. 632, Mohl p. 639) допускаютъ помилованіе, поскольку оно привлекается на службу высшей справедливости. Другіе (Berner p. 314, Binding. Handbuch. p. 861, Geib p. 155, Heinze p. 632, Liszt p. 258, Merkel p. 250, H. Meyer p. 335, Wächter p. 301, Stockar p. 14, Heimberger p. 9) признаютъ допустимымъ примѣненіе помилованія и ради другихъ государственныхъ интересовъ. Plochmann p. 64 различаетъ помилованіе на обыкновенное и чрезвычайное, причемъ къ первому относитъ тѣ случаи, когда оно служитъ исключительно справедливости, ко второму—когда оно служитъ и политическимъ интересамъ. Что касается частныхъ основаній допущенія помилованія, то старые авторы Кантъ, Клейнштродъ, Фейербахъ, Кестлинъ, Эрштредъ, Людеръ признавали умѣстнымъ помилованіе при осужденіи за массовыя преступленія и для раскрытія шаекъ; болѣе новые относятъ сюда слѣдующіе случаи: 1) несоотвѣтствіе закона, когда судья назначилъ слишкомъ суровое наказаніе за дѣяніе или не принялъ во вниманіе особенныхъ обстоятельствъ его, 2) если процессъ велся съ извѣстными ошибками (Гейбъ), повлекшими за собой дѣйствительно или предположительно несправедливое рѣшеніе (Arnold, p. 10, Liszt p. 258, H. Meyer p. 335), не могущее быть отмѣненнымъ въ процессуальномъ порядкѣ (Seuf-

милованіе привлекается для устраненія репрессіи ради личныхъ свойствъ какого-либо преступника. Во всѣхъ этихъ случаяхъ примѣненіе помилованія не зависитъ отъ категоріи дѣянія, въ противоположность амнистіи; оно основано на близкомъ изученіи отдѣльнаго дѣла, а не на соображеніи соціальныхъ условій, для чего совершенно непригоденъ канцелярскій путь, который проходятъ акты помилованія. Основанія помилованія, будучи совершенно отличными отъ основаній амнистіи, требуютъ иной формы, предназначенной скорѣе для достиженія результата въ данномъ дѣлѣ, нежели для широкаго публичнаго оглашенія; наконецъ, самый характеръ помилованія, всегда носящаго характеръ милости [1]), слишкомъ узокъ для амнистіи, которая чаще всего бываетъ актомъ справедливости или даже уступкою по отношенію къ власти.

Другой видъ помилованія,—право аболиціи, остатки котораго еще кое-гдѣ сохраняются (Германія, Англія, Австрія, Швейцарія), какъ самостоятельная мѣра окончательно потеряло свой raison d'être. Въ старое время его примѣняли еще иногда для раскрытія заговоровъ путемъ обѣщанія безнаказанности доносчику, но затѣмъ этотъ пріемъ правильно былъ признанъ недостойнымъ правосудія. Въ настоящее время, какъ учитъ практика Германіи, аболиція лишена всякаго значенія и примѣняется иногда лишь по отношенію къ преслѣдованію малолѣтнихъ, какъ суррогатъ еще не установленнаго въ этой области, но необходимаго принципа усмотрѣнія (Opportunitätprincip). Въ большинствѣ случаевъ эта мѣра служила больше источникомъ злоупотребленій, нежели средствомъ удовлетворе-

---

jert p. 148) или только рѣшеніе, не соотвѣтствующее закону (Binding Handbuch p. 864); 3) если исполненіе приговора или продолженіе слѣдствія явилось бы въ какомъ либо отношеніи вреднымъ для государства или менѣе цѣннымъ по сравненію съ другими интересами. Сюда принадлежитъ случай, когда помилованіе предоставляется какъ награда за хорошее поведеніе (H. Meyer p. 335); одно только состраданіе къ виновному не должно служить поводомъ къ помилованію, если оно не является требованіемъ справедливости или государственнаго интереса (Heinze Holtzendorffs Handbuch. II p. 633).

[1]) Существуетъ даже взглядъ на помилованіе, какъ на *подарокъ* (см. цитируемое у Wahlberg Kleine Schriften III p. 133 мнѣніе Möller'а).

нія государственныхъ потребностей; современная наука единогласно осудила ее [1]). Но если аболиція, какъ индивидуальная мѣра, подлежитъ полному упраздненію, то въ составѣ правового дѣйствія амнистіи она является необходимымъ элементомъ. Амнистія выйдетъ, такъ сказать, однобокой, если она на ряду съ устраненіемъ уже примѣняемой репрессіи не постарается устранить репрессіи, могущей и долженствующей быть примѣненной по поводу прошлыхъ дѣяній. Безъ этого эффекта умиротворяющее дѣйствіе амнистіи будетъ крайне слабымъ, и, во всякомъ случаѣ, неполнымъ. Здѣсь возникаетъ противорѣчіе, которое можетъ быть устранено лишь обособленіемъ амнистіи отъ помилованія въ широкомъ смыслѣ. Если этого не будетъ сдѣлано, то придется сохранить право аболиціи, необходимое на случай амнистіи, а это сохраненіе вреднаго права можетъ порою служить источникомъ злоупотребленій. Кромѣ того все сказанное нами выше о неприспособленности органовъ и порядка примѣненія помилованія къ основаніямъ амнистіи сохраняетъ свою силу и для аболиціи.

Такимъ образомъ интересы правильнаго дѣйствія, какъ помилованія, такъ и амнистіи, требуютъ ихъ обособленія. И въ дѣйствительности, мы наблюдаемъ даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ оба эти права сосредоточены въ рукахъ монарха, обособленіе въ законѣ какъ порядка изданія, такъ и правовыхъ условій примѣненія того и другого (см. ч. I гл. VII: Италія, Испа-

---

[1]) См. выше. Какъ на отдѣльную попытку выяснить недопустимость аболиціи въ позднѣйшей французской литературѣ мы можемъ указать лишь на цитату Mangin (Traité de l'action publique II 1876. p. 307), который такъ опредѣляетъ различіе помилованія и аболиціи для правосудія. „Помилованіе есть счастливое и незамѣнимое восполненіе, правосудія, которое осуществляетъ свое дѣйствіе лишь послѣ того какъ правосудіе выполнило свою миссію. Оно проявляетъ свое дѣйствіе только послѣ того какъ оскорбленный законъ и возбужденное общество получили должное удовлетвореніе. Не слѣдуетъ бояться злоупотребленій этимъ правомъ: милость монарха съ трудомъ можетъ быть введена въ заблужденіе, такъ какъ преступленіе и всѣ его подробности извѣстны; общественное мнѣніе, выясненное посредствомъ критики, налагаетъ на министровъ обязанность вносить умѣренность и разумность въ свои предложенія, представляемыя правительству. Но прекращать теченіе публичнаго преслѣдованія, предписывать молчаніе судамъ это значитъ суспенсировать дѣйствіе уголовныхъ законовъ“.

нія, Греція, Данія, Португалія и др.). Помилованіе и амнистія получают характеръ самостоятельныхъ правовыхъ институтовъ, каждый изъ которыхъ спеціально предусмотрѣнъ въ конституціи. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ мѣняется и органъ предоставленія. Амнистія отходитъ къ компетенціи законодательныхъ органовъ, а помилованіе остается въ рукахъ исполнительной власти. Дифференціація правового строя идетъ медленно, но упорно, и она въ данномъ случаѣ неизмѣнно приводитъ къ обособленію амнистіи отъ другихъ институтовъ и къ придачѣ ей формы, наиболѣе соотвѣтствующей ея высокому государственному значенію.

Глава III.

Опредѣленіе понятія амнистіи.

На обязанности изслѣдователя какого либо правового института лежитъ прежде всего задача точнаго выясненія тѣхъ признаковъ, которые характеризуютъ предметъ его изученія въ отличіе отъ всякихъ другихъ построеній. Этимъ онъ намѣчаетъ предѣлы изслѣдованія и ставитъ начальную вѣху на пути научной работы. Опредѣленіе понятій есть результатъ тщательнаго аналитическаго изученія предмета и потому понятіе можетъ быть прочно построено лишь въ концѣ изслѣдованія, для начальнаго же руководства достаточно дать общую его формулировку, оріентирующую читателя въ общемъ планѣ. „Весьма важная задача установленія понятій, имѣющихъ быть основными, центральными для болѣе или менѣе обширныхъ наукъ, ихъ частей и дальнѣйшихъ систематическихъ подраздѣленій этихъ наукъ—пишетъ проф. Л. I. Петражицкій—состоитъ въ образованіи и опредѣленіи такихъ классовъ и объектовъ, которые были бы пригодны для созданія по отношенію къ нимъ научныхъ положеній и систематически правильнаго ихъ расположенія“ [1]). Отсюда слѣ-

[1]) Л. I. Петражицкій. Введеніе въ науку права и нравственности 1905, стр. 50

дуетъ, что только испытавъ научную плодотворность опредѣленно-построеннаго понятія, можно полагать его въ основу изслѣдованія. Изслѣдователь не долженъ брать случайно циркулирующія въ языкѣ понятія и примѣнять ихъ къ отдѣльнымъ случаяхъ, хотя бы и съ удачными иногда послѣдствіями, а обязанъ самостоятельно вырабатывать свою систему, какъ это прекрасно доказалъ проф. Петражицкій.

Желая дать опредѣленіе амнистіи, мы должны имѣть въ виду созданіе понятія, покрывающаго разнообразныя формы, изложенныя въ первой части нашей работы, поскольку объединеніе ихъ въ одинъ классъ будетъ имѣть значеніе для какихъ либо научныхъ выводовъ. Наше опредѣленіе должно быть юридическимъ, т. е. заключать въ себѣ термины, содержаніе которыхъ строго опредѣлено въ правовой области. Опредѣленность есть одно изъ главныхъ условій возведенія какого либо положенія на степень положенія, признаннаго правомъ. Наконецъ, наше опредѣленіе должно быть лишь общимъ и предварительнымъ, такъ какъ оно будетъ восполняться дальнѣйшими различеніями.

Въ современной литературѣ, какъ было уже отмѣчено въ первой части, существуютъ два направленія въ опредѣленіи существа амнистіи: французское и германское. Первое, выдвигая на первый планъ соціальную цѣль амнистіи, опредѣляетъ ее какъ забвеніе извѣстныхъ нарушеній, какъ запретъ государственной власти преслѣдовать и наказывать преступниковъ опредѣленной категоріи, декретируемый въ цѣляхъ общаго успокоенія; второе принимаетъ чисто формальное опредѣленіе и считаетъ амнистію отказомъ государства отъ осуществленія своего права на наказаніе по отношенію къ нѣсколькимъ преступникамъ извѣстной категоріи, совершенно безотносительно къ преслѣдуемымъ государствомъ цѣлямъ. Опредѣленія отдѣльныхъ авторовъ лишь въ незначительной степени отклоняются отъ этихъ двухъ формъ.

Оба эти опредѣленія, по нашему мнѣнію, страдаютъ односторонностью. Опредѣленіе, предлагаемое французскими авторами, односторонне указываетъ лишь нѣкоторыя цѣли амнистіи, упуская изъ виду возможность большого разнообразія

ихъ; оно, кромѣ того, содержитъ въ себѣ столь неопредѣленный и юридически недопустимый терминъ, какъ „забвеніе“, едва ли приложимый къ актамъ государственной дѣятельности; благодаря этому юридическое значеніе амнистіи расплывается въ неопредѣленной формулѣ.

Господствующее въ германской литературѣ опредѣленіе амнистіи страдаетъ противоположнымъ недостаткомъ: сосредоточивъ все вниманіе на выясненіи юридической природы амнистіи, оно упускаетъ изъ виду соціальныя ея основанія, составляющія несомнѣнно differentia specifica по сравненію съ другими причинами, погашающими преслѣдованіе и наказаніе. Давность, напр., также способна погашать преслѣдованіе и наказаніе; она подойдетъ подъ опредѣленіе амнистіи, даваемое германскими юристами, если откинуть лишь признакъ протеченія извѣстнаго періода времени. Это опредѣленіе такимъ образомъ, по мѣткому выраженію проф. Петражицкаго, должно быть признано прыгающимъ, въ которомъ предикатъ покрываетъ болѣе широкую область, нежели субъектъ. Не вполнѣ точно, кромѣ того, юридически конструировать амнистію какъ *отказъ* государственной власти отъ права на преслѣдованіе и наказаніе. Право преслѣдованія и наказанія закрѣплено за судебными или обвинительными органами, амнистія же предоставляется или законодательною или верховною властью, которая можетъ лишь предписать судебнымъ органамъ прекращеніе обвиненій и наказанія. Отсюда, конструируемая, какъ полномочіе, амнистія есть *приказъ* извѣстнымъ органамъ государственной власти, а не что-то отрицательное—отказъ. Въ послѣднемъ смыслѣ она легко могла бы быть смѣшана съ принципомъ усмотрѣнія при уголовномъ преслѣдованіи; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, между ними должно быть проведено то различіе, что амнистія безусловно связываетъ усмотрѣніе органовъ обвиненія, Opportunitätprincip же открываетъ ему широкую область.

Изъ отдѣльныхъ попытокъ дать иное опредѣленіе амнистіи слѣдуетъ отмѣтить попытку Chomette [1]), который при-

---

[1]) De l'amnistie 1900. p. 41.

знаетъ амнистію „сувереннымъ актомъ, который на основаніи соображеній соціальнаго порядка, снимаетъ съ цѣлой категоріи уже учиненныхъ дѣяній деликтный и преступный характеръ, который приданъ имъ закономъ“. Опредѣленіе это, правильно подчеркивая погашающее дѣйствіе амнистіи, даетъ ей однако неточное юридическое выраженіе. Амнистія не устраняетъ преступности или деликтности извѣстныхъ дѣйствій вообще, а только прекращаетъ дальнѣйшее дѣйствіе репрессивныхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ этого характера ихъ. Если бы дѣло обстояло такъ, какъ опредѣляетъ его Chomette, то государство должно было бы еще вознаградить амнистируемаго за часть отбытаго наказанія или за проведенное въ послѣдственномъ заключеніи время, такъ какъ дѣяніе, за которое онъ былъ осужденъ или привлеченъ къ суду, не признается преступленіемъ. Уплаченное гражданскому истцу вознагражденіе, по точному смыслу приведеннаго опредѣленія, въ случаѣ амнистіи, погашающей и притязанія частныхъ лицъ, должно было быть возвращено обратно виновному, такъ какъ отпало основаніе его присужденія. Несомнѣнно, что такое опредѣленіе бьетъ дальше цѣли, смѣшивая амнистію съ возстановленіемъ невинно-осужденныхъ.

Опредѣленіе, которое предлагаемъ мы, таково: *амнистія есть актъ верховной государственной власти, предписывающій прекращеніе судебныхъ и административныхъ дѣйствій, направленныхъ къ примѣненію мѣръ репрессіи, по отношенію къ извѣстной категоріи воспрещенныхъ дѣяній и издаваемый ради достиженія какихъ либо болѣе высокихъ задачъ государственнаго властвованія*. Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе это опредѣленіе.

Амнистія *есть актъ верховной государственной власти*. Амнистія несомнѣнно есть публично-правовой институтъ. Мы можемъ себѣ представить аналогичные амнистіи институты, примѣняемые въ различныхъ общественныхъ союзахъ и даже среди частныхъ лицъ, но соціальная природа ихъ настолько отлична отъ амнистіи въ публично-правовомъ смыслѣ, что не представляется плодотворнымъ ввести ихъ въ объемъ нашего опредѣленія. Далѣе, при преступленіяхъ уголовно-частныхъ

потерпѣвшему принадлежитъ право прекращать преслѣдованіе, а иногда и наказаніе по своему усмотрѣнію. Государство ставитъ здѣсь личные интересы потерпѣвшаго выше публичныхъ интересовъ репрессіи. И это право усмотрѣнія близко приближается по своему дѣйствію къ амнистіи [1]), однако оно не можетъ быть отождествлено съ нею въ виду существеннаго различія въ соціальныхъ цѣляхъ того и другого. Эта недопустимость отождествленія и выражена въ видѣ указанія на то, что амнистія есть актъ государственной власти. Различіе соціальныхъ оснований не достаточно сильно подчеркивается въ тѣхъ законодательствахъ, которыя еще знаютъ индивидуальную аболицію, какъ полномочіе королевской власти. Въ Англіи, напр., до сихъ поръ прекращеніе уголовныхъ исковъ королевскимъ помилованіемъ конструируется по аналогіи съ правомъ частнаго лица на отказъ отъ преслѣдованія за причиненный ему ущербъ, хотя жизнь уже давно переросла это личное основаніе публичнаго права и устранила возможность соотвѣтственной аналогіи.

Амнистія есть актъ *верховной* власти. Это значитъ, что власть, предоставляющая амнистію, опредѣляется въ своихъ дѣйствіяхъ самостоятельными побужденіями, а не указаніями какихъ либо другихъ властей. Амнистія издается по свободномъ соображеніи всѣхъ соотвѣтственныхъ условій, и никакая другая власть не можетъ остановить ея дѣйствія. То обстоятельство, какому *органу* вручено право изданія амнистіи, не имѣетъ значенія для опредѣленія верховной власти [2]). Такимъ органомъ можетъ быть монархъ, парламентъ, министры, или судъ, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, если эта функція осуществляется имъ независимо, данный органъ будетъ носителемъ верховной власти. Въ случаѣ передачи права амнистіи подчиненнымъ властямъ говорятъ о делегаціи этого права. Такая делегація, поскольку за делегирующимъ остается право контроля, не измѣняетъ существа власти амни-

---

[1]) Garraud (Précis du droit criminel 1904 p. 537) называетъ его даже частной амнистіей.

[2]) Вопросъ этотъ ниже будетъ разсмотрѣнъ болѣе обстоятельно.

стіи. Полная же делегація этого права, какъ это можно вывести изъ опредѣленія, недопустима, да и совершенно не соотвѣтствовала бы значенію амнистіи.

Амнистія есть актъ, *предписывающій прекращеніе судебныхъ и административныхъ дѣйствій, направленныхъ къ примѣненію мѣръ репрессіи.* Въ этой фразѣ резюмируется дѣйствіе акта амнистіи. Правильно-ли оно выражено? Обыкновенно указывается, что амнистія прекращаетъ начатое уголовное преслѣдованіе и устраняетъ исполненіе наказанія. Преслѣдованіе состоитъ изъ ряда судебныхъ дѣйствій, направленныхъ къ примѣненію мѣръ репрессіи. Амнистія прекращаетъ только такія судебныя дѣйствія, и если послѣ нея можетъ состояться судебное слѣдствіе, то лишь для выясненія примѣнимости амнистіи къ данному случаю или для опредѣленія гражданскаго иска, а не для примѣненія репрессіи. Съ другой стороны, прекращеніе исполненія наказанія вполнѣ подходитъ подъ понятіе судебныхъ и административныхъ дѣйствій указаннаго характера. Къ первымъ будетъ относиться не только направленіе приговора къ исполненію, но иногда и само исполненіе (напр. выговоръ), ко вторымъ будутъ относиться различныя дѣйствія должностныхъ лицъ по исполненію наказанія и по возбужденію преслѣдованія. Такимъ образомъ традиціонно опредѣляемое дѣйствіе амнистіи вполнѣ покрывается предложенной нами формулой. Но это опредѣленіе несомнѣнно шире общепринятаго опредѣленія, и именно въ слѣдующихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, имъ охватываются всякія репрессивныя мѣры, принятіе которыхъ предоставлено администраціи безъ суда (аресты, высылки, штрафы и пр.). При современной конструкціи амнистіи онѣ исключены изъ понятія ея, между тѣмъ обыкновенно онѣ включаются въ содержаніе амнистіи и погашаются по одинаковымъ съ нею основаніямъ. Въ полицейскомъ государствѣ уголовная репрессія въ значительной степени опирается на такія мѣры, и не вносить ихъ въ опредѣленіе безъ вреда для общаго пониманія амнистіи едва-ли возможно. Сюда же должны быть отнесены и взысканія, налагаемыя казенными управленіями за нарушенія соотвѣтственныхъ уста-

вовъ. Во-вторыхъ этимъ опредѣленіемъ охватываются и случаи погашенія амнистіей нѣкоторыхъ гражданскихъ взысканій, предъявляемыхъ частными лицами. Такое погашеніе частныхъ притязаній, имѣвшее въ практикѣ амнистій иногда мѣсто, не находитъ себѣ объясненія при узкомъ опредѣленіи амнистіи, господствующемъ нынѣ. Современные юристы, оперирующіе съ такими опредѣленіями, не должны признавать амнистіей напр. англійскіе bills of Indemnity, которые почти исключительно имѣютъ въ виду прекращеніе частныхъ исковъ, вчиняемыхъ по поводу произвольнаго задержанія и нарушенія личныхъ правъ. Между тѣмъ нѣтъ достаточныхъ теоретическихъ основаній къ выключенію ихъ изъ этого понятія. Въ предлагаемое же нами опредѣленіе эти акты вполнѣ укладываются. Взысканіе примѣрныхъ убытковъ чрезъ судъ присяжныхъ въ Англіи имѣетъ несомнѣнно характеръ преимущественно репрессивный, и дѣйствія, направленныя къ этой цѣли, какъ репрессивныя, подлежатъ прекращенію. Вообще въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданскія взысканія содержатъ въ себѣ репрессивный элементъ, стараются воздѣйствовать на мотивацію лица, предпринимающаго извѣстные акты. Эта цѣль, конечно, не исключаетъ ихъ возмѣщающаго характера, и отъ органа, предоставляющаго амнистію, зависитъ, какимъ отдать предпочтеніе [1]. Конечно, должна ощущаться сильная потребность въ полной амнистіи для того, чтобы возмѣщающее значеніе гражданскихъ притязаній можно было принести въ жертву стремленію устранить ихъ репрессивное значеніе [2].

---

[1]) См. П. Люблинскій. Свобода личности въ уголовномъ процессѣ. 1906, стр. 600 сл.

[2]) Въ литературѣ вопросъ этотъ споренъ. Мы уже останавливались выше (стр. 50) на обрисовкѣ мнѣній французской доктрины по этому предмету. Большинство авторовъ (Dalloz, Mangin, Bertauld, Trebutien, Le Sellyer, Cabat, Chomette) считаютъ погашеніе частныхъ притязаній присущимъ только законодательной власти. Королевская власть этой прерогативы никогда не имѣла. Еще изъ римской эпохи дошли юридическія положенія: Non potest rex gratiam facere cum injuria et damno aliorum. Princeps nunquam tollit ius quaesitum tertio (L. 12 Cod.). Для дореформенной Франціи эти оговорки имѣли полную силу. Въ Англіи на погашеніе частныхъ притязаній всегда былъ уполномоченъ

Наконецъ, въ третьихъ, такимъ опредѣленіемъ обнимаются дисциплинарныя и даже чисто полицейскія мѣры, поскольку онѣ вызваны стремленіемъ репрессіи. Необходимость отмѣны ихъ при амнистіи не подвергается сомнѣнію во французской литературѣ, хотя допустимость этого отнюдь не вытекаетъ изъ принятаго въ ней опредѣленія.

Для правильнаго пониманія существа амнистіи и согласованія правовой конструкціи съ политическими ея основаніями, такое расширеніе дѣйствія амнистіи представляется необходимымъ. Во французской доктринѣ оно производится отчасти посредствомъ выведенія отдѣльныхъ послѣдствій изъ необходимости „забвенія“ (т. е. вопреки юридической формулировкѣ эти послѣдствія выводятся изъ смутнаго указанія соціальныхъ цѣлей амнистіи, что̀, конечно, жестоко обличаетъ неполноту ея). Въ германской доктринѣ и это невозможно, такъ какъ тамъ понятіе амнистіи искусственно сужено до простого соединенія аболиціи съ помилованіемъ въ тѣсномъ смыслѣ. Столь несообразно урѣзанная амнистія не могла даже стать тамъ самостоятельнымъ правовымъ институтомъ.

Предлагаемое нами опредѣленіе включаетъ въ себѣ всѣ эти отдѣльныя дѣйствія амнистіи. Но необходимо еще посмотрѣть, не идетъ-ли оно дальше цѣли и не захватываетъ-ли такія области, которыя къ амнистіи отнесены быть не могутъ? Намъ думается, что, за предѣлами указаннаго нами содержанія, иныхъ формъ судебныхъ и административныхъ

лишь парламентъ посредствомъ Acts of Indemnity. Мнѣнія Rauter, Helie и Hoffmann (Traité des questions préjudicielles 1863 I. p. 48) о недопустимости прекращенія частныхъ исковъ исходятъ изъ теоріи священнаго происхожденія частной собственности и не могутъ быть признаны правильными. Удачнѣе оговорка Berriat-de-Saint-prix (Cours. p. 110), который указываетъ, что амнистія не можетъ „закрѣплять за амнистируемыми лицами тѣхъ предметовъ, которые они присвоили отъ другихъ посредствомъ своего преступленія“. Этимъ постановленіемъ не обезпечивается торжества корыстнымъ мотивамъ, которые могли участвовать въ учиненіи отдѣльныхъ преступленій, погашаемыхъ амнистіей; вмѣстѣ съ тѣмъ отобраніе преступно добытыхъ предметовъ нисколько не носило бы характера репрессивной мѣры. Требованія Garraud и Haus о вознагражденіи потерпѣвшихъ, лишенныхъ амнистіей права отыскивать убытки, со стороны государства еще не по силамъ послѣднему.

дѣйствій, направленныхъ къ примѣненію мѣръ репрессіи не имѣется. Репрессивная дѣятельность частныхъ лицъ (месть, бойкотъ и пр.) лежитъ внѣ нашего опредѣленія, такъ какъ она не обнимается понятіемъ судебныхъ и административныхъ дѣйствій; точно также стоитъ внѣ его дисциплинарная дѣятельность организацій, не имѣющихъ публичнаго характера, дѣйствіямъ которыхъ не присвоенъ административный или судебный характеръ (напр. исключеніе изъ клуба). Если же въ области судебныхъ или административныхъ дѣйствій нашелся бы такой видъ, который нами не разсмотрѣнъ, то несомнѣнно, какъ это мы постараемся доказать далѣе, при политическомъ обоснованіи амнистіи, онъ долженъ былъ бы войти въ указанный нами объемъ дѣйствія амнистіи.

Но предлагаемое нами опредѣленіе, съ другой стороны, сужаетъ нѣсколько область дѣйствія амнистіи по сравненію съ традиціоннымъ опредѣленіемъ. Согласно нашему опредѣленію прекращенію подлежатъ не всякія дѣйствія преслѣдованія и наказанія, но только тѣ, которыя направлены къ примѣненію мѣръ репрессіи. Отсюда, напр., дѣйствія суда по конфискаціи или уничтоженію орудій преступленія или неподлежащихъ въ интересахъ безопасности обращенію вещей не устраняются, такъ какъ они преслѣдуютъ цѣли безопасности, а не репрессіи. Точно также въ области наказанія могутъ встрѣтиться мѣры, принятыя въ интересахъ безопасности или исправленія (напр. заключеніе въ работный домъ послѣ отбытія наказанія или въ больницу для алкоголиковъ, въ учрежденіе для уменьшенно-вмѣняемыхъ и пр.), которыя по общему правилу не устраняются амнистіей. Впрочемъ, вслѣдствіе того, что во всѣхъ этихъ мѣрахъ есть еще и извѣстная репрессивность, то при особенной потребности въ амнистіи стремленіе устраненія этой репрессивности можетъ перевѣшивать значеніе исправленія или соображеній безопасности и влечь отмѣну ихъ. По этой причинѣ замѣчается извѣстное нерасположеніе предоставлять амнистію за общія уголовныя преступленія и, въ частности, за наиболѣе тяжкія: въ этихъ случаяхъ наказаніе преслѣдуетъ въ очень сильной степени цѣли безопасности и исправленія (путемъ

устрашенія преступника или воспитанія его), и игнорированіе ихъ не представляется желательнымъ. Отдѣленіе цѣлей репрессіи въ области наказанія отъ другихъ цѣлей часто не можетъ еще быть произведено съ достаточною опредѣленностью, и вслѣдствіе этого приходится дѣйствовать нѣсколько грубо: именно для достиженія опредѣленности амнистіи отсѣкать эти послѣднія цѣли совершенно. Иногда, впрочемъ, онѣ принимаются во вниманіе и создаютъ такъ называемую условную форму амнистіи, когда амнистія предоставляется напр. подъ условіемъ выдачи оружія (цѣль безопасности) или явки на военную службу упорныхъ (цѣль исправленія) и пр. [1]).

Амнистія состоитъ только *въ прекращеніи* дѣйствій, направленныхъ къ примѣненію мѣръ репрессіи. Изъ этого слѣдуетъ, что она не вызываетъ какихъ-либо возстановительныхъ мѣръ по отношенію къ мѣрамъ репрессіи, имѣвшимъ мѣсто раньше. Она не влечетъ за собою вознагражденія за понесенную часть наказанія, возмѣщенія утраченныхъ прибылей, воскрешенія утраченныхъ и неиспользованныхъ правъ и пр. Это дѣйствіе присуще скорѣе возстановленію невинно осужденныхъ, имѣющему именно обратную силу. Амнистія не идетъ такъ далеко: она отсѣкаетъ лишь всѣ ограниченія, имѣющія репрессивный характеръ, поскольку они могутъ вліять на будущее. Отдѣльныя исключенія въ этой области (какъ возвратъ уплаченныхъ штрафовъ, уплата жалованья за прошлое время и пр.) обусловливаются или примѣсью къ амнистіи цѣлей возстановленія, или соображеніями уравнивающей справедливости, или даже мотивами чисто оппортунистическими и случайными. Вполнѣ понятно также, что амнистія можетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ актамъ прошлаго, такъ какъ только вытекающія изъ прошлаго дѣйствія репрессивнаго характера могутъ быть на лицо въ моментъ предоставленія амнистіи. Дѣйствіе же амнистіи

[1]) Изъ признанія того, что амнистія погашаетъ лишь дѣйстія, направленныя къ примѣненію мѣръ репрессіи, слѣдуетъ и то положеніе, что амнистія не устраняетъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ, несмотря на погашеніе ихъ амнистіей, если это возобновленіе направлено къ возстановленію невинности.

есть дѣйствіе единичное, пріуроченное къ опредѣленному моменту. Даваемая заранѣе гарантія безнаказанности по своимъ политическимъ основаніямъ имѣетъ очень мало общаго съ амнистіей.

Далѣе амнистія прекращаетъ судебныя и административныя дѣйствія, направленныя къ примѣненію мѣръ репрессіи *по отношенію къ извѣстной категоріи воспрещенныхъ дѣяній*. Въ этомъ требованіи выраженъ *реальный* характеръ амнистіи. Такъ какъ амнистія можетъ распространяться не только на преступленія, но и на нѣкоторыя гражданскія правонарушенія, то представляется необходимымъ выразить это общимъ обозначеніемъ: дѣяній, запрещенныхъ закономъ. Стѣснять понятіе амнистіи указаніемъ конкретныхъ категорій дѣяній, на которыя она можетъ распространяться (дѣянія политическія, печати и пр.), значитъ искусственно ограничивать цѣли, которыя могутъ быть поставляемы амнистіи, и способы достиженія ихъ. Вѣскихъ основаній къ тому не имѣется, какъ это правильно признано и во французской литературѣ (напротивъ того ограниченія такого рода имѣются въ Греціи и Румыніи). Подъ „категоріей“ должно разумѣть всякую группу дѣяній, объединенную общимъ признакомъ, а не непремѣнно имѣющіяся въ законѣ рубрики. Созданіе категорій опредѣляется даже въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ политическими цѣлями амнистіи и конкретными условіями ея. Внесеніе въ опредѣленіе амнистіи указанія на реальный ея характеръ необходимо, какъ лучшее средство оградить амнистію отъ вырожденія въ актъ личной привилегіи или индивидуальной милости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія соціальныхъ цѣлей, современное государство считается не столько съ самими личностями, сколько съ поведеніемъ ихъ, а послѣднее выражается въ опредѣленныхъ дѣяніяхъ. Дѣяніе составляетъ основу для примѣненія репрессіи, оно же должно служить основаніемъ отмѣны ея. Отмѣна репрессивныхъ мѣръ, принятыхъ администраціей по поводу дѣяній, не запрещенныхъ закономъ, а лишь по обязательнымъ постановленіямъ административной власти, при такомъ опредѣленіи также входитъ въ понятіе амнистіи. Исключеніе отдѣльныхъ кате-

горій лицъ изъ дѣйствія амнистіи допустимо лишь постольку, поскольку оно способствуетъ достиженію основныхъ соціальныхъ цѣлей ея, а отнюдь не по частнымъ основаніямъ.

Наконецъ, амнистія есть актъ, *издаваемый ради достиженія какихъ либо болѣе высокихъ задачъ государственнаго властвованія.* Амнистія примѣняется тогда, когда нормальныя основанія, обусловливающія репрессію, предполагаются еще существующими (напротивъ того они отпадаютъ при смерти обвиняемаго, давности), но значеніе ихъ здѣсь признается малоцѣннымъ по сравненію съ тѣми эффектами, которые могутъ быть достигнуты прекращеніемъ репрессивныхъ дѣйствій. Эти эффекты могутъ быть разнообразны, и оцѣнка ихъ безъ установленнаго критерія была бы въ высшей степени случайна. Иному могло бы казаться болѣе предпочтительнымъ сохраненіе нѣкоторыхъ любимцевъ въ своей средѣ предъ задачей правильнаго исполненія правосудія, въ глазахъ другого требованія репрессіи могли бы заслонять собою всѣ задачи моральнаго воспитанія правового чувства населенія. Для устраненія столь произвольной оцѣнки мы сочли нужнымъ внести въ наше опредѣленіе извѣстный критерій, именно—критерій соотвѣтствія задачамъ государственнаго властвованія. Для органовъ власти только этотъ критерій можетъ являться опредѣляющимъ. Государственное властвованіе преслѣдуетъ широкія воспитательныя цѣли, средствомъ для котораго служитъ правовая дисциплина. Сложная задача установленія соотношенія цѣли и средствъ государственнаго властвованія лежитъ на обязанности органа, предоставляющаго амнистію. Болѣе подробное опредѣленіе этихъ задачъ относится уже къ вопросу о политическихъ основаніяхъ амнистіи, къ которому мы перейдемъ ниже.

Опредѣливъ общее понятіе амнистіи, мы можемъ заняться разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ ея видовъ, внося новые отличительные признаки и тѣмъ самымъ приближая его къ отдѣльнымъ конкретнымъ формамъ, въ которыхъ проявляется амнистія въ дѣйствительности.

Глава IV.

Отдѣльные виды амнистіи.

Въ зависимости отъ той цѣли или отъ того государственнаго интереса, на которые направлено дѣйствіе амнистіи, послѣднюю можно раздѣлить на нѣсколько видовъ, во многомъ отличныхъ другъ отъ друга. Положительное, укрѣпляющее правопорядокъ, дѣйствіе амнистіи можетъ быть использовано для усиленія различныхъ началъ государственнаго властвованія, которыя при извѣстномъ строѣ почитаются наиважнѣйшими. Амнистія приспособляется къ нимъ, получаетъ ихъ отпечатокъ. Въ концѣ концовъ, получается довольно типическая самостоятельная форма амнистіи. Въ исторіи развитія амнистіи такихъ формъ можно отмѣтить три: *теократическую*, *династическую* и *политическую*.

Теократическая амнистія характерна для того государственнаго строя, въ которомъ чувство религіознаго подчиненія служитъ одной изъ сильнѣйшихъ опоръ трона. Нѣтъ необходимости, чтобы тронъ непосредственно былъ занятъ духовнымъ лицомъ, достаточно, если духовенство будетъ играть роль первенствующаго класса въ странѣ и свое вліяніе употреблять на поддержку свѣтской власти. При теократической амнистіи ослабленіе силы репрессіи компенсируется усиленіемъ религіознаго чувства. Властью, издающею амнистію, принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы укрѣпляющее дѣйствіе амнистіи было направлено на усиленіе религіозной преданности, этой основы теократическаго государства. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такой амнистіи. Намъ уже извѣстно изъ исторіи амнистіи въ Римѣ, что общая аболиція выросла на почвѣ религіозной идеи о томъ, что боги удовлетворены принесенными имъ жертвами и моленіями по поводу какого либо торжественнаго случая и ничего не имѣютъ противъ прощенія старыхъ преступленій. Здѣсь усиливается очистительная сила жертвъ и молитвъ на счетъ репрессіи. Яснѣе это начало теократической амнистіи выражено въ Византійскомъ періодѣ римской исторіи въ формѣ abolitio

paschalis, имѣвшей цѣлью пробудить въ народѣ чувство религіозной преданности посредствомъ актовъ религіознаго смиренія и милости, предписываемой Богомъ. Въ этихъ актахъ сплошь и рядомъ само Божество выступало, какъ дарующее амнистію, или, по крайней мѣрѣ, эта амнистія даровалась отъ имени Его такъ, чтобы чувства преданности, вызываемыя этой милостью, непосредственно могли закрѣпляться въ религіозной формѣ. Другой, еще болѣе яркій примѣръ теократической амнистіи мы находимъ въ русской исторіи. Занесенная къ намъ изъ Византіи религіозная форма амнистіи до самаго послѣдняго времени сохраняла такой характеръ. Всякое дѣйствіе милосердія по отношенію къ преступникамъ выставлялось въ древней Россіи, какъ милость, диктуемая Богомъ; царь лишь слушалъ велѣнія Божества. Такъ Герберштейнъ (Rerum mosc. comm. стр. 12) пишетъ: „Царь, самодержавный владыка, дается отъ Бога, и потому все, что онъ ни совершитъ, совершается по волѣ Божьей. Даже самъ государь, если его просили объ освобожденіи узника, отвѣчалъ не иначе какъ словами: „если Богъ повелитъ, освободимъ". „По свидѣтельству Котошихина, была въ Россіи и ежегодная abolitio paschalis, происходившая въ воскресенье передъ масляной. И въ императорскую эпоху русской исторіи продолжаютъ примѣняться амнистіи, покоющіяся всецѣло на религіозныхъ основаніяхъ. Воскресаетъ даже древнѣйшая форма abolitio publica. Такъ, напр., манифестъ 27 января 1725 г. по поводу предсмертной болѣзни Петра I (П. С. З. № 4641) предписываетъ дать широкую амнистію и „при свободѣ объявить, что тѣ ихъ тяжкія вины отпущены для здравія Его Величества и чтобы они о томъ Его Величества здравіи къ Богу молитвы приносили". Въ другомъ указѣ (П. С. З. № 4641), данномъ по тому же поводу шляхетству, уклонявшемуся отъ военной службы, предписывается „вины оставить для Его Величества многолѣтняго здравія и дабы Господь Богъ даровалъ отъ скорби Его Величеству облегченіе". Въ этихъ случаяхъ молитва о здравіи и желаніе создать себѣ заслугу предъ Богомъ служатъ единственными основаніями амнистіи. Отдѣльные примѣры теократической амнистіи мы находимъ и въ дореволюціонной Франціи и по-

всюду въ средніе вѣка, но уже и приведенныхъ достаточно, чтобы характеризовать существо ея.

Теократическая амнистія характерна для того государственнаго строя, при которомъ религія есть наиболѣе сильный оплотъ государственной власти. Укрѣпленіе религіи путемъ отказа государственной власти отъ поддержанія правопорядка мѣрами репрессіи, это жертвоприношеніе государства, не находило бы себѣ оправданія, если бы въ самой религіи не были заложены сильныя государственныя начала. Но современная религія, призванная лишь къ внутренней поддержкѣ морально слабыхъ, лишена такого значенія. Поддержка ея такими жертвоприношеніями была бы ничѣмъ неоправдываемымъ разрушеніемъ государства, вреднымъ, поскольку государство призвано еще къ культурной миссіи. Вліяніе религіозныхъ идей надъ поведеніемъ людей стало столь слабымъ, что теократическія амнистіи все же не могли бы поднять его до уровня, полезность котораго могла быть учтена. Теократическая амнистія, какъ государственная форма, поэтому безслѣдно вымираетъ и въ современныхъ амнистіяхъ можно лишь иногда встрѣтить отдѣльные пережитки старыхъ формъ, не имѣющіе реальнаго значенія.

Другой исторической формой амнистіи является *амнистія династическая*. Если амнистія религіозная характерна для теократическаго государства, то амнистія династическая есть прямой отпрыскъ абсолютной монархіи. Она всѣмъ существомъ своимъ связана съ неограниченною монархическою властью. Династическая амнистія можетъ быть опредѣлена, какъ амнистія, всецѣло предназначенная для укрѣпленія любви и преданности населенія царствующей династіи. Укрѣпляющее дѣйствіе амнистіи здѣсь направлено на возвышеніе и усиленіе монархическихъ аттрибутовъ власти, величія, благости, любви къ подданнымъ и на укрѣпленіе наслѣдственнаго преемства монархической власти. По мѣткому замѣчанію Ла Рошфуко, „La clémence des princes n'est souvent qu'une politique pour gagner l'affection des peuples“. Ради задачъ укрѣпленія власти монарха въ сердцахъ подданныхъ ограничивается дѣйствіе уголовной репрессіи. Сознаніе вѣрноподданства,

на которомъ базируетъ вся система бюрократіи, назначеннаго сверху чиновничества и не имѣющаго снизу другихъ самостоятельныхъ подпоръ, должно быть доведено до крайняго напряженія для того, чтобы правопорядокъ, основанный на этой системѣ, былъ устойчивымъ. Укрѣпленіе этого сознанія получаетъ преобладающій государственный интересъ, которымъ и оправдывается ущербъ, наносимый правопорядку амнистіей.

Поводами для династической амнистіи являются различныя событія въ семьѣ, въ личной или государственной жизни монарха, какъ вступленіе на престолъ, коронованіе, бракъ, рожденіе наслѣдника, выздоровленіе отъ болѣзни, громкая побѣда и пр. Примѣры такой амнистіи еще у всѣхъ передъ глазами, такъ что спеціально приводить ихъ не приходится. Очень часто династическая амнистія склонна къ перерожденію въ простое коллективное помилованіе. Забвеніе винъ здѣсь разсматривается какъ милость, щедрость монарха, ибо только какъ таковое оно можетъ служить для цѣлей укрѣпленія чувствъ преданности. Монархъ актомъ амнистіи снисходитъ къ подданнымъ, и это снисхожденіе, какъ и всякое другое снисхожденіе, является источникомъ подчиненія. Изъятыми отъ династической амнистіи являются почти постоянно политическія преступленія, такъ какъ устраненіе репрессіи въ этой области недостаточно компенсируется проблемматичнымъ въ данномъ случаѣ ростомъ чувства преданности. Амнистія смѣшивается часто съ иными милостями, даруемыми по поводу радостныхъ событій и не относящимися къ правосудію, и входитъ какъ составная часть въ общіе всемилостивѣйшіе манифесты, теряя свою самостоятельную государственно-правовую форму. Наконецъ, она допускаетъ даже частичную отмѣну наказанія, многочисленныя индивидуальныя исключенія и пр.

Династическая амнистія жизнеспособна и прогрессивна въ тѣ періоды, когда монархическая власть является носительницей болѣе высокихъ началъ развитія, нежели тѣ, которые въ данное время доминируютъ въ обществѣ. Такъ, въ феодальную эпоху эта власть, сосредоточивая вокругъ себя культурныя силы общества, проводитъ въ жизнь великую идею

централизованнаго государства. Усиленіе положенія монарха отражается и на устойчивости проводимыхъ имъ началъ. Въ эпоху разрушенія сословнаго строя власть эта также играетъ нѣкоторую роль. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ гражданственности руководство государственной жизнью переходитъ въ руки представительныхъ учрежденій, становится дѣломъ самаго народа, разбившагося на партіи и способнаго выдѣлять самостоятельно способныхъ къ государственному властвованію людей. Прогрессивное значеніе активной монархической власти падаетъ все сильнѣе и сильнѣе, на смѣну ея выдвигается начало парламентаризма и далѣе непосредственнаго участія народа. Вслѣдствіе этого теряется государственно-правовой смыслъ династическихъ амнистій. Укрѣпленіе монархической власти перестаетъ быть основнымъ требованіемъ государственнаго развитія, аттрибуты этой власти блѣднѣютъ, авторитетъ ея ослабляется. Кипучая гражданская политическая жизнь выдвигаетъ иныя основанія для амнистіи, династическія же основанія сохраняются въ качествѣ чего-то традиціоннаго. Объемъ дѣйствія ихъ крайне сужается, онѣ затрагиваютъ лишь болѣе легкія дѣянія. Монархической власти, если предоставленіе амнистіи по прежнему составляетъ исключительный аттрибутъ ея, въ очень серьезной степени приходится уже считаться съ политическими основаніями амнистіи и предоставлять ее въ интересахъ развитія гражданственности; впрочемъ, она пытается сохранить связь съ прошлымъ пріурочивая даже политическія амнистіи къ какимъ либо династическимъ событіямъ или годовщинамъ коронованія, дня рожденія императора и т. д., но эта традиціонно сохраняемая связь является чисто внѣшней, не оказывающей реальнаго вліянія. Съ достиженіемъ извѣстнаго гражданскаго строя обнаруживается безрезультатность династическихъ амнистій, ихъ безсиліе служитъ укрѣпленію извѣстныхъ началъ; съ другой стороны, объемъ допустимой амнистіи почти сливается съ актами коллективнаго помилованія, и, въ результатѣ, амнистія, какъ исключительный аттрибутъ монархической власти, отмираетъ, замѣняясь обыкновенно законодательной формой амнистіи. Эта послѣдняя почти всегда служитъ выразительницей амнистіи гражданско-политической.

Гражданско-политическая амнистія можетъ быть опредѣлена, какъ амнистія, предоставляемая въ цѣляхъ укрѣпленія солидарности гражданъ, преслѣдующихъ различныя политическія и соціальныя цѣли. Въ большинствѣ случаевъ, говоря объ амнистіи, имѣютъ въ виду именно эту ея форму. Французская доктрина объ амнистіи построена исключительно на ней и не приложима ни къ одной изъ другихъ вышеуказанныхъ формъ.

Гражданско-политическій интересъ, доминирующій въ этой формѣ амнистіи, выражался различно: „Амнистія—пишетъ Cabat (p. 31) находитъ свое оправданіе въ самой настоятельной необходимости своей для государства. Въ жизни народовъ бываютъ случаи, когда общество болѣе заинтересовано въ милости, чѣмъ въ суровости. Хотя безнаказанность преступленій и безпорядковъ, нанося ущербъ безопасности гражданъ, представляетъ опасность для государства, однако непредвидимыя обстоятельства порою предписываютъ забвеніе и прощеніе наиболѣе характерныхъ посягательствъ... Подобно тому, какъ въ мирныхъ договорахъ принимаются во вниманіе интересы обѣихъ договаривающихся сторонъ, такъ и въ амнистіи выгода государства сочетается съ выгодой его противниковъ. Послѣ безпорядковъ и революцій милость возрождаетъ спокойствіе и порядокъ. Гражданскія войны, религіозная пропаганда, экономическіе конфликты не прекратились бы никогда, если бы власть не прибѣгала къ прощенію. Амнистія производитъ общее умиротвореніе, освобождая заключенныхъ и призывая обратно изгнанныхъ“. Нѣсколько иначе характеризуетъ политическій характеръ амнистіи Chomette (p. 43). „Амнистіи почти всегда являются слѣдствіемъ борьбы партій. Когда страна становится добычей политическихъ или религіозныхъ разногласій, когда въ ней происходитъ гражданская война, возстаніе противъ законной власти и затѣмъ возстанавливается порядокъ, то часто сторона побѣжденная сохраняетъ чувства ненависти, которыя развились подъ вліяніемъ репрессій и которыя будутъ пытаться найти себѣ исходъ въ новыхъ безпорядкахъ. И тогда побѣдившая партія, особенно когда она и раньше была законною властью, изъ

соображеній достоинства и интереса проявляетъ себя великодушной и снисходительной въ побѣдѣ. Она показываетъ амнистіей, что она увѣрена въ своей силѣ и не боится своихъ вчерашнихъ противниковъ". Это опредѣленіе пріурочиваетъ амнистію къ партійнымъ интересамъ. Несомнѣнно, однако, что при политической амнистіи къ мотивамъ чисто партійнымъ примѣшиваются и общіе соціальные интересы, которые придаютъ ей характеръ болѣе высокій, чѣмъ мѣры партійной политики.

Намъ представляется возможнымъ, не смѣшивая вмѣстѣ всѣ основанія гражданско-политической амнистіи, установить 4 главнѣйшихъ группы ихъ.

1. *Амнистіи послѣ гоненій.* Государственная власть мѣрами репрессіи преслѣдуетъ какую-либо секту или партію и вызываетъ этимъ сильное броженіе въ населеніи. Подъ вліяніемъ этого она отказывается отъ дальнѣйшей репрессіи и осужденнымъ даруетъ амнистію, несмотря даже на то, что самая принадлежность къ этой партіи или сектѣ можетъ и на будущее время сохранить свой преступный характеръ.

2. *Амнистіи послѣ революцій.* Революція, всколыхнувъ всѣ политическія страсти населенія, перемѣстивъ государственную власть изъ однѣхъ рукъ въ другія, вызываетъ массу антагонистическихъ къ вновь утвердившейся власти теченій. Амнистія революціонныхъ актовъ есть наилучшее средство ослабленія этихъ теченій, такъ какъ съ нею исчезнетъ источникъ, питающій одіозныя чувства.

3. *Амнистія въ періоды крѣпости государственнаго строя.* Амнистія политическихъ преступленій, менѣе другихъ поддающихся репрессіи и менѣе всего допускающихъ примѣненіе наказаній, есть необходимое свидѣтельство устойчивости извѣстнаго политическаго строя. Внутренне сильное государство испытываетъ періодическую потребность въ такой амнистіи; репрессія въ этой области становится ему почти ненужной, и оно періодически отсѣкаетъ ее безъ вреда для прочности государственнаго строя.

4. *Амнистія послѣ массовыхъ преступленій.* Даже независимо отъ политическаго своего значенія, непреклонное

примѣненіе репрессіи является вреднымъ при массовыхъ преступленіяхъ, гдѣ индивидуальные преступные мотивы играютъ минимальную роль, а выступаетъ преимущественное вліяніе среды соціальной. Репрессія расчитана на индивидуальныя отклоненія, дѣйствовать же чрезъ массы она безсильна. Выходомъ изъ такого положенія является амнистія. „Necessaria venia est ubi totus deseruit exercitus“ [1]). Массовыя преступленія, не относясь спеціально къ разряду политическихъ или соціальныхъ, возникаютъ однако почти всегда на почвѣ религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ страстей, послѣ отдѣльныхъ проявленій классовой или партійной борьбы и потому, чтобы разсѣять эти страсти, разумная политика прибѣгаетъ къ коллективному помилованію или амнистіи.

Указанные четыре вида, конечно, не исчерпываютъ всѣхъ основаній политической амнистіи, однако они до нѣкоторой степени отмѣчаютъ тотъ предѣлъ, въ границахъ котораго амнистія можетъ примѣняться, не переходя въ область злоупотребленій. Такія злоупотребленія могутъ наблюдаться или въ видѣ амнистій, даруемыхъ для популярности, по личнымъ условіямъ, для обезпеченія безнаказанности сторонникамъ правительства при выборахъ и пр.

Характеръ амнистіи при политической ея формѣ значительно измѣняется по сравненію съ первыми двумя видами амнистій. Амнистія здѣсь рѣзко обособляется отъ помилованія и въ отношеніи порядка изданія, и въ отношеніи своей силы и соціальныхъ свойствъ. Она перестаетъ быть милостью, а становится политическимъ компромиссомъ, при которомъ одна сторона дѣйствуетъ въ разсчетѣ на соотвѣтственныя дѣйствія другой. Изъ области болѣе легкихъ общихъ преступленій амнистія переходитъ на преступленія политическія, независимо отъ ихъ тяжести. Предоставленіе ея ставится въ зависимость не отъ случайныхъ событій династическаго характера или религіозныхъ празднованій, а отъ извѣстныхъ колебаній политическаго строя. Изъ мѣры исключительной, амнистія становится мѣрою почти нормальной, вслѣдствіе

---

[1]) Seneca. De ira, II, 10.

нормальности подобныхъ колебаній. Своимъ дѣйствіемъ она не столько укрѣпляетъ власть, сколько вырабатываетъ modus vivendi партійной жизни. Это дѣйствіе ея мы опредѣляемъ какъ умиротворяющее, какъ стремленіе къ образованію солидарности. Съ такой точки зрѣнія политическія амнистіи иногда служатъ призывомъ къ единенію всѣхъ предъ лицомъ общихъ высокихъ государственныхъ задачъ. Расчлененное на партіи государство склонно иногда забыть чисто-партійные раздоры предъ національными задачами (отраженіе врага, проведеніе крупной реформы и т. д.), и здѣсь амнистія политическаго характера, какъ призывъ къ солидарности, бываетъ особенно умѣстна. Политическая амнистія является, такимъ образомъ, въ значительной степени коррективомъ къ партійному строю и партійному правительству [1]).

Мы не считаемъ гражданско-политическую форму амнистіи высшей формой. Она характерна для государственнаго строя партійной и соціально-классовой борьбы. Выше ея стоитъ та форма, которую можно было бы назвать *этической формой амнистіи*. Репрессія, оцѣниваемая сама по себѣ, есть средство безнравственное. Ростъ этической мотиваціи и ослабленіе принудительныхъ началъ государственнаго властвованія должно выдвинуть чисто этическія основанія амнистіи. Развитіе соціальныхъ чувствъ должно стать одной изъ главнѣйшихъ задачъ коллективной дѣятельности, и для этой цѣли, періодическое вначалѣ, и постоянное впослѣдствіи устраненіе репрессіи явится однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ.

Глава V.

Амнистіи условныя и ограниченныя.

Помимо дѣленія амнистій по основаніямъ, слѣдуетъ установить дѣленіе по характеру предоставленія амнистіи. Съ та-

---

[1]) Особо отъ указанныхъ трехъ видовъ амнистіи стоитъ четвертый: *амнистія международно-договорная*. Она предоставляется по окончаніи войны, чтобы прекратить между сторонами споры изъ за отдѣльныхъ нарушеній, могущихъ дать поводъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Общегосударственнаго характера она не имѣетъ и предоставляется обыкновенно по соглашенію главнокомандующихъ арміями.

кой точки зрѣнія амнистіи можно раздѣлить на *категорическія* и *условныя*. Первыя представляются амнистируемымъ независимо отъ какихъ либо условій со стороны ихъ, вторыя—при наличности этихъ условій. Попытки отрицать допустимость условныхъ амнистій, сдѣланныя Пейронне и Гарро, недостаточно убѣдительны. Пейронне [1]) пишетъ: „Иногда говорятъ, недостаточно подумавъ, объ условныхъ амнистіяхъ. Грубое заблужденіе. Эти два слова несовмѣстимы. Условіе, каково бы оно ни было, сохраняетъ слѣды обвиненія и приговора. Амнистія стремится изгладить ихъ,—условіе напоминаетъ ихъ. Гдѣ же найти оправданіе, мотивъ, право установленія условій? Безъ сомнѣнія, въ приговорѣ. Устраните приговоръ и—какое право вы будете имѣть для установленія условій? Условіе, слѣдовательно, будетъ сохранять и укрѣплять приговоръ. По существу, здѣсь нѣтъ и рѣчи объ амнистіи; амнистія, прежде всего, стремится отмѣнить приговоръ; она исключаетъ условіе, условіе исключаетъ ее“. Гарро также считаетъ условія противорѣчащими природѣ амнистіи, хотя указываетъ для подчиненныхъ властей на необходимость соблюденія ихъ [2]). Аргументація Пейронне опровергнута критикой Шометтъ и Каба, на мнѣніяхъ которыхъ мы уже останавливались (см. выше, стр. 44). Условныя амнистіи признаны и даже подробно регулированы въ итальянскомъ законодательствѣ.

Но въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ мнѣнію Пейронне современная доктрина дошла до признанія допустимыми всякихъ условій, чего нельзя не счесть лишь грубымъ рѣшеніемъ вопроса. Необходимо различать нѣсколько видовъ условій, вносимыхъ въ амнистію. Намъ кажется возможнымъ свести эти условія къ тремъ группамъ: условіямъ *снискательнымъ*, условіямъ *возстановительнымъ* и условіямъ *ограничительнымъ*.

Снискательными условіями мы называемъ такія условія, которыя имѣютъ своею цѣлью предоставить государю или

[1]) Pensées d'un prisonnier. ch. XIV.

[2]) Garraud. Traité. I p. 455.

государству какую либо конкретную выгоду, помимо общаго укрѣпляющаго дѣйствія амнистіи. Въ средневѣковой Франціи король часто заставлялъ своихъ подданныхъ покупать амнистію за крупную сумму денегъ. Признавая амнистію полезною, онъ все таки пользовался случаемъ обогатить свою казну созданіемъ особаго условія. И прежде, и теперь часты амнистіи, предоставляемыя подъ условіемъ сдачи города или крѣпости, выдачи оружія и пр. Условія эти обезпечиваютъ дарующему амнистію пріобрѣтеніе извѣстнаго блага, помимо тѣхъ положительныхъ результатовъ, которые представляетъ общее дѣйствіе амнистіи. Конечно, цѣнность этого блага учитывается, и амнистіи въ такихъ случаяхъ даруются болѣе снисходительно, чѣмъ безъ него; иногда даже цѣнность эта выступаетъ на первый планъ, какъ главная цѣль амнистіи, но все же эта цѣль остается однимъ лишь изъ условій.

Пейронне мимоходомъ замѣчаетъ въ своей книгѣ по поводу такихъ амнистій: „не рѣдко случается, что князь и государство извлекаютъ изъ амнистіи больше выгоды, нежели лица, подлежащія ей". Онъ вѣрно отмѣчаетъ этимъ превращеніе въ подобныхъ случаяхъ амнистіи въ мѣру корыстнаго расчета. Понятно, что при такомъ превращеніи укрѣпляющее значеніе амнистіи ослабляется: амнистія разсматривается получившими ее не какъ свободно дарованная, а какъ купленная или заработанная. Это слѣдствіе должно удерживать отъ примѣненія снискательныхъ амнистій, отъ употребленія этого института на службу другимъ чуждымъ цѣлямъ (завоевательнымъ, обогатительнымъ и пр.). Близорукая политика склонна къ подобной торговлѣ амнистіей; дальновидная политика идетъ на подобныя уступки лишь въ силу крайней необходимости. Примѣненіе снискательныхъ условій должно быть по возможности ограничено и можетъ быть допустимо лишь постольку, поскольку допустимъ оппортунизмъ государственной политики.

Условія возстановительныя могутъ быть опредѣлены какъ такія, которыя имѣютъ цѣлью по возможности исправить, возстановить соціальныя отношенія, нарушенныя амнистируемымъ дѣяніемъ. Такъ, напр., они могутъ состоять въ тре-

бованіи предварительной уплаты денежнаго вознагражденія за причиненные частнымъ лицамъ преступленіемъ убытки, въ требованіи явки на военную службу въ случаѣ, если дѣяніе состояло въ уклоненіи отъ нея, въ уплатѣ судебныхъ издержекъ и т. д. Подобныя условія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ осуществимы; въ большинствѣ случаевъ нарушенныя соціальныя и правовыя отношенія рѣдко могутъ быть возстановляемы самими же дѣйствіями виновныхъ.

Принципіально противъ возстановительныхъ условій трудно возражать. Государственная власть, по возможности, должна стараться заглаживать вредныя послѣдствія преступныхъ дѣяній. Но практически можно привести многочисленныя основанія противъ поставленія подобныхъ условій. Прежде всего, эти условія могутъ имѣть извѣстную репрессивную силу, которая противорѣчитъ основнымъ задачамъ амнистіи. Напр., нѣкоторыя политическія преступленія у насъ разсматриваются, какъ „дерзостное неуваженіе къ верховной власти". Требованіе раскаянія въ учиненіи ихъ несомнѣнно есть возстановительное условіе, но репрессивная сила его для многихъ крайне тяжела, такъ что даже можетъ приводить къ отказу отъ амнистіи. Далѣе возстановительныя условія часто не могутъ быть исполнены благодаря физической невозможности (отсутствію денегъ, измѣненію нарушенныхъ соціальныхъ отношеній и пр.); въ этихъ случаяхъ они легко превращаются въ условія ограничительныя, совершенно исключающія отдѣльныхъ лицъ изъ амнистіи. Это исключеніе сильно ослабляетъ дѣйствіе амнистіи и является, притомъ, несправедливымъ, такъ какъ ведетъ къ преобладанію богатыхъ. Амнистіи, ставящія условіемъ предварительную уплату судебныхъ издержекъ, какъ, напр., французскія амнистіи 1900 и 1904 г. г., имѣютъ часто характеръ снискательныхъ амнистій со всѣми ихъ отрицательными послѣдствіями. Наконецъ, возстановительныя условія даютъ часто поводъ къ воскрешенію угаснувшихъ партійныхъ раздоровъ, и такимъ образомъ тормазятъ заглаживаніе прошлаго. Они возстановляютъ тѣ мотивы, которыми были вызваны преступныя дѣянія и, если эти мотивы еще сильны, то возстановительныя дѣйствія

отвергаются въ силу принципіальныхъ соображеній. Правительство въ такихъ случаяхъ рискуетъ сдѣлать амнистію безрезультатной.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ признать примѣненіе возстановительныхъ условій, по крайней мѣрѣ въ области политическихъ преступленій, практически нежелательнымъ.

Перейдемъ, наконецъ, къ *условіямъ ограничительнымъ*. Условіями ограничительными назовемъ такія, которыя суживаютъ примѣненіе амнистіи въ предѣлахъ какой либо категоріи преступныхъ дѣяній. Характернымъ признакомъ амнистіи является то, что объемъ погашающаго ея вліянія опредѣляется категоріями преступныхъ дѣяній. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ государственная власть можетъ чувствовать потребность въ суженіи этихъ категорій; здѣсь именно и возникаютъ ограничительныя условія. Ограниченія эти могутъ касаться или объема лицъ, подлежащихъ амнистіи, или объема судебныхъ и административныхъ дѣйствій, отмѣняемыхъ амнистіей. Большинство этихъ ограниченій выражается въ категорической формѣ, но нѣкоторыя имѣютъ и характеръ условій. Оставляя пока общій вопросъ относительно допустимости ограниченій амнистіи, остановимся на нѣкоторыхъ видахъ ограничительныхъ условій.

Къ числу ограничительныхъ условій слѣдуетъ отнести *требованіе предварительнаго выполненія амнистируемымъ какого либо дѣйствія*, учинить которое не всякій можетъ и хочетъ (исключаются здѣсь возстановительныя дѣйствія). Напр., государство требуетъ выдачи заложниковъ, отбираетъ подписку о дальнѣйшемъ неучастіи въ какихъ либо партіяхъ, требуетъ представленія доказательствъ исправленія, ставитъ условіемъ амнистіи принятіе господствующей религіи и пр. Всѣ эти ограниченія, являясь часто замаскированными средствами сохраненія репрессіи по отношенію къ противникамъ правительства или нежелательнымъ элементамъ на ряду съ устраненіемъ ея для его сторонниковъ, крайне вредны, такъ какъ вмѣсто того, чтобы установлять солидарность, они еще болѣе разжигаютъ партійную вражду. Нежелательность та-

кихъ ограниченій такъ мотивируется съ точки зрѣнія интересовъ господствующей партіи Карно [1]). „Еслибы отдѣльныя дѣянія не подводились бы подъ амнистію, еслибы число такихъ провинившихся было весьма велико, еслибы они имѣли большія связи, большую кліентелу, много защитниковъ, родственниковъ, друзей и денегъ, то, за неимѣніемъ другого исхода, они стали бы вновь подвергать колебаніямъ общественный порядокъ въ надеждѣ найти свое спасеніе въ этомъ; между тѣмъ, пользуясь безопасностью вслѣдствіе амнистіи, они искренно подчинились бы порядку". Съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что принужденіе къ какимъ либо дѣйствіямъ, подъ обѣщаніемъ амнистіи, развивало бы вредную мотивацію гражданъ, что эти дѣйствія потеряли бы свое принципіальное значеніе и, въ дѣйствительности, правительство ничего не выиграло бы, внеся лишь въ психику гражданъ извѣстное презрѣніе къ подобному нравственному насилію со стороны власти.

Изъ условій, ограничивающихъ *объемъ погашаемыхъ судебныхъ и административныхъ дѣйствій*, направленныхъ къ примѣненію мѣръ репрессіи, отмѣтимъ приводимый Пейронне случай предоставленія амнистіи подъ условіемъ отбытія болѣе легкаго наказанія (въ частности, полицейскаго надзора, высылки за границу, уплаты штрафа и пр.). Этотъ видъ является какъ бы смягченіемъ наказанія, производимымъ въ порядкѣ амнистіи. Пейронне по этому поводу замѣчаетъ: „Какъ бы ни было легко наказаніе, оно все же остается наказаніемъ, заступающимъ мѣсто другого наказанія. Не говорите здѣсь объ амнистіи, не говорите даже о помилованіи. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ несчастныхъ актовъ: lettre de commutation". Авторъ этого отрывка идетъ слишкомъ далеко: если выборъ между старымъ и новымъ наказаніемъ предоставленъ осужденному, то онъ выберетъ себѣ всегда болѣе мягкое, такъ что всегда при примѣненіи амнистіи, зависящемъ отъ воли амнистируемаго мы будемъ имѣть смягченіе наказанія. Несомнѣнно все же, что здѣсь имѣется

---

[1]) Instruction criminelle t. III p. 615.

злоупотребленіе формой амнистіи, какъ и толкуетъ это французская практика (см. выше).

Подобное же злоупотребленіе представляетъ и другая форма, часто проводимая на практикѣ во Франціи, именно, предоставленіе амнистіи подъ условіемъ предварительнаго полученія помилованія. Подобное условіе, не зависящее отъ воли осужденнаго, открываетъ широкій просторъ правительственному усмотрѣнію. Соображенія политическаго оппортунизма, вызывавшія эти злоупотребленія, никогда не оправдывались; правительство было принуждаемо даровать полную амнистію, какъ это было съ амнистіей коммунаровъ въ 1880 г.

Такимъ образомъ и ограничительныя условія или маскируютъ прямыя злоупотребленія формой амнистіи, или вносятъ оппортунистическія и партійныя соображенія въ примѣненіе амнистіи. Требованіе Фостэна Эли о томъ, что условія, вносимыя въ амнистію, должны быть полезными для государства или правосудія, къ нимъ непримѣнимо. Прибѣгать къ нимъ побуждаетъ часто тактика партій, соображенія практическаго проведенія амнистіи, а не какія либо высокія соображенія государственнаго интереса.

Резюмируя сказанное нами относительно различнаго рода условій, вносимыхъ въ амнистію, мы можемъ признать вообще крайнюю нежелательность ихъ. При условіяхъ снискательныхъ эта нежелательность обосновывается отклоненіемъ государства отъ болѣе высокихъ задачъ, преслѣдуемыхъ амнистіей ради конкретныхъ выгодъ; при условіяхъ возстановительныхъ—трудностью достиженія ихъ безъ ущерба для основныхъ задачъ амнистіи и для справедливости; наконецъ, при условіяхъ ограничительныхъ—опасностью допущенія произвола правительственныхъ органовъ въ примѣненіи амнистіи и опасностью преобладанія партійныхъ тенденцій надъ установленіемъ солидарности всѣхъ гражданъ. Категорически воспретить внесеніе какихъ либо условій въ амнистію, однако, невозможно безъ стѣсненія свободной политики государства въ этой области и безъ ограниченія случаевъ примѣненія амнистіи. Необходимо лишь разсматривать такое

внесеніе, какъ исключеніе изъ очень сильнаго принципа, требующее подробной публичной мотивировки и подлежащее ограничительному толкованію. Отдѣльныя злоупотребленія могутъ быть спеціально предусмотрѣны въ законодательствѣ и признаваться недѣйствительными въ случаѣ несоблюденія требованій закона.

Въ связи съ условными ограниченіями амнистіи скажемъ нѣсколько словъ и о *категорическихъ ограниченіяхъ*. Амнистіи *ограниченной* противополагается амнистія *общая*, включающая всѣхъ лицъ, виновныхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ извѣстной категоріи.

Ограниченія общаго характера амнистіи могутъ происходить въ видѣ изъятія отдѣльныхъ категорій виновныхъ или въ видѣ изъятія индивидуально перечисленныхъ лицъ. Въ качествѣ примѣра перваго рода можно привести изъятіе рецидивистовъ, лицъ, дѣйствовавшихъ особо жестокими способами, лицъ, дѣйствовавшихъ по низкимъ мотивамъ и пр. Эти ограниченія могутъ имѣть своею цѣлью стремленіе точнѣе обрисовать, хотя бы даже съ помощью косвенныхъ признаковъ, категорію дѣяній, обозначенную какимъ либо очень общимъ названіемъ (напр., „политическія преступленія", „или преступленія, учиненныя въ революціонной борьбѣ") и, какъ суррогаты, могутъ быть критикуемы съ точки зрѣнія большей или меньшей ихъ удачности; или же они могутъ быть предназначены для того, чтобы изъять изъ дѣйствія амнистіи такихъ лицъ, по отношенію къ которымъ нельзя расчитывать на успѣшное дѣйствіе амнистіи или которыя нуждаются въ мѣрахъ исправленія и обезвреживанія, помимо мѣръ репрессіи. Такъ, напр., манифестъ 22 апрѣля 1726 г. (Полн. собр. зак. 4871) предписывалъ „виновныхъ въ татьбѣ и въ первомъ или второмъ разбоѣ отъ наказанія свободить", тѣхъ же „у кого ноздри выняты, уши и носы рѣзаны и руки сѣчены сослать на вѣчное житье въ Сибирь" (тотъ же признакъ мы встрѣчаемъ и въ актѣ 4655 полн. собр. зак.). Указанные признаки свидѣтельствовали о многочисленныхъ рецидивахъ; такихъ рецидивистовъ признано удобнымъ исключить изъ не-

ограниченнаго дѣйствія амнистіи, смягчивъ лишь имъ наказаніе. Во французской практикѣ ограниченія подобнаго рода довольно многочисленны. Амнистіи часто погашаютъ мелкія нарушенія казенныхъ уставовъ, нарушенія правилъ объ охотѣ, похищеніе чужого лѣса и пр. Предоставлять амнистію профессіональнымъ преступникамъ представляется нежелательнымъ, и потому появляются различныя ограниченія указаннаго характера. Въ области политическихъ преступленій имъ почти нѣтъ мѣста, такъ какъ примѣненіе понятій рецидива или профессіональной преступности не находитъ для себя достаточныхъ основаній.

Изъятіе отдѣльныхъ лицъ, иногда поименно перечисленныхъ, рѣзче всего подчеркиваетъ пристрастность амнистіи. Если къ тому имѣлись какія либо соціальныя основанія, то они должны и быть выраженными въ качествѣ общихъ ограниченій, толкованіе которыхъ должно быть предоставлено суду. Въ противномъ случаѣ, чисто личныя основанія выступаютъ особенно рѣзко. Примѣненіе таких личныхъ ограниченій слѣдуетъ признать совершенно недопустимымъ.

Нѣсколько приближается къ этому изъятіе изъ дѣйствія амнистіи зачинщиковъ и подстрекателей, наблюдаемое при амнистіи массовыхъ преступленій. Филанджіери признавалъ это изъятіе вполнѣ допустимымъ; германскіе юристы начала XIX в. одобряли его. Это ограниченіе находило откликъ и въ нашей литературѣ [1]). Однако, несмотря на все это, его слѣдуетъ признать также недопустимымъ. Понятіе интеллектуальнаго виновничества, какъ самостоятельной формы, постепенно исчезаетъ; назначеніе наказанія по мѣрѣ участія въ выполненіи дѣянія также не соотвѣтствуетъ началу борьбы съ личными условіями преступности. Вслѣдствіе этого выдѣленіе зачинщиковъ изъ общей массы въ значительной степени будетъ произвольнымъ, и лучше совсѣмъ отказаться отъ репрессіи, нежели искажать ее произвольнымъ примѣненіемъ. Особенно произвольно это выдѣленіе въ политическихъ пре-

---

[1]) Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій. Учебникъ уголовнаго права 1904 г., стр. 342.

ступленіяхъ, гдѣ оцѣнка роли въ исполненіи преступленія легко могла бы смѣниться оцѣнкой политическихъ убѣжденій даннаго лица.

Всякое ограниченіе, внесенное въ амнистію, ослабляетъ ея характеръ, какъ мѣры забвенія. Общественное вниманіе будетъ возбуждаться по поводу тѣхъ событій, которыя должны были бы изгладиться изъ общественной памяти. Старое чувство враждебности будетъ вновь шевелиться, если политическая амнистія не будетъ общей. И при многочисленности такихъ ограниченій амнистія можетъ выродиться въ рядъ индивидуальныхъ аболицій и помилованій, признаваемыхъ за случайную милость и лишенныхъ эффекта амнистіи. Это соображеніе должно постоянно предостерегать законодателя отъ какихъ либо, не вызываемыхъ настоятельностью необходимостью, ограниченій.

Глава VI.

Дѣянія. обнимаемыя амнистіей.

Въ зависимости отъ категорій дѣяній, погашаемыхъ амнистіей, различаютъ амнистіи *полныя и неполныя*. Къ первымъ относятся такія, которыя полностью охватываютъ кругъ дѣяній, нуждающихся въ прекращеніи репрессированія ихъ, и такимъ образомъ вполнѣ достигаютъ соціальнаго дѣйствія; ко вторымъ относятся лишь такія, которыя охватываютъ болѣе узкій кругъ. Дѣленіе это примѣнимо только къ амнистіямъ политическимъ, амнистіи же теократическія и династическія не разсчитанны на строго опредѣленную общественную потребность въ погашеніи репрессіи, а даруются въ зависимости отъ отдѣльныхъ событій, вслѣдствіе чего онѣ приближаются скорѣе къ актамъ милости. Онѣ могутъ обозначаться лишь относительною мѣркою болѣе или менѣе широкихъ амнистій.

Вопросъ о категоріи дѣяній, подлежащихъ амнистіи, является однимъ изъ труднѣйшихъ во всей конструкціи. Во многихъ странахъ, несмотря даже на частую практику при-

мѣненія политическихъ амнистій, вопросъ этотъ не получилъ надлежащаго разрѣшенія. Причины такой затруднительности заключаются въ слѣдующемъ. Существующее въ современныхъ уголовныхъ кодексахъ распредѣленіе преступленій по категоріямъ основано на чисто формальныхъ, а не на соціально-важныхъ признакахъ. Поэтому законодателю для опредѣленія категоріи важныхъ съ точки зрѣнія амнистіи дѣяній не приходится пользоваться этой классификаціей, а предстоитъ создать самостоятельную, которая, однако, должна во многихъ отношеніяхъ совпадать съ легальной, такъ какъ примѣненіе наказанія и преслѣдованіе дѣяній происходитъ на основаніи послѣдней. Такая необходимость согласованія часто заставляетъ въ цѣляхъ обезпеченія болѣе правильнаго толкованія амнистіи судами конкретизировать опредѣленіе дѣяній, входящихъ въ составъ извѣстной категоріи, жертвуя цѣльностью заложенной въ основаніе классификаціи идеи. Въ результатѣ въ амнистіяхъ появляются длинные каталоги отдѣльныхъ дѣяній, не выражающіе порою руководящей амнистіей идеи.

Амнистіи теоретическія и династическія руководятся тяжестью дѣяній, характеризуемой высотой назначеннаго наказанія. При простой системѣ наказаній порядокъ этотъ является весьма удобнымъ. Соціальный характеръ преступленій здѣсь въ рѣдкихъ лишь случаяхъ служитъ основаніемъ для изъятій или расширенія установленныхъ рамокъ.

Иначе дѣло обстоитъ въ амнистіяхъ политическихъ. Соціальный характеръ дѣяній здѣсь является главнымъ, если не единственнымъ, опредѣлителемъ объема амнистіи. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ къ политическимъ тенденціямъ амнистіи примѣшивается идея милости, вызывающая внесеніе въ актъ амнистіи мелкихъ правонарушеній независимо отъ ихъ соціальнаго характера. Соціальный характеръ дѣяній, обнимаемыхъ амнистіей, есть непосредственный результатъ соціальныхъ цѣлей амнистіи. Амнистія расчитана на умиротвореніе враждующихъ соціальныхъ началъ, и погашаетъ преступленія, поскольку они вызваны принципіальнымъ слѣдованіемъ этимъ началамъ; трудно расчитывать, чтобы она могла спуститься до признанія эгоистическихъ, ко-

рыстныхъ мотивовъ или грубыхъ животныхъ склонностей, вызвавшихъ преступленія: подобныя дѣянія никогда не доходятъ до уровня амнистируемыхъ.

Для выясненія преступныхъ дѣяній, обусловленныхъ слѣдованіемъ такимъ соціальнымъ началамъ, французская доктрина пошла слѣдующимъ путемъ. Изъ общаго числа преступныхъ дѣяній, она выдѣлила тѣ, которыя непосредственно направлены на государственный строй, далѣе тѣ, которыя являются какъ бы превышеніемъ публичныхъ гражданскихъ правъ (напр., нарушенія законовъ о собраніяхъ, о печати, стачкахъ и пр.), наконецъ, она выдѣлила нѣкоторыя конкретныя дѣянія, касающіяся экономическихъ отношеній (нарушенія законовъ о защитѣ труда, законовъ объ охотѣ, рыбной ловлѣ, о стачкахъ и пр.); сюда, наконецъ, въ качествѣ постояннаго добавленія, присоединяется амнистія дезертировъ. Но такое перечисленіе отдѣльныхъ группъ преступныхъ дѣяній является недостаточнымъ, еще не создаетъ полной амнистіи, такъ какъ опредѣленныя соціальныя стремленія могли вызывать и въ другихъ областяхъ поведенія нарушенія уголовнаго закона. Въ этихъ случаяхъ французская доктрина прибѣгаетъ къ искусственному понятію faits connexes, т. е. относитъ къ соотвѣтственной группѣ всѣ факты, учиненные по поводу извѣстнаго соціальнаго или политическаго событія (выборовъ, стачки, незаконнаго сборища и пр.), какова бы ни была ихъ уголовная квалификація, если только они вызваны политическими или соціальными мотивами [1]). Иногда амнистія, не перечисляя отдѣльныхъ конкретныхъ дѣяній, амнистируетъ всякія дѣянія,

---

[1]) Въ литературѣ Garofalo было высказано мнѣніе, что такъ назыв. faits connexes не должны быть относимы къ числу погашаемыхъ амнистіей. Впрочемъ, Гарофало, съ близорукостью, свойственной вообще этому криминалисту, идетъ еще дальше и отрицаетъ вообще допустимость амнистіи. „То, что вчера было преступленіемъ, то, что будетъ имъ завтра, *только сегодня* не признается преступленіемъ". Амнистія приводитъ къ такому юмористическому дѣйствію, что „человѣкъ, учинившій рядъ дѣяній не является рецидивистомъ только потому, что правительство рѣшило такъ!" Впрочемъ и помилованіе этотъ авторъ признаетъ допустимымъ лишь въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ и то не иначе, какъ *за отвѣтственностью правительства, предоставившаго помилованіе, если помилованный учинитъ новое преступленіе!* (Criminologie. 1895. p. 399—400).

относящіяся къ выборамъ, стачкамъ, незаконнымъ собраніямъ и пр. Амнистіи, даруемыя послѣ революцій, еще болѣе обобщаютъ обозначеніе амнистируемыхъ дѣяній; такъ, напр., въ амнистіи 1791 г. мы встрѣчаемъ выраженіе: „прекратить всѣ преслѣдованія, возбужденныя по поводу дѣяній, относящихся къ революціи, на что бы они ни были направлены, и отмѣнить всѣ приговоры, постановленные по такимъ дѣламъ"; встрѣчается такое выраженіе: „амнистировать дѣянія, учиненныя въ пылу революціонной борьбы" (амнистія VI года) и т. д. Амнистируются иногда дѣянія, обозначаемыя просто, какъ учиненныя по поводу примѣненія такого то закона (о налогахъ, о конгрегаціяхъ и т. д.). Такимъ образомъ французская доктрина, несмотря на всю свою опытность, не выработала еще устойчивой классификаціи и перечня преступныхъ дѣяній, обыкновенно подлежащихъ амнистіи, и руководится въ отдѣльныхъ случаяхъ чисто конкретными признаками связи ихъ съ извѣстнаго рода политическими или соціальными событіями.

Крайняя трудность адекватной классификаціи не должна однако освобождать отъ указанія хотя бы основныхъ классификаціонныхъ признаковъ. Постараемся намѣтить таковые.

Соціальная борьба, проявляющаяся въ современномъ обществѣ и вліяющая на государственную дѣятельность, выражается въ трехъ формахъ: въ видѣ борьбы *религіозной*, борьбы *политической* и борьбы *экономической*. Крайнее обостреніе какой либо изъ нихъ можетъ грозить государству многочисленными осложненіями, и потому послѣднее заинтересовано въ ослабленіи силы ихъ амнистіями. Безразлично при этомъ, выступаетъ ли сама государственная власть въ качествѣ одной изъ сторонъ въ такой борьбѣ, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ борьба пріобрѣтаетъ лишь болѣе революціонной характеръ, тогда какъ во второмъ она имѣетъ характеръ междуусобный.

Борьба религіозная имѣла особенное значеніе въ прошлое время; нынѣ лишь въ отсталыхъ обществахъ она играетъ значительную роль. Ради религіозной идеи человѣкъ совершаетъ не только спеціально религіозныя преступленія, характеризую-

щіяся объектомъ посягательства, но и общія (напр., сопротивленіе власти, оскорбленіе должностныхъ лицъ и пр., какъ, напр.. это мы видимъ на примѣрѣ введенія закона о конгрегаціяхъ во Франціи). Религіозныя ученія сближаютъ людей очень сильно, создаютъ сплоченныя секты, стремящіяся къ возстановленію въ случаѣ нарушенія ихъ цѣлостности репрессіей, выхватывающей руководителей изъ среды сплоченныхъ индивидовъ. Амнистированіе религіозныхъ преступленій составляетъ часто необходимое условіе умиротворенія общества.

Борьба политическая болѣе всего даетъ матеріала для амнистіи. Господствующее мнѣніе даже считаетъ амнистію соотвѣтственной мѣрой только для такой борьбы. Политической должна быть названа борьба, направленная на измѣненіе существующаго государственнаго строя; она характеризуется, слѣдовательно, цѣлью. Средствами этой борьбы часто бываютъ уголовно-запрещенныя дѣйствія, которыя въ такомъ случаѣ получаютъ ясно выраженный политическій оттѣнокъ. Чѣмъ глубже въ соціальныя массы проникаетъ политическая борьба, чѣмъ неподвижнѣе господствующій строй и враждебнѣе къ этимъ попыткамъ, тѣмъ борьба ожесточеннѣе и тѣмъ болѣе глубокія области уголовно-запрещеннаго охватываются въ качествѣ средствъ въ этой борьбѣ. Понятіе „политическаго преступленія" не можетъ быть охарактеризовано по содержанію нарушенной нормы. Самыя отдаленныя отъ политической области уголовно-охраняемыя блага становятся иногда жертвой этой борьбы. Это мы видимъ на примѣрѣ опредѣленія самаго понятія политическаго преступленія. Установленное сначала опредѣленіе политическаго преступленія, какъ дѣянія, направленнаго на государственный строй, оказалось узкимъ для амнистіи. На мѣсто этихъ *объективно-политическихъ* преступленій, было создано понятіе *„субъективно-политическихъ преступленій"*, обнимающее не только дѣянія, направленныя на государственный строй, но и общія преступленія, поскольку они учинены по политическимъ мотивамъ. Но и это опредѣленіе оказалось узкимъ для политической преступности. Подъ мотивомъ можно разумѣть лишь сознатель-

ное стремленіе или побужденіе, между тѣмъ въ политической, особенно революціонной, борьбѣ учиняются преступныя дѣянія, которыя могутъ быть приписаны лишь политическимъ страстямъ, революціонному пылу (напр., большинство массовыхъ преступленій), въ которыхъ самое сознательное побужденіе теряется подъ вліяніемъ охватившаго чувства борьбы. Возможность опредѣленія политическаго преступленія даже по субъективнымъ признакамъ здѣсь теряется и приходится опредѣлять его по косвеннымъ признакамъ отношенія его къ какимъ либо политическимъ событіямъ или общимъ цѣлямъ; можно указывать лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, какія преступленія сюда не должны быть относимы [1]). Намѣтить каждый разъ объемъ вторженія амнистіи въ преступленія не чисто-государственныя есть дѣло органа, предоставляющаго амнистію, и его политики. Исчерпавъ общія рубрики, онъ можетъ прибѣгать даже къ перечисленію отдѣльныхъ статей угол. уложенія, но во всей своей дѣятельности онъ не долженъ терять основной своей цѣли — дать такую амнистію, которая послужила бы основаніемъ къ успокоенію.

Дѣятелями политической борьбы являются обыкновенно партіи или, если борьба имѣетъ менѣе организованный характеръ, — сторонники извѣстнаго общественнаго теченія. Обособленные отъ сочувствующей имъ массы политическіе преступники не представляютъ изъ себя величины, учитываемой при амнистіи; таковой является лишь партія въ широкомъ смыслѣ. Реформы измѣняютъ отношеніе партій къ правительству, и поэтому перемѣна правительственнаго курса и введеніе реформъ позволяетъ предоставлять широкую амнистію. Политическая преступность, даже вошедшая глубоко въ общеуголовную область, перестаетъ представлять опасность съ измѣ-

---

[1]) У насъ нѣкоторымъ распространеніемъ пользовалась оговорка объ исключеніи изъ амнистіи „тѣхъ, которые посягнули на жизнь и имущество“. Такое подчеркиваніе момента частныхъ благъ, по сравненію съ политическими моментами дѣянія, не соотвѣтствуетъ политическому значенію амнистіи. Кромѣ того оно оттѣняетъ тотъ взглядъ, что имущество должно пользоваться большей охраной, нежели свобода, честь здоровье и прочія блага, невыставленныя въ качествѣ изъятій.

неніемъ государственнаго строя, противъ котораго шла борьба. Отпаденіе репрессій возстанавливаетъ партію, а измѣненіе строя обезпечиваетъ свободную дѣятельность въ дальнѣйшемъ; слѣдовательно, устраняются, для партій или сторонниковъ извѣстнаго теченія, мотивы прибѣгать къ преступнымъ средствамъ. Но даже и безъ перемѣны политики правительство можетъ предоставлять амнистію, если оно настолько укрѣпилось, что считаетъ для себя безопаснымъ возстановленіе прежде враждебной ему партіи или общественнаго направленія.

Эти соображенія главнымъ образомъ и опредѣляютъ объемъ амнистіи, предоставляемой по поводу политической борьбы. Выраженіе этого объема въ точныхъ терминахъ отдѣльныхъ категорій преступныхъ дѣяній есть уже вопросъ законодательной техники.

Разсмотримъ, наконецъ, отраженіе въ амнистіяхъ *экономической борьбы.* За послѣдніе годы въ актахъ объ амнистіи рубрики погашаемыхъ преступленій, вызванныхъ экономической борьбой, все возрастаютъ. Во французскихъ амнистіяхъ стало уже традиціоннымъ упоминаніе о прекращеніи преслѣдованій за дѣянія, связанныя съ празднованіемъ 1 мая, за дѣянія, касающіяся стачекъ; часто встрѣчается погашеніе проступковъ противъ законовъ объ охотѣ, рыбной ловлѣ, лѣсныхъ проступковъ и пр., учиняемыхъ обыкновенно бѣдными классами населенія, нуждающимися въ предметахъ первой необходимости. Иногда замѣчаются и дальнѣйшія расширенія, какъ напр., погашеніе преступленій и нарушеній, предусмотрѣнныхъ законами о защитѣ труда въ промышленныхъ заведеніяхъ (амнистія во Франціи 1905 г.), погашеніе преступленій, возникшихъ на почвѣ скупки съѣстныхъ припасовъ (амн. VI г.), у насъ—погашеніе аграрныхъ волненій и пр.

Все обостряющаяся въ обществѣ классовая экономическая борьба заставляетъ и правительство устранять репрессію, становящуюся иногда (какъ напр. при несвободѣ стачекъ) сильнымъ средствомъ въ рукахъ господствующаго класса. Нѣкоторыя экономическія отношенія (напр. забастовка, бойкотъ и пр.) иногда становятся и средствомъ борьбы полити-

ческой. Репрессируя ихъ, государство вызываетъ антогонизмъ въ политической области, и потому они должны быть амнистированы, какъ дѣянія, носящія на себѣ политическій оттѣнокъ.

Такимъ образомъ не только чисто политическій, но и болѣе глубокій соціальный интересъ, обусловливаетъ содержаніе амнистіи. При господствующей нынѣ невыработанности общихъ понятій не представляется возможнымъ опредѣлить кругъ подлежащихъ амнистіи дѣяній; приходится каждый разъ это дѣло поручать усмотрѣнію органа, представляющаго амнистію, высокое положеніе котораго гарантируетъ правильность работы. Въ томъ случаѣ, когда этотъ органъ стремится возстановить общественныя или политическія группы такъ, чтобы отпали дальнѣйшія стремленія къ возстановленію и соотвѣтственно съ этимъ опредѣляетъ кругъ амнистируемыхъ дѣяній, амнистію можно назвать полной, достигающей соціальнаго эффекта. Въ противномъ случаѣ,—неполной. Давая неполную амнистію власть можетъ только расчитывать на свою фактическую силу для устраненія остатковъ скопившагося недовольства.

Глава VII.

Правовое и соціальное дѣйствіе амнистіи.

Дѣйствіе амнистіи стоитъ въ зависимости отъ тѣхъ основаній, которыми амнистія вызвана. Учетъ этого дѣйствія составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ, къ которой призвана власть, имѣющая право предоставлять амнистіи. Вся совокупность основаній такого учета, конечно, не поддается теоретическому изслѣдованію. При сложномъ переплетеніи лполитическихъ отношеній, они бываютъ до крайности разно образны и индивидуальны, теоретическое же изслѣдованіе выдѣляетъ лишь основанія, могущія имѣть лишь общее значеніе.- Мы ограничиваемъ поэтому свою задачу только изслѣдова ніемъ главнѣйшихъ соціальныхъ эффектовъ амнистіи, и, при томъ, по преимуществу амнистіи гражданско-политической,

которая одна только соотвѣтствуетъ задачамъ современнаго государственнаго строя, и потому заслуживаетъ разработки.

Дѣйствіе амнистіи можно раздѣлить на *непосредственное* и *посредственное* или, вѣрнѣе, на *правовое* и *соціальное*. *Правое дѣйствіе* амнистіи есть присвоенная ей закономъ сила вліять опредѣленнымъ образомъ на правовыя дѣйствія. Въ нашемъ опредѣленіи мы охарактеризовали это дѣйствіе, какъ „прекращеніе судебныхъ и административныхъ дѣйствій, направленныхъ къ примѣненію мѣръ репрессіи по отношенію къ извѣстной категоріи преступныхъ дѣяній“. Въ это опредѣленіе входитъ и недопущеніе еще невозбужденнаго преслѣдованія, и прекращеніе уже начатаго обвиненія, и отмѣна назначеннаго или исполняемаго наказанія, и, до извѣстной степени, прекращеніе вчиненныхъ гражданскихъ исковъ, и, наконецъ, отмѣна административныхъ репрессій (см. выше гл. II). Предѣлы этого дѣйствія намѣчаются въ самомъ актѣ объ амнистіи и опредѣляются разными соціальными потребностями. Правовое дѣйствіе амнистіи мы называемъ *непосредственнымъ* въ виду того, что оно опредѣляетъ характеръ амнистіи, и именно чрезъ него достигаются всѣ другіе эффекты амнистіи, которые мы назвали соціальными или посредственными. Объемъ правового дѣйствія разсчитанъ такъ, чтобы онъ могъ вызвать и желательное соціальное дѣйствіе амнистіи. Эта точка зрѣнія является руководящею при критикѣ достаточности или недостаточности его [1]).

Соціальное дѣйствіе амнистіи можетъ быть опредѣлено, какъ вліяніе ея на соціальныя психологическія отношенія и дѣйствія, представляющія важность для государства. Такъ какъ дѣйствіе это является лишь имѣющимся въ виду, преслѣдуемымъ, а не предписываемымъ, какъ дѣйствіе правовое, то оно можетъ быть названо *посредственнымъ*, и въ опредѣленіи оно можетъ быть указано лишь какъ цѣль амнистіи, а не какъ опредѣленный результатъ ея. Въ нашемъ опре-

---

[1]) Точное изученіе объема и границъ правового дѣйствія возможно лишь въ связи съ опредѣленной правовой конституціей амнистіи, и потому здѣсь оставляется въ сторонѣ.

дѣленіи эта цѣль охарактеризована, какъ „достиженіе какихъ либо болѣе высокихъ задачъ государственнаго властвованія“.

Соціальное дѣйствіе амнистіи можетъ быть *отрицательнымъ*, мѣшающимъ указанной выше цѣли, и *положительнымъ* содѣйствующимъ ей. Отрицательныя дѣйствія амнистіи, въ конечномъ итогѣ, могутъ поглощаться положительными, но для ясности должными быть при разсмотрѣніи обособлены.

Главнѣйшимъ *отрицательнымъ соціальнымъ дѣйствіемъ* амнистіи слѣдуетъ признать вызываемое ею ослабленіе уголовной репрессіи и государственнаго авторитета. Дѣйствіе это, взятое внѣ всякихъ другихъ положительныхъ вліяній амнистіи, является вреднымъ, такъ какъ оно ослабляетъ ту систему контроля, которая регулируетъ общественныя отношенія и дисциплинируетъ правовую психику. Паденіе государственнаго авторитета есть результатъ отказа отъ примѣненія заранѣе угрожаемаго наказанія, свидѣтельствующій о ненадежности этой угрозы. Кромѣ того государственная власть можетъ подвергать себя опасности новыхъ посягательствъ со стороны освобожденныхъ отъ репрессіи лицъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она считаетъ ихъ склонными слѣдовать своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, признаваемымъ государственною властью опасными для себя. Частое предоставленіе амнистіи можетъ въ будущемъ повышать также сознаніе безнаказанности извѣстныхъ преступленій и развивать склонность къ учиненію ихъ.

Положительное соціальное дѣйствіе амнистіи можетъ быть сведено къ тремъ видамъ: 1) *умиротворящему дѣйствію*, сглаживающему антагонизмъ общественныхъ и политическихъ отношеній, 2) *укрѣпляющему дѣйствію*, возвышающему моральный, религіозный и пр. авторитетъ власти, даровавшей амнистію, и 3) *побочному дѣйствію*, къ которому нужно отнести всякія иныя соціальныя дѣйствія, преслѣдуемыя въ томъ или другомъ случаѣ, но не характерныя для амнистіи, какъ таковой.

Умиротворяющее дѣйствіе амнистіи во французской доктринѣ выставляется, какъ единственное соціальное дѣйствіе

амнистіи. Оно выражается часто словомъ „забвеніе“. Подъ такимъ „забвеніемъ“ разумѣютъ однако не столько изглаживаніе изъ памяти, сколько прекращеніе враждебныхъ дѣйствій и счетовъ по поводу стараго, извѣстное примиреніе съ установившимся порядкомъ вещей. Такой умиротворяющій эффектъ амнистіи объяснимъ изъ правового дѣйствія ея. Прекращая акты репрессіи по поводу какихъ либо дѣяній, отрывая отъ него слѣдуемыя по закону карательныя послѣдствія, государство изглаживаетъ государственно-правовое значеніе этого дѣянія, индифферентно переноситъ его, перестаетъ по поводу его бороться съ какими либо враждебными принципами. Этимъ оно устраняетъ источникъ, питающій антагонистическія чувства, разрѣжаетъ атмосферу страстей, сосредоточенную вокругъ даннаго факта, прерываетъ вліяніе его на соціальныя отношенія, словомъ, устраняетъ поводы партійныхъ и соціальныхъ раздоровъ и создаетъ почву для примиренія и забвенія стараго. Въ области политическихъ преступленій, гдѣ преступная личность является большею частью лишь выразительницей партійныхъ стремленій, примиреніе порою невозможно, пока не будетъ возстановлена амнистіей связь между партіей и осужденными членами ея. Стремленіе къ обратному пріобщенію изъятыхъ изъ общества приговоромъ суда или административными мѣрами репрессіи сторонниковъ политическаго теченія къ соціальной средѣ, отразителями стремленій которой они служили, является настолько сильнымъ импульсомъ политической борьбы, что государство, нуждающееся въ внутреннемъ успокоеніи, не можетъ останавливаться предъ забвеніемъ и такихъ вызванныхъ политическими мотивами дѣяній, которыя въ строгомъ смыслѣ не могутъ быть названы политическими преступленіями. Потребность возстановленія партій, группъ, сектъ есть главнѣйшій опредѣлитель объема правового дѣйствія амнистіи. Солидарно дѣйствующая группа или партія представляетъ изъ себя извѣстный соціальный органъ, постоянно стремящійся къ возстановленію въ случаѣ нарушенія его цѣлости.

Можно быть единомышленникомъ амнистируемыхъ, можно считать, что они не только не должны быть наказываемы, но даже

заслуживаютъ награды, какъ передовые бойцы, не отступившіе въ борьбѣ даже предъ страхомъ суроваго наказанія, но все же не по этимъ основаніямъ должна быть требуема амнистія. Амнистія не вознаграждаетъ и не милуетъ, она—примиряетъ. Она можетъ быть даруема даже тѣмъ, которые очевидно ея не заслуживаютъ, если это признается необходимымъ въ политическихъ интересахъ. Амнистія не партійна, а соціальна; въ ней заинтересовано все общество, а не только враждующія стороны. Возстановленіе невинныхъ, награжданіе заслуживших и прославленіе побѣдившихъ—не является задачей амнистіи; это дѣло другихъ институтовъ и актовъ, задача же амнистіи—лишь устранить почву для конфликтовъ, созданную примѣненіемъ репрессіи.

Въ зависимости отъ характера амнистируемыхъ дѣйствій и отъ положенія враждующихъ, амнистія измѣняетъ свою соціальную оцѣнку. Если амнистія погашаетъ дѣянія, неоправдываемыя высокими соціальными мотивами и неодобряемыя обществомъ, и при томъ если она предоставляется по свободному рѣшенію власти—она является актомъ *милости*. Такой характеръ пріобрѣтаютъ почти всѣ династическія амнистіи. Если амнистія погашаетъ дѣянія, вызванныя принципіальными соображеніями, находящими опору въ обществѣ и позднѣе даже признанными въ законодательствѣ, или если она дается какъ результатъ продолжительной борьбы за свободу убѣжденій, хотя бы обществомъ и непріемлемыхъ—она является только актомъ *справедливости*. Наконецъ, если амнистія погашаетъ собою репрессію, примѣнявшуюся за дѣянія, по существу непреступныя, или направлявшуюся противъ лицъ невинныхъ, если принципы, въ защиту которыхъ эта репрессія примѣнялась признаны зловредными и на смѣну ихъ восторжествовали новыя начала—тогда амнистія является только *компромиссомъ*; одной амнистіи здѣсь недостаточно, рѣчь должна идти о возстановленіи невинныхъ и вознагражденіи ихъ за перенесенныя безъ вины кары или о геройскомъ мученичествѣ; довольствованіе амнистіей есть со стороны амнистируемыхъ принятіе компромисса.

Такимъ образомъ мы видимъ, что соціальная оцѣнка ам-

нистіи каждый разъ можетъ быть различной, соціальное же дѣйствіе амнистіи остается одинаковымъ—оно только примиряетъ. Это примиреніе устанавливаетъ большую солидарность гражданъ. Въ трудные моменты народной жизни—послѣ крупныхъ усобицъ, предъ грозной войной, предъ проведеніемъ важной государственной реформы такой appel au concorde des tous citoyens, какъ назвалъ амнистію недавно въ Сенатѣ Крюппи, является крайне важной мѣрой, когда государство расчленено на партіи. Значеніе умиротворяющаго дѣйствія амнистіи здѣсь стоитъ въ прямой зависимости отъ важности соотвѣтственныхъ событій.

Иногда говорятъ, что амнистія должна быть *двусторонней*. Подъ этимъ разумѣютъ требованіе, чтобы не только правительство отказалось отъ актовъ репрессіи, но и чтобы враждебные ему элементы прекратили свою борьбу съ правительствомъ посредствомъ преступленій. Но этотъ послѣдній результатъ по существу сводится къ умиротворяющему дѣйствію амнистіи. Выраженіе „двусторонность амнистіи“ возводитъ его лишь неправильно на степень правового дѣйствія, между тѣмъ это лишь дѣйствіе посредственное, могущее быть учитываемымъ, но не предписываемымъ.

Но кромѣ примиряющаго, амнистія оказываетъ и другое соціальное дѣйствіе, которое я назвалъ *укрѣпляющимъ*. Ослабляя авторитетъ государственной власти, какъ носительницы репрессіи, амнистія возвышаетъ авторитетъ этой власти, какъ руководительницы культурною и государственною жизнью народа. Она ослабляетъ опору государственной власти, покоющуюся на принужденіи, и усиливаетъ моральную связь этой власти съ гражданами.

Широкое примѣненіе репрессіи дискредитируетъ нравственные принципы, заложенные въ законѣ. Оно грозитъ государственному авторитету потерей моральной силы, составляющей главную его опору въ гражданско-правовомъ строѣ. Амнистія возстанавливаетъ и укрѣпляетъ этотъ авторитетъ. Конечно, очень многое здѣсь зависитъ отъ того, насколько добровольно сама власть прибѣгла къ амнистіи, а не была вынуждена къ тому за неимѣніемъ другого исхода.

Чѣмъ свободнѣе дарована амнистія, тѣмъ болѣе укрѣпляется моральный авторитетъ власти. Даже амнистіи вынужденныя накидываютъ на себя иллюзорную мантію свободнаго предоставленія, чтобы казаться въ ней авторитетными. Укрѣпляющее дѣйствіе амнистіи очень велико. Мы уже говорили, какъ оно было использовано властью въ формѣ теократическихъ и династическихъ амнистій. Но такое укрѣпляющее дѣйствіе можетъ быть прослѣжено вполнѣ и на амнистіяхъ чисто политическихъ. Амнистія коммунаровъ въ 1880 г. несомнѣнно сильно способствовала укрѣпленію власти третьей республики. Амнистіи, изданныя по иниціативѣ радикальныхъ французскихъ министерствъ послѣдняго времени, придавали имъ особенную, небывалую для Франціи устойчивость и популярность. Англійскія амнистіи главнѣйшей, чуть ли не единственной, своей цѣлью ставятъ укрѣпленіе власти въ періоды общественныхъ смутъ (впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ моральный авторитетъ власти скорѣе ослабляется стремленіемъ укрѣпить ея фактическій авторитетъ). Укрѣпляющее дѣйствіе амнистіи, отражаясь на господствующей въ государствѣ власти, укрѣпляюще дѣйствуетъ и на весь правовой строй. Оно возвышаетъ общую мотивацію гражданъ, переноситъ центръ тяжести правового поведенія съ мотива страха на болѣе высокіе религіозные или соціальные мотивы, и является такимъ образомъ цѣнной государственно-педагогической мѣрой. Укрѣпляющее дѣйствіе амнистіи въ значительной степени нейтрализуетъ и указанныя выше отрицательныя стороны соціального дѣйствія ея.

Разумная и близкая къ населенію государственная власть высоко цѣнитъ свой моральный авторитетъ, который существенно необходимъ для того, чтобы руководить поведеніемъ гражданъ не только въ области, предусмотрѣнной уголовными законами, но и въ болѣе высокихъ областяхъ—экономической и этической, и потому бережно хранитъ его, своевременно прибѣгая къ амнистіи. Только слабая, морально дискредитированная, потерявшая способность руководства народною жизнью власть упорно держится за репрессію, напрягая ее до крайности, чтобы имѣть какую либо возмож-

ность фактическаго воздѣйствія. Амнистія для нея страшна, какъ грозный призракъ расплаты за репрессію. Но на ряду съ такою грубою властью въ жизнеспособномъ обществѣ создается обыкновенно другая, сильная своей моральной высотой и поддержкой населенія власть. Въ борьбѣ съ первой, ей, какъ носительницѣ народныхъ стремленій, окончательная побѣда обезпечена. Въ государствахъ, имѣющихъ представительныя учрежденія, эти послѣднія, какъ болѣе близкія къ населенію, обыкновенно становятся носителями такого авторитета. Вотъ почему парламентарный характеръ амнистіи обезпечиваетъ примѣненіе ея, болѣе соотвѣтствующее народнымъ потребностямъ.

Остановимся, наконецъ, на третьемъ положительномъ дѣйствіи амнистіи, которое мы назвали *побочнымъ*. Государство, предоставляя амнистію, можетъ присоединять къ ней различныя случайныя цѣли, достиженіе которыхъ имъ разсматривается какъ извѣстное положительное основаніе амнистіи. Говоря объ условныхъ амнистіяхъ, именно о категоріи снискательныхъ условій, мы указали нѣкоторыя изъ такихъ побочныхъ цѣлей (овладѣніе городомъ, полученіе крупной суммы денегъ, обезоруженіе враждебныхъ дѣятелей и пр.). Достиженіе этихъ цѣлей можетъ разсматриваться, какъ побочное дѣйствіе амнистіи. Но не только условныя амнистіи могутъ имѣть такое дѣйствіе. Государство можетъ учитывать извѣстное дѣйствіе амнистіи, даже не вводя соотвѣтственныхъ условій въ самую амнистію. Напр., государство можетъ имѣть въ виду, что амнистія, освобождая многихъ заключенныхъ изъ тюремъ, позволитъ усовершенствовать для остальныхъ тюремный режимъ и лучшимъ образомъ осуществить исправительныя задачи по отношенію къ чисто уголовнымъ преступникамъ; или, что, освобождая судъ отъ многихъ политическихъ дѣлъ, амнистія можетъ предупредить рядъ тяжелыхъ испытаній для юстиціи, не вполнѣ независимой; что амнистія можетъ оказать исправительное вліяніе на самихъ амнистируемыхъ, какъ мѣра, основанная на довѣріи къ нимъ и т. д. Эти побочныя дѣйствія, однако, должны всегда играть второстепенную роль. Сами по себѣ они не получаютъ та-

кого значенія, чтобы оправдывать примѣненіе амнистій. Если они выступаютъ на первый планъ, то несомнѣнно мы наблюдаемъ случаи опаснаго злоупотребленія амнистіей, такъ какъ такое злоупотребленіе низводитъ эту мѣру высокой государственной политики на степень мелкаго политическаго средства, употребляемаго для выгодныхъ сдѣлокъ. Тутъ мы имѣемъ уже торговлю репрессіей—одно изъ самыхъ плачевныхъ проявленій государственной деморализаціи.

Въ заключеніе, обозрѣвъ общимъ взглядомъ сказанное нами о соціальномъ дѣйствіи амнистіи гражданско-политическаго характера, мы должны признать, что высокіе соціальные интересы вызвали ее къ жизни и что только въ высокіе моменты народной жизни можно наблюдать такую комбинацію основаній, которая даетъ возможность расчитывать на правильное дѣйствіе этой мѣры. Пріостанавливать законы, прекращать ходъ правосудія и возвращать въ общество исключенныхъ можно лишь ради высокаго соціальнаго интереса, а не въ качествѣ случайнаго акта милости. Для иныхъ основаній и иныхъ мотивовъ существуетъ другія формы, указываемыя уголовной политикой, которыя менѣе глубоко затрагиваютъ установившіяся публично-правовыя отношенія и менѣе опасны для правосудія.

Глава VIII.

Органъ, предоставляющій амнистію.

Право амнистіи, развившееся изъ права помилованія, закрѣплено было вначалѣ за королемъ. Соотвѣтствіе этого органа задачамъ амнистіи не вызывало сомнѣній, пока амнистія носила характеръ теократическій или династическій. Кто другой, какъ не монархъ, способенъ учитывать обстоятельства, дѣлающія умѣстнымъ примѣненіе амнистіи, предназначенной служить опорой трона? Но измѣненія, происшедшія въ распредѣленіи политическихъ силъ, порождаютъ къ жизни новыя формы амнистіи. Амнистія становится на службу политическимъ и соціально-экономическимъ интересамъ гражданъ,

пріобрѣтаетъ характеръ мѣры усиленія гражданской солидарности и мѣры успокоенія, и этотъ новый характеръ амнистіи начинаетъ колебать сложившуюся догму объ исключительномъ аттрибутѣ монарха. Возникаетъ рядъ теорій, стремящихся провести различіе между правомъ амнистіи и исполнительною властью монарха или совсѣмъ выдѣлить амнистію въ компетенцію представительныхъ законодательныхъ учрежденій. Споръ, ведущійся въ теоретической области, отражается и въ разнообразіи построеній амнистіи въ отдѣльныхъ законодательствахъ. Накопляется опытъ примѣненія амнистіи, предоставляемой различными органами. Но все же до сихъ поръ еще нельзя указать въ этомъ спорѣ на положенія, пользующіяся общимъ признаніемъ, нельзя счесть ясной позицію спорящихъ. Въ виду особой важности этого вопроса, попытаемся ближе заняться его выясненіемъ.

Господствующія теоріи, слѣдуя доктринѣ Монтескье о раздѣленіи властей, пошли путемъ выясненія существа амнистіи. Болѣе ранняя и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сильная теорія признаетъ амнистію *суспенсаціей законовъ* [1]). Отсюда непосредственно дѣлается выводъ относительно законодательной постановки амнистіи (см. выше, стр. 40). Такое несложное обоснованіе законодательнаго характера амнистіи слѣдуетъ, однако, признать неубѣдительнымъ. Начало, по которому всякая диспенсація должна принадлежать законодательной власти далеко не установлено съ такою безусловностью, чтобы оно могло покрывать всѣ случаи [2]). Помилованіе, признаваемое

---

[1]) Такой взглядъ выражался еще въ англійскомъ Bill of Rights. Взглядъ на амнистію, какъ на *суспенсацію* законовъ, укрѣпляется во французской литературѣ (Беранже, Манженъ, Эли) и господствуетъ до настоящаго времени (Cabat, Chomette). Въ германской литературѣ помилованіе считаютъ диспенсаціей лишь G. Meyer, Bornhak и Steinitz. Большинство же проводитъ различіе между Begnadigungsrecht въ широкомъ смыслѣ и диспенсаціей. Такъ Laband указываетъ (Staatsrecht des d. Reichs. III. S. 480), что диспенсація препятствуетъ примѣненію правовой нормы въ конкретномъ случаѣ, помилованіе же оставляетъ дѣяніе преступнымъ и отмѣняетъ только послѣднюю стадію— исполненіе приговора, т. е. устраняетъ только одно изъ послѣдствій преступленія. Къ этому взгляду примыкаетъ и Ioel (Annalen 1888. S. 419).

[2]) Впервые установилъ необходимость облеченія диспенсаціи въ форму закона въ германской литературѣ Gerber (Gesammelte Iuristische Abhandlungen.

также за диспенсацію, сохраняется однако въ рукахъ исполнительной власти; въ рукахъ послѣдней сохраняется иногда и сложеніе податей, признаваемое за видъ диспенсаціи [1]). Одна только наличность этихъ изъятій уже опровергаетъ возможность такого дедуктивнаго обоснованія законодательнаго характера амнистіи.

Другая теорія избираетъ путь изслѣдованія публично-правовыхъ функцій амнистіи, и отсюда уже заключаетъ, къ какой изъ властей она можетъ быть отнесена. Такъ, германская доктрина считаетъ амнистію (аболицію и помилованіе) *актомъ государственнаго управленія юстиціей* [2]). Однако справедливо

S. 486), который призналъ, что „природѣ современнаго конституціоннаго государства соотвѣтствуетъ норма, по которой диспенсація допустима лишь въ случаяхъ, когда законъ или вообще дѣйствующее право позволяютъ ее". Изъ позднѣйшихъ германскихъ юристовъ Friedberg и G. Meyer относятъ диспенсацію къ исполнительной власти, Hinschius и Arndt—къ законодательной. Bornhak признаетъ компетентность обѣихъ. Steinitz (S. 82) пытается разрѣшить контроверзу слѣдующимъ образомъ: „власть диспенсаціи—говоритъ онъ—по своей правовой природѣ есть проявленіе законодательной власти, осуществленіе ея требуетъ законодательныхъ формъ, но по обыкновенію эта власть делегируется монарху или государственнымъ властямъ". Во французской литературѣ Berenger, Mangin и др. признавая амнистію диспенсаціей законовъ, не колебались относить ее къ исключительной компетенціи короля; Router, Bertauld, Hélie признаютъ уже, исходя изъ тѣхъ же основаній, по существу эту власть относящейся къ законодательной функціи, но изъ соображеній политики рекомендуютъ исключеніе—передачу ея главѣ исполнительной власти—монарху. Наконецъ, Chomette, Cabat, Villey и др. по тѣмъ же основаніямъ устанавливаютъ чисто законодательный характеръ этой мѣры, требуя предоставить примѣненіе ея палатамъ.

[1]) Прощеніе податей и сложеніе недоимокъ, даруемое всемилостивѣйшими манифестами, также юридически признается диспенсаціей, хотя на практикѣ (напр. въ Пруссіи) осуществляется монархомъ единолично. (G. Meyer. Deutsche Staatsrecht. 5 Aufl. S. 587; Bornhak. Arichiv für öffentlichen Recht. VI, S. 314; Steinitz. Dispensationsbegriff. 1901. S. 44). Противоположнаго мнѣнія Лабандъ (Archiv für öffentlichen Recht VII. S. 169) и Ioel (Annalen. S. 808). Они видятъ въ прощеніи податей своего рода право помилованія въ финансовой области, особый правительственный актъ въ „gesetzfreies Gebiet".

[2]) См. выше стр. 105. Листъ (Lehrbuch § 75) опредѣляетъ помилованіе какъ „устраненіе уголовныхъ послѣдствій *распоряженіемъ* государственной власти, въ видѣ отказа управомоченнаго на уголовное притязаніе отъ своего притязанія". Лабандъ допускаетъ такое вторженіе административной власти въ область правосудія потому, что оно осуществляется въ пользу привлеченнаго или осужденнаго. „Begnadigung ist ein Eingriff der Staatsgewalt in die Rechtspflege zu Gunsten eines Verurteilten oder eines der Strafverfolgung Ausgelegten" Staatsrecht. III. S. 482).

указывается, что актомъ чисто административнымъ амнистію назвать нельзя. Она парализуетъ не только дѣятельность прокуратуры, которая еще могла бы разсматриваться какъ дѣятельность административныхъ органовъ, но и дѣятельность суда и частныхъ лицъ, которымъ также принадлежитъ право возбужденія преслѣдованія; мы здѣсь имѣемъ не только отказъ государственной власти, но и стѣсненіе публичныхъ правъ частныхъ лицъ и судебныхъ органовъ. Правильны также указанія на то, что административная власть, призванная къ наблюденію за исполненіемъ закона, не можетъ быть уполномочиваема на отмѣну его въ массѣ случаевъ, что этимъ предоставляется возможность административной власти парализовать дѣйствіе другихъ властей и пр. Въ результатѣ признается, что амнистія не соотвѣтствуетъ въ точности функціи управленія.

Другая группа авторовъ признаетъ амнистію актомъ законодательной власти [1]). Къ этому выводу она приходитъ не только путемъ признанія амнистіи суспенсаціей или диспенсаціей закона (объ этой теоріи мы уже говорили), но и посредствомъ указанія на то, что амнистія вводитъ ограниченія правъ, какъ напр. ограниченіе правъ отысканія убытковъ, могущее быть установленнымъ только законодательнымъ путемъ, что она создаетъ обязанности и для частныхъ лицъ. Противъ такого взгляда германская доктрина возражаетъ указаніями на то, что амнистія (т. е. помилованіе въ широкомъ смыслѣ, включающее и амнистію) нисколько не измѣняетъ матеріальный правопорядокъ и что она не представляетъ собою правовой нормы, характеризуемой общностью, а предназначена для однократнаго примѣненія [2]).

Попытокъ разсматривать амнистію, какъ актъ судебной власти, мы не встрѣчаемъ [3]).

---

[1]) См. выше, стр. 40.

[2]) См. работы Stokar, Heimberger, Laband и др. Возраженія эти, впрочемъ, направлены противъ пониманія амнистіи, какъ закона въ матеріальномъ смыслѣ, по техническому обозначенію Лабанда.

[3]) Въ германской литературѣ лишь Lueder S. 99 считалъ помилованіе вообще актомъ судебной власти, слѣдуя взгляду, господствовавшему въ средніе вѣка. Löb.

Ученые, начинающіе обоснованіе своего взгляда съ изслѣдованія того, къ какой отрасли государственной дѣятельности принадлежитъ амнистія, съ тѣмъ, чтобы на основаніи этого опредѣлить, какому органу должно быть предоставлено ея примѣненіе, рѣшительно всѣ употребляютъ методъ исключенія. Амнистія не можетъ быть актомъ законодательной и судебной власти, слѣдовательно, она актъ власти исполнительной—говорятъ они; или: амнистія не можетъ быть актомъ исполнительной или судебной власти, слѣдовательно, она актъ власти законодательной. Такой путь критики чужихъ взглядовъ безъ обоснованія своего не гарантируетъ прочности теоріи.

На ряду съ этимъ, въ значительной степени безплоднымъ, споромъ возникло направленіе, которое признаетъ амнистію *актомъ суверенной власти*, считая послѣднюю властью самостоятельною, носителемъ которой можетъ явиться или монархъ, или парламентъ. Къ этому взгляду примыкаетъ большинство сторонниковъ французской доктрины [1]). „Съ юридической точки зрѣнія ясно,—пишетъ Haus [2])—что право амнистіи не принадлежитъ исполнительной власти, имѣющей задачей лишь исполнять судебныя рѣшенія. Но принадлежитъ ли оно законодательной власти? Безъ сомнѣнія, это можно было бы утверждать, если бы амнистія была только отмѣной закона; но она вторгается и въ сферу суда, прекращая начатыя слѣдствія, уничтожая постановленія и приговоры, еще не вступившіе въ окончательную силу. Слѣдовательно, она важнѣе закона. Законъ объ амнистіи есть превышеніе власти, по крайней мѣрѣ, если онъ не ограничивается прекращеніемъ еще не возбужденныхъ преслѣдованій. Амнистія есть осуществленіе ius eminens, которое по строгимъ

S. 7 признаетъ помилованіе совмѣстнымъ актомъ законодательной и судебной власти. Candole (Dissentions sur le droit de grâce 1829) предлагалъ даже устройство особаго tribunal des grâces. Спеціально въ области амнистіи попытокъ отнесенія ея къ судебной власти не имѣется.

[1]) Ducrocq. Cours du droit administratif t. I. № 32. Haus. Principes généraux du droit pénal belge III. p. 247. Morin. Repertoire, mot Amnistie. Bertauld. Cours. p. 535. Hélie. II. № 1088. Chomette p. 62. Cabat p. 63.

[2]) Principes du droit pénal belge. 1888. § 988.

принципамъ не можетъ принадлежать ни одной изъ конститутивныхъ властей государства". То же повторяютъ Brouckere et Tielmans [1]): „Во всякомъ правительствѣ, раздѣлившемъ конститутивныя власти государства и не присвоившемъ яснымъ образомъ какой либо изъ нихъ права амнистіи, осуществленіе этого права происходитъ посредствомъ диктатуры, которую обстоятельства могутъ извинять, но которую принципы не оправдываютъ". Къ этому взгляду приближается въ германской литературѣ Лабандъ, вопреки своему взгляду, развитому въ „Государственномъ правѣ Германской Имперіи". „Актъ милости—говоритъ онъ—есть проявленіе ius eminens государства, которое не связано ни приговорами, ни уголовными законами, это veto противъ примѣненія закона и права" [2]). Теорія суверенности права амнистіи, по существу, не предрѣшаетъ вопроса объ органѣ предоставленія ея. Этимъ органомъ можетъ быть и самъ монархъ и монархъ, дѣйствующій при участіи парламента. Къ первому взгляду склонялись болѣе ранніе французскіе авторы [3]), ко второму—современные изслѣдователи [4]). Рѣшеніе этого вопроса производится въ этомъ случаѣ по основаніямъ цѣлесообразности.

Теорія сувереннаго характера амнистіи дѣлаетъ крупный шагъ впередъ по сравненію съ вышеизложенными теоріями, признавая за амнистіей особый характеръ, отличный отъ характера прочихъ актовъ законодательной или исполнительной власти. Но и она не выясняетъ этого характера, а совершенно бездоказательно относитъ амнистію къ суверенной власти, не объясняя, почему органами ея могутъ быть только король и парламентъ.

Мы полагаемъ необходимымъ въ вопросѣ объ органѣ предоставленія амнистіи итти инымъ путемъ. Мы должны установить соціальныя свойства этой мѣры и вліяніе ея на государственный строй; учесть эти свойства въ ихъ относительной важности и затѣмъ опредѣлить, какой изъ существую-

---

[1]) Répertoire de l'administration. Mot Amnistie. § 2.
[2]) Archiv für öffentlichen Recht. VII. p. 194.
[3]) Morin, Ducrocq, Bertauld, Hélie.
[4]) Cabat, Chomettes, Haus.

щихъ государственныхъ органовъ наиболѣе приспособленъ къ наилучшему осуществленію этой мѣры. Если существующіе органы оказываются мало пригодными, то изслѣдователь не долженъ останавливаться предъ созданіемъ самостоятельныхъ органовъ или предъ измѣненіемъ порядка дѣятельности старыхъ въ цѣляхъ наилучшаго приспособленія ихъ. Опредѣленіе пригоднаго органа есть исключительно вопросъ политики, опредѣляемой значеніемъ этой мѣры для правопорядка. Отсюда слѣдуетъ, что сначала должно изслѣдовать не то, актомъ какой власти является амнистія—законодательной или исполнительной съ тѣмъ, чтобы по опредѣленіи этого амнистія была отнесена къ соотвѣтственному органу, а, наоборотъ, сначала долженъ быть опредѣленъ соотвѣтственный органъ изъ числа наличныхъ или возможныхъ и тогда уже, въ зависимости отъ положенія органа, амнистія получаетъ характеръ законодательной или административной мѣры. Установленное Монтескье распредѣленіе властей по предметамъ вѣдомства является въ значительной степени несоотвѣтствующимъ динамикѣ силъ современнаго государства. Распредѣленіе властей происходитъ по гораздо болѣе сложнымъ принципамъ, нежели принципъ равновѣсія, причемъ первенствующую роль въ такомъ распредѣленіи играетъ представительное значеніе даннаго органа, порядокъ его дѣятельности, словомъ, условія, относящіяся къ внутреннему его строенію и связи съ общественными стремленіями. Не останавливаясь здѣсь на сложной проблемѣ организаціи власти, мы попытаемся лишь примѣнить высказанныя мысли къ опредѣленію органа примѣненія амнистіи.

Амнистія является мѣрою крайней государственной важности. Она пріостанавливаетъ ходъ правосудія, устраняетъ репрессію въ ея различныхъ формахъ, возвращаетъ къ соціальной дѣятельности устраненные отъ нея вслѣдствіе праволишеній элементы, все это—ради достиженія высокихъ государственныхъ задачъ. Это мѣра серьезнѣйшей государственной политики, затрагивающей сложные государственные и соціальные интересы. Въ этомъ отношеніи она подобна бюджету, устанавливающему общій планъ дѣятельности государ-

ства въ экономической области, съ тою лишь разницею, что послѣдній вырабатывается періодически. Еще правильнѣе сравнить ее съ крупнымъ внутреннимъ займомъ, дѣлаемымъ у общества въ области репрессіи съ тѣмъ, чтобы уплатить его въ видѣ укрѣпляющихъ эффектовъ амнистіи въ области общаго гражданскаго правопорядка. Столь высокая важность амнистіи не позволяетъ ввѣрять выработку ея органу подчиненному, несамостоятельному, а, наоборотъ, требуетъ, чтобы этотъ органъ имѣлъ руководящее значеніе въ прогрессивной дѣятельности страны, чтобы онъ глубоко и всесторонне былъ ознакомленъ съ требованіями государственной политики и былъ самостоятеленъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Съ другой стороны этотъ органъ долженъ быть настолько сильнымъ, чтобы не останавливаться предъ какими либо формальными препятствіями и имѣть возможность свободно сообразоваться съ требованіями политики.

Судебные органы для этой функціи мало пригодны. Какъ по своему положенію, такъ и по пріемамъ дѣятельности, эти органы приспособлены больше къ выясненію конкретныхъ фактовъ, къ подведенію отдѣльныхъ случаевъ подъ опредѣленія закона, нежели къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ различныхъ политическихъ интересовъ. Судъ находится всегда въ извѣстномъ отдаленіи отъ политики, онъ не можетъ такъ ясно и вѣрно учитывать значеніе различныхъ политическихъ факторовъ, какъ какая либо иная власть. Кромѣ того, самъ судъ менѣе всего можетъ быть призванъ насильственно прекращать и отчасти даже подрывать свою дѣятельность en masse. Въ глазахъ добросовѣстнаго судьи интересы правосудія имѣютъ значительно большую силу, чѣмъ даже та, которая въ дѣйствительности присвоивается имъ въ извѣстномъ государственномъ строѣ. Интересы правосудія для судьи являются самоцѣлью, для всего государства—лишь относительною цѣлью. Педагогически несообразнымъ являлось бы пріученіе судьи, призваннаго къ постоянному отправленію правосудія, подчинять эти интересы другимъ, менѣе близкимъ ему и менѣе имъ сознаваемымъ. Судъ, даже судъ высшій, въ качествѣ органа предоставленія амнистіи явился бы крайне консерва-

тивнымъ и политически непріуроченнымъ аппаратомъ. Онъ не могъ бы быстро сообразоваться съ требованіями политическаго момента, онъ не могъ бы приспособить укрѣпляющее дѣйствіе амнистіи къ опредѣленнымъ государственнымъ цѣлямъ, онъ имѣлъ бы возможность стѣснять этимъ свободную дѣятельность низшихъ судовъ. Своими актами онъ могъ бы, наконецъ, парализовать дѣйствіе законодательства и правительства.

Подчиненные органы управленія, уже въ силу своей подчиненности, неспособны къ исполненію такой функціи. Можетъ итти рѣчь лишь объ участіи ихъ совмѣстно съ монархомъ въ предоставленіи амнистіи. Такая форма дарованія амнистіи—амнистіи, какъ аттрибута монарха, осуществляемаго чрезъ посредство министерства—пріурочиваетъ амнистію къ органамъ исполнительной власти.

Наконецъ, форма, при которой амнистія даруется парламентомъ и утверждается королемъ или президентомъ, пріурочиваетъ амнистію къ законодательнымъ органамъ. Между этими двумя формами и идетъ въ настоящее время споръ о первенствѣ. Привести основанія къ посильному рѣшенію его и составляетъ нашу задачу.

Оговоримся сначала, что рѣчь идетъ о политической амнистіи, которая только и имѣетъ право на существованіе въ современномъ государственномъ строѣ.

Впервые вопросъ о правильности передачи амнистіи королю или парламенту теоретически былъ затронутъ во Франціи въ декабрѣ 1834 г. при обсужденіи въ палатѣ депутатовъ вопроса о томъ, входитъ ли амнистія, не упомянутая въ конституціи 1830 г., въ компетенцію короля, или же она должна быть отнесена къ компетенціи парламента. Въ защиту перваго взгляда выступилъ Беранже, доводы котораго до сихъ поръ приводятся противниками парламентской амнистіи въ качествѣ основныхъ возраженій. „Право амнистіи, врученное коронѣ—говорилъ Беранже—есть исключительная прерогатива мира и согласія. Оно вручается коронѣ какъ извѣстная обязанность, которую корона можетъ осуществлять только для защиты слабыхъ противъ сильныхъ, побѣжденныхъ противъ

побѣдителей". „Если вы заставите правительство просить милосердія у парламентскаго большинства, вы рѣдко получите его, потому что большинство это, чаще всего связанное съ господствующимъ строемъ, возбужденное возраженіями, получаемыми имъ, уязвленное въ своемъ эгоизмѣ и гордое своей побѣдой, обыкновенно скупо на милосердіе. Между тѣмъ монархъ есть безпристрастный судья событій, въ душѣ котораго нѣтъ ни злобы, ни ненависти, который болѣе всего заботится объ успокоеніи страны и одинъ только поставленъ достаточно высоко, чтобы умѣрять партіи и склонять ихъ къ примиренію". Цѣль амнистіи примирить всѣхъ. Но когда вопросъ о ней будетъ вынесенъ на парламентскую трибуну, когда страсти разыграются, то надежда на успѣхъ амнистіи станетъ меньшей. Обсужденіе въ парламентѣ даже незначительныхъ вопросовъ крайне волнуетъ партіи; что же произойдетъ при обсужденіи столь серьезной мѣры, какъ амнистія, гдѣ нужно взвѣсить обстоятельства, преступленія, ошибки, когда многіе станутъ пытаться выразить въ различныхъ поправкахъ свои личныя чувства? Предваряемая длинными и страстными преніями амнистія, рискуетъ не оказать спасительнаго дѣйствія. Съ другой стороны для предоставленія амнистіи нужно ловить случай. Эта мѣра, чтобы быть своевременной и удачной, не должна ни предупредить, ни упустить соотвѣтственный политическій моментъ. А если палаты обособлены и случайныя обстоятельства не позволяютъ соединить ихъ, то, даже, несмотря на крайнюю необходимость, общество должно остаться безучастнымъ зрителемъ соціальнаго зла, противъ котораго оно теперь безсильно бороться.

Эти соображенія Беранже въ нѣсколько измѣненномъ видѣ были повторены въ германской литературѣ Бернеромъ: „Право помилованія не должно быть предоставляемо палатамъ. Парламентскій милостивый манифестъ лишилъ бы помилованіе его святости. Онъ даже уничтожилъ бы цѣль политической амнистіи, потому что политическія преступленія, которыя амнистія должна покрыть непроницаемой завѣсой, были бы возстановлены имъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ и утихнувшая борьба партій возгорѣлась бы снова. Кромѣ того

палаты являются слишкомъ медленнымъ и неудобоподвижнымъ органомъ для отправленія помилованія“ [1]).

Возраженія эти прежде всего опровергнуты практикой. Бельгія, Голландія, Болгарія, сама Франція принимаютъ парламентскую форму амнистіи. По мѣрѣ своего функціонированія эта форма находитъ себѣ все больше и больше сторонниковъ. Она вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ страны и не оправдываетъ тѣхъ опасеній, которыя высказывалъ Беранже. По поводу этихъ возраженій *Cabat* (стр. 59) замѣчаетъ: „Повидимому, эти аргументы могли бы быть обращены противъ того же самаго утвержденія, къ поддержкѣ котораго они предназначены, если бы глава государства получилъ свою власть не отъ представителей народа, какъ во Франціи, а прямо посредствомъ всеобщей подачи голосовъ или по рожденію. Именно онъ, а не парламентъ, могъ бы быть проникнутъ чувствами ненависти къ противникамъ своего положенія. Онъ вовсе не всегда руководился бы соображеніями милости и прощенія преступленій. Кто гарантируетъ его отъ увлеченій и отъ извращеній? Гораздо легче допустить наличность стремленія къ умиротворенію въ коллективной душѣ избранниковъ народа“. Противъ перваго соображенія Беранже можно указать, что право амнистіи, врученное парламенту, не перестаетъ сохранять свой характеръ прерогативы мира. Оно лишь обезпечиваетъ примѣненіе этой мѣры, болѣе согласное съ общей политикой государства. Противоположеніе эгоизма парламентскаго большинства и безпристрастія монарха во многомъ является натяжкою. При амнистіи вопросъ идетъ не столько о милосердіи, сколько о политическомъ разсчетѣ. Политика опредѣляется большинствомъ авторитетнаго парламента, и монархъ своими актами не можетъ открыто итти противъ этой политики, не подвергая опасности своей власти. Беранже утверждаетъ, что обсужденіе амнистіи въ парламентѣ вредитъ ея дѣйствію. Сама по себѣ публичность обсужденія амнистіи, позволяющая выяснить соціальныя ея основанія и освѣтить предъ всей стра-

---

[1]) Учебникъ уголовнаго права, т. I, стр. 909, пер. Н. Неклюдова.

ной мотивы этой чрезвычайной мѣры, есть въ высшей степени важное качество, котораго лишена чисто королевская амнистія. Однако здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, возможны ненормальности. Страстность преній вредитъ спокойному обсужденію всякаго законодательнаго вопроса, но это еще не составляетъ основанія къ изъятію его изъ вѣдѣнія парламента. Говоря объ особенной вредности этихъ преній для амнистіи, слишкомъ буквально понимаютъ терминъ „забвеніе"; событія не забываются въ обычномъ смыслѣ этого слова, государство лишь устраняетъ по отношенію къ нимъ акты репрессіи. Такому „забвенію" парламентскія пренія мѣшать не могутъ, а, наоборотъ, могутъ ему содѣйствовать. Наконецъ, возраженіе о неудобоподвижности палатъ, какъ органа предоставленія амнистіи, теряетъ свою силу при особыхъ облегчительныхъ условіяхъ проведенія ея. Отчасти преувеличенъ въ этихъ возраженіяхъ и оппортунистическій характеръ амнистіи.

Конечно, парламентская форма амнистіи не есть идеальная форма, лишенная всякихъ недостатковъ, но значеніе этихъ недостатковъ ничтожно по сравненію съ тѣми коренными основаніями, по которымъ необходимо требовать парламентской, а не чисто королевской амнистіи. Эти основанія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ:

1. Парламентъ представляетъ изъ себя органъ, наиболѣе тѣсно связанный съ политическими убѣжденіями населенія, наиболѣе живо чувствующій соотношеніе политическихъ и соціальныхъ интересовъ, наиболѣе разносторонне оцѣнивающій соціальныя потребности населенія. Монархъ, обыкновенно являясь хранителемъ началъ традиціонныхъ, стоитъ несравненно дальше отъ политической жизни. Амнистія же прежде всего требуетъ, какъ мы указывали, органа, непосредственно руководящаго политической дѣятельностью страны и могущаго учитывать различные политическіе интересы. Слѣдовательно, парламентъ въ этомъ отношеніи пригоднѣе.

2. Амнистія получаетъ характеръ политической мѣры, оказывающей сильное вліяніе на строй и дѣятельность государства, и монархъ, самостоятельно предпринимая ее, под-

вергаетъ себя опасности стать въ открытый конфликтъ съ парламентомъ и его политикой. Слѣдствіемъ этого можетъ явиться то двоевластіе, которое подвергаетъ колебаніямъ основные устои государственной жизни. Парламентская амнистія сохраняетъ за монархомъ право участія, но не иначе, какъ въ согласіи съ большинствомъ парламента, и этимъ устраняетъ возможность подобнаго конфликта.

3. Парламентъ полномочнѣе, чѣмъ одинъ только монархъ. Если для полнаго дѣйствія амнистіи требуется, напримѣръ, лишеніе потерпѣвшихъ права отыскивать убытки за амнистируемыя преступленія, если требуется сложить недоимки и пр., то только парламентъ можетъ внести въ амнистію эти условія, но не монархъ. Отсюда слѣдуетъ, что амнистія парламентская можетъ быть болѣе широкой и болѣе сильной, чѣмъ королевская.

4. Парламентъ вырабатываетъ уголовные законы и съ большей компетентностью можетъ судить о силѣ ихъ и о возможности суспенсировать дѣйствіе ихъ посредствомъ амнистіи [1]).

4. Обсужденіе амнистіи въ парламентѣ происходитъ публично. Мотивы амнистіи становятся извѣстными, подвергаются критикѣ въ печати. Вслѣдствіе этого амнистія парламентская и болѣе обдумана, и болѣе гарантирована отъ проникновенія въ нее низкихъ мотивовъ, боящихся свѣта. Амнистія королевская, творимая въ тиши бюрократическихъ кабинетовъ, страдаетъ всѣми недостатками подобнаго рода творчества: случайностью взглядовъ составителей ея, рутинностью, возможностью закулисныхъ вліяній и т. д. [2]). Общественная

---

[1]) Lombroso et Laschi (Les crimes politiques et les revolutions t. II p. 275) считаютъ даже, что парламенты—это вѣрное зеркало воли страны—призваны регулировать примѣненіе репрессіи въ области политическихъ преступленій, что они и дѣлаютъ посредствомъ амнистіи, назначенія наказанія за политическія преступленія (право Конгресса въ С. Ам. Штатахъ, право народныхъ собраній въ Римѣ), посредствомъ суда надъ важнѣйшими политическими преступленіями.

[2]) Огражденіе отъ подобныхъ злоупотребленій крайне затруднительно. Хартуляри (Право помилованія стр. 117) считаетъ главнѣйшимъ огражденіемъ - совѣсть монарха. Людеръ (Begnadigungsrecht p. 211)—умѣренность монарха.

критика сюда не проникаетъ совершенно, и учесть значеніе амнистіи до ея утвержденія и обнародованія бываетъ благодаря этому невозможно.

5. Амнистія королевская къ политическимъ мотивамъ примѣшиваетъ постоянно династическіе; по отношенію къ политическимъ мотивамъ извѣстнаго рода монархическая власть крайне неподатлива и уступаетъ только сильному давленію, которое и можетъ представить изъ себя организованное большинство парламента. Безъ участія парламента гражданско-политическія амнистіи, вызываемыя порою настоятельною необходимостью, не достигли бы такой широты, такъ какъ оцѣнка политическихъ задачъ, производимая монархомъ, и оцѣнка, производимая парламентомъ, далеко не всегда совпадаютъ. Только участіе парламента можетъ гарантировать амнистіи соотвѣтственный потребностямъ политическій характеръ. Практика государствъ, гдѣ господствуетъ чисто королевская амнистія, служитъ лучшимъ доказательствомъ этого положенія [1]).

6. Только парламентская амнистія соотвѣтствуетъ парламентаризму въ области управленія. Право амнистіи даетъ парламенту возможность влiять на политику страны и усиливать необходимость парламентарнаго министерства. Въ Италіи, Испаніи и Греціи амнистія предоставлена власти короля, но за отвѣтственностью министерства предъ парламентомъ. Форма эта во многомъ нецѣлесообразна. Она вручаетъ въ руки министерства власть, большую, нежели та, которую имѣетъ парламентъ,—власть суспенсированія законовъ. Съ другой стороны, она даетъ возможность привлеченія министровъ къ отвѣтственности за амнистію парламентомъ и тѣмъ открываетъ источникъ сильнаго возбужденія страстей. Выгодъ широкаго и гласнаго обсужденія амнистіи здѣсь также не достигается. Наконецъ, амнистія—мѣра столь важная, что парламенту не можетъ быть предоставлено право обсуждать эту мѣру лишь

---

[1]) Монархическая власть сильнѣе основана на традиціи авторитета, и потому менѣе склонна дискредитировать старый авторитетъ амнистіей, нежели власть парламента, постоянно возобновляющаяся и черпающая свой авторитетъ въ своемъ представительномъ характерѣ.

post factum, когда она уже не можетъ быть отмѣнена, а ему должно быть обезпечено предварительное участіе въ обсужденіи, которое не можетъ быть, однако, поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія министровъ.

Такимъ образомъ рѣшительныя соображенія говорятъ въ пользу парламентской амнистіи. Пока амнистія была милостью, она могла быть предоставлена только главѣ государства, на власть котораго и переносилось укрѣпляющее дѣйствіе амнистіи, но, ставъ актомъ соціальной политики, она должна перейти на почву широкихъ политическихъ соображеній, которыя должны быть очевидны и понятны для всего населенія.

Амнистія есть мѣра активной политики, она составляетъ объектъ политическихъ стремленій народа, и потому монархъ, стоящій въ сторонѣ отъ политической борьбы, при обладаніи правомъ амнистіи, можетъ являться незащищеннымъ отъ партійныхъ нападокъ. Амнистія очень приближается по своему характеру къ актамъ законодательной дѣятельности. Возможенъ, впрочемъ. особый порядокъ обсужденія и изданія ея въ парламентѣ, опредѣляемый конкретными условіями парламентарнаго строя. При однопалатной системѣ не лишнимъ является предварительное выслушаніе заключенія высшаго суда по этому предмету. Формы обнародованія, правила толкованія, сила дѣйствія почти во всемъ одинаковы для амнистіи и закона. Въ формальномъ отношеніи такимъ образомъ амнистія вполнѣ приравнивается къ закону. Она является однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ, которые, въ виду особой необходимости въ авторитетности ихъ и близости ихъ къ общей законодательной функціи, закрѣпляются за наиболѣе вліятельной властью парламента, какъ органа, болѣе поддающагося политическому давленію населенія, чѣмъ единоличное усмотрѣніе монарха. Она стоитъ въ тѣсной связи и съ дѣятельностью административной власти, которой иногда предписываетъ принятіе или отмѣну административно-репрессивныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ на основаніи общихъ полномочій администраціи. Такова природа и бюджетнаго права, и политической отвѣтственности министровъ, и права экспро-

пріаціи. Парламентская амнистія такимъ образомъ есть одно изъ проявленій того строя, который нынѣ носитъ названіе парламентарнаго.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ амнистія сохраняется, какъ прерогатива короля, мы замѣчаемъ, какъ постепенно вымираютъ старыя формы. Наиболѣе нецѣлесообразною и отсталою является постановка амнистіи въ Германіи, гдѣ она еще не приняла формы самостоятельнаго института и раздѣлена между аболиціей и помилованіемъ осужденныхъ. Устарѣлая форма аболиціи отпадаетъ, освобождая мѣсто для амнистіи. Иногда, какъ напр. въ Пруссіи, предоставленіе аболиціи передается Ландтагу; въ тѣхъ же странахъ, въ которыхъ она сохранена за монархомъ, она постепенно вымираетъ. Сила государственныхъ идей преобразуетъ старыя формы. „Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, пишетъ Іеллинекъ въ новой своей книгѣ [1]), великій герцогъ, согласно конституціи отъ 22 августа 1818 г., совмѣщаетъ въ себѣ всѣ права государственной власти и осуществляетъ ихъ соотвѣтственно условіямъ, установленнымъ конституціей. Къ этимъ неперечисленнымъ правамъ государственной власти относили также право аболиціи, которымъ широко пользовался еще нынѣ правящій великій герцогъ, какъ при всеобщихъ амнистіяхъ 1857 г., такъ и въ единичныхъ случаяхъ до 1865 г. Но впослѣдствіи, надо полагать, подъ давленіемъ воззрѣній, требующихъ, чтобы правильный ходъ правосудія возможно меньше нарушался, измѣнился и взглядъ правительства. Въ другомъ мѣстѣ конституціи говорится „великій герцогъ можетъ смягчить постановленное наказаніе или совсѣмъ освободить отъ него“. И вотъ стали доказывать, что этими словами исчерпываются сохраненныя за монархомъ права въ области карательнаго правосудія; такъ какъ право аболиціи здѣсь не упомянуто, то, слѣдовательно, глава правительства не пользуется имъ теперь. И начиная съ середины 60-хъ годовъ, мы не знаемъ ни одного случая аболиціи. Такъ путемъ правительственной интерпретаціи было устранено право, чуть ли не полъ-столѣтія при-

[1]) Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія 1907. Стр. 18. Переводъ подъ ред. Б. Кистяковскаго.

мѣнявшееся какъ право монарха". Случай съ Баденомъ далеко не единиченъ въ Германіи; мы уже видѣли, что это право почти совсѣмъ вымерло въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ. И стоитъ наукѣ, правительству или парламентамъ отдѣльныхъ государствъ, подъ вліяніемъ политическихъ событій, измѣнить свой взглядъ на амнистію и признать ее самостоятельнымъ институтомъ, чтобы оказалась возможность фактическимъ путемъ придать ей парламентарную форму безъ перестройки отдѣльныхъ конституцій. Примѣръ этого даетъ намъ Бельгія. Право амнистіи въ бельгійской конституціи не было предусмотрѣно; достаточно было нѣкоторыхъ политическихъ событій, чтобы это право было присвоено себѣ палатой. Одни считаютъ это присвоеніе актомъ диктатуры (Brouckère и Tielmans), другіе отдѣльнымъ исключеніемъ изъ конституціонныхъ принциповъ (Haus), но никто не оспариваетъ силы и законности этихъ актовъ. Въ Англіи, подъ вліяніемъ политической необходимости, вырабатывается самостоятельная форма парламентской амнистіи наряду съ традиціоннымъ правомъ королевскаго прощенія. Практика сильно мѣняетъ букву конституцій. Такое измѣненіе идетъ или путемъ интерпретаціи, или путемъ захвата, или путемъ отказа королевской власти отъ исключительнаго осуществленія прерогативы амнистіи. Многое зависитъ отъ распредѣленія политическихъ силъ, отъ дѣйствій монарха, отъ установленія парламентарнаго строя. Указанные примѣры подчеркиваютъ лишь возможность для извѣстныхъ идей вліять на измѣненіе государственнаго строя, въ направленіи большаго приспособленія его къ новымъ задачамъ, и инымъ путемъ, кромѣ законодательнаго измѣненія этихъ формъ. Парламентская амнистія, какъ и вообще парламентарный строй, при отсутствіи признанія ея въ нормахъ писанной конституціи, можетъ все же проводиться въ жизнь медленнымъ измѣненіемъ практики. Въ этомъ выражается сила политическихъ основаній, дѣйствующихъ на организацію государственной власти окольными путями въ томъ случаѣ, если главная магистраль—законодательство закрыта для дѣйствія ихъ.

Часть третья.

Общее прощеніе и амнистія въ русскомъ правѣ.

Обзоръ русскаго права относительно общаго прощенія и амнистіи въ нашей работѣ разбивается на двѣ части: историческую и догматическую.

Изслѣдованіе историческихъ основъ общаго прощенія въ русскомъ правѣ представляетъ большую важность, такъ какъ только такимъ путемъ можно выяснить современный характеръ этой мѣры, до самаго послѣдняго времени почти не регулированной законодательствомъ, а развивавшейся медленнымъ наслоеніемъ отдѣльныхъ актовъ Верховной власти. Историческое изслѣдованіе поможетъ также разсѣять установившійся въ этой области, вслѣдствіе малой ея разработанности, взглядъ, что права россійской Верховной власти по прощенію преступниковъ и зародились у насъ на совершенно иной почвѣ, и покоятся у насъ на совершенно иныхъ основаніяхъ, нежели на Западѣ [1]). Русское законодательство въ качествѣ мѣры массового помилованія знаетъ только общее прощеніе. Амнистія же, какъ особый правовой институтъ, до сихъ поръ неизвѣстна русскому праву, и потому изслѣдователю вопроса приходится излагать развитіе не самой амнистіи, а тѣхъ правовыхъ образованій, которыя болѣе или менѣе приближаются къ ней. Въ качествѣ общаго критерія относимости этихъ правообразованій мы принимаемъ то опредѣленіе амнистіи, которое выставлено нами выше (стр. 137). Историческій матеріалъ мы группируемъ на 4 эпохи: 1) эпоху Московской Руси; 2) періодъ Имперіи до Екатерины II; 3) время отъ Екатерины II до конца царствованія Александра II и 4) время, начиная съ Александра III.

---

[1]) Хартулари. Право суда и помилованія. 1899 г. ч. 2, стр. 2. Въ противорѣчіе этому основному взгляду см. у того же автора заключеніе, стр. 269, ч. 2.

Глава I.

Общія милости преступникамъ и амнистія въ московскую эпоху.

Въ княжескій періодъ русской исторіи для развитія формъ коллективнаго помилованія со стороны верховной власти не было мѣста. Публичный характеръ наказанія—условіе, необходимое для развитія этой прерогативы—выражался еще очень слабо. Вмѣшательство тіуновъ и волостелей, а въ исключительныхъ случаяхъ и самого князя, въ правосудіе носило характеръ исключительно финансово-полицейскій, наказаніе же служило болѣе всего интересамъ потерпѣвшаго, распоряжаться которыми князь не былъ воленъ [1]). Этотъ періодъ господства частнаго начала въ правосудіи держался на Руси дольше, нежели въ странахъ Запада. Примѣненіе княжескихъ милостей началось сначала въ чисто-политической области.

Съ усиленіемъ княжеской власти, князь начинаетъ примѣнять къ своимъ политическимъ врагамъ различныя мѣры репрессіи. Междоусобицы князей свидѣтельствуютъ о многихъ случаяхъ ихъ жестокой расправы съ враждебными князьями, боярами и жителями возставшихъ городовъ. Среди класса бояръ въ эту эпоху образуются партіи, ведущія борьбу изъ за поддержки того или иного князя. Въ этотъ періодъ мы начинаемъ встрѣчать проблески *милости* князей. Укрѣпившій свою власть князь не мститъ своимъ бывшимъ недругамъ, не изгоняетъ и не заточаетъ ихъ въ темницы, и тѣмъ проявляетъ свою милость. Къ этой милости часто взываетъ духовенство, стремившееся примирить князей, и потому часто напоминавшее о князьяхъ милостивыхъ и любящихъ правду, возводившее милость на степень основной христіанской обязанности князя [2]). Конечно, такая милость не есть еще право

---

[1]) См. Эверсъ. Древнѣйшее русское право. 1835 г. стр. 56. Едва ли также можно думать, что право это принадлежало вѣчу. „Вѣче—пишетъ В. И. Сергѣевичъ (Князь и вѣче, 1900 г. стр. 94), беретъ иногда на себя рѣшеніе правительственныхъ и судебныхъ вопросовъ, но оно не есть обычный органъ суда". Случаевъ помилованія со стороны вѣча не встрѣчается.

[2]) См. поученія митрополитовъ Алексѣя и Фотія, приводимыя у Хартулари ч. 2, стр. 26.

помилованія, а лишь сдержка враждебныхъ чувствъ, но ученіе о ней послужило основой для дальнѣйшаго развитія означеннаго права. На ряду съ индивидуальной милостью князь проявлялъ иногда и милость коллективную, не карая бояръ-измѣнниковъ, участвовавшихъ въ какомъ либо дѣяніи, направленномъ противъ него. Такъ, напр., лѣтописецъ повѣствуетъ о князѣ Даніилѣ Галицкомъ, что онъ, взявъ обратно въ 1239 г. Галичъ отъ Ростислава, захватившаго его съ помощью мѣстныхъ бояръ, помиловалъ всѣхъ бояръ, несмотря на всѣ ихъ злодѣянія, такъ какъ надѣялся великодушіемъ обезоружить мятежниковъ. И онъ, дѣйствительно, достигъ этого [1]).

Княжеская милость принимаетъ болѣе опредѣленную форму лишь съ укрѣпленіемъ на Руси самодержавія. Это государственное начало, какъ извѣстно, устанавливается у насъ съ Іоанна III, прославившагося своими репрессіями по отношенію къ непокорнымъ боярамъ и удѣльнымъ городамъ. Въ княженіе этого „Самодержца" мы встрѣчаемъ отдѣльные акты милости по отношенію къ опальнымъ боярамъ. Но форма эта имѣетъ, конечно, лишь очень отдаленное отношеніе къ амнистіи. Изъ актовъ, приближающихся къ амнистіи, заслуживаетъ особеннаго вниманія амнистія, дарованная новгородцамъ 27 іюля 1471 г. при взятіи Новгорода. Вотъ картина дарованія ея въ изображеніи Карамзина [2]): „Чрезъ нѣсколько дней Іоаннъ дозволилъ посламъ стать предъ лицомъ своимъ. Ѳеофилъ (митрополитъ Новгородскій) вмѣстѣ со многими духовными особами и знатнѣйшіе чиновники новгородскіе, вступивъ въ шатеръ великокняжескій, пали ницъ, безмолствовали, проливали слезы. Іоаннъ, окруженный сонмомъ бояръ, имѣлъ видъ грозный и суровый. „Господинъ, князь великій, сказалъ Ѳеофилъ, утоли гнѣвъ свой, утиши ярость; пощади насъ, преступниковъ, не для моленья нашего, но для своего милосердія. Угаси огонь, палящій страну новгородскую, удержи мечъ, ліющій кровь ея жителей". Іоаннъ взялъ съ собою изъ

---

[1]) Карамзинъ. Исторія государства россійскаго т. V, гл. I.

[2]) Карамзинъ т. VI, гл. I.

Москвы одного ученаго въ лѣтописяхъ дьяка, именемъ Стефана Бородатаго, коему надлежало исчислить предъ новогородскими послами всѣ древнія ихъ измѣны; но послы не хотѣли оправдываться и требовали единственно милосердія. Тутъ братья и воеводы Іоанновы ударили челомъ за народъ виновный; молили долго, неотступно. Наконецъ, государь изрекъ слово великодушнаго прощенія, слѣдуя, какъ увѣряютъ лѣтописцы, внушеніямъ христіанскаго человѣколюбія и совѣту митрополита Филиппа помиловать новгородцевъ, если они раскаются; но мы видимъ здѣсь дѣйствіе личнаго характера, осторожной политики сего властителя". Черезъ нѣсколько дней, 11 августа, послѣ посвященія Ѳеофила въ Москвѣ въ архіепископы, онъ на амвонѣ смиренно преклонилъ колѣна предъ Іоанномъ и молилъ его умилосердиться надъ знатными новгородскими плѣнниками, Василіемъ-Казиміромъ и другими, которые еще сидѣли въ московскихъ темницахъ, великій князь даровалъ имъ свободу, и они безпрепятственно вернулись въ Новгородъ.

Въ этомъ описаніи амнистіи новгородцамъ обращаетъ на себя прежде всего поведеніе князя, заставляющаго новгородцевъ вымаливать себѣ прощеніе. Своими дѣйствіями онъ проявляетъ власть, останавливающуюся только предъ глубокимъ раскаяніемъ. Далѣе характерно энергичное предстательство духовенства, которое принимаетъ на себя наиболѣе опасную роль—инициативу ходатайства предъ великимъ княземъ. Это предстательство или печалованіе являлось характерной формой возбужденія вопроса о помилованіи въ теченіе всего царскаго періода русской исторіи. Почти всѣ договоры о прекращеніи междоусобицъ князей заключались при вмѣшательствѣ и съ благословенія епископовъ. Принимая близкое участіе въ уголовномъ правосудіи, духовенство не останавливалось предъ указаніями на несправедливости княжескаго суда и предстательствовало за невинно-страждущихъ и осужденныхъ предъ княземъ [1]). Средствомъ для такого своего вліянія оно сдѣ-

[1]) Историческія данныя объ этомъ правѣ печалованія см. Хартулари ч. 2, стр. 138—191. Иванъ IV однимъ изъ основаній своего удаленія отъ власти выставлялъ институтъ печалованія, стѣсняющій его волю.

лало воздѣйствіе на религіозное чувство князей, внушая имъ идею милосердія, какъ высшаго служенія Богу.

Съ XVI вѣка появляются уже публичныя кары. Объ этомъ свидѣтельствуетъ великокняжескій судебникъ 1498 г. Начинаетъ примѣняться тюрьма въ качествѣ мѣры наказанія. Въ связи съ этимъ и помилованіе выливается въ особыя формы. Въ особыхъ случаяхъ великій князь освобождаетъ узниковъ изъ тюремъ, даруя имъ свободу и прощеніе. Такая милость касалась не только осужденныхъ, а вообще виновныхъ. Это можно заключить изъ того, что въ тюрьмахъ, даже въ началѣ царской эпохи, содержались вмѣстѣ и отбывавшіе наказаніе, и привлеченные къ суду и что судебный приговоръ въ ту эпоху не игралъ еще такого значенія въ установленіи виновности, какъ въ настоящее время; презумпція виновности могла уже быть сильной при поимкѣ съ поличнымъ, при оговорѣ и обыскѣ. Первый случай такого освобожденія узниковъ мы встрѣчаемъ въ княженіе Василія III, 5 сентября 1530 г., по случаю крещенія его новорожденнаго сына Ивана (впослѣдствіи Грознаго).

Несомнѣнно, что практика массоваго освобожденія преступниковъ, заключенныхъ въ темницахъ, т. е. такихъ, по отношенію къ которымъ наказаніе примѣняется государственною властью, возникла на *религіозной* почвѣ, подъ вліяніемъ идеи о томъ, что милость, оказываемая преступникамъ, есть извѣстная религіозная жертва Богу, требующему благодарности. Печалованіе легче всего могло утвердить такую идею. Другимъ основаніемъ ея была теорія божественнаго установленія самодержавной власти. „Царь, самодержавный владыка—пишетъ Герберштейнъ, писатель эпохи Грознаго [1])—дается отъ Бога, и потому, все, что онъ ни совершитъ, совершается по волѣ Божьей. Даже самъ государь, если его просили объ освобожденіи узника, отвѣчалъ не иначе какъ словами: „если Богъ повелитъ, освободимъ". Тѣсный союзъ церкви и государственной власти создалъ теократическую форму прощенія преступниковъ. На стоглавомъ соборѣ въ 1550 г. пред-

---

[1]) Rerum moscovitarum commentarii, p. 12, СПБ. 1841.

лагалось ежегодное освобожденіе узниковъ по поводу праздника Пасхи, кромѣ осужденныхъ за тяжкія вины, убійство, разбой и зажигательство. Но слѣдовъ примѣненія этой мѣры въ XVI вѣкѣ мы не находимъ. За то при первыхъ государяхъ изъ династіи Романовыхъ такая практика чисто религіозной амнистіи получаетъ большое распространеніе. Такъ, по свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ дѣлъ Тайнаго приказа [1], въ воскресенье передъ Масляной, во время исполненія въ церквахъ дѣйства Страшнаго суда, государь до выхода на дѣйство обходилъ на зарѣ всѣ тюрьмы и тайно освобождалъ преступниковъ. Въ прощеное воскресенье, предъ началомъ Великаго поста и наканунѣ Свѣтлаго воскресенья, начальники всѣхъ приказовъ являлись къ государю съ докладами „о колодникахъ, которые въ какихъ дѣлахъ сидятъ многія лѣта, и государь освобождалъ особенно тѣхъ, которые сидятъ не въ большихъ винахъ“ [2]. Религіозный характеръ сохраняется и въ позднѣйшихъ актахъ коллективнаго помилованія, даровавшихся по инымъ поводамъ. Къ общимъ политическимъ соображеніямъ очень часто присоединялась идея милованія несчастныхъ для спасенія души и воздаянія благодарности Богу, и потому духовенство, указывавшее пути религіознаго спасенія, было главнѣйшимъ и даже единственнымъ въ московскую эпоху опредѣлителемъ объема и условій, предоставляемыхъ милостей.

Но съ начала XVII вѣка мы начинаемъ встрѣчать наряду съ религіознымъ уже сознательное политическое стремленіе къ укрѣпленію династическаго характера общихъ помилованій. Московскіе государи начинаютъ сознавать, что помилованіе, какъ прерогатива власти, можетъ быть употребляемо въ политическихъ цѣляхъ, на укрѣпленіе этой власти. Годуновъ впервые широко примѣнилъ помилованіе въ интересахъ чисто династическихъ. При

---

[1]) Приказъ тайныхъ дѣлъ игралъ роль посредствующей инстанціи при пріемѣ челобитныхъ о помилованіи. См. Гурляндъ, Приказъ Тайныхъ Дѣлъ 1902 г. стр. 240—242.

[2]) См. у Хартуляри, стр. 192.

короновании его въ 1598 г. заключенные въ темницахъ были освобождены и получили воспоможеніе [1]). При коронованіи Лжедмитрія I было объявлено помилованіе почти всѣмъ опальнымъ князьямъ и боярамъ, подвергшимся гоненію Бориса Годунова. Шуйскій, стѣсненный въ своихъ дѣйствіяхъ боярами, такого помилованія не предоставилъ; въ Москвѣ тогда (1 іюня 1606 г.) царило уныніе, и вѣнчаніе произошло безъ всякихъ милостей. Въ царствованіе первыхъ Романовыхъ практика коронаціонныхъ милостей осужденнымъ продолжаетъ примѣняться. Прямыхъ извѣстій о ней до насъ не дошло. Но здѣсь мы имѣемъ авторитетное свидѣтельство Котошихина, которое несомнѣнно хотя бы для царствованія Алексѣя Михайловича. Котошихинъ при описаніи коронаціонныхъ торжествъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „да въ то же время, какъ царя коронуютъ и веселіе бываетъ, на Москвѣ и въ городѣхъ всѣхъ воровъ освобождаютъ на волю, кромѣ самыхъ убійственныхъ дѣлъ“ [2]). Но особую прочность практика коронаціонныхъ помилованій коллективнаго характера пріобрѣтаетъ въ императорскій періодъ, на описаніи практики котораго мы остановимся ниже.

Династическое значеніе коронаціонныхъ милостей наиболѣе наглядно. При коронаціи власть пріобрѣтаетъ ореолъ святости, который и подкрѣпляется освобожденіемъ преступниковъ, разсматриваемымъ, подъ вліяніемъ церковныхъ ученій, какъ святое дѣло. Въ обществѣ того времени преступники разсматривались какъ несчастные, милосердіе по отношенію къ которымъ равносильно милостынѣ. Щедрость царей по отношенію къ нимъ была свидѣтельствомъ великодушія, одной изъ первыхъ добродѣтелей самодержавнаго монарха. Подчеркиваніе личныхъ добродѣтелей монарха въ моменты коронованія было наиболѣе умѣстнымъ.

Но, кромѣ коронованія, и другія событія въ царской семьѣ служили поводами къ освобожденію преступниковъ. Изъ бо-

---

[1]) Соловьевъ, т. VIII, стр. 696.

[2]) Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 1859 г. гл. I п. 22.

лѣе раннихъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть *рожденіе наслѣдника или вообще первенца*. Такъ, мы уже приводили наиболѣе ранній случай упоминанія объ освобожденіи заключенныхъ въ царствованіе Василія III, по поводу рожденія сына Іоанна. 5 сентября 1530 г., въ день крещенія новорожденнаго, Василій, чтобы выразить свою благодарность небу, велѣлъ выпустить всѣхъ узниковъ и снялъ опалу со многихъ знатныхъ бояръ, бывшихъ у него подъ гнѣвомъ [1]). Ѳеодоръ Іоанновичъ, при рожденіи у него первой дочери Ѳеодосіи, 1 іюня 1591 г. простилъ всѣхъ опальныхъ, самыхъ важныхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть, велѣлъ отворить темницы и выпустить узниковъ. По отношенію къ болѣе позднему времени Котошихинъ замѣчаетъ, что при торжествахъ по поводу рожденія наслѣдника въ Москвѣ „изъ тюремъ виноватыхъ освобождаютъ, кромѣ самыхъ великихъ дѣлъ“ [2]).

Наконецъ, къ однороднымъ основаніямъ коллективнаго помилованія слѣдуетъ отнести *смерть или тяжкую болѣзнь царя или царицы*. Впервые Іоаннъ Грозный въ своемъ завѣщаніи 10 марта 1584 г. предписалъ Ѳеодору освободить послѣ своей смерти всѣхъ узниковъ [3]). И дѣйствительно, исполняя завѣщаніе отца, Ѳеодоръ, немедленно послѣ его кончины, освободилъ всѣхъ заключенныхъ и, въ частности, опальныхъ бояръ и военноплѣнныхъ. Послѣ похоронъ Ѳеодора Іоанновича, царица Ирина и Годуновъ, въ свою очередь, отворили темницы, освободили всѣхъ узниковъ, даже смертоубійцъ, „чтобы этимъ дѣйствіемъ милосердія увѣнчать славу Ѳеодоровыхъ добродѣтелей“, какъ выражается Карамзинъ [4]). Котошихинъ относительно времени Романовыхъ замѣчаетъ: „также и на Москвѣ и въ городѣхъ, всякихъ воровъ для царскаго преставленія, изъ тюремъ освобождаютъ всѣхъ безъ наказанія“ (п. 32). Алексѣй Михаиловичъ предъ

---

[1]) Карамзинъ, IX, стр. 129.

[2]) Котошихинъ п. 26.

[3]) Соловьевъ, VI, стр. 324.

[4]) Т. IX, стр. 14. Царица Ирина, даже при жизни Ѳеодора, любя заниматься государственными дѣлами, неоднократно прощала преступниковъ, отъ своего собственнаго имени, особливо въ день своего рожденія и въ другіе торжественные праздники. Флетчеръ. О государствѣ русскомъ. 1591. гл. VII.

смертью въ 1676 г. завѣщалъ выпустить изъ тюремъ всѣхъ узниковъ и вернуть изъ ссылки всѣхъ ссыльныхъ [1]). До того онъ велѣлъ въ 1669 г., по случаю кончины своей жены Милославской, для поминовенія усопшей ,,колодниковъ и тюремныхъ сидѣльцевъ освободить, а истцовые иски и пошлины за нихъ заплатить, всего 907 р. 21 ал. 1 д.". 19 мая 1691 г. было даровано общее помилованіе по случаю поминовенія царевны Ѳеодосіи Ивановны (П.С.З. 2407). 26 января 1694 г., по случаю кончины Натальи Кирилловны, былъ изданъ Петромъ I и Іоанномъ указъ ,,о неправежѣ до Четыредесятницы ни на комъ долговъ и пошлинъ, кромѣ истцовыхъ исковъ, и о нечиненіи въ продолженіе сего времени по розыскнымъ дѣламъ наказаній" (1 П. С. З. 1483). Наконецъ, по случаю тяжкой болѣзни Петра I 27 января 1725 г. были изданы два указа. Въ первомъ изъ нихъ, дарованномъ шляхетству, предписывается ,,шляхетству, которые къ указаннымъ срокамъ къ смотру не явились... вины оставить и движимыхъ и недвижимыхъ имѣній не отнимать, для Е. И. В. многолѣтняго здравія и дабы Господь Богъ даровалъ отъ скорьби Его Величеству облегченіе" (П. С. З. 4641). Во второмъ, болѣе широкомъ указѣ предписывается: ,,вины оставить, которые по правамъ присуждены къ смертной казни или въ ссылку на каторгу вѣчно, кромѣ государственныхъ винъ первыхъ двухъ пунктовъ и смертныхъ убивствъ и учиненныхъ неоднократныхъ разбоевъ, и изъ подъ арестовъ свободить, а при свободѣ объявить, что тѣ ихъ тяжкія вины отпущены для здравія Его Величества и чтобы они о томъ Его Величества здравіи къ Богу молитвы приносили (П. С. З., 4642)". Дарованіе помилованій по случаю смерти или предсмертной болѣзни, ради спасенія души, болѣе всего приближается къ религіознымъ основаніямъ прощенія, и съ отмираніемъ послѣднихъ само должно было отпасть. И дѣйствительно, послѣ приведенныхъ двухъ указовъ 1725 г., изданныхъ не самимъ Петромъ, а придворной партіей, группировавшейся вокругъ Екатерины I, мы уже почти не

---

[1]) Костомаровъ, Русская исторія, т. II, стр. 156.

встрѣчаемъ коллективныхъ помилованій по поводу такихъ основаній [1]).

Во всѣхъ указанныхъ выше случаяхъ мы встрѣчаемъ извѣстную династическую тенденцію, заложенную въ религіозныя формы. Эта форма, наиболѣе близкая къ abolitio generalis поздней Римской Имперіи и несомнѣнно сложившаяся подъ вліяніемъ ея, не представляетъ оригинальной черты русскаго строя. Это—византійскій аттрибутъ самодержавной и теократической монархіи, пересаженный на нашу почву и давшій пышные ростки. Въ первый, московскій періодъ, религіозныя тенденціи преобладали надъ государственно - династическими, во второй, императорскій, доминирующую роль, какъ мы увидимъ далѣе, занимаютъ послѣднія, а религіозная идея отступаетъ на второй планъ, сохраняясь главнымъ образомъ въ видѣ нѣкоторыхъ традиціонныхъ религіозныхъ формъ и обрядностей. Преобладаніе ея въ первый періодъ находитъ легко себѣ объясненіе въ томъ, что проводникомъ ея служило духовенство, которое и оставляло на ней свой сильный отпечатокъ. Въ развитіи коллективнаго помилованія на Западѣ мы не видимъ этого отпечатка въ столь сильной степени, но это, конечно, еще не даетъ права говорить о самостоятельныхъ основахъ развитія права коллективнаго помилованія у насъ.

Но на ряду съ чисто-религіозной и религіозно-династической формой коллективнаго помилованія, въ московскій періодъ мы встрѣчаемъ *и политическую* его форму, правда, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны слѣдующіе примѣры. Первый относится къ серединѣ XV в. [2]). Послѣ придворныхъ распрей, послѣ своихъ безчинствъ и разоренія страны, Іоаннъ IV рѣшилъ взять правленіе въ свои руки. Созвавъ бояръ и жителей московскихъ, 20-лѣтній

---

[1]) Единственнымъ исключеніемъ является указъ 23 октября 1740 г., изданный Бирономъ, ради поминовенія Анны Іоанновны; но этотъ указъ по своему содержанію имѣетъ чисто политическій характеръ.

[2]) Достовѣрность его нынѣ оспаривается исторической наукой, но для насъ важна вѣрность исторической перспективы, которая сохранена въ излагаемомъ ниже описаніи.

Іоаннъ, сопутствуемый Сильвестромъ и Адашевымъ, обратился къ нимъ на лобномъ мѣстѣ съ длинною покаянною рѣчью, въ которой, между прочимъ, говорилъ: „Люди Божьи! теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія. Молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ; въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать". Если мы перенесемся въ эпоху Іоанна, когда осуществленіе уголовнаго правосудія зависѣло отъ частныхъ лицъ, мы въ этихъ словахъ увидимъ прямое воззваніе къ амнистіи путемъ отказа отъ своихъ правъ на преслѣдованіе. Государственная власть не настолько сильна, чтобы предписать это категорическимъ образомъ: она не разсчитываетъ на своихъ слугъ, сознаетъ невозможность принять отвѣтственность на себя, вслѣдствіе разоренія, и взываетъ къ доброй волѣ гражданъ, обѣщая имъ за то мощную поддержку въ будущемъ. Іоаннъ ярко выставляетъ на первый планъ моментъ общаго интереса и необходимости успокоенія, какъ основную причину такого забвенія прошлаго, и этимъ старается подѣйствовать на народъ. Онъ проситъ амнистіи, какъ уступки по отношенію къ власти, несправедливо пригнетавшей народъ, такъ какъ сознаетъ необходимость возстановленія невинно-пострадавшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ фактическую невозможность того.

Призывъ къ забвенію прошлаго въ видѣ снятія опалы съ враждебныхъ бояръ и прекращенія преслѣдованій за политическія преступленія мы встрѣчаемъ и въ началѣ царствованія Ѳеодора, Годунова, Лжедмитрія I [1]). Но особенно сильнымъ было оно послѣ смутнаго времени, съ утвержденіемъ Романовыхъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ постановилъ однимъ

---

[1]) Карамзинъ X, стр. 176. Шуйскій также обѣщалъ жителямъ Новгорода Сѣверскаго, примкнувшимъ къ самозванцу, „покрыть милосердіемъ вину ихъ", если изъявятъ раскаяніе. Карамзинъ т. XI, гл. I.

изъ условій своего вступленія на престолъ содѣйствіе всей земли въ устроеніи государства. „Ясно видно—пишетъ Соловьевъ [1])—что новое правительство, предавая забвенію политическія преступленія, совершенныя въ страшную эпоху смутъ, потребовало и отъ частныхъ людей, чтобы они прекратили всякіе иски относительно вреда, претерпѣннаго ими въ смутное время". Въ 1622 г. великіе государи указали: „въ поклажахъ, бояхъ, грабежахъ, что дѣлалось до разоренья и въ разоренье, по кабаламъ въ долгахъ, которыя кабалы не подписаны болѣе 15 лѣтъ и челобитья по нимъ не бывало, суда не давать". Здѣсь погашаются всѣ иски и обвиненія въ уголовныхъ дѣяніяхъ—присвоеніяхъ, разбояхъ, насильствахъ, и нѣкоторые иски чисто гражданскаго характера (по кабаламъ), [2]). Конечно, только при сильной потребности въ забвеніи прошлаго возможно было такое погашеніе. Въ качествѣ же примѣра той политики умиротворенія посредствомъ амнистіи, которой придерживался Михаилъ Ѳеодоровичъ, можно привести грамоты его новгородцамъ, находившимся въ началѣ его царствованія подъ властью шведовъ и позднѣе перешедшимъ къ Москвѣ. 5 марта 1617 г. царь писалъ осажденнымъ новгородцамъ: „Если чья вина была, то мы ни на комъ не поищемъ, всѣ вины покроемъ нашимъ царскимъ милосердіемъ... Сами знаемъ подлинно, кто что ни дѣлалъ,—дѣлалъ отъ боязни нѣмецкихъ людей. Никто бы ни въ чемъ нашей опалы не опасался, всѣ бы отъ мала до велика были на нашу царскую милость надежны". 14 марта, по взятіи города, Михаилъ издаетъ новую грамоту: „А которые люди, будучи у свейскихъ людей, имъ доброхотали и служили и во всемъ были имъ покорны и волю ихъ творили волею и неволею—и тѣхъ по нашему царскому милостивому праву жаловать хотимъ; никто бы ничего отъ насъ не опасался: како было, будучи у Свейскихъ людей въ рукахъ, волю ихъ не творить?" Подобнымъ же образомъ, по утвержденію Соловьева, правительство посту-

---

[1]) Т. IX, стр. 1366.
[2]) Соловьевъ, IX стр. 1123.

пало въ Москвѣ и во всѣхъ другихъ городахъ. Въ 1665 г. Алексѣю Михайловичу съ помощью амнистіи удается справиться съ многочисленными ворами и разбойниками на Москвѣ. Наконецъ, упомянемъ амнистію, дарованную въ 1682 г., послѣ смерти царя Θеодора Алексѣевича стрѣльцамъ, которые участвовали въ мятежахъ по поводу престолонаслѣдія. Царская милость сказана была имъ въ такихъ выраженіяхъ: „за такое воровство и за злой умыселъ достойны были смертной казни и Великіе государи все то на милость положили и въ тѣхъ вашихъ воровскихъ винахъ пожаловали, простили".. [1]). Что эта сказка была не пустой формальностью, а была разсчитана на опредѣленное соціальное дѣйствіе, мы видимъ изъ позднѣйшаго указа Петра I отъ 30 августа 1720 г., по которому и въ Петербургѣ предписывалось предъ Сенатской канцеляріей устроить особое мѣсто (вѣроятно, на подобіе Лобнаго въ Москвѣ), на которое возводить приговоренныхъ къ казни и гдѣ „всенародно о прощеніи ихъ сказку сказывать" [2]). Особенно часто такая сказка сказывалась при помилованіяхъ за политическія преступленія и служила здѣсь средствомъ подчеркиванія царской милости.

Отмѣтимъ, наконецъ, законодательную попытку урегулировать объемъ права помилованія по политическимъ дѣламъ, встрѣчаемую въ уложеніи 1649 г. (гл. II п. XI): „А будетъ которой измѣнникъ бывъ въ которомъ государствѣ выѣдетъ въ Московское государство и государь помилуетъ его, велитъ ему вину его отдати; и ему помѣстья выслуживаться вновь, а въ вотчинахъ его государь воленъ, а прежнихъ его помѣстій ему не отдавати", т. е. помилованіе не влекло необходимо имущественнаго возстановленія: вотчины, родовыя земли могли быть возвращены особой милостью, а пожалованныя за службу должны были быть пріобрѣтаемы новой службой.

Таковы характерныя свойства общаго помилованія и амнистіи въ московскую эпоху. Они содержатъ въ себѣ всѣ тѣ черты, которыми характеризуется дальнѣйшее развитіе, но въ зародыше-

---

[1]) Записки Желябужскаго. Спб. 1840, стр. 24.

[2]) П. С. З. 3635.

вомъ видѣ. Съ одной стороны, мы имѣемъ примѣненіе общей милости подъ вліяніемъ религіозно-политическихъ тенденцій, игравшихъ преобладающую роль въ тогдашнемъ строѣ, съ другой,— примѣненіе ея при политическихъ неурядицахъ въ формѣ призыва къ общему примиренію и къ надеждѣ на милость царя. Въ первомъ случаѣ помилованіе проявляется въ формѣ освобожденія узниковъ изъ тюремъ, по словеснымъ распоряженіямъ царя или даже по его непосредственнымъ дѣйствіямъ. Изъ этой формы позднѣе развиваются всемилостивѣйшіе указы и манифесты. Во второмъ, мы не встрѣчаемъ строго установленныхъ формъ: такія амнистіи даруются или въ общемъ совѣтѣ съ боярами, или даже всенародно, какъ въ 1547 г., или даже совмѣстно съ народомъ и при близкомъ его содѣйствіи, какъ въ 1614 и слѣд. гг. На ряду съ амнистіей стоятъ и отдѣльныя милости политическимъ преступникамъ, находившимся подъ опалой государя, даруемыя преимущественно при смѣнѣ монарха.

Что касается юридическихъ формъ права общаго помилованія и амнистіи, то онѣ очень неопредѣленны [1]). Сама идея этого права укрѣпляется подъ вліяніемъ ученій духовенства [2]) съ эпохи Грознаго и сначала лишь какъ извѣстная возможность. Въ письмѣ къ Курбскому Іоаннъ IV заявлялъ: „жаловать своихъ холопей мы вольны и казнить ихъ вольны", подчеркивая этимъ скорѣе фактическую возможность распоряжаться жизнью и смертью въ силу неограниченной власти надъ холопами, нежели традиціонное право. Но уже Михаилъ въ своей грамотѣ новгородцамъ 14 марта 1617 г. жалуетъ ихъ „по царскому милостивому праву". Цари сознавали возможность для себя отмѣны только уголовныхъ послѣдствій наказанія, истцовые иски сохранялись несмотря на помилованіе. Такъ, Іоаннъ только

---

[1]) Амнистія политическихъ преступниковъ въ Московскую эпоху не требовала особыхъ формъ, ибо способомъ кары была „опала" или, въ крайнемъ случаѣ, тюрьма „пока государь укажетъ", „до указу". Всякій актъ воли царя могъ устранить эти кары.

[2]) Такъ, напр., игуменъ Іосифъ Санинъ говорилъ Іоанну IV: „милость и положи у васъ и мечъ вышняя Божья десница вручи вамъ". Дьяконовъ. Власть Московскихъ государей, стр. 101 Спб. 1889.

проситъ людей московскихъ оставить другъ другу вражды и тягости, кромѣ самыхъ большихъ дѣлъ. Михаилъ въ 1622 г. предписываетъ погашеніе исковъ въ поклажахъ, бояхъ, грабежахъ и по кабаламъ въ долгахъ болѣе категорически, но дѣлаетъ онъ это, опираясь на согласіе земскаго Собора, предоставившаго ему возможность принятія исключительныхъ мѣръ умиротворенія и обѣщавшаго побудить къ тому всѣхъ гражданъ. Θеодоръ въ 1669 г., освобождая колодниковъ, принимаетъ на себя долги ихъ частнымъ лицамъ: „а истцовые иски и пошлины за нихъ заплатить, всего 907 р. 21 ал. 1 д.".

Дѣленія помилованія на отдѣльные виды, болѣе или менѣе точно обрисованные съ юридической точки зрѣнія, хотя бы, напр., какъ это было въ дореформенной Франціи, мы здѣсь не встрѣчаемъ. Выросшее на почвѣ неограниченной власти, это право не нуждалось въ точномъ опредѣленіи. Эта юридическая неопредѣленность несомнѣнно сильно сказалась и на позднѣйшей исторіи этого права.

Глава II.

Общее прощеніе въ эпоху имперіи до Екатерины II.

Поворотъ въ области коллективнаго помилованія наблюдается съ начала XVIII вѣка, именно съ эпохи Петра, когда въ русскую государственную жизнь были заложены новыя начала.

Петръ I прежде всего рѣшительно порываетъ связь права помилованія съ религіозными основаніями. Онъ даетъ рѣзкій отпоръ духовенству при его попыткахъ воспользоваться правомъ печалованія. Когда послѣдній изъ патріарховъ Адріанъ рѣшился печаловаться предъ Петромъ за гонимыхъ и казнимыхъ имъ противниковъ нововведеній и реформъ, и съ этою цѣлью прибылъ къ Петру въ Преображенское съ иконой Богородицы, Петръ, не выслушавъ его еще, закричалъ: „Къ чему эта икона? Развѣ твое дѣло приходить сюда? Убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я по-

больше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ [1]). Сознательно преслѣдуя опредѣленную политику, Петръ видѣлъ въ старыхъ идеяхъ религіозной жертвы милостью и прощеніемъ извѣстный тормазъ и старался устранить его. Онъ часто смѣнялъ гнѣвъ на милость, но дѣлалъ это почти всегда изъ соображеній политики, стремясь извлечь и изъ „презирателей указовъ" различныя важныя выгоды на пользу государства обращеніемъ ихъ на работы или усиленіемъ угрозы посредствомъ присоединенія старой вины къ будущей. На ряду съ этими мотивами отдѣльныхъ помилованій мы встрѣчаемъ и другія основанія утилитарнаго характера, какъ напр., принятіе обязанности поставки рекрутъ, принятіе православія, указаніе минеральныхъ залежей, обученіе ремесламъ, принятіе на себя обязанности палача и пр. Такимъ образомъ примѣненіе права помилованія проникается почти всецѣло утилитарно-политическими соображеніями [2]).

При Петрѣ совершенно выходитъ изъ употребленія практика пасхальныхъ помилованій. Далѣе, религіозные мотивы въ амнистіяхъ династическихъ отпадаютъ. Въ началѣ царствованія, скорѣе отъ имени Петра, нежели имъ самимъ, были изданы упоминавшіеся нами указы 1691 и 1694 гг. для поминовенія памяти царевны Ѳеодосіи и царицы Натальи Кирилловны; къ концу царствованія императрицей Екатериной и группировавшимися вокругъ нея сторонниками старыхъ порядковъ были изданы два указа отъ 27 января 1625 г., для здравія Его Величества (см. выше). Въ нихъ еще отражается религіозная идея спасенія души посредствомъ помилованія преступниковъ, но можно предполагать, что они изданы не по инціативѣ Петра.

Единственный широкій манифестъ о милостяхъ осужденнымъ дарованъ Петромъ 4 ноября 1721 г. по случаю мира

---

[1]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 254.

[2]) См. Филипповъ. Наказаніе въ эпоху Петра Великаго. Спб. 1880, Хартуляри, стр. 219.

со Швеціей. Онъ носитъ заглавіе: „О прощеніи винъ каторжнымъ и колодникамъ, кромѣ смертоубійцъ и разбойниковъ, вслѣдствіе милости Всевышняго въ войнѣ“ (1 П. С. З. № 3842). Въ началѣ его говорится: „Государь по достоинству мыслилъ, яко бы ему въ показаніе своей благодарности за толикую Божію милость какое милосердіе къ народу своему показать: того ради всемилостивѣйше разсудя, указалъ такимъ образомъ оное учинить, генеральное прощеніе и отпущеніе винъ во всемъ государствѣ явить всѣмъ тѣмъ, которые въ тяжкихъ и другихъ преступленіяхъ въ наказаніи были или къ онымъ осуждены суть; такожде и тѣмъ, которые въ государственныхъ долгахъ въ тюрьмахъ и за арестомъ сидятъ, а на которыхъ оные правятъ, а заплатить оныхъ не могутъ; а и всѣ доимки, которыя подданные по нуждѣ до сего времени за скудостью заплатить не могли (хотя оныя въ нѣсколькихъ милліонахъ состоять могутъ) сначала войны по 1718 г. оставить; токмо выключа изъ того прощенія тѣхъ, которые ради убійствъ или неоднократно учиненныхъ разбоевъ осуждены“. Въ дальнѣйшемъ Сенату предписывается освобожденныхъ преступниковъ разобрать на службу или отпустить домой, а тѣхъ, у которыхъ ноздри вынуты, отослать въ Сибирь для поселенія по городамъ. О незавершенныхъ относительно колодниковъ дѣлахъ предписывается немедленно посылать извѣстія въ Сенатъ. А „по дѣламъ которыхъ слѣдуется (идетъ слѣдствіе), а не вершены до 22 числа, то слѣдованіемъ доканчивать, а въ Сенатъ объ нихъ не присылать, къ рѣшенію ихъ въ Сенатѣ не принимать, а чинить указъ, кто чему достоинъ будетъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ оные обрѣтаться будутъ“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 2 апрѣля 1722 г. (П. С. З. № 3924) изданъ былъ дополнительный къ этому указъ о генеральномъ прощеніи всѣмъ бѣглымъ, по которому дезертирамъ вины ихъ отпускались безъ всякаго наказанія.

Манифестъ 1721 г. имѣлъ большое значеніе для дальнѣйшаго развитія права общаго прощенія. Онъ, прежде всего, опредѣлилъ форму торжественнаго обращенія къ подданнымъ. Эта форма манифеста—непосредственнаго обращенія верховной власти къ подданнымъ, содержащаго въ себѣ мотивы

опредѣленной мѣры важнаго государственнаго значенія, укрѣпляется, съ нѣкоторымъ перерывомъ съ 1725 г. до 1730 г., въ практикѣ русскаго права. Она подчеркиваетъ исключительность извѣстной мѣры и ея особое значеніе въ ряду актовъ монархіи.

Диспозитивной части манифеста предшествуетъ мотивировка его. Въ этой мотивировкѣ мы видимъ ясно слѣды религіознаго основанія этой верховной прерогативы. Благодарность Всевышнему за его милости—таково главное основаніе прощенія, придающее и моральный оттѣнокъ этой политической мѣрѣ. Но сквозь такую оболочку религіозной мотивировки сквозитъ политическій мотивъ снисканія народной любви разумно примѣненнымъ милосердіемъ. Подобная религіозно-политическая мотивировка также становится традиціонною частью высочайшихъ манифестовъ.

Самое дѣйствіе манифеста характеризуется какъ генеральное прощеніе и отпущеніе винъ. Изъ дальнѣйшаго явствуетъ, что оно относилось не только къ осужденнымъ, но и къ состоящимъ подъ судомъ и къ привлеченнымъ къ слѣдствію. По отношенію къ первымъ Сенату предоставлено принять мѣры, предназначенныя къ возвращенію ихъ въ общество. Поселеніе въ Сибирь неоднократныхъ рецидивистовъ (у которыхъ ноздри вынуты) разсматривается не какъ наказаніе, а какъ мѣра соціальной политики и безопасности. Изъ амнистіи исключены лишь осужденные ради убійства и неоднократныхъ разбоевъ, нужно думать, также по мотивамъ соціальной безопасности. По отношенію къ состоящимъ подъ судомъ Сенату предоставлено право контроля надъ прекращеніемъ дѣлъ; что же касается привлеченныхъ къ слѣдствію, то предписывается оканчивать о нихъ слѣдствія на мѣстахъ для выясненія характера ихъ виновности и затѣмъ примѣнять указъ самостоятельно. Эта практика сильно измѣнялась, хотя въ послѣднее время контроль за прекращеніемъ дѣлъ по манифестамъ опять былъ возложенъ на Сенатъ.

Екатерина I, для многолѣтняго здравія и для поминовенія Петра, издала нѣсколько милостивыхъ указовъ, даровавшихъ облегченіе наказаній и прощеніе проступковъ (27 ян-

варя 1725 г. П. С. З. 4641, 4642 (см. выше), 30 января 1725 г. 4645, 4655; 22 апрѣля 1726 г. П. С. З. 4871 и 23 іюня 1725 г. П. С. З. 4738). Новыхъ формъ они не представляютъ, а являются скорѣе возвратомъ къ старому. Въ первыхъ трехъ имѣется мотивировка религіознаго характера, въ остальныхъ она отсутствуетъ. Отмѣна наказанія происходитъ въ видѣ простого освобожденія изъ подъ арестовъ и возвращенія изъ ссылки безъ дальнѣйшихъ заботъ объ освобожденныхъ. Такъ, въ указѣ 30 января (4645) предписывается сосланныхъ въ каторгу свободить, а о тѣхъ, у которыхъ ноздри вынуты, подать въ Сенатъ вѣдомости. Въ другомъ указѣ спеціально указывается объ освобожденіи Петра Шафирова и князя Ивана Ромодановскаго, объ остальныхъ же обвиняемыхъ предписывается подать въ Сенатъ вѣдомости. Такимъ образомъ Сенатъ являлся здѣсь органомъ, восполняющимъ усмотрѣніе государя. Широкое прощеніе даровано указомъ 27 января 1725 г., которымъ предписывается: „вины оставить тѣмъ, которые по правамъ присуждены къ смертной казни или въ ссылку на каторгу вѣчно и изъ подъ арестовъ свободить". Но изъ милости этой исключаются смертоубійцы и уличенные въ неоднократныхъ разбояхъ и въ государевыхъ винахъ первыхъ двухъ пунктовъ. Къ дѣяніямъ противъ соціальной безопасности, приведеннымъ въ манифестѣ 1721 г., прибавлены здѣсь, по мотивамъ династической безопасности— преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ [1]). Въ указѣ 22 апрѣля 1726 г. исключенія опредѣлены еще подробнѣе: „чинить приговоры надлежитъ по истцовымъ дѣламъ, по убійствамъ, разбоямъ, учиненнымъ болѣе двухъ разъ, и татьбамъ, учиненнымъ болѣе трехъ разъ". Второй указъ (4655) 30 января 1725 также перечисляетъ эти ограниченія. Указъ 22 апрѣля 1726 г. категорически предписываетъ: „а ноздри выняты и уши и носы рѣзаны и тѣхъ шлемъ на вѣчное житье

---

[1]) „Преступленія по первымъ двумъ пунктамъ" суть дѣянія, предусмотрѣнныя первыми двумя пунктами указа 25 января 1715 г.: 1) о всякомъ зломъ умыслѣ противъ персоны его величества и 2) о бунтѣ и измѣнѣ. В. Н. Латкинъ, Учебникъ исторіи русскаго права, 1899 г., стр. 404.

въ Сибирь“, т. е. къ нимъ примѣняется мѣра безопасности, установленная Петромъ, но уже безъ вмѣшательства Сената. Наконецъ, указъ 23 іюня 1725 г. предписывалъ кратко оставить всѣ дѣла старыхъ лѣтъ по фискальскимъ и доносительскимъ доношеніямъ, т. е. покрывалъ ихъ давностью, еще не существовавшей въ качествѣ законной мѣры.

Петръ II при своемъ короновании 24 февраля 1728 г. издалъ Именной указъ, состоявшійся въ Тайномъ Совѣтѣ, „о прощеніи недоимокъ и положенныхъ штрафовъ и объ облегченіи наказаній“ (П. С. З. 5243). Въ этомъ указѣ, Государь, „милосердствуя къ своимъ подданнымъ“, приказываетъ освободить колодниковъ, содержащихся подъ карауломъ въ штрафахъ и пошлинныхъ деньгахъ, кромѣ неисправныхъ должниковъ казнѣ и по подрядамъ. Кромѣ того, для колодниковъ, содержащихся въ разныхъ воровствахъ, производится смягченіе наказаній: „за которыя вины надлежатъ смертной казни или ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу, тѣмъ учиня наказаніе, послать въ сибирскіе города; которые надлежатъ къ срочной каторжной работѣ—послать безъ наказанія въ сибирскіе города на вѣчное житье и ихъ губернатору опредѣлить на службу по своему усмотрѣнію. А которые осуждены на каторгу на малое время, а именно меньше 3 лѣтъ, о тѣхъ подать въ Верховный Тайный Совѣтъ вѣдомости“. Изъ дѣйствія этого помилованія исключались виновные въ дѣлахъ, касающихся первыхъ трехъ пунктовъ, убійствъ и неоднократныхъ разбоевъ. Въ этомъ указѣ вводится степененіе объема милости въ зависимости отъ тяжести наказанія, впослѣдствіи нашедшее себѣ широкое примѣненіе въ всемилостивѣйшихъ манифестахъ. Кромѣ того контроль надъ примѣненіемъ милости переносится изъ Сената въ Верховный Тайный Совѣтъ, управлявшій по малолѣтству Государя страною.

Практика коронаціонныхъ указовъ о милостяхъ съ Петра II воскресаетъ снова, и русскіе Государи, всѣ безъ исключенія, слѣдуютъ ей. Всемилостивѣйшіе манифесты, издаваемые по случаю коронованія, имѣли то преимущественное значеніе, что они рѣзче другихъ опредѣляли взглядъ новаго Государя на право помилованія и часто содержали въ себѣ

новыя правовыя правила, постепенно закрѣплявшіяся въ дальнѣйшей практикѣ. Анна Іоанновна возстановляетъ и прежнюю форму манифестовъ.

22 іюля 1730 г. Анна Іоанновна, при своемъ коронованіи, предписала манифестомъ (П. С. З. 5596) „для многолѣтняго своего здравія и благополучія“ не взыскивать штрафовъ и смягчить наказанія въ размѣрахъ, одинаковыхъ съ указанными въ указѣ Петра II, и съ тѣми же исключеніями. Но въ этомъ манифестѣ находимъ, кромѣ смягченія, также и погашеніе преслѣдованія по дѣламъ, о которыхъ слѣдствіе еще не было возбуждено къ моменту коронованія. „А гдѣ дѣла еще не изслѣдованы—встрѣчаемъ мы въ указѣ—и не рѣшены, а въ тѣ вины впали они до коронаціи нашей, по тѣмъ дѣламъ изслѣдовавъ учинить по вышеписанному-жъ“. Въ царствованіе Анны Іоанновны мы встрѣчаемъ еще одинъ милостивый указъ 31 декабря 1736 г. (П. С. З. 8021) „о прощеніи всѣхъ тѣхъ, которые военнымъ судомъ осуждены и чиновъ лишены“. Имъ возвращались чины, но они отставлялись отъ военной службы. Указъ этотъ былъ изданъ по поводу окончанія турецкой войны и относится къ воинскимъ амнистіямъ.

По смерти Анны Іоанновны, Герцогъ Курляндскій, Биронъ отъ своего лица, въ качествѣ регента, издалъ указъ о милостяхъ въ память покойной Государыни (указъ 23 октября 1740 г. П. С. З. 8263), чтобы „поминовенія ради Высокопомянутой блаженной памяти Ея Величества народу нашему показать милосердіе“. Указъ этотъ весьма широкъ. Онъ прощаетъ и освобождаетъ отъ наказанія (ссылки, штрафовъ) „всѣхъ осужденныхъ къ смертной казни, каторжнымъ работамъ, ссылкѣ или градскому наказанію, кромѣ важныхъ винъ по первымъ двумъ пунктамъ, воровъ, разбойниковъ, убійцовъ и похитителей многой казны“. Посланные въ каторжную работу освобождаются отъ нея и опредѣляются по прежнему въ службу; покравшіе провіантъ ссылаются въ Сибирь, но тамъ получаютъ волю. Самый указъ распространялся лишь „на дѣла, о которыхъ сентенціи подписаны, а иныя и кон-

фирмованы". Вслѣдствіе такой его односторонности потребовался новый указъ 15 декабря того же года (П. С. З. 8293), которымъ дѣйствіе милостей распространено и на лицъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ: „Въ пополненіе всемилостивѣйшаго нашего указа пожаловали мы и тѣхъ, которые въ такія же вины и штрафы и наказанія, какъ въ первомъ пунктѣ изображено, впали до указа 23 октября сего года, хотя по дѣламъ ихъ приговоры, сентенціи и конфирмаціи и не подписаны, но тѣ ихъ дѣла слѣдствіемъ окончены и болѣе слѣдовать ихъ не надлежитъ, тѣмъ всѣмъ вины отпустить и отъ всякаго наказанія и штрафа освободить, а которые еще не изслѣдованы, о тѣхъ слѣдовать немедленно и окончавъ подать объ оныхъ въ Кабинетъ нашъ подробную вѣдомость, а штрафа и наказанія до полученія нашего указа не чинить". Такимъ образомъ къ помилованію въ узкомъ смыслѣ здѣсь присоединяется и аболиція, примѣненіе которой, однако, поставлено въ зависимость по дѣламъ, находящимся еще въ слѣдствіи, отъ Кабинета, замѣнившаго прежній Тайный Совѣтъ.

Сверженіе Бирона и утвержденіе регентства Анны Леопольдовны повлекло за собою амнистію противниковъ прошлаго режима. Паденіе Бирона произошло 8 ноября 1740 г., а 30 ноября былъ уже объявленъ указъ Сенату о возвращеніи пострадавшихъ въ прошлое царствованіе. По свидѣтельству историковъ, изъ ссылки было возвращено тогда нѣсколько тысячъ человѣкъ. Незадолго до своего паденія Анна Леопольдовна издаетъ новый указъ Сенату съ цѣлью собрать свѣдѣнія объ отбывающихъ еще ссылку преступникахъ: „Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что въ бывшія правленія нѣкоторые люди посланы въ ссылки въ разныя отдаленныя мѣста государства и о нихъ, когда, откуда и съ какимъ опредѣленіемъ посланы ни въ Сенатѣ, ни въ Тайной канцеляріи извѣстія нѣтъ и именъ ихъ тамъ, гдѣ обрѣтаются, невѣдомо: потому Е. И. В. изволила послать указы во все государство, дабы гдѣ есть такіе невѣдомо содержащіеся люди, оныхъ изъ всѣхъ мѣстъ велѣть прислать туда, гдѣ Е. И. В. обрѣтаться будутъ, и съ вѣдомостями,

когда, откуда и съ какимъ указомъ присланы“ [1]). Результаты этой мѣры намъ неизвѣстны.

Царствованіе Елизаветы Петровны ознаменовалось нѣсколькими всемилостивѣйшими манифестами. Немедленно при своемъ вступленіи на престолъ она издаетъ манифестъ относительно принцессы Анны Леопольдовны, ея сына Іоанна и дочери Екатерины, въ которомъ изображаетъ всѣ ихъ козни противъ нея и въ заключеніе предписываетъ: „предавъ ихъ вышеписанные къ намъ разные предосудительные проступки крайнему забытію, всѣхъ ихъ въ отечество всемилостивѣйше отправить повелѣли“ [2]). Но манифестъ этотъ не исполненъ былъ самою Елизаветою: на пути въ Германію семейство Анны было остановлено и взято подъ стражу [3]). Дальнѣйшая участь его извѣстна. При своемъ коронованіи Елизавета издала манифестъ 15 декабря 1741 г. (П. С. З. 8481), очень близко сходный съ указомъ 23 октября 1740 г. Послѣ обычной уже краткой мотивировки манифеста („въ показаніе къ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ Высочайшаго нашего милосердія, для многолѣтняго нашего здравія и благополучнаго государствованія“), въ немъ производится отмѣна наказаній какъ по дѣламъ, по которымъ сентенціи подписаны и конфирмированы, такъ и „по которымъ лишь слѣдствія закончены и даже которыя еще не изслѣдованы“. Контроль надъ послѣдними переносится съ Кабинета Министровъ на Сенатъ. Высочайшее помилованіе здѣсь, какъ и въ манифестѣ 1740 г., распространяется лишь на тѣхъ, которые осуждены „за неисправленіе должностей“. Едва ли можно видѣть въ этомъ должностныя преступленія и заключать отсюда, что манифестъ распространялся только на служилыхъ людей [4]). Къ чему была бы тогда оговорка о исключеніи убійствъ, неоднократныхъ разбоевъ и государственныхъ преступленій? Правильнѣе въ этомъ видѣть невполнѣ складное

---

[1]) Журналъ Сената 27 сентября 1841 г. Соловьевъ XXI, стр. 163.
[2]) Соловьевъ, XXI, стр. 134.
[3]) Устряловъ, Русская исторія, ч. 2, 1855 г., стр. 145.
[4]) См. Н. С. Таганцевъ, Лекціи, 1902 г., т. II, стр. 1457.

названіе для обозначенія „нарушенія обязанностей" или „преступленій". Принимая во вниманіе петровскій взглядъ на преступленіе, какъ на нарушеніе своихъ обязанностей, вредное для государства, мы можемъ счесть такое предположеніе вѣроятнымъ.

Нѣкоторыя новыя начала вноситъ прощеніе, дарованное 15 іюня 1744 г. (П. С. З. 8992) по случаю благополучнаго окончанія войны со шведами. Послѣ вознесенія благодаренія Богу за толикія неизрѣченныя милости, государыня повелѣваетъ виновныхъ „въ неисправленіи должностей, непорядочныхъ поступкахъ и иныхъ винахъ", съ обычными исключеніями для разбойниковъ, убійцъ, воровъ и государственныхъ преступниковъ простить. Прощеніе распространяется какъ на осужденныхъ, такъ и на состоящихъ подъ судомъ. Но тутъ же въ наставленіе судебныхъ мѣстъ напоминается о необходимости оградить интересы потерпѣвшихъ отъ преступленія: „токмо ежели по тѣмъ слѣдствіямъ явится, кто изъ нихъ съ кого что взялъ изъ принужденія во взятокъ, или силою отнялъ, оное съ тѣхъ людей обидимымъ возвратить". Эту же оговорку мы встрѣчаемъ и въ дальнѣйшихъ постановленіяхъ указа объ оставленіи производства дѣлъ, „которыя имѣются въ учрежденіяхъ какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, коммисіяхъ, по доносамъ и прошеніямъ въ преступленіи указовъ и должностей и воровствахъ и непорядочныхъ поступкахъ и въ упущеніи сборовъ и во взяткахъ и въ обидахъ и въ прочихъ, тому подобныхъ дѣлахъ". Далѣе въ указѣ мы находимъ прощеніе виновныхъ въ казенныхъ нарушеніяхъ разныхъ чиновъ людей: „А которые разныхъ чиновъ люди за вины и казенныя доимки сосланы въ каторжную работу, одни вѣчно, а другіе на урочные годы безъ наказанія, тѣхъ всѣхъ съ той каторги свободить . . . и опредѣлить годныхъ попрежнему въ службу". Дарована особая милость для преступниковъ, обычно исключаемыхъ изъ дѣйствія милостивыхъ указовъ. „Колодниковъ, осужденныхъ за воровство, разбои, убійство, татьбы, освобожденныхъ отъ смертной казни и сосланныхъ въ Сибирь въ вѣчную работу, у которыхъ ноздрей не вынуто и другихъ

знаковъ не положено, тѣхъ всѣхъ, кромѣ богохульниковъ и по первымъ двумъ пунктамъ преступниковъ, безъ наказанія свободить; а вынуты ноздри . . . послать въ Оренбургъ на поселеніе". Къ неправымъ доносителямъ указъ относится нѣсколько строже: они освобождаются отъ казни и наказанія, но ссылаются въ Сибирь. Нововведеніемъ, впослѣдствіи прочно укрѣпившимся въ манифестахъ, является условная амнистія бѣглыхъ драгунъ и иныхъ военнослужащихъ; „оныхъ всѣхъ безъ наказанія свободить и опредѣлить по прежнему въ службу . . ., а такимъ же бѣглымъ, которые понынѣ не явились, продолжить срокъ къ объявленію Генваря 1 числа будущаго 1746 года". Этотъ весьма широкій милостивый манифестъ освободилъ очень большое количество ссыльныхъ, которые, вернувшись въ Москву, учиняли преступленія. Въ виду этого потребовался новый указъ 27 ноября 1744 (П. С. З. 9074) полицейскаго характера: „ежели изъ таковыхъ отпущенныхъ съ ссылокъ людей кто въ Москвѣ, не явясь въ надлежащихъ мѣстахъ, будетъ шататься и просить милостыню, то бравъ ихъ подъ караулъ, отсылать". Въ царствованіе Елизаветы весьма часты были отдѣльные случаи смягченія наказаній. Незадолго предъ смертью Елизаветы, Олсуфьевъ вошелъ въ Сенатъ и объявилъ Именной указъ государыни, не вошедшій въ Собраніе Законовъ: „содержащихся во всемъ государствѣ и причинившихся по кормчеству людей освободить, слѣдствія уничтожить, сосланныхъ возвратить. Сенату немедленно изыскать способъ, какъ бы замѣнить соляной доходъ, потому что онъ собирается съ великимъ разореніемъ и опредѣленные къ тому люди не поступаютъ прямо по должности своей [1])". Это прощеніе являлось милостью для спасенія души послѣ крайнихъ притѣсненій въ этой области. Щербатовъ насчитывалъ до 15000 человѣкъ, сосланныхъ за кормчество, которые и были освобождены Елизаветой [2]). Имп. Екатерина II, въ одной изъ своихъ записокъ, опредѣляетъ число это въ 17000 [3]).

[1]) Журналъ Сената 17 декабря. Соловьевъ. Т. XXV, стр. 1252.
[2]) Щербатовъ. О поврежденіи нравовъ въ Россіи, стр. 54.
[3]) Соловьевъ. Т. XXV, стр. 1243.

При Петрѣ III мы не находимъ милостивыхъ манифестовъ, но знаемъ, что вступленіе его на престолъ было ознаменовано различными милостями. Такъ, онъ издалъ Именной указъ о прекращеніи слѣдствій надъ Салтыковымъ и Пушкинымъ, о возвращеніи изъ ссылки Мевгдена, Лиліенфельда, Лопухиной, Миниха, Бирона, Жукова и др. Иностранцы говорятъ, что при восшествіи его на престолъ было возвращено изъ ссылки 20000 человѣкъ, но Соловьевъ сомнѣвается въ правильности этой цифры, такъ какъ убійцы и разбойники не были возвращены [1]).

Глава III.

Всемилостивѣйшіе манифесты со времени Екатерины II.

Эпоха Екатерины II является однимъ изъ значительныхъ этаповъ въ развитіи права всемилостивѣйшихъ манифестовъ. Немедленно послѣ захвата власти 29 іюня 1762 г. Екатерина прощаетъ и возстановляетъ въ правахъ всѣхъ опальныхъ прежнихъ царствованій, а затѣмъ, при своемъ короновании 22 сентября 1762 г., издаетъ манифестъ о милостяхъ народу. Въ этомъ манифестѣ отчасти отразились уже идеи французскихъ философовъ о правѣ помилованія, господствовавшія во вторую половину XVIII вѣка и повліявшія и на Екатерину. Нѣсколько позднѣе въ своемъ „Наказѣ“ она замѣчаетъ: „Нельзя не дать предпочтеніе правленію, въ которомъ бы государь ободрялъ, а законы бы угрожали, но спрашивается: когда же Монарху должно наказывать и когда прощать? Сіе есть такая вещь, которую лучше можно чувствовать, нежели предписать. Когда милосердіе подвержено нѣкоторымъ опасностямъ, то опасности сіи очень видны. Легко различать можно милосердіе отъ той слабости, которая государя приводитъ къ презрѣнію наказанія и въ такое состояніе, что онъ самъ не можетъ разобрать, кого наказать должно. Правда,

[1]) Соловьевъ. Тамъ-же. Эта цифра, вѣроятно, должна быть отнесена на счетъ прощенія Елизаветы предъ смертью.

что хорошее мнѣніе о славѣ и власти Царя могло бы умножить силы державы его, но хорошее мнѣніе о его правосудіи равнымъ образомъ умножаетъ оныя". Такимъ образомъ Екатерина, слѣдуя взгляду Монтескье, предоставляетъ самому монарху указать границы милости. Сама Екатерина въ цѣломъ рядѣ своихъ указовъ намѣчаетъ эти границы.

Манифестъ коронаціонный отъ 22 сентября 1762 г. (П. С. З. 11667) мотивированъ такъ: „сколь далеко простирается наше матернее милосердіе, *сохраняя сколь возможно долгъ Нашъ правосудію*, восхотѣли Мы участниками сдѣлать общей радости и впавшихъ въ разныя преступленія". „Дабы и преступники видѣли, что мы не строгостью законовъ (которая всегда будетъ въ крайность и послѣднее отъ насъ преступникамъ оныхъ исправленіе), но прямыми соболѣзнованіями о нихъ желаемъ сердца ихъ поврежденныя возбудить къ раскаянію и обратить на путь истины". Эта мотивировка заслуживаетъ особеннаго значенія въ виду отчетливаго выраженія въ ней политическихъ основаній милостивыхъ манифестовъ. Мотивъ религіозный откидывается совершенно. Вмѣсто прежняго свободнаго усмотрѣнія выставляется уже разумное соображеніе, стѣсненное извѣстными обязанностями по отношенію къ правосудію, требующему прочности репрессіи. Наконецъ, самая милость характеризуется не столько какъ актъ благочестія, а какъ мѣра разумной политики, разсчитанная на исправленіе виновныхъ. Ни въ одномъ изъ позднѣйшихъ манифестовъ политическія основанія ихъ не были выставлены съ такою ясностью, какъ въ этомъ коронаціонномъ манифестѣ Екатерины. Подъ вліяніемъ этихъ идей, объемъ милости былъ нѣсколько суженъ по сравненію съ прежними милостивыми указами. Манифестъ лишь смягчалъ наказанія, сохраняя служебныя и имущественныя праволишенія и сокращая штрафы. Взятки и грабежи обиженнымъ должны были быть возвращены сполна. О сосланныхъ по исковымъ дѣламъ предписывалось подать вѣдомости Императрицѣ. Наконецъ, было сдѣлано облегченіе религіозныхъ преслѣдованій освобожденіемъ всѣхъ, содержащихся по раскольничьимъ дѣламъ, кромѣ прямыхъ богохульниковъ. Исключены были, однако,

смертоубійцы, разбойники и лихоимцы. Но эти милости позднѣйшими разъясненіями къ манифесту были ограничены. Указано, что сила всемилостивѣйшихъ манифестовъ не распространяется на иностранцевъ, не состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ (П. С. З. 12205), что манифестъ не долженъ распространяться общимъ образомъ на лицъ, осужденныхъ ко дню обнародованія манифеста, а только на обвиняемыхъ, по дѣламъ которыхъ закончено къ этому сроку лишь предварительное слѣдствіе, но самаго приговора еще не послѣдовало (П. С. З. 11697). Самое толкованіе манифестовъ Императрица сохранила за собою, но предписала представлять о возникшихъ неясностяхъ чрезъ Сенатъ къ ней (П. С. З. 11697). Но, несмотря на такія ограниченія милости, при коронаціи Екатерины было освобождено до 8000 колодниковъ [1]).

Политическія преступленія Екатерина дѣлила 1) на касающіяся цѣлости государства, общаго благополучія и тишины и 2) на оскорбленіе Величества. Въ своемъ „Наказѣ" она считала, что простое исправительное наказаніе приличествуетъ для послѣдняго случая; но, не желая въ соотвѣтственномъ направленіи измѣнять уголовный законъ, Екатерина въ первую половину своего царствованія предпочитала прибѣгать къ частому помилованію обвиняемыхъ въ оскорбленіи Величества (П. С. З. 11693, 12241, 14230). На сентенціяхъ верховнаго суда она писала: „Отдавая въ полную власть вѣрноподданнаго собранія дѣла, касающіяся до цѣлости государства, общаго благополучія и тишины,—во всемъ же, что принадлежитъ до Нашего Величества собственнаго оскорбленія, Мы всемилостивѣйше прощаемъ, ибо сіи вины суть единственно тѣ, въ коихъ при семъ случаѣ милосердіе и человѣколюбіе Наше обыкновенно мѣсто имѣть можетъ".

17 марта 1775 г. былъ объявленъ манифестъ о милостяхъ народу по поводу заключенія мира съ Турціей въ Кучукъ-Кайнарджи (П. С. З., 14275). Онъ почти не коснулся уголовныхъ преступниковъ и лишь предалъ забвенію дѣла, по

---

[1]) Соловьевъ т. XXV, стр. 1243.

которымъ протекла десятилѣтняя давность. Какъ извѣстно, этотъ манифестъ послужилъ основаніемъ для нашего законодательства о давности. Значительно болѣе широкъ былъ манифестъ 6 апрѣля того-же 1775 г., изданный послѣ усмиренія Пугачевскаго бунта (П. С. З. 14294). „Какъ все произшедшее—гласилъ манифестъ—по бывшему внутреннему бунту, возмущенію и неустройству Е. И. В. изъ материнскаго милосердія своего и природнаго великодушія предаетъ нынѣ вѣчному забвенію и глубокому молчанію, то гдѣ остались смертью казненныя тѣла, еще не погребенныя, оныя предать землѣ, а въ то же время особо устроенныя для бывшихъ смертныхъ казней лобныя мѣста и орудія истребить, а впредь всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ по преступленіямъ, смертную казнь заслуживающимъ, поступать по точной силѣ указа 1754 г. (т. е. не примѣнять ее)“. Послѣ суровой расправы съ мятежниками не оставалось уже кого миловать и возстановлять въ правахъ. Нужно было только забыть прошлое; такъ и поступаетъ манифестъ 1775 г., послѣ суровыхъ репрессій дающій гарантію непримѣненія въ дальнѣйшемъ смертныхъ казней.

Открытие памятника Петру I 7 августа 1782 г. было ознаменовано широкими милостями преступникамъ (П. С. З., 15986). „Не можемъ лучше воздать благодаренія—писала императрица—ниже принести ему жертвы пріятнѣйшія, какъ кротостью и человѣколюбіемъ, угождая божественному Его милосердію къ виновнымъ и облегчая жребій ихъ, да паче исправлены будутъ, нежели наказаны“. Милость выражалась въ замѣнѣ смертныхъ казней, въ прощеніи лицъ, отлучившихся изъ отечества (эмигрантство въ ту эпоху было опаснымъ для государственной власти, боявшейся силы иностранныхъ, особенно французскихъ, идей и привычекъ), освобожденіе каторжныхъ изъ должностныхъ преступниковъ, кромѣ взяточниковъ, сложеніе казенныхъ взысканій по корчемнымъ и солянымъ дѣламъ. Манифестъ былъ въ сильной степени проникнутъ идеей спеціальнаго предупрежденія, что было необходимо для сохраненія общей силы закона, какъ своеобразная компенсація, въ виду революціонныхъ шатаній подъ вліяніемъ французской революціи. „Мы желаемъ—говорится

въ заключеніе манифеста—чтобы Всемилостивѣйшее прощеніе и облегченіе послужили на обращеніе каждаго изъ погрѣшившихъ къ чистосердечному раскаянію въ содѣянномъ имп; и къ побужденію добрымъ поведеніемъ и совершеннымъ послушаніемъ законамъ Божьимъ и гражданскимъ изгладить вину его; и чтобы всѣ они соединили къ Богу молитвы объ успокоеніи души преславнаго монарха". Послѣднее пожеланіе, очевидно, отзвукъ московской эпохи.

Въ день 25-лѣтія своего царствованія Екатерина издаетъ новый всемилостивѣйшій манифестъ (28 іюня 1787 г. П. С. З., 16551), смягчающій наказанія по общимъ и должностнымъ преступленіямъ, дарующій прощеніе по корчемнымъ и солянымъ дѣламъ и освобождающій каторжниковъ, кромѣ имѣющихъ на тѣлѣ знаки. Не желая расширительнаго его толкованія, Императрица устанавливаетъ строгій порядокъ примѣненія манифеста.

Наконецъ, по окончаніи второй турецкой войны Императрица издаетъ послѣдній свой всемилостивѣйшій манифестъ отъ 2 сентября 1793 г. (П. С. З., 17149). Манифестъ этотъ смягчаетъ лишь наказанія осужденнымъ „въ чаяніи, что они трудомъ и ревностью потщатся наградить свою неисправность". Вообще же „судилища, воздая судъ не мздоимный, да будутъ защитою невинности утѣсняемой и страхомъ преступленія законовъ". При этомъ особымъ указомъ на имя генералъ-прокурора (17151) предписывается, „чтобы онъ именемъ Ея объявилъ Сенату о строгомъ бдѣніи съ его стороны, дабы милость, въ статьяхъ манифеста изображенная, не была употреблена во зло и чтобы не почитали подходящими подъ сіи статьи таковые случаи, до коихъ отнюдь оные не касаются".

Практика общихъ прощеній въ Екатерининскую эпоху, особенно во вторую половину ея царствованія, была сильно ограничена. Помилованіе въ рѣдкихъ случаяхъ предоставлялось полностью и касалось почти всегда только осужденныхъ. Съ этого времени устанавливается ограничительный принципъ толкованія всемилостивѣйшихъ манифестовъ, число изъятій увеличивается, чрезмѣрно подчеркивается исправительное значеніе и цѣль такихъ помилованій. По всему видно,

что время располагало не къ милости, а скорѣе къ суровости.

Слѣдуя этому настроенію, Павелъ I при своемъ коронованіи 23 апрѣля 1796 г. ограничивается только прощеніемъ „самовольно отлучившихся отъ полковъ и командъ своихъ нижнихъ чиновъ и всякаго званія людей, если они вернутся туда въ теченіе года" (П. С. З. 17928). Кромѣ того отдѣльными указами были возвращены нѣкоторые изъ опальныхъ придворныхъ Екатерины.

Первымъ актомъ Александра Благословеннаго былъ указъ 15 марта 1801 г., изданный черезъ 3 дня послѣ вступленія на престолъ, по которому была упразднена Тайная Экспедиція и даровано прощеніе политическихъ преступниковъ (П. С. З., 19784). „Желая наипаче облегчить тягостный жребій людей, содержащихся по дѣламъ въ Тайной Экспедиціи..... всемилостивѣйше прощая всѣхъ поименованныхъ въ спискахъ безъ изъятія, возводя лишенныхъ чиновъ и дворянства въ первобытное ихъ достоинство и повелѣвая Сенату Нашему освободить ихъ немедленно и дозволить возвратиться куда кто пожелаетъ..., Мы въ полномъ надѣяніи пребываемъ, что воспользовавшіеся сею Нашею милостью потщатся поведеніемъ своимъ содѣлаться оной достойными". Всего по спискамъ помилованныхъ значилось 153 чел. Но въ нихъ совершенно отсутствуютъ лица, заключенныя въ Петропавловской крѣпости. Изъ бумагъ Трощинскаго видно, что по спискамъ въ Тайной Экспедиціи числилось до 12 марта 1801 г. арестантовъ, сосланныхъ въ крѣпости, монастыри, Сибирь по разнымъ городамъ и живущихъ въ деревняхъ подъ наблюденіемъ всего 700 человѣкъ. Изъ этого числа по 21 марта всемилостивѣйше было прощено и освобождено 482 чел., затѣмъ отбирались справки по поведенію и по неизвѣстности о 54 и неосвобожденными оставались 164 чел. [1]). Такимъ образомъ число амнистированныхъ было болѣе значительнымъ, нежели то указано въ приложенныхъ спискахъ.

---

[1]) Шильдеръ, Александръ I, т. II, стр. 15.

Черезъ нѣсколько дней, 2 апрѣля 1801 г., послѣдовалъ новый манифестъ о милостяхъ общеуголовнымъ преступникамъ (19814). Вспоминая политическіе принципы Екатерины, Александръ считаетъ нужнымъ подробно мотивировать свои дѣйствія: „Между преимуществами, присвоенными Намъ отъ Всевышняго вмѣстѣ съ самодержавною властью, Промысломъ Его святымъ на Насъ возложенною, пріятнѣйшее сердцу Нашему есть власть разрѣшать и облегчать судьбу Нашихъ подданныхъ, заблужденіемъ, случаемъ или порочными примѣрами вовлеченныхъ въ преступленіе.... Не ослабляя общей силы закона, восхотѣли Мы на сей разъ облегчить дѣйствіе его въ твердомъ упованіи, что сей опытъ благости послужитъ къ исправленію преступившихъ и обратитъ на путь истинный съ него совратившихся“. И въ заключеніе манифеста говорится: „Даруя таковыя милости Нашимъ подданнымъ, Мы желаемъ, чтобы признавали они въ нихъ единую благость Бога, чрезъ Насъ къ пользѣ ихъ дѣйствующую“. Въ этой мотивировкѣ мы находимъ и сознаніе важности интересовъ правосудія, и подчеркиваніе, даже въ противорѣчіе дѣйствительности, специально-предупредительнаго дѣйствія манифеста, и указаніе на пользу народную, какъ на цѣль этой мѣры. Новой является та высокая оцѣнка, которую счелъ нужнымъ сдѣлать своей прерогативѣ помилованія Александръ I. Высочайшее прощеніе выражено въ двухъ пунктахъ: „Сего ради повелѣваемъ: 1) всѣхъ находящихся теперь и до сего самаго дня подъ слѣдствіемъ и судомъ по разнымъ мѣстамъ чиновниковъ и всякаго званія людей по дѣламъ, не заключающимъ въ себѣ важныхъ преступленій, какъ то смертоубійства, разбоя, лихоимства, учинить отъ суда и слѣдствія свободными; 2) преступниковъ, содержащихся теперь до сего числа подъ стражею и осужденныхъ уже къ смертной казни, освободивъ отъ оной, сослать въ работу, кои же осуждены къ тѣлесному наказанію съ отсылкою на поселеніе или въ работу, оныхъ послать на поселеніе безъ наказанія“. Эта диспозитивная часть также отличается новымъ построеніемъ. Вмѣсто сложныхъ разграниченій отдѣльныхъ категорій обвиняемыхъ и осужденныхъ, встрѣчавшихся въ

прежнихъ манифестахъ, здѣсь установлено дѣленіе на состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ и на приговоренныхъ, укрѣпившееся въ позднѣйшей практикѣ. Далѣе, манифестъ имѣетъ широкій политическій характеръ: въ числѣ изъятій изъ помилованія не упомянуты обычно встрѣчающіяся преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ и богохульство. Объемъ милости для различныхъ категорій виновныхъ неодинаковъ: состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ получаютъ полную аболицію, а осужденные—лишь частичное помилованіе. Ограниченіе въ послѣднемъ случаѣ объясняется необходимостью принять во вниманіе силу состоящагося приговора, т. е. интересы правосудія. Уничтоженіе безконечныхъ слѣдствій и судовъ надъ чиновниками и всякаго званія людьми въ позднѣйшемъ манифестѣ государь ставитъ себѣ въ особую заслугу. И дѣйствительно, по сохранившимся даннымъ, въ началѣ царствованія Александра однихъ возвращенныхъ на службу было 12000 человѣкъ [1]).

Коронованіе Императора было ознаменовано новыми помилованіями (манифестъ 15 сентября 1801 г. П. С. З. 20011). „Мы не можемъ принести Всесильному Богу лучшей жертвы, какъ слѣдуя движеніямъ сердца Нашего, въ залогъ сохраненія обязанностей предъ Нимъ нашихъ, нынѣ торжественно освященныхъ, освятить и запечатлѣть день сей въ сердцахъ народа новыми милостями“. Александръ приводитъ здѣсь новое основаніе коронаціонныхъ милостей—освященіе ими присяги на царство, какъ залога исполненія верховныхъ обязанностей по отношенію къ народу. Дѣйствіе манифеста не было очень широкимъ въ виду того, что предшествующіе манифесты освободили политическихъ и многихъ общеуголовныхъ преступниковъ. Оно состояло въ сложеніи пошлинныхъ денегъ, слѣдуемыхъ въ казну, въ освобожденіи колодниковъ по такимъ дѣламъ, по дѣламъ корчемнымъ и солянымъ, въ прекращеніи всѣхъ дѣлъ, покрытыхъ десятилѣтней давностью, и въ прощеніи бѣглыхъ заграницу крестьянъ съ правомъ возвращенія въ отчество; находящимся въ бѣгахъ вну-

---

[1]) Шильдеръ, Александръ I, т. II, стр. 15.

три имперіи предоставлялось прощеніе, лишь бы они явились въ селенія, куда каждый принадлежитъ, въ теченіе двухъ лѣтъ.

Манифестъ этотъ вызвалъ рядъ дополнительныхъ указовъ, которыми предписывалось не распространять дѣйствія манифеста на взысканія по откупамъ и подрядамъ (П. С. З. 20045), на недоимки по обязательствамъ частныхъ лицъ съ казною (20435). Сенатскимъ указомъ въ февралѣ 1802 г. (20165) предписывалось, чтобы уголовныя палаты доносили, со всѣми обстоятельствами дѣла, въ Сенатъ о оконченныхъ и оканчиваемыхъ по манифесту дѣлахъ, кои сопряжены съ казеннымъ интересомъ, ибо „считающійся въ потерѣ или похищеніи интересъ казенный есть тотъ же родъ недоимки". Этимъ былъ установленъ тщательный контроль Сената. Наконецъ, особымъ указомъ (П. С. З. 21079) было разъяснено, что дѣйствіе манифеста распространяется и на тѣхъ, коихъ преступленія открылись послѣ манифеста. Кромѣ того, указывалось въ немъ, что взысканные штрафы могутъ быть возвращены только съ Высочайшаго разрѣшенія. Право истолкованія манифестовъ передано новому Государственному Совѣту, который обязанъ о своихъ Высочайше утвержденныхъ мнѣніяхъ сообщать Сенату для практическаго руководства. Этотъ порядокъ сохранился до вступленія на престолъ Александра II.

Остальные манифесты Александра I относятся къ эпохѣ отечественной войны. 12 декабря 1812 г. (П. С. З. 25289) издается манифестъ „о прощеніи жителей Польши, участвовавшихъ съ французами въ войнѣ противъ Россіи". Амнистія эта характерна, какъ первая мѣстная, преслѣдующая цѣли государственнаго единства. Виновные въ помощи непріятелю дѣлятся на 2 категоріи: 1) на помогавшихъ ему подъ давленіемъ непріятеля и 2) на подстрекавшихъ къ оказанію такой помощи по собственной волѣ. „Сихъ послѣднихъ долженствовалъ бы наказать мечъ правосуія, но, уступая вопіющему въ Насъ гласу милосердія и жалости, объявляемъ Наше всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію и запрещая

впредь чинить какое либо по дѣламъ симъ притязаніе или взысканіе, въ полной увѣренности, что сіи отпавшіе отъ насъ почувствуютъ кротость сихъ съ ними поступковъ и чрезъ 2 мѣсяца отъ сего числа возвратятся въ свои области. Когда же и послѣ сего останется кто изъ нихъ въ службѣ нашихъ непріятелей, не желая воспользоваться сею нашею милостью, и продолжая послѣ прощенія пребывать въ томъ же преступленіи, таковыхъ, яко совершенныхъ отступниковъ, Россія уже не приметъ въ свои нѣдра, и всѣ имущества ихъ будутъ конфискованы. Плѣнные не изъемлются отъ этого прощенія". Въ заключеніе манифеста высказываются и политическіе мотивы его: „Чадолюбивое, по единому подвигу милосердія содѣланное прощеніе 1) приведетъ въ чистосердечное раскаяніе виновныхъ и 2) докажетъ жителямъ сихъ областей, что нигдѣ и никогда не могутъ быть толико счастливы и безопасны, какъ въ совершенномъ во едино тѣло сліяніи съ могущественной и великодушной Россіей".

30 августа 1814 г., по случаю заключенія мира съ Франціей, „даруется безъ всякаго изъятія полное прощеніе всѣмъ взятымъ, сосланнымъ или инымъ какимъ образомъ задержаннымъ по причинѣ помощи непріятелю" (П. С. З. 25771). Съ подданныхъ слагаются взысканія по казеннымъ долгамъ и не уплаченнымъ штрафамъ и пошлинамъ, а также по корчемнымъ и солянымъ дѣламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражается надежда „что частные люди при столь общемъ и радостномъ торжествѣ, послѣдуя примѣру Нашему, уступятъ изъ взысканій своихъ къ облегченію и освобожденію тѣхъ, кои въ темницахъ за неуплату долговъ имъ страдаютъ". Даруется прощеніе шпіонамъ, перешедшимъ на сторону непріятеля, и крестьянамъ, отлучившимся изъ отечества подъ условіемъ возвращенія ихъ въ теченіе года (или двухъ—для находящихся заграницей). По отношенію къ общеуголовнымъ преступникамъ прощеніе явилось также весьма широкимъ: „всѣхъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, кромѣ смертоубійства, разбоя и грабежа, учинить свободными"; для отбывающихъ уже наказанія, эти послѣднія смягчаются въ опредѣленной по-

степенности. Но, кромѣ того, для избѣжанія неполноты, имѣвшейся въ прежнихъ манифестахъ (см. указъ 21079), въ манифестѣ 1814 г. вводится новое постановленіе: „распространяемъ всемилостивѣйшее прощеніе на всѣхъ вообще содѣлавшихъ по сей день преступленія, не подвергающія ихъ по законамъ страны лишенію жизни, хотя бы за безгласностью и слѣдствій объ оныхъ начато не было“. Манифестъ востанавливалъ всѣ утраченныя права въ надеждѣ на полное исправленіе: „поставить ихъ въ то состояніе, въ какомъ они находились прежде, до впаденія въ ту вину, которую Мы всемилостивѣйше прощаемъ и предаемъ забвенію, въ надеждѣ, что сіе преподбѣжденіе милосердія Нашего надъ правосудіемъ приведетъ ихъ въ полезное для нихъ раскаяніе и что они впредь безпорочностью жизни своей изгладятъ изъ памяти людской тѣ поступки, которые лишали ихъ драгоцѣннѣйшаго для человѣка преимущества,—уваженія благомыслящихъ людей“.

Позднѣйшими указами производятся ограниченія милостей манифеста 1814 г. независимо отъ того, вытекаютъ ли они, или нѣтъ, изъ самаго текста манифеста. Такъ, изъ дѣйствія его устраняются: *лихоимство*, которое приравнивается къ грабежамъ (указъ 30 августа 1814 г. 25677); *дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій* (14 декабря 1814 г. 25750), которое „нужно почитать преступленіемъ не токмо равнымъ частному грабежу, но нѣкоторымъ образомъ превосходящимъ оный, ибо оно въ точномъ его смыслѣ есть грабежъ общественный“; *преступленія по первымъ 2 пунктамъ и святотатство* (14 декабря 1814 г. 25748), ибо они относятся къ преступленіямъ, влекущимъ смертную казнь; *контрабанда съ лихоимствомъ* (30 іюня 1815 г. 25880); учиненіе себѣ *поврежденій членовъ*, чтобы избѣжать военной службы (5 ноября 1815 г. 25981) „виновные въ чемъ должны разсматриваться какъ настоящіе членовредители“; *оскопленіе* (27 октября 1816 г. 26483), „каковое преступленіе близко къ самоубійству“ и „такихъ преступниковъ велѣно признавать врагами человѣчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ Божьихъ и человѣческихъ“; наконецъ, *дѣйствія, на-*

рушающія должное почитаніе къ храму Всевышняго и паче во время Божественной литургіи (5 декабря 1818 г. 27585), „какъ обнаруживающія въ высшей степени худую нравственность“. Важное процессуальное значеніе имѣетъ указъ 30 іюня 1815 г. (П. С. З. 25892), устанавливающій начало разсмотрѣнія гражданскихъ исковъ по прекращаемымъ манифестомъ дѣламъ въ уголовномъ судѣ: „Оставлять безъ дальнѣйшаго судопроизводства и предавать забвенію дѣла, подходящія подъ п. 16 и 18 манифеста (помилованіе уголовныхъ преступниковъ), кромѣ такихъ, которые заключаютъ въ себѣ иски частныхъ людей и ущербъ казеннаго интереса, а таковые разсматривать надлежащимъ порядкомъ“. Въ дальнѣйшемъ указѣ (П. С. З. 25964) также подчеркивается запрещеніе освобождать отъ платежа слѣдующихъ съ подсудимыхъ по корчемнымъ и солянымъ дѣламъ ко взысканію въ пользу частныхъ людей. Остальные указы опредѣляютъ объемъ возстанавливаемыхъ правъ [1]). Всего къ манифесту 1814 г. состоялось 18 дополнительныхъ указовъ, которые сохранили свою силу и для манифестовъ, издававшихся въ царствованіе Николая I.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего вступленія на престолъ, Николай I издаетъ всемилостивѣйшій манифестъ (1 января 1826 г. 2 П. С. З. 29), въ которомъ смягчаетъ тяжесть наказаній общимъ уголовнымъ преступникамъ. Объемъ милостей былъ сравнительно не великъ; онѣ не касались многочисленныхъ къ концу царствованія Александра I политическихъ преступниковъ, а затрагивали только осужденныхъ, т. е. тѣхъ, приговоры о коихъ утверждены начальниками губерній или окончательно постановлены уголовными

---

[1]) Напр., указъ 30 августа 1814 г. (25677), предписывающій возвращать бѣглыхъ въ то состояніе, куда они принадлежали, или указъ 9 декабря 1815 г. (П. С. З. 26016), разрѣшающій помилованнымъ дворянамъ участвовать въ дворянскихъ выборахъ и быть избираемыми къ должностямъ, если дворянство будетъ имѣть къ нимъ довѣренность и признаетъ ихъ достойными и способными; или указъ (27592), разрѣшающій бывшимъ бѣглымъ записываться въ купечество, но не иначе, какъ со взносомъ трехгодичной подати или съ поручительствомъ.

палатами (подтвержденіе этого см. указъ 13 апр. 1826 г. 2 П. С. 258); позднѣе еще разъ подтверждается, что дѣянія, по коимъ приговоры постановлены низшими инстанціями, сюда не подходятъ (27 іюня 1826 г. 431). При этомъ указывается, что „означенный манифестъ долженъ быть исполняемъ по точному и буквальному смыслу онаго, безъ всякаго измѣненія или распространенія“. Самый манифестъ мотивированъ очень осторожно, съ подчеркиваніемъ лишь своихъ правъ: „Право миловать и щадить признавая драгоцѣннѣйшимъ преимуществомъ данной намъ отъ Бога Самодержавной власти..., Мы положили хранить сіе право во всей полнотѣ его, какъ залогъ, ввѣренный Намъ отъ Бога, употребляя его всегда сообразно благу общему, а не въ ослабленіе правосудія“.

О прощеніи декабристовъ въ это время не было и рѣчи. Особо образованный Верховный судъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому дѣлу писалъ: „И хотя милосердію, отъ Самодержавной власти исходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ, но Верховный Уголовный Судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть степени преступленія столь высокія и съ общей безопасностью Государства столь смежныя, что самому милосердію они, кажется, должны быть недоступными“. Эти слова являются ни чѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ словъ самого Николая, взятыхъ изъ манифеста 21 апрѣля 1826 г. (2 П. С. 275), въ которыхъ указывается, что примѣненіе смертной казни не должно быть ограничено по преступленіямъ, „кои имѣютъ цѣлью нарушеніе общаго существованія: спокойствія Государственнаго, безопасности Престола и Святости Величества“. Впрочемъ, указомъ 10 іюля 1826 г. государь замѣнилъ нѣкоторымъ изъ декабристовъ смертную казнь каторгой, „пожелавъ согласить по возможности силу законовъ и долгъ правосудія съ чувствомъ милосердія“.

Коронаціонный манифестъ Николая I отъ 22 августа 1826 г. (2 П. С. 540) въ своей диспозитивной части содержитъ мало новаго. Онъ освобождаетъ всѣхъ состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ по дѣламъ, не заключающимъ

смертоубійства, разбоя, грабежа и лихоимства, а для военнослужащихъ и по дѣламъ, не заключающимъ ослушанія и дерзости противъ начальства или побѣговъ болѣе трехъ разъ. Отлучившимся самовольно изъ отечества дается прощеніе подъ условіемъ возвращенія обратно въ теченіе года. Слагаются денежные начеты, похищенныя казенныя деньги до 2000 руб., штрафы и пени за неисправности по службѣ и по разнымъ частямъ управленія. Нововведеніемъ является предоставленное привлеченнымъ къ суду право отказа отъ прекращенія слѣдствія по манифесту. „Само собою разумѣется — говоритъ манифестъ — что симъ не затрагиваются средства законнаго предъ судомъ оправданія тѣмъ изъ подсудимыхъ, кои, по убѣжденію въ невинности своей, сами пожелаютъ таковаго оправданія. Исхода на случай осужденія такихъ лицъ въ манифестѣ не предусмотрѣно [1]).

---

[1]) Манифестъ 1826 г., подобно манифесту 1814 г., вызвалъ цѣлый рядъ дополнительныхъ указовъ. Ихъ насчитывается болѣе 14, причемъ многіе являются точнымъ повтореніемъ указовъ предшествовавшаго царствованія, независимо отъ соотвѣтствія ихъ новымъ правиламъ самого манифеста. Такъ, манифестъ признанъ не имѣющимъ силы для преступленій, влекущихъ смертную казнь (2 П. С. 789 ср. указъ 14 дек. 1814, 25748), для безчинныхъ проступковъ въ церквахъ (2 П. С. 899 12 февр. 1827 г. ср. съ указомъ 5 дек. 1818 г., 27585), для скопчества (6 марта 1828 г. 2 П. С. 1847 ср. 27 окт. 1816 г. 26484). Къ этимъ ограниченіямъ прибавлено дальнѣйшее: о нераспространеніи манифеста на дѣла, подлежащія церковному покаянію, такъ какъ здѣсь „дѣло идетъ не о наказаніи, а объ очищеніи совѣсти“. Наоборотъ, манифестъ распространенъ на похитителей казенной собственности, такъ какъ такое похищеніе не можетъ быть признаваемо простымъ воровствомъ (2 П. С. 2420, 4284 ср. I П. С. З. 25750). Дальнѣйшими указами разъяснено, что штрафы за пристанодержательство бродягъ (2 П. С. 1591) и передержательство дезертировъ (2 П. С. 5528), взысканія за порубку лѣсовъ (2 П. С. 2762) погашаются манифестомъ. Въ указѣ 24 марта 1827 г. (2 П. С. 984) снова подтверждается по поводу возникшихъ недоразумѣній правило указа 30 іюня 1815 г. о непрекращеніи и необращеніи къ гражданской формѣ дѣлъ, по коимъ есть частные иски, а о производствѣ ихъ въ установленныхъ судебныхъ мѣстахъ и тѣмъ же порядкомъ, какимъ эти дѣла начаты. Въ виду того, что манифестъ относился только къ дѣламъ, еще не вполнѣ оконченнымъ, возникъ споръ о томъ, какія дѣла относить сюда. Мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 2 апрѣля 1827 г. (2 П. С. 1008) рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: дѣла могутъ находиться въ трехъ стадіяхъ: 1) неизслѣдованными и нерѣшенными; 2) рѣшенными, но приговоры по которымъ не приведены въ законную силу, и 3) получившими уже совершенное

Манифестъ 12 декабря 1830 г. по поводу мятежа въ Польшѣ, не даруя возставшимъ опредѣленныхъ гарантій, сулитъ имъ однако амнистію: „Примѣръ царя вашего будетъ вамъ руководствомъ: правосудіе безъ мщенія, непоколебимость въ борьбѣ...., готовность примириться со всѣми, кои возвратятся къ долгу". Но обѣщаніе это не нашло примѣненія. Подавленіе мятежа сопровождалось суровыми репрессіями, отчасти смягченными указомъ 26 авг. 1841 г.

16 апрѣля 1841 г. издается манифестъ по случаю бракосочетанія наслѣдника Александра Николаевича. Бракъ въ царской семьѣ здѣсь впервые становится основаніемъ для коллективныхъ милостей. Манифестъ этотъ смягчаетъ наказанія осужденнымъ, слагаетъ денежные штрафы и начеты, прекращаетъ судъ и слѣдствіе по многимъ дѣламъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ каталогъ исключаемыхъ преступленій, подъ манифестъ не подходящихъ, особенно великъ; сюда относятся: святотатство, смертоубійство, разбой, грабежъ, лихоимство, похищеніе казенной собственности, дѣланіе фальшивой монеты, поддѣлка государственныхъ бумагъ. Позднѣйшими указами къ манифесту этотъ каталогъ еще болѣе расширенъ. Такъ, продолжена сила всѣхъ указовъ, состоявшихся по поводу манифеста 1826 г., и на этотъ разъ (2 П. С. 14525); изъ дѣйствія манифеста изъяты поединки, разсматривающіеся какъ покушеніе на смертоубійство (2 П. С. 14774 4 авг. 1841); дѣла, по которымъ слѣдуетъ смертная казнь, торговая казнь и ссылка въ каторжную работу (2 П. С. 14921); дѣла о бродягахъ, не давшихъ искренняго показанія и не помнящихъ родства (2 П. С. 15299). Напротивъ того, дѣла о членовредителяхъ (15807) и о кормчествѣ (14775) признаны подлежащими погашенію по манифесту. Манифестъ даруетъ прощеніе отлучившимся заграницу, по примѣру про-

---

окончаніе. На первую и вторую категорію манифестъ распространяется, на послѣднюю—нѣтъ. По мнѣнію Совѣта, оконченное дѣло есть то, по коему состоявшійся приговоръ суда вошелъ уже въ законную силу; а приговоръ суда, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, почитается вошедшимъ въ законную силу съ того времени, какъ онъ тяжущимся или подсудимому объявленъ.

шлыхъ манифестовъ, но при этомъ прибавляетъ: „Прощеніе сіе не распространяется на тѣхъ, кои во избѣжаніе суда или наказанія по бывшимъ мятежамъ и заговорамъ, по нарушенію внутренняго въ государствѣ спокойствія, скрылись заграницу". Наконецъ, манифестъ считаетъ нужнымъ еще разъ подчеркнуть неприкосновенность притязаній частныхъ лицъ. Изъ позднѣйшихъ разъясненій этого манифеста представляетъ важность Высочайше утвержденное мнѣніе Гос. Совѣта отъ 7 декабря 1842 г. (16300), установившее невозможность примѣненія манифеста къ лицамъ, воспользовавшимся правомъ требовать продолженія производства и постановленія приговора, въ случаѣ ихъ осужденія.

Въ царствованіе Николая I была произведена впервые систематизація законовъ о помилованіи и всемилостивѣйшихъ манифестахъ, сначала въ ст. 148—153 т. XV Свода Законовъ, а затѣмъ въ 170—172 ст. улож. о нак. 1845 г. Въ дальнѣйшемъ мы подробнѣе остановимся на постановленіяхъ обоихъ этихъ памятниковъ, здѣсь же отмѣтимъ, что ими былъ закрѣпленъ абсолютный характеръ этой державной прерогативы (кромѣ развѣ возможности возстановленія правъ дворянина, исключеннаго сословіемъ, отмѣны церковнаго покаянія и погашенія гражданскихъ исковъ), установлено, что прощеніе по манифесту не относится къ дѣламъ, уже оконченнымъ (это, впрочемъ, позднѣе въ уложеніи 1845 г. опущено). Упоминанія относительно изъятія изъ дѣйствія манифестовъ отдѣльныхъ преступленій сдѣлано не было. Эта систематизація не имѣла особаго значенія, и позднѣйшіе манифесты почти не считаются съ нею, повторяя нормы, уже вошедшія въ законъ, или порою даже измѣняя ихъ.

Со времени Александра II всемилостивѣйшіе манифесты начинають отличаться большей тщательностью разработки, милости же, предоставляемыя ими, значительно суживаются въ своемъ объемѣ.

Александръ II, слѣдуя примѣру своего дяди и отца, издалъ два манифеста—при вступленіи на престолъ и при короновапіи. Въ первомъ манифестѣ отъ 27 марта 1855 г. (29165) мы находимъ возстановленіе мотивировочной части,

слабо развитой въ манифестахъ Николая I. Она, впрочемъ, представляетъ повтореніе старыхъ мыслей: „Мы признали за благо, по примѣру Нашихъ августѣйшихъ предшественниковъ, ознаменовать начало Нашего царствованія дарованіемъ народу возможныхъ въ настоящее время льготъ и прощеніемъ или облегченіемъ участи тѣхъ изъ подданныхъ Нашихъ, кои хотя омрачили себя противозаконными дѣяніями, но могутъ еще чрезъ совокупное дѣйствіе правосудія и милосердія, нравственно исправлены быть и загладить прошедшее новою жизнью, сообразною съ обязанностями къ Богу и ближнимъ“. При опредѣленіи лицъ, подлежащихъ общему прощенію, за основной признакъ принята степень наказанія, характеризуемая присоединеніемъ праволишеній или правоограниченій. „Всѣхъ состоявшихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ по день восшествія Нашего на престолъ по такимъ преступленіямъ и проступкамъ, за кои не опредѣлены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ или съ ограниченіями по ст. 53 улож., отъ слѣдствія и суда учинить свободными“. Сюда отнесены и лица, кои за безгласностью обнаружены не были. Виновные въ порубкѣ, поджогѣ и порчѣ казенныхъ лѣсовъ и въ нарушеніи казенныхъ уставовъ освобождаются отъ суда, независимо отъ тяжести грозящаго наказанія. Отлучившіеся изъ отечества подлежатъ прощенію, если не учинили дѣяній, влекущихъ потерю правъ, и явятся обратно въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Не погашаются дѣла о виновныхъ въ неправильномъ присвоеніи чужой собственности или вообще причиненіи кому-либо чрезъ свои дѣйствія вреда, ущерба или обиды, если потерпѣвшіе потребуютъ удовлетворенія. Точно такъ же въ зависимости отъ тяжести наказанія происходило смягченіе его для лицъ, отбывающихъ оное. Въ виду важности установленія границы между осужденными и состоящими подъ судомъ, манифестъ считаетъ наступившимъ моментъ осужденія со времени объявленія приговора [1]). Манифестъ 1855 г. сохра-

---

[1]) Позднѣе указомъ 2 декабря 1855 г. къ осужденнымъ отнесены всѣ тѣ, относительно которыхъ состоялось и вошло въ законную силу рѣшеніе судеб-

няетъ силу на будущее время за отдѣльными указами, изданными по поводу манифестовъ 1826 и 1841 г.г., чѣмъ вноситъ не мало противорѣчій и ограниченій. Правомъ отказа находящіеся подъ слѣдствіемъ и судомъ могутъ воспользоваться въ теченіе мѣсяца, и, въ случаѣ осужденія, они уже не могутъ подлежать прощенію по силѣ сего манифеста. Дѣйствіе этого манифеста было распространено и на военно-служащихъ. Органомъ контроля по примѣненію манифеста сдѣланъ Сенатъ, которому присутственныя мѣста обязаны доносить объ оконченныхъ по манифесту дѣлахъ.

Коронаціонный манифестъ Александра II отъ 26 августа 1856 (2 П. С. 30877) содержитъ повтореніе тѣхъ же милостей уголовнымъ преступникамъ; особо упоминаются лишь оставленные въ подозрѣніи, подвергшіеся полицейскому надзору, съ которыхъ этотъ надзоръ снимается. Позднѣйшими указами дѣйствіе его распространено на нижнихъ чиновъ, штрафованныхъ не по суду, на виновныхъ въ таможенныхъ нарушеніяхъ и въ передержательствѣ бѣглыхъ (2 П. С. 30903, 31077, 32624). Оригинальной частью манифеста является широкое помилованіе, дарованное за политическія преступленія. „Подвергшимся разнымъ за политическія преступленія наказаніямъ и донынѣ еще не получившимъ прощенія, но по изъявленному ими раскаянію и безукоризненному поведенію послѣ произнесеннаго надъ ними приговора заслуживающимъ помилованія, даровать на основаніи особыхъ постановленныхъ для того правилъ: однимъ облегченія, болѣе или менѣе значительныя въ самомъ мѣстѣ ихъ ссылки, другимъ же освобожденіе отъ оной (съ ограниченіемъ мѣстожительства)“. „Изъ получившихъ прощеніе, подвергнутыхъ наказанію по приговору Верховнаго уголовнаго суда 1826 г., мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 1829 г. или по постановленію военно-судныхъ коммисій по прикосновен-

---

наго мѣста, постановившаго окончательный приговоръ. Наконецъ, еще позднѣе, указомъ 12 ноября 1856 г. (31136), въ видахъ расширенія монаршаго милосердія, къ осужденнымъ отнесены и обвиняемые, осужденные судомъ 2-ой инстанціи, хотя бы дѣло, по несогласію начальника губерніи съ приговоромъ уголовной палаты, было перенесено на разсмотрѣніе въ Сенатъ.

ности къ замысламъ и дѣйствіямъ тайныхъ обществъ, открытыхъ въ 1825—1827 гг., и къ бывшему въ 1831 г. возмущенію въ Польшѣ, принадлежавшимъ дотолѣ къ дворянству, даровать всѣ права потомственнаго дворянства безъ права на прежнія имущества. Лицамъ, которыя, вслѣдствіе прикосновенности къ преступленіямъ политическимъ, находятся въ военной или морской службѣ и въ продолженіе оной были всегда одобряемы своими непосредственными начальствами, также будутъ дарованы льготы (въ зависимости отъ полученныхъ отъ ихъ начальствъ свѣдѣній)". Манифестъ, такимъ образомъ, даруя помилованіе, прикрывалъ его мотивомъ раскаянія и исправленія осужденныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ ограничивался смягченіемъ наказаній. Большинство декабристовъ были фактически помилованы этимъ манифестомъ.

Указомъ 26 августа 1856 г. (30878) всѣ милости коронаціоннаго манифеста, въ томъ числѣ и облегченія политическимъ преступникамъ, были распространены на Польшу. 8 сентября и 25 сентября того же года были изданы указы объ облегченіи участи лицъ военнаго и военно-морского вѣдомствъ, которыми были значительно смягчены наказанія для осужденныхъ.

Другой манифестъ политическаго характера состоялся 31 марта 1863 г. во время польскаго мятежа (39443). Содержаніе его точно резюмировано въ самомъ заглавіи: „о всемилостивѣйшемъ дарованіи полнаго и совершеннаго прощенія тѣмъ изъ вовлеченныхъ въ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ, которые, не подлежа отвѣтственности за иныя уголовныя или по службѣ въ рядахъ войска преступленія, сложатъ оружіе и возвратятся къ долгу повиновенія до 1 мая 1863 г.". Въ этой промиссорной амнистіи говорится: „Въ Нашихъ заботахъ о будущности края, Мы готовы всѣ происшедшія смуты покрыть забвеніемъ и вслѣдствіе того, въ горячемъ желаніи положить предѣлъ кровопролитію, даруемъ полное и совершенное прощеніе тѣмъ, которые....". Этотъ амнистіонный манифестъ является третьимъ и послѣднимъ въ ряду манифестовъ, спеціально касающихся Польши.

Общій манифестъ далѣе былъ изданъ 28 октября 1866 г. по случаю бракосочетанія наслѣдника, впослѣдствіи Александра III (43784). Этимъ манифестомъ были лишь смягчены наказанія для лицъ, отличающихся безукоризненнымъ поведеніемъ, прощены лѣсные проступки и даровано условное прощеніе отлучившимся изъ отечества.

Въ мотивировкѣ манифеста встрѣчаемъ ставшее уже традиціоннымъ упоминаніе о прерогативѣ помилованія: „Слѣдуя сердечному влеченію и всегда признавая въ возможности миловать и прощать, когда милосердіемъ не ослабляется сила закона, драгоцѣннѣйшее изъ преемственно переданныхъ отъ предковъ Намъ правъ, Мы....“. Въ отличіе, однако, отъ прежнихъ подобныхъ упоминаній, здѣсь право прощенія основывается не на Божескомъ установленіи, а на преемственной передачѣ отъ предковъ.

Наконецъ, характеръ амнистій носили Высочайшіе указы 1866, 1872 и 1877 г.г., слагавшіе предостереженія съ газетъ.

Глава IV.

Акты общаго прощенія за послѣднее время.

Единственный всемилостивѣйшій манифестъ, изданный Александромъ III, относится ко дню коронованія, 15 мая 1883 г. (3-ье П. С. З. 1583). Онъ выраженъ по сравненію съ предыдущими, въ нѣсколько иныхъ формахъ и проникнутъ особыми тенденціями, которымъ впослѣдствіи слѣдуютъ манифесты Императора Николая II 1894, 1896, 1904 г.г. Съ него, поэтому, удобно начать изложеніе послѣдняго періода и слѣдуетъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Манифестъ 1883 г. въ той его части, которая касается уголовныхъ преступниковъ, начинается съ мотивировки, крайне рѣзко выдвигающей цѣль исправленія, какъ основную тенденцію милости: „Желая въ священный для Насъ день явить милость всѣмъ подданнымъ Нашимъ, не изъемлемъ отъ высочайшей милости Нашей и тѣхъ, которые впали въ противозаконныя дѣянія по заблужденію, легкомыслію, небреженію или хотя

омрачили жизнь свою преступленіями, но вслѣдствіе понесенной ими кары закона или по другимъ обстоятельствамъ заслуживаютъ прощенія или облегченія имъ участи".

Затѣмъ идетъ перечисленіе лицъ, освобождаемыхъ отъ слѣдствія и суда. Признакомъ служитъ по прежнему тяжесть наказанія: дѣянія, влекущія денежное взысканіе до 300 руб., арестъ, тюрьму и крѣпость, не соединенныя съ праволишеніями, погашаются за силою манифеста. По процессуальному положенію подъ манифестъ подводятся дѣла, по которымъ еще не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія, по которымъ не послѣдовало судебнаго приговора или приговоръ не вошелъ въ законную силу. По остальнымъ дѣламъ (слѣдовательно, по всѣмъ, влекущимъ по закону праволишенія) срокъ давности преслѣдованія сокращенъ на $^1/_3$. Несмотря на удержаніе дѣленія по тяжести наказанія, въ манифестѣ возстанавливается старая практика исключенія отдѣльныхъ преступленій по ихъ свойствамъ. Такъ, манифестъ не распространяется „на лицъ, совершившихъ кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату чужого имущества, мздоимство и лихоимство; на учинившихъ оскорбленія чести, преслѣдуемыя по частной жалобѣ; а равно и на совершившихъ дѣянія, по коимъ денежное взысканіе поступаетъ не въ пользу казны, удѣла, дворцоваго вѣдомства, кабинета и не въ капиталы на устройство мѣстъ заключенія". Въ этихъ изъятіяхъ крайне сильно подчеркнуто изъятіе корыстной имущественной преступности и частно-уголовныхъ преступленій. Но, кромѣ того, отмѣчается, что манифестъ не препятствуетъ принятію мѣръ, вызываемыхъ безопасностью и фискальными интересами по поводу отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній.

Осужденные къ пенѣ до 300 р., выговору, замѣчанію, смирительному дому, тюрьмѣ и крѣпости безъ праволишеній отъ наказанія освобождаются. Спеціально оговорено освобожденіе виновныхъ въ составленіи подложныхъ видовъ на жительство и осужденныхъ за бродяжество, если они обнаружатъ свое званіе и состояніе. Лицамъ, высланнымъ въ административномъ порядкѣ по приговорамъ обществъ, разрѣшается жить повсюду, кромѣ мѣстъ, изъ которыхъ они удалены.

Но особенно характерны постановленія манифеста 1883 г. относительно политическихъ преступниковъ. Здѣсь манифестъ преслѣдуетъ двоякую цѣль: 1) возможно больше подчеркнуть одинаковый съ уголовными преступниками характеръ виновности послѣднихъ и указать, что только ихъ исправленіе и раскаяніе служатъ основаніемъ помилованія, а не какія либо соображенія политики, предлагающей компромиссъ, и 2) предоставить примѣненіе помилованія административной власти, чтобы не освободить лицъ, представляющихъ еще опасность, и чтобы зависимостью отъ администраціи развить въ нихъ сознаніе подчиненія существующей власти. Эти тенденціи сквозятъ уже въ самой мотивировкѣ, стремящейся возможно болѣе затушевать характеръ политически-амнистіонный и подчеркнуть исправительно-уголовный. „Дарованное Намъ отъ Бога право миловать и щадить простирая на лицъ, совершившихъ преступныя дѣянія, Мы, независимо отъ преступниковъ, могущихъ по самому свойству вины заслуживать полнаго снисхожденія, объемлемъ милостью Нашей и тѣхъ изъ числа болѣе тяжкихъ преступниковъ, кои смиреніемъ въ наказаніи, поведеніемъ и трудолюбивою жизнью обнаруживаютъ нравственное исправленіе. Такихъ лицъ... возможно обрѣсти даже среди тѣхъ, кои, отступивъ отъ св. клятвы вѣрности Престолу, Закону, Отечеству, впали въ преступленія государственныя“. Самыя льготы заключаются въ распространеніи на государственныхъ преступниковъ облегченій, дарованныхъ лицамъ, учинившимъ общеуголовныя преступленія и проступки (т. е. не соединенныя съ праволишеніями). О тѣхъ учинившихъ государственныя преступленія, „кои раскаяніемъ въ совершенныхъ ими преступленіяхъ и добрымъ поведеніемъ заслуживали бы смягченія, превышающаго размѣры указанные, предоставляется министру вн. дѣлъ войти съ докладомъ Государю. Ему же предоставляется повергать на Высочайшее усмотрѣніе участь тѣхъ изъ сосланныхъ въ административномъ порядкѣ, кои по свойству вины и обнаруженному раскаянію заслуживаютъ снисхожденія а равно освобожденія отъ воспрещенія жить въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ“. Наконецъ, тому же министру предоставляется

ходатайствовать объ удалившихся изъ отечества вслѣдствіе учиненія государственнаго преступленія, кромѣ виновныхъ по ст. 241 (злоумышленіе на Государя), „если они пожелаютъ возвратиться и вѣрностью Престолу и Отечеству искупить свою прежнюю вину". Въ этихъ постановленіяхъ для примѣненія права общаго помилованія впервые привлекается административная власть, которой предоставляется быть посредникомъ между государственными преступниками и монархомъ. Далѣе всѣ эти постановленія проникнуты стремленіемъ побороть упорство политическихъ убѣжденій созданіемъ въ качествѣ условія необходимости раскаянія и хорошаго поведенія.

Безъ этихъ тягостныхъ ограниченій, манифестъ постановляетъ предать забвенію дѣла, предусмотрѣнныя ст. 246—248 улож. о нак. (оскорбленіе Величества), учиненныя по день коронованія, и лицъ, обвиняемыхъ въ чихъ, отъ отвѣтственности и наказанія со всѣми послѣдствіями освободить. Освобождаются отъ надзора лица, участвовавшія въ польскомъ мятежѣ; но эта милость не можетъ распространяться на лицъ, осужденныхъ за убійства, истязанія, грабежи и поджоги, учиненные для содѣйствія мятежу. Права происхожденія имъ возвращаются, но права на имущества остаются потерянными. Наконецъ, манифестъ установляетъ давность въ 15 лѣтъ для безгласныхъ дѣлъ, по закону давности не подлежащихъ (напр., отцеубійство, посягательство на Государя). Одновременно съ манифестомъ былъ изданъ указъ (1586) о милостяхъ военнослужащимъ.

На ряду съ манифестомъ были изданы Высочайше утвержденныя правила о порядкѣ примѣненія манифеста (3-ье П. С. З. 1585); они сохраняютъ дѣйствіе до настоящаго времени и будутъ нами разсмотрѣны при систематической разработкѣ.

Манифесты Николая II отъ 14 ноября 1894 г., по случаю бракосочетанія, и 15 мая 1896 г., по случаю коронованія, составлены совершенно въ духѣ предшествующаго. „Обращая взоры на несчастныхъ и страдающихъ—говорится въ первомъ изъ нихъ—и поставляя правосудіе основою народнаго благоденствія, Мы почитаемъ право миловать и щадить драгоцѣннѣйшимъ отъ Бога Намъ ниспосланнымъ удѣломъ";

Манифестъ освобождаетъ отъ суда и наказанія всѣхъ, виновныхъ въ дѣяніяхъ, не влекущихъ праволишеній; къ отдѣльнымъ исключаемымъ изъ манифеста дѣяніямъ въ немъ прибавленъ, въ послѣдовательное развитіе заложенной мысли, вновь образованный деликтъ—ростовщичество. Постановленія о смягченіи наказанія для общеуголовныхъ и государственныхъ преступниковъ совершенно совпадаютъ съ постановленіями манифеста 1883 г. и столь же проникнуты тенденціей выдвинуть мотивъ раскаянія (впрочемъ, приведенная выше мотивировка о томъ, что и среди государственныхъ преступниковъ могутъ встрѣтиться люди кающіеся, здѣсь откинута, и манифестъ прямо говоритъ: „не изъемля и государственныхъ преступниковъ...“). Сохранены въ этомъ манифестѣ и всѣ нововведенія предшествующаго, отмѣченныя нами выше.

Другой манифестъ 15 мая 1896 г. также полностью сохраняетъ конструкцію предыдущихъ. Къ прощаемымъ дѣяніямъ прибавлены лишь: 1) растрата или присвоеніе ввѣреннаго по службѣ имущества на сумму не свыше 1000 рублей, если присвоенное или растраченное полностью возвращено до дня коронованія, 2) нѣкоторые проступки священнослужителей иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій (ст. 193, 194, 194' и 1575 улож. о нак.), 3) прощеніе всѣхъ оставленныхъ по суду въ подозрѣніи до закона 12 іюня 1886 г., съ освобожденіемъ ихъ отъ послѣдствій этой судимости. Къ числу лицъ, исключаемыхъ изъ дѣйствія манифеста, далѣе присоединены: впавшіе по неосторожности въ торговую несостоятельность, учинившіе посягательства на тѣлесную неприкосновенность и здравіе, преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія, и, наконецъ, лица, подлежащія тюремному заключенію взамѣнъ исключенія изъ службы или наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія. Указано, что манифестъ не освобождаетъ отъ уплаты присужденныхъ судебныхъ издержекъ. Для лицъ осужденныхъ допущено смягченіе или сокращеніе срока наказаній въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ предыдущихъ, но предусматривается сокращеніе этихъ льготъ для тѣхъ изъ преступниковъ, которые уже воспользовались льготами манифеста 1894 г.

Манифестъ 11 августа 1904 г., по случаю рожденія наслѣдника Алексѣя Николаевича, несмотря на то, что онъ данъ „въ годину испытаній, вызвавшихъ напряженіе силъ народныхъ“ и послѣ обѣщанія „мѣръ государственнаго благоустроенія, предуказанныхъ въ манифестѣ 26 февраля 1903 г.“, не расширяетъ льготъ преступникамъ политическимъ и сохраняетъ старыя формы для общеуголовныхъ преступниковъ.

Манифестъ освобождаетъ отъ суда и наказанія всѣхъ совершившихъ преступное дѣяніе, за которое въ законѣ опредѣлено какъ высшее наказаніе—внушеніе, замѣчаніе, выговоръ, денежное взысканіе не свыше 300 руб., арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости, не соединенное съ праволишеніями. Для лицъ, учинившихъ болѣе тяжкія дѣянія, если они будутъ приговорены къ аресту, заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости безъ праволишеній, и для всѣхъ отбывающихъ такія наказанія, сроки заключенія сокращаются на $^2/_3$. Далѣе манифестъ повторяетъ также прощеніе должностныхъ растратъ и присвоеній и нѣкоторыхъ проступковъ священнослужителей иностранныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Особо постановлено объ освобожденіи отъ суда и наказанія всѣхъ совершившихъ преступленія или проступки, подсудные волостному суду. Каталогъ исключеній въ зависимости отъ свойствъ преступленій остался безъ измѣненія по сравненію съ прежнимъ манифестомъ. Далѣе, манифестъ 1904 г. производитъ смягченіе наказаній сокращеніемъ сроковъ ихъ на $^1/_3$, освобождаетъ ссыльныхъ отъ дополнительныхъ наказаній, назначенныхъ взамѣнъ тѣлесныхъ, и отъ особыхъ наказаній за побѣгъ подъ условіемъ возвращенія. Общимъ образомъ сокращаются сроки давности преслѣдованія на $^1/_3$ по дѣламъ, не подлежащимъ прекращенію. Лица, уклонявшіяся отъ воинской повинности, освобождаются отъ суда и слѣдствія подъ условіемъ явки на службу въ теченіе одного года. Проживающіе заграницей русскіе подданные, виновные въ самовольномъ оставленіи отечества, освобождаются отъ наказанія, но въ случаѣ возвращенія подвергаются двухлѣтнему полицейскому надзору. Даются, наконецъ, облегченія

въ правѣ передвиженія лицамъ, сосланнымъ за порочное поведеніе приговорами мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ.

Для должностныхъ лицъ установлены особыя льготы въ видѣ непризнанія препятствіемъ для полученія пенсій и наградъ взысканій, исчисленныхъ въ ст. 65 п. 2—9 (т. е. всѣ дисциплинарныя, кромѣ исключенія со службы). Что же касается исключенія со службы, то исключенныхъ за преступленія, не изъ корыстныхъ видовъ содѣянныя, предписывается считать отрѣшенными отъ должности; подлежащихъ временному заключенію въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ—считать лишь отрѣшенными отъ должности. Наконецъ, всѣмъ должностнымъ лицамъ, исключеннымъ со службы за болѣе тяжкія дѣянія, предоставляется по истеченіи 10 лѣтъ со времени вступленія приговора о нихъ въ законную силу, право вновь поступить на государственную и общественную службу или занять прежнія ихъ должности.

Относительно преступниковъ государственныхъ манифестъ ограничивается повтореніемъ постановленій предшествующихъ манифестовъ. Впрочемъ, помилованіе государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ въ судебномъ порядкѣ, являлось мертвой буквой въ виду фактическаго непримѣненія этого порядка. Наоборотъ, громадное практическое значеніе имѣло освобожденіе отъ взысканій, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ. Примѣненіе этихъ мѣръ предоставлено уже не только министру внутреннихъ дѣлъ, а и низшимъ органамъ, какъ губернаторы, градоначальники, генералъ-губернаторы, намѣстнику Востока, главноначальствующему на Кавказѣ и Атаману войска Донского.

Характернымъ для политики того времени является первое и единственное присоединеніе къ общему манифесту дарованія милостей обывателямъ Великаго Княжества Финляндскаго. Обыкновенно для Финляндіи издавался особый манифестъ.

Громоздкая форма всемилостивѣйшихъ манифестовъ, предназначенныхъ для торжественныхъ династическихъ событій, оказалась непригодной для актовъ гражданско-политическихъ. Когда освободительное движеніе завоевало первые свои этапы,

правительство по необходимости должно было даровать амнистіи въ качествѣ залога своей искренности въ слѣдованіи въ будущемъ новымъ принципамъ. Послѣ указа 17 апрѣля 1905 г. былъ изданъ въ видѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія комитета министровъ актъ прощенія религіознаго характера отъ 25 іюня и послѣ манифеста 17 октября 1905 г. издана амнистія политическая отъ 21 октября того же года, въ видѣ указа Правительствующему Сенату. Оба эти акта изданы въ видѣ Высочайшихъ повелѣній въ порядкѣ верховнаго управленія (ср. Высочайшее повелѣніе 25 іюня 1905 г. объ устраненіи отступленій въ порядкѣ изданія законовъ), при участіи подчиненныхъ органовъ—министерствъ. Эта форма вызывалась самими обстоятельствами изданія ихъ: здѣсь шло дѣло объ извѣстной уступкѣ политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ общества, и потому укрѣпляющее дѣйствіе амнистіи въ чисто династическихъ цѣляхъ использовано не могло быть, вслѣдствіе чего отпадала и соотвѣтственная для этихъ цѣлей форма манифеста. Въ зависимости отъ такой формы изданія, въ этихъ указахъ мы не находимъ ни мотивировки, ибо мотивировка соціально-политическая не была желательна, ни убѣжденія въ извѣстномъ дѣйствіи ихъ и поставленія условій, которыя способствовали бы достиженію этого дѣйствія. Въ этомъ отношеніи оба акта выгодно отличаются отъ прежнихъ актовъ общаго прощенія, обильно проникнутыхъ идеей раскаянія и спеціальнаго предупрежденія.

Высочайшее повелѣніе 25 іюня 1905 г. касается посягательствъ противъ ограждающихъ вѣру постановленій. Архаичность этого отдѣла нашего уложенія о наказаніяхъ представляется поразительной. Послѣ указа о вѣротерпимости стала ясна необходимость не только амнистіи многихъ изъ религіозныхъ преступниковъ, но и пріостановленія дальнѣйшихъ преслѣдованій впредь до измѣненія законодательныхъ постановленій [1]).

---

[1]) Какъ видно изъ особаго журнала комитета министровъ отъ 8 марта 1905 г. и 10 мая того-же года, еще до 25 іюня были предприняты отдѣльныя мѣры къ ослабленію репрессіи по религіознымъ преступленіямъ: 1) въ силу Высочайше утвержденнаго 11 февраля положенія комитета о прекращеніи всѣхъ принятыхъ

Актъ 25 іюня 1905 г. распадается на 2 части: 1) на помилованіе въ собственномъ смыслѣ по отношенію къ уже бывшимъ посягательствамъ и 2) на суспенсацію уголовныхъ законовъ съ смягченіемъ наказаній за могущія быть учиненными въ будущемъ преступленія.

Въ Высочайшемъ повелѣніи 25 іюня всѣ религіозные деликты раздѣлены на 2 группы: 1) такихъ, противозаконность которыхъ должна отпасть съ утвержденіемъ въ уголовномъ законодательствѣ начала религіозной терпимости, и 2) такихъ, противозаконность которыхъ должна сохраниться, но наказаніе, положенное за нихъ, должно быть уменьшено. Въ первомъ случаѣ предписывается освобожденіе отъ суда, наказанія и прочихъ послѣдствій и полное помилованіе; во второмъ—только смягченіе наказаній.

Къ первой группѣ отнесены недоносительство о богохуленіи въ публичномъ мѣстѣ (ст. 179), совращеніе въ нехристіанскую вѣру ненасильственными способами и отступленіе отъ христіанской вѣры (ст. 184 п. 1 и ст. 185), совращеніе и отступленіе отъ православія въ иную христіанскую религію (ст. 187 п. 1, 188), крещеніе дѣтей православными родителями въ иную вѣру (ст. 190), препятствованіе присоединиться къ православной вѣрѣ (ст. 191), неотклоненіе и невоспрепятствованіе близкимъ отступить отъ православнаго вѣроисповѣданія (ст. 192), допущеніе неправославными священнослужителями православныхъ къ исповѣди, причащенію или муропамазанію (ст. 193) или иному дѣйствію, знаменующему переходъ въ неправославное вѣроисповѣданіе (ст. 194[1]), принятіе ими въ свое вѣроисповѣданіе кого либо изъ ино-

---

въ административномъ порядкѣ мѣръ взысканія по религіознымъ дѣламъ было освобождено отъ такихъ взысканій 1136 лицъ; 2) по докладу министра вн. дѣлъ даровано помилованіе 192 бывшимъ уніатамъ, высланнымъ въ Оренбургскую губернію, 3) по высочайшему повелѣнію 26 февраля возвращено 72 сектанта, сосланныхъ въ Сибирь въ порядкѣ общаго высочайшаго повелѣнія 5 августа 1896 г. за отказъ отбывать воинскую повинность, 4) актомъ помилованія 2 марта 1905 освобождено 278 духоборовъ отъ дальнѣйшаго отбыванія опредѣленныхъ имъ высочайшимъ повелѣніемъ 30 апрѣля 1897 г. взысканій. Въ общемъ, еще до указа 25 іюня было освобождено отъ взысканій 1678 человѣкъ.

вѣрцевъ безъ разрѣшенія (ст. 195), распространеніе расколовъ или заведеніе новыхъ (ст. 196 п. 1), обратное отпаденіе въ расколъ отъ православія (ст. 204), изданіе и распространеніе старопечатныхъ книгъ (ст. 205), устройство раскольничьихъ скитовъ (ст. 206), ненасильственное обращеніе изъ одной нехристіанской вѣры въ другую (ст. 936 п. 1), публичное оказательство раскола (ст. 196 п. 3) и неисполненіе требованій полиціи по предупрежденію раскола (ст. 29 уст. о нак.). Относительно этихъ дѣяній, кромѣ прекращенія уже начатыхъ преслѣдованій и отбываемыхъ наказаній, предписывается пріостановить преслѣдованіе ихъ до введенія въ дѣйствіе угол. улож. 1903 г. съ перерывомъ теченія уголовной давности. Новый законъ 14 марта 1906 г., однако, не отмѣнилъ всѣхъ означенныхъ дѣяній, какъ это было предположено, сохранивъ нѣкоторыя, указанныя въ ст. 184, 187, 190, 193, 194[1] и 939 ч. 1. (ср. ст. 82, 83, 86, 89, 93 угол. улож. 1903 г.), и хотя нѣсколько измѣнивъ ихъ составъ [1]).

Ко второй группѣ отнесены всѣ вообще религіозныя преступленія, предусмотрѣнныя въ главахъ I, II, III раздѣла II улож. о нак. Для осужденныхъ за эти преступныя дѣянія наказаніе арестантскими отдѣленіями, крѣпостью, тюрьмой и арестомъ сокращается на одну треть. Для несовершеннолѣтнихъ до 17 лѣтъ сроки тюремнаго заключенія уменьшаются наполовину. Далѣе, лицамъ, приговореннымъ къ каторжнымъ работамъ, срокъ ихъ сокращается наполовину, а для ссыльно-поселенцевъ сокращается срокъ поселенія и зачисленія въ крестьяне съ уменьшеніемъ объема праволишеній. Это смягченіе наказаній производится не только для лицъ уже осужденныхъ, но и для тѣхъ, которыя будутъ осуждены судами до времени введенія къ дѣйствіе угол. улож. 1903 г., такъ какъ имѣлось въ виду общее смягченіе наказаній за религіозныя преступленія, на дѣлѣ однако не осуществившееся [2]). Въ видѣ дополнительныхъ льготъ предусмотрѣно распространеніе частич-

---

[1]) См. А. А. Жижиленко, Законъ 14 марта 1905 г. „Право“ 1905 стр. 1345.

[2]) А. А. Жижиленко, Тамъ же, стр. 1344.

наго помилованія, установленнаго манифестомъ 11 августа 1904 г., на осужденныхъ за распространеніе скопчества, оскопленіе, насильственное распространеніе раскола (ст. 197, 200—203 улож. о нак.). Органомъ разъясненія указа остается Первый Департаментъ Сената, который въ случаяхъ, превышающихъ его власть, обязанъ испрашивать разрѣшеніе Государя.

Актъ 25 іюня даетъ ограниченную амнистію, размѣры которой опредѣляются не столько мотивами соціальнаго успокоенія, сколько сознаніемъ несовершенства законодательства, впредь до предстоящаго его измѣненія. Съ такой точки зрѣнія онъ имѣетъ много сходнаго съ амнистіоннымъ дѣйствіемъ, которое оказываетъ изданіе новыхъ болѣе снисходительныхъ или устраняющихъ уголовную воспрещенность законовъ. Каждый болѣе мягкій уголовный законъ имѣетъ обратную силу, амнистируетъ или смягчаетъ репрессію по отношенію къ прошлому. Здѣсь это дѣйствіе новаго закона осуществлено самостоятельно, вслѣдствіе нѣкотораго замедленія въ изданіи самого закона. До полной амнистіи въ области религіозныхъ преступленій акту 25 іюня недостаетъ очень многаго.

Указъ 21 октября, полученный цѣною многихъ жертвъ октябрьскихъ дней, [1]) данъ, по его словамъ, „въ соотвѣтствіе

[1]) Послѣ событій, имѣвшихъ мѣсто за протекшіе между манифестомъ 17 октября и указомъ 21 октября 1905 г. 3 дня едва ли можно говорить о добровольномъ предоставленіи амнистіи властью. Въ Петербургѣ 18 октября многотысячная толпа гражданъ съ манифестаціями требовала амнистіи, и значительными группами направилась взламывать тюрьмы для освобожденія заключенныхъ, но это дѣйствіе своевременно было предупреждено обѣщаніемъ предоставить полную амнистію. Собранія Совѣта С.-Петербургскаго университета, петербургской адвокатуры, Союза союзовъ, Городской Думы, Союза русскихъ писателей, Союза инженеровъ и техниковъ и пр., не говоря о рабочихъ организаціяхъ, категорически заявляли о необходимости *широкой* амнистіи. Въ Москвѣ, Симферополѣ, Ревелѣ, Баку, Полтавѣ, Орлѣ, Виндавѣ, Одессѣ, Новозыбковѣ, Козловѣ, Ковнѣ и многихъ другихъ городахъ политическіе заключенные еще до изданія указа 21 октября были освобождены или самою толпой, или администраціей подъ вліяніемъ непосредственнаго принужденія толпы. Въ Ташкентѣ, Саратовѣ, Новочеркасскѣ и др. происходили бурныя манифестаціи съ требованіемъ амнистіи, едва успокоенныя обѣщаніями администраціи. Въ нѣкоторыхъ городахъ (напр. Баку) на этой почвѣ произошли даже кровавыя столкновенія съ войсками. См. отчеты въ газетѣ „Право“ 1905 г

съ манифестомъ о дарованіи населенію незыблемыхъ основъ гражданской свободы". Онъ „признаетъ за благо облегченіе участи лицъ, впавшихъ до воспослѣдованія сего манифеста въ преступныя дѣянія государственныя".

Конструкція этого указа во многомъ сходна съ конструкціей предыдущаго. Здѣсь также мы встрѣчаемъ дѣленіе всѣхъ амнистируемыхъ на 2 группы: на лицъ, подлежащихъ полному прощенію, и на подлежащихъ помилованію частичному.

Къ первымъ относятся всѣ лица, учинившія до 17 октября 1905 г. оскорбленіе Величества, словесное или въ печати, оскорбленіе членовъ Императорскаго Дома, памяти усопшихъ императоровъ, лица, участвовавшія въ публичныхъ скопищахъ мятежнаго характера или мятежныхъ и революціонныхъ сообществахъ, въ возбужденіи посредствомъ печати или непублично къ бунту, измѣнѣ, ниспроверженію существующаго строя, противодѣйствію закону или распоряженію власти, къ учиненію тяжкаго преступленія, въ распространеніи среди войска ученій, возбуждающихъ къ нарушенію обязанностей службы, виновныя въ самозванствѣ, въ недоносительствѣ и укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ или освобожденіи ихъ (ст. 103, 104, 106, 107, 121, 125, 126, ч. 1, 127—132, 134 ч. 1, п. 3. 163, 164, 166 ч. 2, 168 ч. 3, 173 ч. 4 уг. ул. 1903 г.). Всѣ они освобождаются отъ преслѣдованій, суда и наказанія, даже если противъ нихъ не было возбуждено еще уголовнаго преслѣдованія.

Къ помилованнымъ относятся и виновные въ участіи въ стачкахъ (ст. 1358^{1-3} улож. о нак.).

Исключенными изъ этой амнистіи государственными преступленіями явились дѣянія, направленныя противъ Особы Государя и членовъ Императорскаго Дома (ст. 99—102 уг. ул.), государственная измѣна (ст. 108—119 уг. ул.), подделка или передѣлка Высочайшаго повелѣнія (ст. 437), печатей Государя (ст. 449), непринятіе служащими мѣръ пресѣченія противъ тяжкихъ государственныхъ преступниковъ (ст. 643 ч. 2), недонесеніе о таковыхъ преступленіяхъ (ст. 644 ч. 4) или незадержаніе виновныхъ въ нихъ лицъ (ст. 645 ч. 4) или, наконецъ, небрежное упущеніе подобнаго аре-

станта (ст. 652 п. 2). Для этихъ лицъ сокращались лишь сроки наказанія.

Значительное смягченіе наказаній произведено для лицъ, виновныхъ въ учиненныхъ свыше десяти лѣтъ тому назадъ государственныхъ преступленіяхъ (всѣхъ безъ различія), для лицъ, осужденыхъ военнымъ судомъ въ исключительномъ порядкѣ. Подвергнутыя исправительнымъ наказаніямъ лица освобождаются совершенно, ссыльно-каторжные переводятся на поселеніе, ссыльно-поселенцамъ (въ томъ числѣ и изъ бывшихъ каторжныхъ) разрѣшается по истеченіи 4 лѣтъ пребыванія въ ссылкѣ избрать себѣ мѣстожительство (кромѣ столицъ), съ отдачей подъ надзоръ полиціи и съ уменьшеніемъ правоограниченій.

Для всѣхъ остальныхъ государственныхъ преступниковъ и осужденныхъ военными судами установлено смягченіе наказаній: для различныхъ видовъ лишенія свободы сокращеніе срока заключенія наполовину, для безсрочно-каторжныхъ—каторга въ 15 лѣтъ, для поселенцевъ—сокращеніе срока пребыванія въ ссылкѣ до 4-хъ лѣтъ [1]). Для такихъ осужденныхъ возможно и дальнѣйшее сокращеніе наказаній посредствомъ ходатайствъ, вносимыхъ чрезъ совѣтъ министровъ Государю, если эти лица не присуждены къ наказанію за смертоубійство и по обстоятельствамъ дѣла заслуживаютъ особаго снисхожденія. Такое смягченіе наказаній распространяется и на всѣхъ, которые будутъ осуждены за государственныя дѣянія, учиненныя до 17 октября [2]).

Наконецъ, указъ 21 октября освобождаетъ всѣхъ подвергнутыхъ административнымъ взысканіямъ отъ дальнѣйшаго отбыванія ихъ и замѣняетъ всѣмъ присужденнымъ къ смертной казни послѣднюю пятнадцатилѣтней каторгой.

Прощеніе, предоставленное этимъ указомъ, не явилось

---

[1]) О несоотвѣтствіи такого скромнаго смягченія наказанія по сравненію даже съ милостью, оказанной общеуголовнымъ преступникамъ по манифесту 1904 г., см. замѣтку Тахчогло „Право“ 1905 г. стр. 3687. Онъ же указываетъ на иллюзорность этого смягченія вслѣдствіе искусственно повышенныхъ различными исключительными положеніями карательныхъ послѣдствій.

[2]) См. В. Маклаковъ, На кого распространяется амнистія 21 октября? „Право“, 1905 г., стр. 3688.

полнымъ и не удовлетворило общества. Многіе изъ государственныхъ преступниковъ, въ частности, заключенные въ Шлиссельбургской государственной тюрьмѣ и присужденные къ каторгѣ матросы, участвовавшіе въ возстаніяхъ, не были освобождены и принуждены были отправиться въ ссылку [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ указъ не вполнѣ освобождался отъ характера милости, а въ отдѣльныхъ случаяхъ требовалъ даже особыхъ ходатайствъ о помилованіи.

Указъ 21 октября не удовлетворилъ стремленій населенія, разсчитывавшаго на полную амнистію. Но непосредственно затѣмъ наступаетъ полоса всевозможныхъ репрессій, доведшая страну до режима военно-полевыхъ судовъ. Осужденные и привлеченные къ суду снова наполнили тюрьмы, снова громадныя партіи административно-ссылаемыхъ направились въ Сибирь и снова переполнились казематы Шлиссельбургской крѣпости приговоренными къ каторгѣ; сотни висѣлицъ были воздвигнуты въ различныхъ частяхъ Россіи, и военно-полевая юстиція стала ежедневно поставлять для нихъ жертвы. Отжившія нормы уголовнаго закона, по прежнему, сохраняли власть надъ судами и стѣсняли развившееся народное правосознаніе. Лозунгъ „амнистія" сталъ поэтому широкимъ политическимъ требованіемъ народа, затронувшимъ самые глубокіе слои его и, въ частности, крестьянство. Отношеніе къ амнистіи стало однимъ изъ девизовъ избирательной борьбы. Поли-

---

[1]) См. замѣтку О. И. Родичева „Они прощаютъ!?" Право, 1905 г. стр. 3408. „Союзъ союзовъ" въ своемъ воззваніи послѣ 21 октября, открылъ дальнѣйшую агитацію въ пользу полной амнистіи. Онъ перечислилъ слѣдующія категоріи лицъ, не получившихъ амнистіи: 1) шлиссельбуржцы, 2) присужденные къ каторгѣ за политическія дѣянія за послѣднія 10 лѣтъ, 3) осужденные военными судами, 4) солдаты и матросы, нарушившіе воинскую дисциплину во имя политическихъ цѣлей, 5) важнѣйшіе религіозные сектанты. Къ требованію полной амнистіи по политическимъ и религіознымъ преступленіямъ примкнулъ и съѣздъ земскихъ дѣятелей въ засѣданіи 11 ноября 1905 г., хотя не безъ нѣкоторыхъ колебаній (А. И. Гучковъ предлагалъ лишь пересмотръ всѣхъ политическихъ преступленій, Врублевскій—изъятіе изъ амнистіи преступленій, связанныхъ съ грабежомъ и поджогами, Роберти—изъятіе дѣяній, связанныхъ съ насиліемъ надъ дѣтьми и женщинами; наоборотъ, Абрамовъ предлагалъ дальнѣйшее расширеніе амнистіи на аграрныя преступленія и нарушенія воинской дисциплины возставшими матросами).

тическое настроенiе какъ первой, такъ и второй Думы въ этой области было выражено съ категоричностью, не допускающей сомнѣнiй. И тѣмъ не менѣе амнистiи или общаго прощенiя не было. Столь продолжительное неосуществленiе народныхъ стремленiй существеннымъ образомъ измѣнило отношенiе къ прерогативѣ общаго прощенiя. Политическiя основанiя его потребовали созданiя новаго института, для воздѣйствiя на примѣненiе котораго должна быть предоставлена народу извѣстная возможность, потребовались такiя средства, съ помощью которыхъ народъ могъ бы влiять на согласованiе дѣйствiя законовъ съ опредѣленными государственно-правовыми цѣлями. Такимъ институтомъ и является гражданско-политическая амнистiя, вотируемая парламентомъ. Къ созданiю ея и направлена въ настоящее время общественная работа. Интересы правильнаго отношенiя Верховной власти и народнаго представительства, долженствующаго отражать нынѣ наравнѣ съ прочими политическими стремленiями и стремленiя къ амнистiи, настоятельно требуютъ созданiя такой формы, при которой амнистiя даруется монархомъ въ согласiи съ большинствомъ парламента. Показать возможность образованiя такой формы на почвѣ существующихъ основныхъ законовъ будетъ одной изъ задачъ дальнѣйшаго изложенiя, посвященнаго догматической разработкѣ русскаго права относительно актовъ общаго прощенiя.

Если разсмотрѣнiе вопроса о развитiи общаго прощенiя и амнистiи является сложнымъ, то систематическое разсмотрѣнiе основъ дѣйствующаго права по этому предмету представляетъ еще большiя трудности, отчасти вслѣдствiе крайней невыработанности и несовершенства относящихся сюда нормъ, отчасти вслѣдствiе отсутствiя у насъ амнистiи, какъ самостоятельнаго института. Амнистiя у насъ осуществлялась, собственно говоря, въ видѣ ряда отдѣльныхъ мѣръ, соединяемыхъ вмѣстѣ для достиженiя извѣстной цѣли, для устраненiя репрессiи по отношенiю къ какой-либо категорiи дѣянiй. Эти отдѣльныя мѣры были частью проявленiемъ

прерогативы помилованія, частью осуществленіемъ актовъ законодательной власти, частью, наконецъ, чисто административными распоряженіями, производимыми въ порядкѣ верховнаго управленія. Высказывать общія положенія, касающіяся столь разнородныхъ въ правовомъ отношеніи величинъ, представляется крайне труднымъ. Съ другой стороны, постоянное взаимодѣйствіе между законодательствомъ кодифицированнымъ и измѣняющимся содержаніемъ всем. манифестовъ не позволяетъ выдѣлить иногда уже прочно установленныхъ нормъ, характерныхъ для соотвѣтственнаго института. Между тѣмъ обособленіе органа законодательной и органовъ верховной и исполнительной власти, произведенное основными законами 24 апрѣля 1906 г., вызываетъ необходимость произвести разсѣченіе этого историческаго сращенія, требуетъ правового оформленія тѣхъ правъ, которыя издавна оставались мало опредѣленными вслѣдствіе слабо проведеннаго раздѣленія верховныхъ функцій власти. Въ такой дѣятельности изслѣдователю приходится прибѣгать къ политическому и историческому обоснованію; съ другой стороны, онъ встрѣчается съ нормами, неприспособленными къ вновь установленному правовому строю, подлежащими отмѣнѣ или улучшенію. Все это заставляетъ не ограничиваться чисто догматическимъ разсмотрѣніемъ права, а внести и критическій и политическій методъ, подкрѣпляемый историческими предпосылками.

При изложеніи матеріала мы будемъ слѣдовать принятому нами опредѣленію амнистіи. Согласно ему: „амнистія есть актъ верховной государственной власти (1), издаваемый ради достиженія какихъ либо болѣе высокихъ задачъ государственнаго властвованія (2), предписывающій прекращеніе судебныхъ и административныхъ дѣйствій, направленныхъ къ примѣненію мѣръ репрессіи (3) по отношенію къ извѣстной категоріи воспрещенныхъ дѣяній (4).“ Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы и должны разсмотрѣть: 1) органъ предоставленія амнистіи, 2) основанія или задачи ея, 3) правовое дѣйствіе ея и 4) категоріи преступныхъ дѣяній, на которыя она распространяется. Для удобства мы разсмотримъ существующее право, какимъ оно было до изданія основныхъ законовъ 1906 г., а

затѣмъ въ заключительной главѣ опредѣлимъ полномочія, которыя могутъ быть признаны за Государственной Думой въ этой области.

Глава V.

Власть монарха въ области помилованія и общаго прощенія.

Право помилованія въ широкомъ смыслѣ и, въ частности, право общаго прощенія со времени московской эпохи закрѣпляется за монархомъ. Уже Михаилъ Өеодоровичъ въ грамотѣ 1617 г. говоритъ о „милостивомъ правѣ". Анна Іоанновна, желая подчеркнуть неограниченность своей самодержавной власти, въ инструкціи, данной ею 7 марта 1730 г. (П. С. З., 5601), пишетъ: „Облегченіе и оставленіе штрафовъ токмо отъ Ея И. В. Высочайшей власти зависитъ, ибо къ случаямъ милости принадлежитъ и часть права помилованія въ себѣ содержитъ. Того ради накрѣпко повелѣвается, дабы правосудіе съ милостью не мѣшать". Александръ I въ манифестѣ 2 апрѣля 1801 г. называетъ право помилованія „однимъ изъ преимуществъ, присвоенныхъ ему отъ Вышняго вмѣстѣ съ самодержавною властью"; Николай I называетъ это преимущество „драгоцѣннѣйшимъ" (манифестъ 1826 г.). То-же повторяютъ Александръ II въ манифестъ 1866 г. (безъ указанія однако на божественное происхожденіе этого преимущества), Александръ III (маниф. 1883 г.) и Николай II (маниф. 1894 г.).

Эта принадлежность прерогативы помилованія монарху нашла свое выраженіе и въ законѣ. Такъ. ст. 148 св. зак., т. XV, изд. 1833 г., указывала, что „Помилованіе не можетъ быть даровано судомъ. Оно исходитъ единственно отъ Верховной Самодержавной Власти и Монаршаго милосердія". То-же съ небольшими редакціонными измѣненіями повторяетъ ст. 165 (ст. 170 изд. 1845 г.) улож. о нак.: „Помилованіе и прощеніе виновныхъ ни въ коемъ случаѣ не зависитъ отъ суда. Оно непосредственно исходитъ отъ Верховной Самодержавной Власти и можетъ быть лишь дѣй-

ствіемъ Монаршаго милосердія“ [1]). Буквально то же постановленіе содержится въ ст. 72 угол. улож. 1903 г. Наконецъ, ст. 23 осн. зак. 1906 г. окончательно закрѣпляетъ эту прерогативу за монархомъ: „Государю Императору принадлежитъ помилованіе осужденныхъ, смягченіе наказаній и общее прощеніе совершившихъ преступныя дѣянія съ прекращеніемъ судебнаго противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія, а также сложеніе, въ путяхъ Монаршаго милосердія, казенныхъ взысканій и вообще дарованіе милостей въ случаяхъ особыхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общихъ законовъ, когда симъ не нарушаются ничьи огражденные закономъ интересы и гражданскія права“.

Уголовные законы исключаютъ отъ осуществленія помилованія только органы судебной власти; ст. 23 осн. зак. должна была исключить отсюда и органы власти законодательной. Мы увидимъ ниже, поскольку это удалось провести по отношенію къ амнистіи въ собственномъ смыслѣ, здѣсь же разсмотримъ тѣ права, которыя ею несомнѣнно закрѣплены за монархомъ, безъ содѣйствія иныхъ верховныхъ органовъ, въ области устраненія репрессіи.

Отдѣльныя права, охватываемыя этой верховной прерогативой, мы расчленимъ на слѣдующія рубрики: *право помилованія*, *право аболиціи* и *право общаго прощенія*.

Подъ *правомъ помилованія* разумѣютъ правовую возможность отмѣны или смягченія назначеннаго судомъ наказанія, основанную на усмотрѣніи. Для осуществленія этого права необходима прежде всего наличность вошедшаго въ силу судебнаго обвинительнаго приговора. Далѣе необходима правоспособность на возбужденіе вопроса о помилованіи. По дѣйствующему праву, статьей 775 уст. угол. суд. установленъ порядокъ ходатайства о помилованіи со стороны суда, чрезъ министра юстиціи; только для лицъ, осужденныхъ за государственныя преступленія, по ст. 1060 уст.

---

[1]) Непосредственность помилованія, упоминаемая въ текстѣ этой статьи, при наличности особаго порядка исходатайствованія его подлежитъ сомнѣнію.

угол. суд. допускается подача просьбы о помилованіи и смягченіи участи отъ своего лица. Исключеніе это было внесено на томъ основаніи, что „Верховная самодержавная власть всегда предоставляла себѣ наблюдать, дабы по государственнымъ преступленіямъ не подвергались всей строгости законовъ такія слова и дѣянія, кои по обстоятельствамъ дѣла того не заслуживаютъ (ст. 617 и 626 зак. суд. угол.), и оказывала наиболѣе милосердія по дѣламъ именно этого рода“ [1]). На практикѣ, однако, въ силу указа 1869 г. допускаются прошенія о помилованіи и со стороны осужденныхъ за общія преступленія, но не иначе, какъ чрезъ Коммисію по принятію прошеній на Высочайшее Имя. Послѣдняя по этимъ вопросамъ должна испрашивать заключеніе министра юстиціи.

Помилованіе принадлежитъ Государю. Но слѣдуетъ ли, что оно принадлежитъ исключительно ему? Ст. 167 улож. о наказ. категорически указываетъ, что оно „ни въ коемъ случаѣ не зависитъ отъ суда“. Между тѣмъ развитіе уголовнаго права все болѣе и болѣе приближаетъ эту функцію къ судебной дѣятельности. Напомнимъ французскій loi de pardon, право прощенія, принадлежащее англійскимъ мировымъ судьямъ или американскимъ присяжнымъ засѣдателямъ. И если будущій законодатель, слѣдуя завѣту Александра II, захочетъ, чтобы въ судахъ господствовала не только правда, но и милость, то не будетъ ли онъ здѣсь остановленъ этой прерогативой монарха? Развитіе судебной власти идетъ нынѣ именно въ томъ направленіи, чтобы сосредоточить въ рукахъ судьи широкое право усмотрѣнія. Не можетъ ли ст. 23 осн. зак. послужить препятствіемъ такому развитію? Мы думаемъ, что такого препятствія создать она не можетъ. Въ силу ст. 22 осн. зак. судебная власть отправляется отъ имени Государя Императора, и право судебнаго помилованія, какъ одно изъ проявленій судебной власти, также будетъ твориться отъ его имени. Въ осн. законахъ не содержится запрещенія делегировать право помилованія подчиненнымъ органамъ и, спеціально, органамъ судебнымъ, и потому мы не видимъ основаній для

---

[1]) Объяснительная записка, 1863, стр. 41.

установленія невозможности предоставленія права помилованія на опредѣленныхъ условіяхъ судьямъ. Категорическое запрещеніе ст. 167 улож. о нак. препятствія составить не можетъ, ибо имѣется возможность всегда отмѣнить его въ обычномъ законодательномъ порядкѣ.

Помилованіе можетъ относиться къ отдѣльнымъ лицамъ или къ группамъ преступниковъ. „Сила и пространство дѣйствія сего милосердія, какъ изъятія изъ законовъ общихъ, опредѣляется въ томъ самомъ Высочайшемъ указѣ, коимъ смягчается участь виновныхъ или же даруется имъ совершенное прощеніе“, гласитъ ст. 165 улож. о нак. (ст. 72 улож. 1903 г.).

На ряду съ „помилованіемъ“ въ ст. 23 осн. зак. употребляется терминъ „смягченіе наказаній“. Сопоставленіе этихъ обоихъ полномочій неправильно, ибо послѣднее входитъ въ первое, какъ часть въ цѣлое [1]).

Во всемилостивѣйшихъ манифестахъ на ряду съ „правомъ миловать“ встрѣчается упоминаніе о „правѣ щадить“ (напр.; манифестъ 1 января 1826 г., манифестъ 1883 г., 1894 г.). Право это, повидимому, является синонимомъ права помилованія, но имѣетъ особенный, едва ли соотвѣтствующій достоинству верховной государственной власти оттѣнокъ. Право пощады имѣетъ только побѣдитель по отношенію къ побѣжденному. Едва ли государственная власть можетъ разсматривать принципіально преступниковъ, какъ своихъ враговъ, по отношенію къ которымъ она руководится непріязненными чувствами и которыхъ она щадитъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Такое право дѣлало бы изъ власти одну изъ борющихся сторэнъ въ государствѣ, а не являлось бы орудіемъ общаго управленія государствомъ.

---

[1]) Отъ *смягченія* наказанія слѣдуетъ отличать *замѣну* его. Наказаніе *смягчается*, если въ актѣ милости указывается переходъ къ какому либо болѣе мягкому, слѣдующему по правиламъ смягченія наказанію; наказаніе *замѣняется*, если постановленное въ приговорѣ наказаніе отмѣняется, а на мѣсто его устанавливается иное новое наказаніе, не стоящее ниже въ порядкѣ смягченія за даннымъ (напр., тюрьма замѣняется полицейскимъ надзоромъ, ссылка—высылкой за границу). Наше право не упоминаетъ особо о замѣнѣ наказанія, хотя на практикѣ она примѣняется всем. манифестами.

Другимъ правомъ, относящимся къ общей прерогативѣ помилованія, является *право аболиціи*—право недопущенія или прекращенія государственной властью слѣдственныхъ или судебныхъ дѣйствій по поводу какого либо дѣянія, еще не закончившихся окончательнымъ приговоромъ. Вопросъ о принадлежности этого права русскому монарху до послѣдняго времени былъ споренъ. Литература указывала на крайнюю вредность этого права, но должна была признавать допустимость его въ виду отсутствія яснаго запрета его [1]). Практика широко примѣняла его, и въ этой области, особенно за послѣдніе годы, наблюдались многочисленныя злоупотребленія. Наиболѣе авторитетный взглядъ законодателя до послѣдняго времени былъ неясенъ, хотя значительно больше шансовъ говорило въ пользу положительнаго рѣшенія. Исторически вопросъ обстоялъ такъ. Въ ст. 151 свод. зак. угол. 1833 г. шла рѣчь лишь о прощеніи по всемилостивѣйшему манифесту

---

[1]) Такъ, Калмыковъ (Учебникъ угол. права 1866 г., стр. 397) говоритъ о крайней вредности такого права для общества и для самого лица, подвергающагося аболиціи, у котораго отнимаются средства оправданія. И. Я. Фойницкій (Ученіе о наказаніи 1889 г., стр. 126) пишетъ: „частную аболицію нельзя признать умѣстною и по отношенію къ частнымъ лицамъ, такъ какъ она выходитъ изъ предположенія виновности, которая еще не установлена судебнымъ приговоромъ". Кистяковскій и Лохвицкій совершенно не упоминаютъ о правѣ аболиціи. Н. С. Таганцевъ (Лекціи стр. 1453), резюмируя отдѣльныя возраженія противъ права аболиціи, говоритъ: „Практическія неудобства этого проявленія помилованія особенно значительны. Съ одной стороны, такое прекращеніе дѣла невыгодно для значительнаго большинства лицъ, къ коимъ оно примѣняется: освобождая отъ наказанія, эта мѣра не можетъ стереть съ нихъ упавшаго на нихъ подозрѣнія, помилованіе мѣшаетъ имъ доказать обществу, что вина ихъ была такова, что они дѣйствительно заслуживали снисхожденія. Прикрывая, по большей части, лицъ дѣйствительно виновныхъ и подлежащихъ заслуженной карѣ, возможность прекращенія производства даетъ обширное поле личнымъ проискамъ. вліяніямъ, создавая величайшее общественное зло—лицепріятіе правосудія. расшатывая довѣріе къ нему и закону, чему примѣры мы и видимъ, въ особенности въ дореволюціонной французской практикѣ". Изъ сторонниковъ сохраненія этого права у насъ мы можемъ назвать только Будзинскаго (стр. 303). По нашему мнѣнію, рѣшающимъ соображеніемъ является невозможность въ конституціонномъ государствѣ противопоставлять суду общественно-государственному, какъ высшему общественному интересу, прерогативу помилованія, также предоставленную въ предположеніи примѣненія ея на общее благо.

и о помилованіи, подъ которымъ можно было разумѣть лишь помилованіе осужденныхъ. Въ ст. 156 проекта улож. о нак. 1844 г. внесено было уже упоминаніе о прощеніи особенномъ, на ряду съ прощеніемъ общимъ, но въ окончательномъ текстѣ уложенія въ ст. 170 право это не выражено вполнѣ ясно и съ большою натяжкой могло бы быть обосновано указаніемъ, что сила и пространство дѣйствія прощенія опредѣляются самимъ Высочайшимъ указомъ. Иного толкованія, однако, придерживается авторитетное мнѣніе составителей угол. улож. 1903 г. Въ объяснительной запискѣ къ этому уложенію мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: „Прежде всего въ области уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ судебному разбирательству, помилованіе можетъ относиться только къ дѣламъ, по коимъ *состоялся* судебный приговоръ, исключеніе изъ этого будутъ составлять, какъ и по *дѣйствующему* праву, такъ называемые всемилостивѣйшіе манифесты, сила коихъ можетъ распространяться и на дѣянія, по коимъ производится еще слѣдствіе и судъ". Здѣсь ясно указывается, что по дѣйствующему праву (имѣется въ виду улож. о нак.) индивидуальная аболиція недопустима. Но такое объясненіе встрѣчаетъ себѣ противорѣчіе въ ст. 16 уст. угол. суд., въ которой постановлено: „судебное преслѣдованіе, въ отношеніи уголовной отвѣтственности обвиняемаго, не можетъ быть возбуждено, а начатое подлежитъ прекращенію.... 4) за Высочайшимъ указомъ или общимъ милостивымъ манифестомъ, дарующимъ прощеніе". Общему манифесту здѣсь противопоставляется указъ, могущій относиться и къ отдѣльнымъ лицамъ. Этотъ послѣдній взглядъ на практикѣ и постоянно проводился. Нынѣ, съ появленіемъ ст. 23 осн. зак., допускаемое ст. 16 уст. угол. суд. право особеннаго прощенія должно быть признано окончательно отмѣненнымъ, какъ противорѣчащее конституціи. Основные законы съ ясностью, не подлежащею сомнѣнію, признаютъ за монархомъ лишь право помилованія и смягченія участи *осужденныхъ* и право *общаго* прощенія: въ рамкахъ этихъ правъ для индивидуальной аболиціи нѣтъ мѣста. Невозможна поэтому и аболиція по отношенію къ министрамъ, спеціально не оговоренная въ

основныхъ законахъ [1]). Такимъ образомъ права индивидуальной аболиціи за монархомъ дѣйствующее право не признаетъ.

Переходимъ, наконецъ, къ праву *общаго прощенія*. Какой юридическій институтъ слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ терминомъ? Постараемся сначала исторически отвѣтить на этотъ вопросъ. Проф. Фойницкій вполнѣ правильно замѣчаетъ, что подъ прощеніемъ слѣдуетъ разумѣть погашеніе преслѣдованія со стороны частнаго лица [2]). Прощеніе характерно для частно-уголовнаго преслѣдованія и держится на идеѣ *вины* передъ обвинителемъ, дарующимъ прощеніе. Англійское general pardon, общее прощеніе—непосредственный продуктъ сохраняющагося въ Англіи взгляда на короля, какъ на сторону, преслѣдующую обвиняемаго въ судѣ, аналогично съ частнымъ лицомъ, за нанесенное ему оскорбленіе. Право прощенія принадлежитъ оскорбленному. Царская власть въ московскую эпоху не присваиваетъ себѣ права прощенія, она лишь „жалуетъ". Прощеніе возникаетъ только тогда, когда преступники начинаютъ разсматриваться какъ „ослушники воли царской и презрители указовъ", т. е. оскорбители царскаго авторитета. Такъ, впервые этотъ терминъ мы встрѣчаемъ въ помилованіи, данномъ Петромъ и Іоанномъ стрѣльцамъ въ 1682 г., по поводу волненій при рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи: „государи пожаловали, простили". Главный петровскій манифестъ 1721 г. озаглавленъ „о генеральномъ *прощеніи* винъ", какъ и дальнѣйшій указъ 1722 г. „о генеральномъ прощеніи бѣглыхъ". Какъ *отпущеніе винъ по отношенію къ лично оскорбительнымъ для верховной власти дѣяніямъ*, понимала прощеніе и Екате-

---

[1]) Впрочемъ, при наличности ст. 93 т. I ч. 2, изд. 1906 г., по которой каждое дѣло объ обвиненіи министра (и другихъ должн. лицъ, подлежащихъ Верховному уголовному суду) въ преступленіи по должности, представляется послѣ преданія суду ихъ на Высочайшее утвержденіе, выводъ этотъ остается мертвой буквой. На основаніи ст. 93 выходитъ, что по вопросу о прекращеніи ихъ дѣлъ вмѣшательствомъ верховной власти министры поставлены въ положеніе, значительно болѣе благопріятное, чѣмъ даже при наличности у монарха неограниченнаго права аболиціи.

[2]) Ученіе о наказаніи 1889 г., стр. 125.

рина II. Она вообще говоритъ о помилованіи и лишь по отношенію къ оскорбленію Величества говоритъ о прощеніи. Впрочемъ, такое словоупотребленіе не соблюдалось строго, и въ отдѣльныхъ актахъ порою прощеніе является равносильнымъ полному помилованію безотносительно отъ характера прощаемыхъ преступленій [1]). Съ Александра I терминъ „общее прощеніе" связывается съ идеей забвенія прошлаго и соотвѣтствуетъ въ общемъ *амнистіи*. И до того встрѣчались манифесты, гласившіе „о крайнемъ забытіи, о вѣчномъ забытіи и глубокомъ молчаніи" (1741, 1775 г.г.). Съ Александра же къ этой идеѣ забытія присоединяется идея прощенія. Такъ, въ манифестѣ 1812 г. „объявляется общее и частное прощеніе, предая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію"; въ манифестѣ 1814 г. говорится: „прощаемъ и предаемъ забвенію"; въ манифестѣ 1863 г.; „даруемъ полное и совершенное прощеніе и готовы покрыть забвеніемъ смуты". Такое присоединеніе идеи забвенія къ идеѣ прощенія характерно для актовъ общаго прощенія, носившихъ характеръ амнистіи. Но примѣненіе этого слова въ смыслѣ амнистіи не удерживается, и содержаніе его ограничивается. Въ сводѣ законовъ т. XV 1833 г. общее прощеніе по манифесту разсматривается только какъ *общая аболиція*. Это съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ содержанія ст. 150—153. Приведемъ хотя бы ст. 151: „Прощеніе, всемилостивѣйшимъ манифестомъ дарованное, относится къ тѣмъ *токмо подсудимымъ*, коимъ до изданія манифеста послѣдовавшій о нихъ окончательный приговоръ не былъ еще объявленъ; но оно не простирается на дѣла, уже оконченныя, и на приговоры, уже объявленные, хотя бы приговоры сіи до изданія манифеста и не были приведены въ окончательное исполненіе". Улож. о нак. 1845 г. говоритъ о прощеніи на ряду съ помилованіемъ, и изъ смысла ст. 169—171 возможно заключить, что подъ нимъ разумѣется *аболиція*. Нѣсколько противорѣчитъ этому только ст. 172, гдѣ говорится о невозможности прощенія *присужденнаго* къ цер-

[1]) См. указъ 1725 г., манифесты 1736 г., 1740, 1744, 1796, 1866, 1883 г.г.

ковному покаянію и предусматривается возможность отмѣны въ указѣ о прощеніи послѣдствій наказанія. Угол. улож. 1903 г. не даетъ разрѣшенія сомнѣніямъ. Проф. Таганцевъ въ своихъ комментаріяхъ къ ст. 72 п. 4 [1]) подъ прощеніемъ разумѣетъ, повидимому, полную отмѣну наказаній, какъ главныхъ, такъ и дополнительныхъ или по отношенію къ отдѣльному дѣянію, по коему состоялся приговоръ, или въ видѣ всемилостивѣйшаго манифеста, по отношенію къ ряду преступныхъ дѣяній, примѣнительно какъ къ лицамъ, уже отбывшимъ наказаніе или отбывающимъ таковое, такъ и къ тѣмъ, которыхъ дѣяніе еще не было предметомъ судебнаго разбирательства. Признакомъ дѣленія является какъ бы объемъ погашаемыхъ послѣдствій, но на самомъ дѣлѣ этотъ признакъ, въ виду неограниченности помилованія, остается очень неопредѣленнымъ. Больше опредѣленности вноситъ ст. 23 осн. зак., которая на ряду съ помилованіемъ говоритъ объ „общемъ прощеніи совершившихъ преступныя дѣянія съ прекращеніемъ судебнаго противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія". Здѣсь такимъ образомъ объемъ права общаго прощенія точно опредѣляется по содержанію: оно охватываетъ общую аболицію и отмѣну наказанія. Это опредѣленіе должно толковаться ограничительно, какъ устанавливающее изъятіе изъ общихъ полномочій Государственной Думы по диспенсаціи и суспенсаціи законовъ.

При такомъ пониманіи право общаго прощенія, по своему юридическому дѣйствію, приближается къ амнистіи; оно кромѣ общей аболиціи включаетъ въ себя и коллективное помилованіе. Но мы говоримъ, что право общаго прощенія только приближается къ праву амнистіи, а не совпадаетъ съ нимъ. Отмѣтимъ предварительно нѣкоторые моменты различія, не позволяющіе признать эти права тождественными. Право прощенія держится на идеѣ вины предъ верховной властью и проявляется какъ милость, между тѣмъ какъ амнистія проявляется какъ мѣра политики, основанная на идеѣ относительнаго характера репрессіи и преслѣдующая спеціально цѣль успокое-

---

[1]) Н. С. Таганцевъ. Уголовное уложеніе 1903 г., стр. 145.

нія. Амнистія, какъ юридическій институтъ, необходимо должна относиться не къ группамъ лицъ, а къ группамъ преступныхъ дѣяній; въ правѣ общаго прощенія эта необходимость не выражена. Амнистія изглаживаетъ всѣ послѣдствія дѣянія, имѣющія характеръ репрессіи, общее прощеніе по смыслу ст. 23 осн. зак. затрагиваетъ только акты уголовнаго преслѣдованія и наказанія, не распространяясь ни на право предъявленія гражданскихъ исковъ, ни на послѣдствія наказанія, ни на послѣдствія осужденія, ни, наконецъ, на отдѣльныя праволишенія, связанныя съ привлеченіемъ къ суду [1]).

Такимъ образомъ общее прощеніе не имѣетъ силы, необходимой для амнистіи. Оно должно разсматриваться лишь, какъ особая прерогатива, аналогичная этому праву, но не совпадающая съ нимъ.

Сохраненіе права общаго прощенія въ рукахъ монарха, установленное основными законами, вызывалось историческими традиціями, требующими продолженія практики всемилостивѣйшихъ манифестовъ по поводу событій династическаго характера [2]).

---

[1]) Въ силу ст. 23 осн. зак. Государю Императору предоставлено дарованіе милостей въ случаяхъ особыхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общихъ законовъ, когда ими не нарушаются ничьи огражденные закономъ интересы или гражданскія права. Это право не имѣетъ характера диспенсаціи, такъ какъ послѣдняя, наоборотъ, состоитъ въ изъятіи изъ подъ дѣйствія общихъ законовъ случаевъ, подъ него подходящихъ. Такая прерогатива, слѣдовательно, можетъ имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ милость монарха не сталкивается съ частными интересами или съ нормами закона. Сюда относятся, напр. прекращеніе наложенныхъ административныхъ взысканій, возвращеніе чиновъ и орденовъ, возстановленіе правъ состоянія, предусмотрѣнное и ст. 19 осн. зак., предоставленіе денежнаго вознагражденія жертвамъ судебныхъ ошибокъ и пр. Наоборотъ, она недопустима напр. при возстановленіи правъ судебной службы для лицъ, не оправданныхъ судебными приговорами, возвращенія утраченныхъ правъ на имущество, на родительскую власть, сокращеніи давностныхъ сроковъ, иногда производившемся манифестами, и пр.

[2]) Въ русской литературѣ мы встрѣчаемъ взгляды, находящіе извѣстныя общія основанія принадлежности права общаго прощенія монарху. Правда, всѣ они относятся къ доконституціонному періоду. Проф. С. Баршевъ въ своей рѣчи „О правѣ помилованія" 1856, (стр. 5) пишетъ: „Право помилованія есть такое преимущество верховной власти, безъ котораго она не можетъ быть представлена ни въ какомъ видѣ, и ничто такъ не возвышаетъ вѣнценосцевъ и не привлекаетъ къ нимъ сердца подданныхъ, какъ милосердіе къ несчастнымъ, впавшимъ въ преступленіе, особенно если они удостаиваютъ ихъ своими милостями въ такіе дни,

Что же касается амнистіи, то объ органѣ предоставленія ея въ основныхъ законахъ не упомянуто въ виду неизвѣстности ея до сихъ поръ у насъ въ качествѣ самостоятельнаго института. Но тѣ элементы, которые необходимы для образованія ея по гражданско-политическому типу, сосредоточены въ рукахъ законодательныхъ органовъ, обладающихъ

когда имъ, казалось бы, ничто не могло и не должно было напоминать о преступникахъ". Отсюда, общее помилованіе есть „наилучшее украшеніе государей". Эта прерогатива не противорѣчитъ обязанности творить судъ и правду, ибо она основана на: 1) справедливости. 2) высшихъ политическихъ побужденіяхъ и 3) человѣколюбіи, покоющемся на нравственности. Проф. Баршевъ обсуждаетъ прерогативу съ точки зрѣнія заинтересованности въ ней верховной власти и признаетъ общее помилованіе важнымъ атрибутомъ сильной власти, хотя и лишеннымъ особеннаго политическаго значенія, а служащимъ какъ бы украшеніемъ государей. Но несомнѣнно, что при рѣшеніи государственно-политическихъ вопросовъ въ разсчетъ долженъ быть принимаемъ не только интересъ верховной власти, но и интересъ гражданъ. Этотъ послѣдній Баршевъ видитъ только въ поддержаніи силы судебныхъ рѣшеній и правды, между тѣмъ какъ при партійномъ строѣ общества онъ выражется и въ стремленіи къ примиренію и установленію взаимодѣйствія партій. И. Аксаковъ, повторяя излюбленныя славянофильскія идеи, пишетъ („Русь". 1884. № 4): „Само собою разумѣется, что царь, источникъ и послѣднее прибѣжище земного правосудія, стоитъ по русскимъ понятіямъ выше всякой буквенной правды, и ему всегда принадлежитъ право устранять ее ради высшей нравственной истины, но это будетъ тогда его личный судъ, сверхзаконный; но интересъ царя тѣмъ не менѣе въ томъ, чтобы учрежденные имъ суды и изданные во всеобщее руководство законы стояли крѣпко и прочно". Идея И. Аксакова о монархѣ, какъ о высшемъ источникѣ правосудія и носителѣ нравственной правды, также не обосновываетъ права общаго прощенія, такъ какъ примѣненіе его является актомъ государственной политики, руководящейся весьма разнообразными соображеніями и соотвѣтствующей реальной власти; высшее же правосудіе несомнѣнно должно стоять особо отъ политики, какъ и всякій безпристрастный судъ. К. Хартуляри въ качествѣ предпосылки принимаетъ необходимость сильнаго единоличнаго главы государства, пользующагося абсолютными правами и потому находящаго сдержку лишь въ своей совѣсти. Его обоснованіе поэтому мало годится для монархіи ограниченной, конституціонной, гдѣ нѣтъ необходимости сосредоточенія въ лицѣ монарха полноты власти. К. Хартуляри, въ своей смутной выводами книгѣ, приходитъ къ заключенію, что „не только теорія, но и сама жизнь, а вмѣстѣ съ нею и исторія парламентской дѣятельности, доказываютъ необходимость признанія королевской прерогативы помилованія и амнистіи неподлежащею никакому иному ограниченію, кромѣ личной совѣсти монарха, а слѣдовательно, независимо отъ того, будетъ ли вызванъ подобный актъ милосердія добротою монарха, недостатками дѣйствующаго законодательства, какими либо судебными ошибками, или же политическими интересами государства" (Право суда и помилованія. 1899, ч. I.

правомъ пріостановленія дѣйствія и отмѣны законовъ. Съ раздѣленіемъ того срощенія, которое образовалось при предоставленіи въ прежнее время актовъ, аналогичныхъ амнистіи между властью законодательства и прерогативой помилованія [1]), къ первой отошла та часть полномочій, которая со-

---

стр. 118). Въ этихъ словахъ Хартуляри повторяетъ мнѣніе Людера (Souveränitätsrecht der Begnadigung. 1860, § 11), выраженное такъ: „Если народъ желаетъ имѣть истиннаго представителя верховной власти, то подобный представитель долженъ быть прежде всего сувереномъ, обладающимъ абсолютнымъ правомъ миловать по своему личному усмотрѣнію, не стѣсняясь ни политическими причинами, о которыхъ говоритъ Клейншродъ, ни сознаніемъ справедливости или требованіями государственныхъ интересовъ, которыя отмѣчаютъ Фейербахъ, Кестлинъ и Гельшнеръ. Всѣ эти мотивы несомнѣнно могутъ вліять на дѣйствія главы государства при осуществленіи имъ своей прерогативы, но подчиняться имъ онъ не обязанъ". Разностороннія доказательства К. Хартуляри сводятся, по существу, къ ряду неопредѣленныхъ фразъ. Наоборотъ, онъ бьетъ себя своими же аргументами, приводя, напр., могущественное дѣйствіе парламентской амнистіи, предоставленной послѣ избранія въ президенты Феликса Фора. Авторъ не использовалъ даже аргументовъ Беранже по этому вопросу, а ограничивается краткимъ указаніемъ Бернера. Неизвѣстно, откуда онъ заимствуетъ указаніе, что „Англія была обязана своимъ внутреннимъ умиротвореніемъ а также исцѣленіемъ отъ тѣхъ ранъ, какія ей были нанесены партійной борьбой парламента, только королевскимъ амнистіямъ". Свой взглядъ о безусловной прерогативѣ монарха авторъ, впрочемъ, не выдерживаетъ строго, и въ концѣ своей книги (ч. 2, стр. 316) предлагаетъ слить канцелярію Е. И. В. съ особымъ присутствіемъ при Государственномъ Совѣтѣ и возложить на новое учрежденіе функціи содѣйствія праву помилованія монарха. Въ этой мѣрѣ г. Глинка-Янчевскій, спеціалистъ по вопросамъ „о крѣпостяхъ и лагеряхъ", усмотрѣлъ „открытую измѣну основному государственному принципу", вызванную принципомъ „крайне сомнительнаго свойства—стремленіемъ поддержать авторитетъ судебныхъ рѣшеній". Съ необычайной пылкостью, онъ обрушился противъ „юридическихъ новшествъ" Хартуляри сначала въ книгѣ „Пагубныя заблужденія" 1899 г., гдѣ пытался уличить послѣдняго „въ конституціонализмѣ". Эта ничтожная книга вызвала рядъ полемическихъ статей въ газетахъ и журналахъ, едва осмѣливавшихся тогда говорить громко о правѣ помилованія. Статьи эти были тщательно собраны и подвергнуты „жесточайшей критикѣ" г. Глинка-Янчевскимъ въ новой брошюрѣ подъ именемъ „Во имя идеи. 1900. Цѣна 1 р. 50 коп.".

[1]) До учрежденія Думы въ русской литературѣ и законодательствѣ прочно держался взглядъ на всѣ виды помилованія вообще, какъ на спеціальный *законъ* (или суспенсацію закона), а не функцію административной дѣятельности. Такъ, еще въ проектѣ улож. о нак. 1844 г. мы встрѣчаемъ слѣдующую мотивировку положенія, что помилованіе есть изъятіе изъ законовъ общихъ (ст. 170 улож. 1845 г.), само отчасти носящее законодательный характеръ. „Иногда обстоя-

ставляет остов этого института. На более подробном доказательстве этого мы еще остановимся.

При осуществлении монархом своей прерогативы общаго прощения в всемилостивейших манифестах, ему содействуют различные подчиненные органы. Такое содействие может проявляться: 1) в выработке этих актов и проверке их перед изданием и 2) в принятии на себя посредством делегации применения манифеста, в случае, если он допускает усмотрение.

Содействие перваго рода со стороны подчиненных органов у нас существует на практике, хотя и не нашло себе определеннаго выражения в законе. Оно происходит каждый раз по специальному поручению Императора. Впрочем, за последнее время здесь начинают устанавливаться постоянные органы, а именно совет министров. В составлении старых манифестов до эпохи Александра II участвовали лишь по доверию государей отдельныя лица, степень

тельства, сопровождающія правосудіе, по чрезвычайности своей заслуживают особеннаго вниманія и, согласно со строгою справедливостью, должны имѣть сильное вліяніе на уменьшеніе или перемѣну опредѣленнаго законами наказанія. Сіе уменьшеніе или перемѣна наказанія есть в нѣкотором случаѣ измѣненіе, хотя частное, *самого постановленія*, и, как источник всякаго *закона* есть власть верховная, то и измѣненія сего рода должны исходить единственно от сей же власти" Проф. И. Я. Фойницкій (Ученіе о нак. стр. 125) пишет: „При помилованіи воля, высказанная раньше, отмѣняется позднѣйшим ея выраженіем. Новая воля может быть разсматриваема, как *новый закон* для частнаго случая, мягчайшій для совершившаго преступленіе". Того же взгляда придерживаются Л. С. Бѣлогриц-Котляревскій (Учебник, стр. 342), Квачевскій (Об уголовном преслѣдованіи ч. I, стр. 344), Кистяковскій (Учебник, стр. 685). Нѣсколько отлично опредѣляет юридическое положеніе помилованія Н. С. Таганцев (Лекціи. 1450, 1458). „Различаясь в подробностях, в формѣ и условіях проявленія,—помилованіе всегда являлось актом державной воли главы государства или цѣлаго народа, опредѣляющим непримѣненіе карательнаго закона к отдѣльному преступному дѣянію". „Помилованіе не обращается в закон, но составляет изъятіе из закона". Угол. улож. 1903 г. в ст. 71 также называет помилованіе „изъятіем из законов общих". Ст. 23 осн. законов относит право общаго помилованія и прощенія к прерогативам самодержавной власти, как изъятіе из законодательной компетенціи Г. Думы и Г. Совета.

участія которыхъ можетъ выяснить лишь исторія. Лишь съ коронаціоннаго манифеста Александра II 21 апрѣля 1856 г. для составленія манифестовъ привлекаются опредѣленные органы. Составленіе манифеста 1856 г. было поручено управляющему II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи при непремѣнномъ участіи министровъ и главноуправляющихъ. Повѣрка манифеста до его обнародованія была возложена на Комитетъ министровъ. Въ 1866 г. составленіе манифеста (28 октября) было возложено уже непосредственно на Комитетъ министровъ, со вмѣненіемъ въ обязанность каждому изъ членовъ Комитета представлять сюда всѣ предположенія о милостяхъ по своему вѣдомству. Указы 1905 г., даровывавшіе амнистію, составлялись въ общемъ порядкѣ осуществленія административной дѣятельности. Этотъ порядокъ былъ таковъ: чиновникъ министерства юстиціи составляетъ проектъ, который послѣ совѣщанія директоровъ департамента съ министромъ юстиціи провѣряется Комитетомъ министровъ и представляется Государю. Если въ указѣ затрагиваются вопросы финансоваго и внутренняго управленія, то, до представленія монарху, проектъ разсматривается въ совѣщаніи министровъ юстиціи, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Въ указѣ 25 іюня 1905 г. отмѣчается, что соотвѣтственныя предположенія были представлены министромъ юстиціи и разсмотрѣны Комитетомъ министровъ. Съ учрежденіемъ Совѣта министровъ по указу 19 октября 1905 г. эта функція провѣрки перешла къ послѣднему, и указъ 21 октября, хотя въ текстѣ его о томъ не говорится, былъ составленъ при участіи Совѣта министровъ.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что по установившейся практикѣ министры участвуютъ въ составленіи манифестовъ и актовъ общаго прощенія и въ провѣркѣ ихъ [1]), и потому, въ случаѣ установленія отвѣтственности ихъ передъ Государственной Думой, они должны отвѣчать за тѣ или иныя

---

[1]) Въ соотвѣтствіи со ст. 24 осн. зак. эти акты должны быть скрѣплены подписями министровъ.

постановленія манифеста или указа, несогласныя съ основными и общими законами [1]).

Другого рода содѣйствіе подчиненныхъ органовъ проявляется въ области примѣненія актовъ общаго прощенія и, въ частности, въ области толкованія объема и дѣйствія ихъ.

Петръ I въ манифестѣ 1721 г. поручаетъ наблюденіе надъ исполненіемъ его Сенату, которому даже предоставляется широкая область усмотрѣнія въ дѣлахъ, еще незавершенныхъ. Этому порядку слѣдуетъ и Екатерина I. Указъ 1728 г. предоставляетъ право дополнительнаго усмотрѣнія и толкованія Верховному Тайному Совѣту. При Аннѣ Іоанновнѣ это мѣсто занимаетъ Кабинетъ Министровъ, и только со времени Елизаветы Петровны, съ 1741 г., право восполненія Высочайшаго усмотрѣнія и право толкованія переносится опять въ Сенатъ. Съ манифеста 1844 г. за Сенатомъ сохраняется лишь право толкованія; на смѣну же дополнительнаго усмотрѣнія создаются опредѣленныя правила закона.

Точныя границы этому *праву толкованія* ставитъ Екатерина II указомъ 25 октября 1762 г. (П. С. З. № 11667), въ которомъ сохраняетъ за собою контроль за Сенатомъ: „ежели отъ посылаемыхъ отъ Ея Императорскаго Величества указовъ покажутся какія неясности, то для изъясненія Сенату по онымъ докладывать Ея Императорскому Величеству“ [2]).

---

[1]) Что касается индивидуальнаго помилованія, то въ случаѣ ходатайства самого суда просьбы о немъ направляются чрезъ прокуратуру въ министерство юстиціи, а оттуда на Высочайшее имя. Въ случаѣ инициативы самого осужденнаго, просьбы подаются въ Коммисію прошеній, приносимыхъ на Высочайшее имя. Послѣдняя въ силу именного указа 25 ноября 1869 г. (П. С. З. № 46779) обязана передавать ихъ, не рѣшая, въ министерство юстиціи. По точному смыслу ст. 23 осн. зак. 1906 г. подобныя прошенія допускаются только по поводу уже вступившихъ въ законную силу судебныхъ приговоровъ, въ противоположность прежнему порядку, при которомъ подача ихъ была возможна при всякомъ положеніи процесса. И при индивидуальномъ помилованіи, такимъ образомъ, министерство привлечено къ участію въ предварительномъ разсмотрѣніи вопроса, и потому въ силу ст. 33 ч. 2 т. I здѣсь можетъ имѣться почва для предъявленія министрамъ запросовъ со стороны Думы и, слѣдовательно, для отвѣтственности ихъ.

[2]) Екатерина II заботливо оберегала свою волю отъ измѣненія. Требованіе

Александръ I передаетъ право толкованія манифестовъ вновь учрежденному Государственному Совѣту. Разъясненія даются въ видѣ Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта, причемъ предварительно выслушивается разъясненіе Сената по этому предмету. Александръ II, начиная съ манифеста 1855 г., возстанавливаетъ право Сената. Съ введеніемъ судебныхъ уставовъ и съ преобразованіемъ Сената, право толкованія раздѣляется между уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ Сената и 1-мъ департаментомъ. Къ первому въ порядкѣ инстанцій восходятъ дѣла по примѣненію манифеста судебными мѣстами. Второй, согласно указанію манифестовъ, начиная съ 1883 г., является органомъ, разъясняющимъ предѣлы дѣйствія манифестовъ въ отношеніи погашенія казенныхъ взысканій и иныхъ льготъ, а также для вопросовъ, касающихся отмѣны наказаній, уже отбываемыхъ осужденными. Въ первый департаментъ представляютъ о сомнѣніяхъ правительственныя мѣста, въ уголовный кассаціонный же дѣла поступаютъ въ судебномъ порядкѣ [1]. Въ томъ случаѣ, когда Сенатъ собственною властью не будетъ въ состояніи рѣшить сомнѣнія, онъ долженъ представлять свое сомнѣніе на Высочайшее усмотрѣніе. Этотъ порядокъ толкованія скорѣе характеренъ для актовъ административнаго характера; въ случаѣ амнистіи онъ долженъ

представлять на ея усмотрѣніе всѣ сомнѣнія повторяется въ актахъ 27 апрѣля 1780 г. (№ 15006), 28 іюня 1787 г. (№ 16551) и 2 сентября 1793 г. (№ 17151).

[1]) Въ зависимости отъ взгляда на акты общаго прощенія, какъ на изъятіе изъ законовъ, устанавливается ограничительный принципъ толкованія ихъ. Онъ имѣетъ свои историческіе корни въ указахъ Екатерины, предписывавшей Сенату „чтобы онъ не почиталъ подходящими подъ статьи манифеста таковые случаи, до коихъ отнюдь оные не касаются“ (указъ 2 сентября 1793 г. П. С. З. № 17151). Николай I указомъ 27 іюня 1826 г. (2 П. С. З. № 431) предписываетъ: „означенный манифестъ (27 марта 1826 г.) долженъ быть исполняемъ по точному и буквальному смыслу онаго безъ всякаго измѣненія или распространенія“. Этотъ принципъ, хотя и не вносится въ законодательство, но на практикѣ соблюдается. Но развитіе государственной жизни, поставившее усмотрѣніе монарха въ болѣе опредѣленныя рамки, замѣняетъ старый принципъ римскаго правв: beneficium principis strictissime applicare debemus новымъ лозунгомъ: „favores ampliandi, odia restringenda“. Это правило особенно примѣнимо къ амнистіи, гдѣ сущность ослабленія репрессіи лежитъ въ моментѣ провозглашенія амнистіи а не примѣненія ея къ конкретнымъ случаямъ.

быть замѣненъ чисто-судебнымъ, подобнымъ принятому во Франціи (см. стр. 55—56 настоящей работы) или Италіи (стр. 112—113), гдѣ всѣ присутственныя мѣста представляютъ о своихъ сомнѣніяхъ по поводу примѣненія амнистіи въ судъ [1]).

---

[1]) Порядокъ примѣненія амнистіи, предлагавшійся въ отдѣльныхъ проектахъ амнистіи, нѣсколько отступаетъ отъ чисто судебнаго, въ видахъ предоставленія Государственной Думѣ рѣшительнаго вліянія на толкованіе и контроль за выполненіемъ амнистіи.

Проектъ В. Д. Набокова возлагаетъ примѣненіе амнистіи общимъ образомъ на органы, уполномоченные къ этому и въ настоящее время (п. 4), и лишь создаетъ особый порядокъ для дѣяній общихъ, учиненныхъ по политическимъ побужденіямъ. Для этой цѣли учреждается при Государственной Думѣ, подъ предсѣдательствомъ особо избраннаго Думой лица, Высшая Коммисія объ амнистіи изъ 12 членовъ Думы по ея избранію, съ правомъ приглашенія въ коммисію свѣдущихъ лицъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Въ означенную коммисію могутъ быть подаваемы лицами, осужденными за общія преступленія, заявленія о томъ, что означенныя преступленія совершены ими по политическимъ побужденіямъ. На подачу такихъ заявленій уполномочиваются также родственники и повѣренные осужденныхъ. По всѣмъ поступившимъ заявленіямъ а также по инымъ находящимся въ ея распоряженіи даннымъ, Высшая Коммисія объ амнистіи имѣетъ затребовать свѣдѣнія изъ судебныхъ мѣстъ съ тѣмъ, чтобы были представлены подлинныя судебныя производства. При недостаточности этихъ свѣдѣній, коммисія имѣетъ право вызывать свидѣтелей и производить всѣ дѣйствія, означенныя въ §§ 26 и 27 Наказа Государственной Думѣ. Если поступившими свѣдѣніями съ несомнѣнностью подтверждается основательность сдѣланнаго заявленія, коммисія постановляетъ о примѣненіи къ осужденному амнистіи. Въ противномъ случаѣ, и если заявленіе не будетъ оставлено коммисіей безъ послѣдствій, какъ явно неосновательное, дѣло обращается въ тотъ судъ, которому подсудно, для новаго разсмотрѣнія (п. 6 и 7). Въ случаяхъ если при разсмотрѣніи дѣлъ о преступленіяхъ, учиненныхъ до дня обнародованія амнистіи, обнаружится, что они совершены по политическимъ побужденіямъ, для суда обязательна по требованію обвиняемыхъ постановка вопроса о наличности политическихъ побужденій, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта примѣняется амнистія (п. 8). Въ высшую коммисію объ амнистіи имѣютъ входить правительственныя мѣста съ представленіемъ о могущихъ возникнуть относительно примѣненія закона сомнѣніяхъ. Все производство высшей коммисіи представляется для свѣдѣнія Государственной Думѣ (п. 10 и 11).

Проектъ О. О. Грузенберга также сохраняетъ общій порядокъ примѣненія амнистіи по отношенію къ дѣяніямъ, точно перечисленнымъ въ самомъ актѣ, съ тѣмъ лишь изъятіемъ, чтобы дѣла о лицахъ, не принадлежащихъ къ воинскому званію, были передаваемы, по принадлежности, на разсмотрѣніе общихъ судебныхъ мѣстъ. Относительно общихъ дѣяній, учиненныхъ по политическимъ побужденіямъ, если относительно ихъ не состоялось окончательнаго судебнаго при-

Дополнительное усмотрѣніе подчиненныхъ органовъ въ примѣненіи общаго прощенія по всемилостивѣйшимъ манифестамъ получило снова широкое развитіе, со времени манифеста 1883 г. Для примѣра возьмемъ послѣдній манифестъ 1904 г. Примѣненіе льготъ къ уголовнымъ преступникамъ предоставляется здѣсь усмотрѣнію намѣстника Дальняго Востока, Иркутскаго военнаго генералъ-губернатора и мѣстныхъ губернаторовъ; возстановленіе утраченнаго права по ст. 182 т. IX на занятіе должностей крестьянскаго управленія поручается усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ; министру юстиціи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставляется съ Высочайшаго утвержденія смягчать участь лицъ, учинившихъ преступленія государственныя [1]), а для Финляндіи соотвѣтственныя права предоставляются финляндскому генералъ-губернатору; сокращеніе на $^1/_3$ срока примѣненія наиболѣе тяжкихъ мѣръ взысканія,

---

говора, судъ долженъ соотвѣтственно ст. 763 у. у. с. постановить вопросъ о таковомъ побужденіи; по дѣламъ же этого рода, о которыхъ состоялся окончательный приговоръ, проектъ О. О. Грузенберга, въ отличіе отъ перваго проекта, указываетъ судебный порядокъ—пересмотръ дѣла ближайшимъ къ мѣсту учиненія дѣянія окружнымъ судомъ въ порядкѣ ст. 765—777 у. у. с. по предложенію прокурора, по заявленіямъ осужденныхъ, ихъ защитниковъ или родственниковъ. При признаніи судомъ отсутствія достаточнаго основанія къ примѣненію амнистіи, прокурору, осужденному, его защитнику или родственникамъ предоставляется право принести въ мѣсячный срокъ жалобу въ Государственную Думу, куда представляется все дѣлопроизводство. Такимъ образомъ вмѣсто ревизіоннаго порядка пересмотра приговоровъ Государственной Думой принятъ апелляціонный. Дальнѣйшія постановленія проекта относительно порядка разсмотрѣнія дѣлопроизводства въ Думѣ и относительно права разъясненія сомнѣній, воспроизводятъ въ сокращенной формѣ постановленія предшествующаго проекта.

Наконецъ, проектъ, составленный юридической коммисіей Трудовой Группы, въ точности воспроизводитъ постановленія проекта О. О. Грузенберга относительно порядка примѣненія амнистіи къ общимъ преступленіямъ, учиненнымъ по политическимъ и соціальнымъ побужденіямъ (кромѣ права Думы на разъясненіе сомнѣній); относительно же примѣненія его къ дѣяніямъ, точно перечисленнымъ въ проектѣ, онъ допускаетъ нѣкоторое ухудшеніе: именно раздѣленіе подлежащихъ амнистіи на 2 категоріи: состоящихъ подъ судомъ и отбывающихъ наказаніе, которыя вмѣстѣ не покрываютъ всѣхъ стадій положенія дѣла.

[1]) Представленіе заключеній о государственныхъ преступникахъ, заслуживающихъ особаго снисхожденія, закономъ 21 мая 1905 г. возложено на товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей.

налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ, поручается губернаторамъ, градоначальникамъ и отдѣльнымъ чинамъ высшей областной администраціи „по удостовѣреніи въ добромъ поведеніи отбывающаго взысканіе". Развивающееся все время расширеніе объема усмотрѣнія подчиненныхъ административныхъ органовъ при предоставленіи помилованія и общаго прощенія является весьма отрицательнымъ фактомъ, чрезмѣрно усиливающимъ полномочія этихъ органовъ въ ущербъ безпристрастности въ политической области. Лучше меньшая милость, но равная, нежели большая, но примѣняемая пристрастно. Что же касается амнистіи, то делегація примѣненія ея подчиненнымъ органамъ безусловно недопустима.

Глава VI.

Основанія актовъ общаго прощенія.

Примѣненіе актовъ общаго прощенія происходило въ теченіе развитія русской государственной жизни по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Эти поводы являются не только внѣшними признаками, а большею частью основаніями, опредѣляющими объемъ и характеръ самой мѣры. Въ зависимости отъ нихъ опредѣлялись цѣли, преслѣдуемыя амнистіей или общимъ прощеніемъ. Для того, чтобы выяснить жизнеспособность той или иной группы основаній, необходимо классифицировать отдѣльные акты прощенія, и посмотрѣть, въ какомъ направленіи идетъ развитіе и какіе мотивы привлекаются для обоснованія правъ ихъ на существованіе. Такая классификація будетъ не безполезна и въ виду того, что въ историческомъ очеркѣ мы приняли чисто хронологическій методъ изложенія, не позволявшій съ желательной наглядностью оттѣнить черты, присущія актамъ прощенія однороднаго типа. Въ настоящей главѣ мы постараемся произвести такую систематизацію, сгруппировавъ сначала акты прощенія по ихъ основному типу въ рубрики прощеній династическихъ, общихъ прощеній по заключеніи мира и политическихъ амнистій, а затѣмъ выяснивъ основанія, приводившіяся для оправданія каждой изъ этихъ группъ въ самихъ актахъ.

Начнемъ съ прощеній по династическимъ основаніямъ. Въ московскую эпоху они выражались въ формѣ освобожденія узниковъ изъ тюремъ, и лишь со времени Петра I облекаются въ форму манифестовъ. Отсюда, собственно, и можно начать разсмотрѣніе ихъ. Первоначально основаніемъ для примѣненія ихъ служитъ только коронованіе. Такъ, Петръ II, Анна Іоанновна и Петръ III ограничивались только коронаціонными манифестами общеуголовнымъ преступникамъ. Но новому государю приходилось часто, уже немедленно по своемъ вступленіи на престолъ, возстанавливать прежнихъ политическихъ ссыльныхъ и вообще прекращать гоненія, воздвигнутыя его предшественникомъ на своихъ политическихъ противниковъ; на этой почвѣ развиваются манифесты по поводу восшествія на престолъ. Сначала такое прощеніе выражается въ формѣ указовъ. Такъ Анна Леопольдовна, вскорѣ послѣ захвата власти, издаетъ указъ, прощающій политическихъ преступниковъ. Елизавета и Екатерина II также предоставляютъ при вступленіи на престолъ рядъ отдѣльныхъ прощеній и помилованій политическимъ преступникамъ прошлыхъ царствованій, а позднѣе въ обычномъ порядкѣ издаютъ коронаціонные манифесты. Павелъ I, не испытывавшій подобной потребности, издаетъ только коронаціонный манифестъ, и то крайне скудный. Александръ I даруетъ при вступленіи на престолъ указъ, дарующій широкое прощеніе политическимъ преступникамъ, а нѣсколько позже и всемилостивѣйшій манифестъ общеуголовнымъ. Со времени Николая I удерживается эта послѣдняя форма манифеста по поводу вступленія на престолъ, лишенная своего преимущественно политическаго характера. Таковой она остается и при послѣдующихъ государяхъ. Александръ II и Николай II даруютъ по два манифеста—при вступленіи на престолъ и при коронованіи. Лишь Александръ III ограничивается только коронаціоннымъ манифестомъ. Въ то время, какъ манифестъ коронаціонный сохраняетъ все свое традиціонное значеніе, и, начиная съ Петра II, мы не находимъ отступленій отъ примѣненія его, всемилостивѣйшій манифестъ при вступленіи на

престолъ остается факультативнымъ, и изданіе его зависитъ отъ политическихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ смѣну одного монарха другимъ.

Кромѣ изданія актовъ общаго прощенія по поводу вступленія на престолъ и коронованія, въ XVIII и XIX в. воскресаетъ иногда практика стараго московскаго времени. Такъ, Биронъ въ 1740 г. и, отчасти, Екатерина въ 1782 г. воскрешаютъ практику поминальныхъ всемилостивѣйшихъ манифестовъ. Въ 1841 и 1866 г.г. основаніемъ для изданія всемилостивѣйшихъ манифестовъ служилъ бракъ наслѣдника, а въ 1904 г.—рожденіе его. Въ 1787 г. основаніемъ для манифеста явилось исполнившееся двадцатипятилѣтіе царствованія Екатерины.

На ряду съ этими чисто династическими основаніями общихъ прощеній значительное развитіе получаютъ и основанія, имѣющія смѣшанное — династическое и общегосударственное значеніе. Изъ нихъ наиболѣе частымъ основаніемъ являлось счастливое окончаніе войны, потребовавшей значительнаго напряженія народныхъ силъ. Такіе акты общаго прощенія занимаютъ среднее мѣсто между всемилостивѣйшими манифестами и политическими амнистіями, соединяя въ себѣ и стремленіе изгладить извѣстныя событія прошлаго, и цѣль снискать монарху любовь и славу у подданныхъ, закрѣпивъ верховными милостями радостный день побѣды. Въ императорскую эпоху можно отмѣтить слѣдующіе всемилостивѣйшіе манифесты, состоявшіеся по поводу благополучнаго окончанія войнъ: въ 1721 г. (война со Швеціей), въ 1736 г. (война съ Турціей), въ 1744 г. (со Швеціей), въ 1775 г. (съ Турціей), 1793 г. (съ Турціей) и 1814 (съ Франціей). По силѣ своего дѣйствія и предѣламъ дарованнаго прощенія, особенно выдѣляются манифесты 1721, 1744 и 1814 г.г., приближающіеся даже къ широкимъ амнистіямъ.

Наконецъ, въ качествѣ политическихъ амнистій слѣдуетъ указать на амнистіи: 1) *мѣстно-политическія* по поводу мятежей въ отдѣльныхъ автономныхъ частяхъ имперіи (амнистіи 1812, 1830 и 1863 гг.—по поводу возстаній въ

Польшѣ и 1905 г.—по отношенію къ Финляндіи); 2) по поводу мятежей въ самой имперіи (амнистія 1775 г. послѣ пугачевщины); 3) *придворно-политическія*—по поводу измѣненія правительственной политики при новомъ монархѣ (амнистіи 1740, 1741, 1762, 1801 гг.); 4) *революціонныя*—гражданско-политическаго характера (амнистія послѣ 17 окт. 1905 г.). Но въ общемъ, наша исторія очень бѣдна чисто политическими амнистіями: амнистія декабристовъ происходила постепенно, и притомъ только чрезъ 30 съ лишнимъ лѣтъ; амнистія участниковъ революціоннаго движенія конца 70-хъ гг. совершилась полностью собственно только въ 1905 г. Амнистіи даровывались лишь, когда проходила всякая опасность для господствующей власти со стороны амнистируемыхъ. Исключеніемъ является лишь амнистія 1905 г.

Различіе въ основаніяхъ общаго прощенія приводило во всѣхъ трехъ случаяхъ къ различію въ содержаніи и характерѣ его. Всемилостивѣйшіе манифесты по поводу династическихъ событій, лишенные соотвѣтственной соціальной почвы, превращались въ простыя милости общеуголовнымъ преступникамъ съ крайне многочисленными изъятіями; политическими преступниками онѣ иногда отвергались и во всякомъ случаѣ не достигали своей цѣли умиротворенія послѣднихъ. Они представлялись соотвѣтственными при устарѣлой и очень суровой системѣ наказаній нашего стараго уголовнаго кодекса и при крайней дезорганизаціи отбытія наказанія, въ частности, наказанія лишеніемъ свободы. Съ пониженіемъ карательныхъ ставокъ, съ улучшеніемъ тюремной системы, съ расширеніемъ границъ усмотрѣнія судьи, занимающаго болѣе соотвѣтственное публично-правовое положеніе и близкаго къ населенію, и съ врученіемъ ему права на примѣненіе болѣе соотвѣтственныхъ мѣръ погашенія уголовной репрессіи (условнаго освобожденія и осужденія), основанія для примѣненія такихъ милостей, кроющіяся въ несовершенствѣ уголовнаго правосудія, отпадутъ, послѣднее получитъ значительно большую устойчивость, и потому будетъ оказывать извѣстное сопротивленіе колебанію его авторитетности en masse со стороны прерогативы помилованія.

Въ результатѣ, значеніе династическихъ милостей, какъ это мы видимъ на Западѣ, должно будетъ сильно сократиться.

Акты всеобщаго прощенія по поводу войнъ также теряютъ свое значеніе съ перемѣной характера современныхъ войнъ и съ сравнительно слабою ихъ отражаемостью на строѣ внутренняго поведенія народа. Уже съ 1814 г. въ Россіи не было примѣра широкой амнистіи по поводу войнъ, несмотря на крупныя войны 1849, 1856, 1877, 1904 гг. Даруемыя по поводу войнъ амнистіи, поскольку къ нимъ не присоединяется чисто политическихъ основаній отъ соотвѣтственнаго внутренняго кризиса, постепенно сводятся къ прощеніямъ воинскихъ преступленій.

Остается группа основаній гражданско-политическаго характера, значеніе которой, съ дифференціаціей и развитіемъ дальнѣйшей политической и экономической борьбы, несомнѣнно будетъ увеличиваться. Характеръ этой группы опредѣлитъ и самую форму амнистіи и органъ ея примѣненія. Во второй части нашей работы мы уже представили тѣ политическія основанія, на которыхъ эта форма должна покоиться, и ту юридическую оболочку, въ которую она должна быть облечена. Дальнѣйшее покажетъ, насколько эти указанія осуществятся.

Такое измѣненіе значенія отдѣльныхъ основаній актовъ прощенія и амнистіи отражается также и въ той мотивировкѣ, которою они большею частью снабжаются.

Эта мотивировка актовъ общаго прощенія, хотя и представляетъ изъ себя лишь чисто внѣшнее и порою несоотвѣтствующее выраженіе дѣйствительныхъ мотивовъ, является все же характерной и въ ней можно услѣдить извѣстныя основанія для признанія цѣлесообразною этой мѣры. Разсмотрѣніе тѣхъ оффиціальныхъ идей, которыя полагались въ основу всемилостивѣйшихъ манифестовъ и актовъ прощенія, можетъ такимъ образомъ представить нѣкоторый интересъ, какъ оффиціальное ихъ обоснованіе.

О мотивахъ общихъ прощеній въ московскую эпоху мы уже говорили.

Акты общаго прощенія династическаго характера въ

эпоху императорскую сначала ограничиваются неприкрытымъ указаніемъ той желательной личной цѣли монарха, ради которой они издаются. Екатерина I предъ смертью Петра издаетъ милостивые указы „ради долголѣтняго здравія“ или „для поминовенія“. Анна Іоанновна и Елизавета Петровна издаютъ свои коронаціонные манифесты „для многолѣтняго здравія и благополучнаго царствованія“ и пр. Въ основу милостей кладется чисто *личный интересъ* государя, безъ указанія на соотвѣтствіе его общественному благу. Эту практику измѣняетъ Екатерина II въ своемъ манифестѣ 1862 г. Въ основу своихъ манифестовъ она полагаетъ *идею милосердія*—соболѣзнованія о преступникахъ, свидѣтельствующаго о ея материнской заботѣ о подданныхъ, и *идею долга правосудію*, какъ опредѣлительницу объема допустимаго милосердія. Съ манифеста 1782 г. присоединяется и идея *спеціальнаго предупрежденія*—вѣроятнаго исправленія, раскаянія и обращенія на истинный путь помилованныхъ. Главнымъ основаніемъ манифестовъ, такимъ образомъ, стала моральная идея милосердія, могущая быть использованной въ направленіи укрѣпленія верховной власти и регулируемая соціальнымъ интересомъ. Этотъ интересъ выставленъ въ видѣ правосудія, требующаго возмездія; требованія послѣдняго нѣсколько смягчаются въ виду возможности достиженія иной цѣли наказанія—исправленія. Манифестъ Александра I, по случаю вступленія на престолъ, вполнѣ стоитъ на почвѣ этихъ трехъ идей. Коронаціонный же манифестъ 1801 г. къ идеѣ милосердія присоединяетъ *идею освященія присяги на царство*, какъ залога исполненія монархомъ предъ Богомъ принятыхъ на себя обязанностей „во еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ ему людей“. Этотъ мотивъ, однако, въ дальнѣйшемъ не сохраняется. Николай I, начиная съ перваго своего манифеста, устраняетъ идею милосердія, а вмѣсто того укрѣпляетъ идею, характерную для эпохи просвѣщеннаго абсолютизма—*абсолютнаго верховнаго права, направленнаго ко благу подданныхъ и не въ ослабленіе правосудія*. Въ основѣ лежитъ, такимъ образомъ, исключительно соціальный интересъ, для достиженія котораго монархъ долженъ поль-

зоваться полной свободой, такъ какъ только онъ одинъ правильно сознаетъ его. Это—идея укрѣпленія абсолютной монархіи въ соціальныхъ интересахъ, характерная для Европы конца XVIII вѣка. Александръ II возвращается къ идеямъ Екатерины II относительно милосердія, ограниченнаго правосудіемъ, и репрессіи, ограниченной возможностью исправленія, какъ главныхъ основаній общаго прощенія. Эти идеи вполнѣ сохраняются и въ дальнѣйшей практикѣ всемилостивѣйшихъ манифестовъ (1883, 1894, 1896, 1904 гг.) съ присоединеніемъ иногда идеи смягченія строгости законовъ для лицъ, заслуживающихъ того (ман. 1883 г.).

При разсмотрѣніи того, насколько манифесты династическаго характера соотвѣтствуютъ современному соціальному строю, необходимо такимъ образомъ отвѣтить на вопросъ, поскольку въ области правосудія идея милосердія, сосредоточеннаго въ рукахъ монарха, составляетъ политически-цѣнный элементъ соціальной жизни. Здѣсь нужно будетъ принять во вниманіе, что сами государи начинаютъ сознавать недопустимость широкаго ея развитія, и объемъ милостей, предоставляемыхъ уголовнымъ преступникамъ, съ каждымъ манифестомъ сокращается все болѣе и болѣе. Съ другой стороны, эта идея милосердія, освѣщенная, однако, сознательными политическими задачами, широко проникла и проникаетъ въ область законодательства и суда, устойчивость организаціи которыхъ не дѣлаетъ опаснымъ предоставленіе имъ необходимо связанной съ милосердіемъ власти усмотрѣнія. Наконецъ, въ общей динамикѣ соціальной жизни значеніе отдѣльныхъ династическихъ поводовъ, по которымъ даруются всемилостивѣйшіе манифесты, прогрессивно ослабляется.

Въ манифестахъ, изданныхъ по поводу благополучнаго окончанія войнъ или знаменательныхъ событій государственной важности, мы встрѣчаемъ нѣсколько отличныя основанія. Такъ, начиная съ перваго манифеста 1721 г., въ нихъ постоянно имѣется идея возданія благодарности Богу за дарованное благо на ряду съ идеей милости къ подданнымъ (1721, 1744, 1782, 1814 гг.). Вмѣстѣ съ ними появляются въ качествѣ основанія, болѣе или менѣе случайно, идея лич-

наго благополучія монарха (1744 г.) и идея возможности исправленія (1782, 1793, 1814).

Намъ остается, наконецъ, разсмотрѣть мотивировку актовъ, прощенія, носящихъ характеръ по преимуществу политическихъ амнистій. Здѣсь мы встрѣчаемъ очень характерную черту, именно, отсутствіе въ большинствѣ случаевъ всякой мотивировки (1740, 1775, 1801, 1905). Только въ манифестахъ, предоставленныхъ по поводу мятежей въ Польшѣ, мы встрѣчаемъ указанія на извѣстные мотивы. Главнымъ мотивомъ является стремленіе успокоить поднявшееся возстаніе. Но оффиціально амнистія характеризуется какъ проявленіе милосердія, вызванное надеждой на проявленіе раскаянія въ будущемъ (1812 г.), какъ примѣръ незлопамятности и великодушія (1830) или какъ актъ, вызванный идеей общаго блага населенія (1863). Такая мотивировка являлась скорѣе средствомъ вызвать довѣріе у амнистируемыхъ и поддержать достоинство амнистирующей власти, нежели дѣйствительнымъ указаніемъ политическихъ основаній амнистіи. Вообще же слѣдуетъ сказать, что при монархическихъ амнистіяхъ дѣйствительные политическіе мотивы ихъ, для большей ихъ силы, должны были оставаться скрытыми, ибо выставленіемъ ихъ власть могла подрывать свой авторитетъ безусловнаго могущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ устраненіе мотивовъ служило и основной цѣли забвенія, такъ какъ извѣстные мотивы могли быть непріемлемыми для тѣхъ, на успокоеніе кого была расчитана опредѣленная мѣры.

Въ заключеніе главы объ основаніяхъ амнистій мы можемъ отмѣтить, что развитіе ихъ у насъ сравнительно мало отличалось отъ развитія, пройденнаго западомъ Въ началѣ государственной жизни основанія религіознаго характера играютъ преобладающее значеніе. Съ нѣкоторымъ укрѣпленіемъ царской власти, къ нимъ присоединяются основанія династическія, получающія рѣшительный перевѣсъ съ Петра I. Наконецъ, и значеніе этихъ послѣднихъ начинаетъ ослабляться, а все большую силу получаютъ основанія гражданско-политическаго характера. Послѣднія собственно съ особенною рѣзкостью выступили лишь въ настоящую бурную эпоху

„смуты“, и для своего проведенія въ жизнь требуютъ болѣе широкаго права, нежели право общаго прощенія, предоставленное монарху. Двойственность признаваемыхъ теперь основаній для актовъ погашенія репрессіи вызываетъ и двойственность правовыхъ институтовъ: общаго прощенія—для основаній династическихъ и амнистіи въ узкомъ смыслѣ—для основаній гражданско-политическихъ [1]).

---

[1]) Въ русской литературѣ вопросъ объ основаніяхъ всемилостивѣйшихъ манифестовъ и амнистій разрабатывался крайне мало. Наиболѣе раннее и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе обстоятельное обсужденіе его мы встрѣчаемъ въ рѣчи проф. С. Баршева „О правѣ помилованія“, произнесенной въ 1856 г. на торжественномъ собраніи университета, по случаю коронованія Александра II. Повторяя соображенія Филанджіери, Баршевъ пишетъ (стр. 5—6): „Руководствуясь высшими политическими соображеніями, государь милуетъ, когда напр., по окончаніи междуусобной войны, по усмиреніи бунта, по открытіи обширнаго заговора, *наказавши главныхъ виновниковъ*, онъ всѣмъ прочимъ преступникамъ даруетъ прощеніе и предаетъ вѣчному забвенію всѣ вины ихъ. Въ подобныхъ случаяхъ безпощадное преслѣдованіе всѣхъ виновныхъ, вмѣсто того, чтобы принести какую-либо пользу, лишь еще больше увеличило бы зло, а тогда и подало бы поводъ къ новому возстанію и заговору, раздувъ вражду, еще не совсѣмъ угасшую. Между тѣмъ кроткія мѣры всегда оказываются болѣе или менѣе благодѣтельными: онѣ тотчасъ успокаиваютъ умы и обезоруживаютъ недовольныхъ. Въ междуусобіяхъ, бунтахъ, заговорахъ сознательно и злонамѣренно участвуютъ только немногіе, главнымъ образомъ зачинщики, руководители и распорядители, а всѣ другіе вовлекаются въ преступленіе разными внѣшними, болѣе или менѣе извинительными обстоятельствами: родственными, дружескими и иными связями и отношеніями, или же обольщеніемъ, заблужденіемъ, обманомъ, подкупомъ, угрозами и даже насиліемъ. Только первыхъ не всегда можно обезоружить милосердіемъ, на послѣднихъ оно всегда дѣйствуетъ благотворно. Но иногда, въ особенности, оказываются чрезвычайно благодѣтельными кроткія мѣры противъ виновныхъ въ политическихъ преступленіяхъ, когда источникъ ихъ заключается не столько въ развращеніи сердца, сколько въ превратныхъ понятіяхъ и ложныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ. Перемѣнять понятія и давать направленіе мнѣніямъ и убѣжденіямъ всегда можно лишь кроткимъ и человѣколюбивымъ обхожденіемъ съ разномыслящими; казни и наказанія обыкновенно еще болѣе ожесточаютъ ихъ“. Такое утилитарное оправданіе амнистіи не соотвѣтствуетъ нынѣ состоянію политической преступности, принявшей не индивидуально-, а соціально-политическую окраску. Баршевъ съ большимъ искусствомъ разсматриваетъ и *соціальное дѣйствіе* амнистіи. Въ противовѣсъ указаніямъ на отрицательное дѣйствіе амнистіи, онъ выставляетъ ея этическія задачи (стр. 6): „Съ случаевъ необыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, въ которыхъ по особому монаршему милосердію виновные освобождаются отъ наказанія, брать примѣръ для себя и потому не бояться наказанія можетъ только безумецъ. Да и устрашеніе совсѣмъ не такая цѣль наказанія, изъ за которой бы, при сужденіи преступленій, должно

Глава VII.

Правовое дѣйствіе актовъ общаго прощенія и амнистіи.

Юридическая природа всякаго правового института опредѣляется дѣйствіемъ, которое онъ оказываетъ на правопоря-

---

было бы пренебрегать всѣми другими разсчетами и отношеніями. Законы сами не могутъ быть только глашатаями кары, но должны быть и средствомъ народнаго воспитанія, и потому они вездѣ, гдѣ можно и должно, отдаютъ должную дань нравственнымъ началамъ и требованіямъ человѣколюбія (стр. 9)". Баршевъ подмѣчаетъ умиротворяющее и укрѣпляющее дѣйствіе амнистіи: „Вся земля, еще недавно разъединенная, вдругъ сливается въ одну семью, чтобы одними устами и однимъ сердцемъ славить милосерднаго монарха". Наконецъ, нашъ авторъ находитъ объясненіе религіозно-династическаго характера современной ему амнистіи: „Избирая дни торжественные для помилованія преступниковъ, государь, съ одной стороны, выполняетъ тѣмъ одну изъ важнѣйшихъ христіанскихъ обязанностей освящать дни праздничные дѣлами милосердія, а съ другой, онъ связуетъ, такимъ образомъ, благодарное воспоминаніе объ оказанной милости съ воспоминаніемъ о самомъ днѣ, въ который она оказана, и научаетъ ихъ чрезъ то тѣмъ болѣе чтить эти дни (стр. 10)". Такимъ образомъ Баршевъ правильно усвоилъ основные мотивы всем. манифестовъ, но, къ сожалѣнію, не доказалъ этого взгляда на конкретныхъ примѣрахъ.

Взгляды Баршева на политическія основанія прощенія повторяются отчасти у Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго (Учебникъ уголовнаго права 1904 стр. 342): „Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ причинъ, вызывающихъ массовыя преступленія, съ наступленіемъ нормальнаго хода общественной жизни, усиленная и широкая наказуемость теряетъ свое основаніе и государство съ выгодой для себя можетъ замѣнить его прощеніемъ; въ этомъ случаѣ оно чаще всего (?) ограничивается наказаніемъ лишь болѣе важныхъ виновныхъ—вожаковъ, за коими подъ вліяніемъ внушенія движется масса", А. Лохвицкій придаетъ главное значеніе религіознымъ основаніямъ (Курсъ русскаго уголовнаго права 1871, стр. 288); онъ считаетъ даже общее прощеніе выросшимъ исключительно на религіозной почвѣ. „Прощеніе преступниковъ есть установленіе христіанское. Одно изъ главныхъ началъ христіанской религіи составляетъ ученіе о первородномъ грѣхѣ, объ искупленіи человѣчества Іисусомъ Христомъ, о прощеніи грѣховъ и вѣчной жизни по милосердію Божію. Естественно, что это чувство общей преступности передъ Богомъ должно было могущественно отразиться предъ человѣческимъ правосудіемъ: помилованіе преступниковъ стало считаться дѣломъ богоугоднымъ, необходимымъ для полученія небеснаго милосердія". Но кромѣ религіозныхъ существуютъ, по мнѣнію А. Лохвицкаго, и государственно-политическія основанія общаго прощенія. Само по себѣ частое прощеніе вредно: „частыя прощенія потрясаютъ чувство законности въ народѣ, преступленія усиливаются въ надеждѣ на часто повторяемое прощеніе, исполненіе наказанія представляется тогда не дѣломъ правосудія, а жестокостью; наказываемый считаетъ, что съ нимъ поступили несправедливо, потому что другихъ прощали, а его нѣтъ". Но „когда въ преступленіяхъ, въ

докъ, способностью его производить извѣстныя измѣненія въ общемъ строѣ правовыхъ отношеній. Учетъ отдѣльныхъ правовыхъ дѣйствій является одной изъ главныхъ задачъ юридической конструкціи.

Во второй части нашей работы мы опредѣлили правовое дѣйствіе амнистіи, какъ прекращеніе всѣхъ судебныхъ и

особенности политическихъ, бунтѣ и возстаніи противъ властей, оказывается виновныхъ нѣсколько тысячъ или даже десятковъ тысячъ людей, то возможна ли казнь такой массы людей? Не побуждаетъ-ли не только человѣколюбіе, но и государственный интересъ пріостановить дѣйствіе закона, по крайней мѣрѣ, для виновныхъ? Далѣе, употребительно и нисколько не вредно прощеніе за нарушеніе законовъ, впослѣдствіи отмѣненныхъ или измѣненныхъ, т. е. признанныхъ неудовлетворительными. Вообще, здравый политическій тактъ указываетъ на необходимость прощенія въ тѣхъ случаяхъ, когда оно, не колебля вѣры въ правосудіе, можетъ произвести болѣе успокоенія для общества, чѣмъ выполненіе наказанія". По сравненію съ Баршевымъ, Лохвицкій стоитъ т. о. на болѣе узкой утилитаристической т. зр.; онъ также приравниваетъ амнистію къ помилованію за массовыя преступленія съ ограниченіемъ для зачинщиковъ. Н. Неклюдовъ (Учебникъ Бернера, т. I стр. 964) вполнѣ отождествляетъ еще амнистію съ „установившимся христіанскимъ обычаемъ, во имя котораго стараются торжественный и знаменательный для Царскаго Дома день обратить въ радость страждущихъ подданныхъ". С. Будзинскій (Основныя начала уголовнаго права 1870. стр. 300) пытается систематизировать основанія прощенія. Подъ амнистіей онъ понимаетъ помилованіе цѣлой категоріи преступниковъ, виновныхъ преимущественно въ государственныхъ преступленіяхъ, обнимающее по своему дѣйствію помилованіе, аболицію и реституцію. Для помилованія вообще онъ приводитъ три основанія: 1) юридическое (противорѣчіе справедливости вслѣдствіе особенности конкретныхъ обстоятельствъ), 2) нравственное (несогласіе съ этическими цѣлями государства) и 3) политико-уголовное (соотвѣтствіе съ общественнымъ благомъ—устраненіе вреднаго вліянія на расположеніе общества, нарушенія спокойствія многихъ семействъ, устраненіе общаго соблазна, раскрытіе заговора и пр.). Ясное различіе общаго помилованія и амнистіи мы впервые находимъ у А. Кистяковскаго (Учебникъ уголовнаго права, 1891, стр. 680—687). Къ коллективному помилованію онъ относитъ „то помилованіе, которое было даваемо въ прежнее время въ христіанскихъ странахъ Западной Европы, по случаю праздниковъ династическихъ событій и которое нынѣ дается въ Россіи всемилостивѣйшими манифестами по поводу радостныхъ событій, совершающихся въ царской семьѣ и близкихъ сердцу русскихъ подданныхъ". Амнистія же относится спеціально къ политическимъ преступленіямъ. Сущность ея Кистяковскій опредѣляетъ, слѣдуя во всемъ за французской доктриной. Особыя основанія ея онъ видитъ „въ природѣ самихъ явленій, въ кругѣ которыхъ она дѣйствуетъ": „Новѣйшими изслѣдованіями дознано, что государственныя преступленія лишены того гнуснаго характера, который свойственъ такимъ общимъ преступленіямъ, какъ воровство, мошенничество, убійство и т. п., что нерѣдко извѣстный строй мыслей, проникнувъ въ умы

административныхъ дѣйствій, направленныхъ на примѣненіе мѣръ репрессіи. Эти мѣры могутъ заключаться: 1) въ налагаемыхъ по суду мѣрахъ наказанія, указанныхъ въ уголов-

---

народонаселенія цѣлой мѣстности, цѣлаго класса, невольно втягиваетъ сотни и тысячи субъектовъ въ совершеніе дѣйствій, имѣющихъ составъ государственныхъ преступленій, что послѣ подавленія и прекращенія преступной дѣятельности послѣ замиренія страны, потрясенной бунтомъ, возстаніемъ, рядомъ заговоровъ, болѣе умѣстны бываютъ прощеніе, забвеніе, чѣмъ розыскъ, судъ, наказаніе. Въ этихъ обстоятельствахъ и должна быть примѣнена амнистія". Кистяковскій признаетъ основаніями амнистіи массовыя преступленія и необходимость успокоенія потрясенной смутами страны. У него мы находимъ и нѣкоторыя соображенія объ органѣ предоставленія амнистіи; такимъ органомъ онъ признаетъ монарха, но дѣйствующаго при участіи министерства: „Въ дѣлахъ амнистіи конституціонный монархъ имѣетъ совѣтника въ совѣтѣ министровъ, хотя вообще мудрый монархъ, обнимающій внимательнымъ взглядомъ весь ходъ внутреннихъ дѣлъ и общенароднаго благосостоянія, можетъ, по влеченію собственнаго сердца и по убѣжденію собственнаго ума, дать амнистію виновнымъ въ политическихъ преступленіяхъ". И. Я. Фойницкій (Ученіе о наказаніи, 1889, стр. 126—127) противополагаетъ амнистію, какъ общую аболицію, помилованію и частной аболиціи, и даетъ ей чисто юридическое опредѣленіе, подчеркивая вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальную цѣль забвенія: „Если помилованіе примѣняется до слѣдствія и суда, то оно называется аболиціей и дѣйствіе его равносильно предписанію забыть происшедшее, считать его юридически-несуществовавшимъ. Имъ отмѣняется не только судебный приговоръ о наказаніи, но и общій законъ для частнаго случая; поэтому дѣйствія, покрытыя аболиціей, не идутъ въ счетъ при рецидивѣ, совокупности преступленій и пр. Аболиція бываетъ общая и частная; первая называется амнистіей, вторая спеціальнымъ помилованіемъ. Первая распространяется на неопредѣленное число лицъ, которыя могли бы быть привлечены за данную группу дѣяній; вторая имѣетъ въ виду опредѣленное лицо". Высказываясь противникомъ частной аболиціи, проф. Фойницкій амнистію признаетъ допустимой. Сравнительно подробную разработку вопроса объ амнистіи мы находимъ въ „Лекціяхъ" проф. П. С. Таганцева (1902, стр. 1453—1460). Амнистія или всепрощеніе сближается съ коллективнымъ помилованіемъ. Первыя стадіи развитія ея обнаруживаютъ случайный произвольный характеръ этой мѣры, не имѣвшій прямого отношенія къ правосудію: „Особенно радостныя событія въ государствѣ—одержаніе побѣды, заключеніе мира, или таковыя же въ семействѣ главы государства—рожденіе наслѣдника, бракъ, коронованіе—вызывали стремленіе распространить эту радость и на несчастныхъ, томящихся въ тюрьмахъ; или же, наоборотъ, бѣдствія, поразившія или государство—моровая язва, голодъ, или главу государства—въ особенности, болѣзнь, побуждали къ освобожденію заключенныхъ, въ той надеждѣ, что они своими благодарными молитвами будутъ содѣйствовать отвращенію бѣдствія. Всѣ эти случаи были фактическимъ проявленіемъ милости, снисхожденія, вполнѣ законнаго среди той юдоли плача и скрежета, которою была тогда уголовная юстиція, но ихъ трудно было объяснить съ точки зрѣнія уголовнаго правосудія". Эти основанія отвергла теорія воздаянія, но ихъ приняла подъ свое покрови-

ныхъ законахъ; 2) въ связанныхъ съ учиненіемъ извѣстныхъ преступныхъ дѣяній праволишеніяхъ; 3) въ взысканіяхъ, налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ, и 4) въ искахъ

тельство теорія цѣлесообразности: „Змѣиное начало полезности побудило законодателя признать возможность безразличной неправды и среди дѣяній, запрещенныхъ въ законѣ подъ страхомъ наказанія. Таково значеніе амнистіи—этого, по мѣткому выраженію Іеринга, предохранительнаго клапана права, коимъ нужно только дѣйствовать умѣючи и во время“. „Амнистія находитъ себѣ оправданіе въ свойствѣ извѣстныхъ преступленій. Таковы, напримѣръ, преступленія, имѣющія временный характеръ и захватывающія цѣлыя группы лицъ. Попытка государственнаго переворота, революціонное движеніе, общественное бѣдствіе, охватившее болѣе или менѣе значительную мѣстность, война создали значительное число проступковъ и преступленій, потребовавшихъ, въ видахъ общественнаго спокойствія и безопасности, строгой и неуклонной кары; осужденные наполнили каторгу, поселеніе, тюрьмы цѣлою массою однородныхъ преступниковъ; но прошелъ извѣстный срокъ, миновалъ кризисъ, пульсъ общественной жизни сталъ нормальнымъ, и уголовное правосудіе чувствуетъ необходимость въ открытіи клапана для удаленія элементовъ, безцѣльно обременяющихъ его дѣятельность. Такое же значеніе могутъ имѣть массовыя преступленія въ тѣсномъ смыслѣ, какъ возстаніе, сопротивленіе, нарушеніе воинской дисциплины отрядами, частями войскъ, когда виновность каждаго теряетъ индивидуальный характеръ и пріобрѣтаетъ, такъ сказать, гуртовое значеніе, „какъ всѣ, такъ и мы“, „на людяхъ и смерть красна“; тогда карательная власть, въ тѣхъ же соображеніяхъ цѣлесообразности, считаетъ возможнымъ привлечь къ отвѣтственности не всѣхъ виновныхъ, а лишь тѣхъ, кого она считаетъ болѣе важными, или даже прибѣгаетъ къ выбору по жребію десятаго. Наконецъ, по отношенію къ лицамъ, уже отбывающимъ наказаніе, такое гуртовое помилованіе представляется радикальнымъ въ случаѣ учиненія, напр., извѣстною группою арестантовъ какого-либо дѣянія, вызывающаго чрезвычайное къ нимъ снисхожденіе и т. д. При такой постановкѣ вопроса тѣ случаи, при которыхъ обыкновенно давалась амнистія, измѣняютъ свое значеніе: отъ причины они становятся поводами. По прежнему государства, особенно монархическія, даютъ всепрощеніе по поводу какихъ либо чрезвычайныхъ событій, но эта милость даруется лишь преступникамъ, учинившимъ извѣстныя категоріи преступленій, дающія основанія для осуществленія этого рода помилованія“. Три указанныхъ проф. Таганцевымъ группы не вполнѣ исчерпываютъ основанія амнистіи (см. выше стр. 152) По отношенію къ первой группѣ амнистія разсматривается какъ мѣра, предоставляемая *по* успокоеніи, а не *для* успокоенія. По отношенію ко второй сохраняется еще точка зрѣнія изъятія изъ прощенія зачинщиковъ; наконецъ, въ третью группу отнесено прощеніе, даруемое Всемилостивѣйшими манифестами, между которымъ и амнистіей въ собственномъ смыслѣ качественнаго различія, въ противоположность напр., мнѣнію А. Кистяковскаго, не проводится. К. Ф. Хартуляри (Право суда и помилованія 1899. стр. 46—51) проявляетъ большую неустойчивость взглядовъ относительно существа амнистіи. Амнистія очень неточно опредѣляется, какъ одинъ изъ актовъ монаршаго милосердія, которымъ освобождаются отъ всякаго слѣдствія и суда, а равно отъ всякаго наказанія, цѣлая группа

за вредъ и убытки, причиненные преступными дѣйствіями, подлежащими амнистіи. Намъ уже приходилось говорить о желательномъ разрѣшеніи вопроса относительно объема отмѣны этихъ репрессивныхъ послѣдствій. Въ настоящее время слѣдуетъ разсмотрѣть, какое рѣшеніе вопросъ этотъ нашелъ въ практикѣ всемилостивѣйшихъ манифестовъ и указовъ и какія измѣненія произведены въ немъ появленіемъ основныхъ законовъ 24 апрѣля 1906 г.

I. Прекращеніе дѣйствій, направленныхъ къ примѣненію мѣръ наказанія, налагаемыхъ судомъ.

Общее дѣленіе. Изучая правовое дѣйствіе общаго прощенія на уголовное преслѣдованіе и примѣненіе наказанія, современная теорія различаетъ три группы дѣлъ: 1) дѣла, по которымъ обвиненія предъ судебною властью еще не возбуждены, 2) дѣла, ставшія предметомъ судебной дѣятельности, но по которымъ еще не вступили въ законную силу окончательные приговоры и 3) дѣла, окончившіяся осужденіемъ подсудимаго, приговоръ по которымъ вступилъ въ законную силу. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ различно правовое дѣйствіе амнистіи и общаго про-

---

лицъ, виновныхъ въ покушеніи или же въ совершеніи какого либо политическаго преступленія". Амнистія, по мнѣнію Хартулари, самое вѣрное политическое средство умиротворенія страны или цѣлой области, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ознаменованія радостнаго для государства событія. Объектами ея могутъ быть всякія дѣянія (contra см. опредѣленіе); она одинаково примѣняется и распространяется на всѣхъ участниковъ въ совершеніи извѣстныхъ преступленій, если только не имѣетъ характера частной и условной. Наряду съ прекращеніемъ слѣдствія и наказанія, къ юридическимъ (?) послѣдствіямъ амнистіи Хартуляри относитъ „преданіе полному забвенію самаго преступнаго факта, которымъ вызванъ актъ объ амнистіи, со вмѣненіемъ въ нравственную обязанность подданнымъ, по возможности, подавить въ себѣ и отказаться отъ всякаго чувства вражды, злобы и раздраженія по отношенію къ виновникамъ преступнаго событія". За правомъ общаго прощенія К. Хартуляри признаетъ религіозное и политическое значеніе. Въ московскую эпоху преобладало первое; но затѣмъ обнаружилось, что „данная прерогатива, помимо своего чисто религіознаго характера, не лишена также политическаго смысла и значенія, будучи, съ одной стороны, вѣрнѣйшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію московскими государями признательности и преданности къ себѣ народа за милосердное къ нему отношеніе, а съ другой—могущественнымъ орудіемъ къ возвышенію и укрѣпленію самой верховной власти" (ч. 2, стр. 191).

щенія. Въ первомъ случаѣ они парализуютъ лишь органы преслѣдованія, во второмъ—органы преслѣдованія и суда, въ третьемъ—органы исполненія наказанія; во всѣхъ случаяхъ пріостановка дѣятельности происходитъ лишь постольку, поскольку дальнѣйшее продолженіе ея направлено на примѣненіе репрессіи.

Въ русскомъ правѣ такое дѣленіе вырабатывалось постепенно.

Первыя сознательныя правила по этому предмету слѣдуетъ отнести къ началу императорской эпохи. Манифестъ 1721 г. подъ „генеральнымъ прощеніемъ" разумѣетъ только прекращеніе уже законченныхъ дѣлъ; относительно дѣлъ, по которымъ идетъ слѣдствіе, указывается, что они не должны быть прекращены. Позднѣе, съ 1726 г., суду предоставляется самому прекращать слѣдственныя дѣла, а на Сенатъ возлагается право наблюденія надъ правильными дѣйствіями мѣстныхъ учрежденій и обсужденіе возможности распространить прощеніе на лицъ, еще не осужденныхъ къ моменту изданія манифеста. Лишь съ манифеста 1730 г. предписывается распространять дѣйствіе манифеста на дѣла, еще неизслѣдованныя и нерѣшенныя, если виновные въ тѣ вины впали до коронаціи. Указъ Бирона 1740 г. снова распространяетъ свое дѣйствіе лишь на дѣла, о которыхъ „сентенціи подписаны, а иныя и конфирмованы". Но указомъ 15 декабря того-же года возстанавливается дѣйствіе установленнаго Анной Іоанновной нововведенія (см. выше стр. 217; это же подтверждается и манифестомъ 1744 г.). Екатерина II въ своихъ манифестахъ обыкновенно смягчала лишь наказанія уже осужденнымъ, не прекращая суда и слѣдствія [1]). Лишь съ манифеста 1801 г.

---

[1]) Такое расширеніе производилъ иногда Сенатъ, несмотря на предписаніе Екатерины II объ ограничительномъ толкованіи всемилостивѣйшихъ манифестовъ. Такъ по поводу манифеста 1787 г., Сенатъ по докладу 31 марта 1788 г. изъясняетъ, что „Высочайшая милость должна распространяться на всѣхъ вообще, которые до изданія манифеста преступленіе учинили, хотя бы за безгласностью объ оныхъ и слѣдствій начато не было и они подъ стражею не содержались и осужденія своего не получили отъ судебныхъ мѣстъ". Свое мнѣніе Сенатъ мотивировалъ тѣмъ, 1) что „моментъ осужденія лежитъ въ законѣ, который осуждаетъ въ самое время учиненія преступнаго дѣянія, а слѣдствіе, производимое

устанавливается снова начало прекращенія слѣдствія и суда въ силу манифеста. Кромѣ того, особымъ указомъ (21079) было разъяснено, что дѣйствіе манифеста распространяется и на тѣхъ, коихъ преступленія открылись послѣ манифеста. Такимъ образомъ, здѣсь уже были намѣчены вышеуказанныя три группы. Это дѣленіе повторяется въ манифестѣ 1814 г. Николай I въ первомъ своемъ манифестѣ 1 января 1826 г. даетъ помилованіе только осужденнымъ, а въ манифестѣ 22 августа того же года—только состоящимъ подъ слѣдствіемъ и судомъ. По поводу этого послѣдняго манифеста состоялось разъясненіе Гос. Совѣта отъ 2 апрѣля 1827 г., которымъ указано, что къ категоріи состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ должны быть отнесены обвиняемые по дѣламъ неизслѣдованнымъ и нерѣшеннымъ или рѣшеннымъ, по приговоры по которымъ не вошли въ законную силу. Это разъясненіе, относящееся исключительно къ данному манифесту, по недоразумѣнію было возведено въ общее правило при составленіи свода законовъ и образовало ст. 151 т. XV изд. 1833 г. (ст. 164 изд. 1842 г.). Только при составленіи уложенія о наказаніяхъ статья эта была опущена. Манифесты Александра II различаютъ двѣ категоріи: 1) состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, къ которымъ относятся также лица, не обнаруженныя пока за безгласностью, и 2) осужденныхъ, приговоры о которыхъ вступили въ законную силу. Манифестъ 1883 г. измѣняетъ нѣсколько эту классификацію и раздѣляетъ виновныхъ на тѣхъ: 1) противъ которыхъ по день манифеста не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія, 2) противъ которыхъ еще не послѣдовало судебнаго приговора, 3) по отношенію къ которымъ обвини-

---

на тотъ единственно конецъ, чтобы привесть въ ясность происшествіе преступленія, также содержаніе подъ стражей, употребляемое для удержанія подсудимаго отъ побѣга, и приговоръ судебнаго мѣста, чинимой для наложенія на преступника въ силу законовъ наказанія, есть только обрядъ"; 2) что несправедливо различно относиться къ двумъ лицамъ, одновременно учинившимъ одно и то же преступное дѣяніе, но осужденнымъ въ различное время, и 3) что сама императрица по докладамъ Сената принимала во вниманіе время содѣянія преступленія, а не время осужденія и содержанія подъ стражею преступника.

тельный приговоръ еще не приведенъ въ исполненіе, и 4) которые отбываютъ назначенное наказаніе. Эта классификація въ практикѣ всем. манифестовъ удерживается до настоящаго времени.

Точное разграниченіе этихъ 4 группъ нынѣ не представляетъ особыхъ затрудненій.

Начнемъ съ разсмотрѣнія *первой* группы. Моментомъ *возбужденія уголовнаго преслѣдованія* является обращеніе обвинительной власти къ суду, послѣ котораго только послѣдній властенъ прекратить дѣло. До этого момента прекращеніе дѣла выражается лишь въ парализованіи органовъ преслѣдованія, съ этого момента—въ парализованіи и органовъ суда. Органами преслѣдованія по нашему праву являются прокуратура, полиція, присутственныя мѣста и должностныя лица, частныя лица и, наконецъ, судъ, какъ возбудитель обвиненія. При прекращеніи дѣла до момента возбужденія уголовнаго преслѣдованія, на обязанности самихъ органовъ преслѣдованія лежитъ задача правильнаго примѣненія манифеста; въ этой дѣятельности имъ могутъ приносить облегченіе циркулярныя разъясненія министровъ юстиціи или внутреннихъ дѣлъ или даже непосредственныя указанія начальствующихъ лицъ. Въ случаѣ возбужденія преслѣдованія ими, несмотря на манифестъ, обвиняемому остается право жалобы въ судебныя мѣста или начальству прокурора или другого должностного лица.

Ко *второй* группѣ относятся лица, относительно которыхъ *не послѣдовало судебнаго приговора*. Подъ судебнымъ приговоромъ слѣдуетъ разумѣть здѣсь окончательное, вступившее въ законную силу рѣшеніе судебнаго мѣста о виновности какого-либо лица. Только такой судебный приговоръ можетъ представлять изъ себя достаточно опредѣленную грань для выдѣленія всѣхъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ всѣ судебныя дѣйствія по констатированію ихъ виновности окончены. Приговоры заочные, не вступившіе еще въ законную силу, карательные приказы, допускающіе обжалованіе въ судъ—всѣ они будутъ относиться къ этой второй стадіи. Въ этой второй стадіи примѣненіе закона предоста

вляется уже судебным органамъ, рѣшеніями которыхъ въ соотвѣтственныхъ случаяхъ парализуется дѣятельность органовъ публичнаго преслѣдованія.

Въ предѣлахъ этой второй категоріи слѣдуетъ различать лицъ, *состоящихъ подъ слѣдствіемъ*, и лицъ, *состоящихъ подъ судомъ*. Къ первымъ будутъ относиться всѣ тѣ обвиняемые, относительно которыхъ возбуждено обвиненіе, но относительно которыхъ не состоялось еще опредѣленіе судебнаго органа о преданіи суду, или же, при отсутствіи этой стадіи процесса, относительно которыхъ въ приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ не рѣшилъ вопросъ о направленіи дѣла. Ко вторымъ—всѣ лица, преданныя суду въ установленномъ порядкѣ, пока относительно ихъ не постановленъ приговоръ, вступившій въ законную силу. Различеніе этихъ группъ имѣетъ извѣстное юридическое значеніе: 1) имъ опредѣляется тотъ органъ, который уполномоченъ на прекращенія дѣла; въ первомъ случаѣ—органы суда, имѣющіе контроль за слѣдствіемъ (ст. 277, 323 у. у. с.), во второмъ—органы суда, постановляющіе приговоръ о наказаніи (ст. 771), 2) отдѣльныя праволишенія, сохраняемыя несмотря на всем. манифесты, при прекращеніи дѣла (напр. потеря правъ судебной службы, права выборовъ въ Гос. Думу), касаются только лицъ, состоявшихъ подъ судомъ, не затрагивая тѣхъ, которыя состояли лишь подъ слѣдствіемъ (см. ниже). Для опредѣленія момента, рѣшающаго о положеніи дѣла, принимается дата, указанная въ манифестѣ (обыкновенно день извѣстнаго событія).

Прекращеніе дѣлъ производится въ общемъ порядкѣ тѣми учрежденіями, на обязанности коихъ лежитъ прекращеніе преслѣдованія по причинамъ, погашающимъ уголовную отвѣтственность (ст. 1 правилъ 1883 г. о порядкѣ приведенія въ исполненіе всем. манифестовъ. П. С. З. 481) [1]). Эти

---

[1]) Правила 22 ноября 1843 г. (П. С. З. 17348) объ установленіи единообразнаго обряда въ судопроизводствѣ по дѣламъ, прекращаемымъ силою всемилостивѣйшихъ манифестовъ, дѣйствовавшія при дореформенномъ процессѣ, требовали особыхъ формъ прекращенія дѣлъ. Они предписывали: 1) чтобы начатыя въ полиціяхъ, но еще не оконченныя слѣдствія были на основаніи манифеста прекращаемы журнальными полнаго присутствія постановленіями, которыя должны

причины перечислены въ ст. 16 у. у. с. Если дѣло рѣшается съ участіемъ присяжныхъ, то вопросъ о прекращеніи его подлежитъ компетенціи исключительно коронныхъ судей. Рѣшенія судебныхъ мѣстъ по этому предмету подлежатъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ (76/316) [1]). Въ кассаціонномъ порядкѣ могутъ быть обжалованы только окончательные приговоры [2]). Прокурору предоставляется приносить протесты не только въ интересахъ обвиненія, но и въ пользу подсудимаго (71/637, 71/1145), а подсудимому предоставляется просить объ отмѣнѣ приговора въ тѣхъ его частяхъ, которыя нарушаютъ его личныя или имущественныя права (69/40, 70/64; 71/90; въ проектѣ 1900 г.—особая ст. 869). Практика выработала правило, что оправданный подсудимый не имѣетъ права приносить кассаціонную жалобу (71/983), но это запрещеніе не распространяется на тѣ приговоры суда, которыми признается вина его въ преступномъ дѣяніи, но наказанію онъ не подвергается вслѣдствіе всемилостивѣйшаго манифеста или иной законной причины, погашающей уголовное преслѣдованіе. „Подобные приговоры—говоритъ объяснительная записка къ проекту 1900 года [3])—нарушаютъ право подсудимаго требовать признанія его оправданнымъ по суду, требовать измѣненія въ этомъ смыслѣ резолютивной формулы приговора. Отказывать въ

быть просмотрѣны стряпчими, и если слѣдствія были начаты съ предписанія губернскаго начальства, то доносить оному о предположенномъ прекращеніи ихъ и ожидать на это его разрѣшенія; 2) чтобы суды 1-ой и 2-ой инстанцій всѣ поступившія въ нихъ дѣла прекращали на основаніи всем. манифестовъ не иначе, как представляя протоколы и приговоры по узаконеннымъ для нихъ формамъ.

[1]) Непонятнымъ является рѣш. касс. 905/12, не допускающее принесенія апелляціонной жалобы на приговоръ, освобождающій виновнаго въ силу манифеста, съ указаніемъ на невинность жалобщика и съ ходатайствомъ о вторичномъ разсмотрѣніи дѣла, такъ какъ Сенатъ въ такой жалобѣ усматриваетъ недопустимый отказъ отъ милостей, даруемыхъ манифестомъ. Но въ данномъ случаѣ вовсе не „милость“ даруется обвиняемому.

[2]) Въ этомъ случаѣ Уголовный Кассаціонный Департаментъ выступаетъ какъ органъ толкованія манифеста, въ остальныхъ случаяхъ оно принадлежитъ 1-му департаменту Сената.

[3]) Объяснительная записка къ проекту уст. угол. суд. 1900 г. т. IV, стр. 58.

этомъ правѣ подсудимому, освобожденному отъ суда, не представляется основаній и съ точки зрѣнія практической: кассаціонное производство по такимъ жалобамъ подсудимыхъ не можетъ представить никакихъ затрудненій, и судъ, при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла, можетъ постановить приговоръ, не стѣсняя своей совѣсти и не выходя изъ предѣловъ отзыва или жалобы“ [1]). Но слѣдуетъ оговориться, что такое кассаціонное обжалованіе допустимо лишь по дѣламъ, прекращаемымъ въ порядкѣ ст. 772, но не 277 и 523 уст. уг. суд., т. е. лишь при установленіи виновности на судебномъ слѣдствіи.

При прекращеніи находящихся въ слѣдствіи дѣлъ возможны нѣкоторыя осложненія. Такъ, возможно, что за какое либо преступленіе грозитъ нѣсколько наказаній, одни изъ которыхъ (напр., соединенныя съ лишеніемъ правъ) не допускаютъ прекращенія дѣла, а другіе влекутъ его. Старая практика въ этихъ случаяхъ обязывала судъ, „не дѣлая распоряженій объ освобожденіи подсудимаго, окончить слѣдствіе и постановить надлежащій приговоръ по закону, а затѣмъ, смотря по роду опредѣляемаго въ томъ приговорѣ наказанія, или предписать оное къ исполненію или освободить подсудимаго“ (п. VI маниф. 1855 г.). Въ настоящее время это правило едва ли примѣнимо. Возможность наложенія праволишеній является теперь моментомъ, опредѣляющимъ подсудность, и потому самый фактъ разсмотрѣнія дѣла въ извѣстномъ судѣ есть достаточное основаніе для опредѣленія судьбы дѣла. Если же идетъ рѣчь о нѣсколькихъ возможныхъ наказаніяхъ, входящихъ въ компетенцію одного и того же суда, то рѣшающимъ въ смыслѣ продолженія дѣла явится высшее угрожающее наказаніе.

Дѣла не прекращаются также, если главное наказаніе, въ

---

[1]) Соображенія въ пользу такого взгляда приведены также въ статьѣ А. Маркова Объ обжалованіи подсудимыми оправдательныхъ приговоровъ. Ж. Гр. и Угол. Пр. 1891 г. кн. 7 и 8. Ст. 379 норвежскаго устава и касс. рѣш. германскаго имперскаго суда отъ 11 іюня 1881 г. предоставляютъ лицу, освобожденному отъ суда безъ наказанія, обжаловать въ кассаціонномъ порядкѣ приговоръ, если вопросъ о виновности его рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

законѣ опредѣленное, влечетъ ограниченіе правъ, но оно по несовершеннолѣтію или по другимъ обстоятельствамъ должно быть замѣнено другимъ менѣе тяжкимъ; здѣсь лишь примѣняются постановленія манифеста относительно смягченія наказанія (п. XIX манифеста 1856 г.).

Въ случаѣ перечисленія въ актахъ объ амнистіи отдѣльныхъ дѣяній по категоріямъ, прекращенію подлежатъ всѣ дѣла и о соучастникахъ, хотя бы они были выдѣлены въ особыя производства или даже хотя соучастники обвинялись въ деликтахъ прикосновенности (утайкѣ, укрывательствѣ, недонесеніи) [1]).

Разсмотрѣнное дѣйствіе всемилостивѣйшихъ манифестовъ, обозначенное въ п. 2 принятой въ манифестахъ классификаціи, можетъ быть названо *аболиціоннымъ*: вмѣшательствомъ верховной государственной воли оно прекращаетъ начавшійся, но еще незавершенный ходъ судебной дѣятельности. Въ отдѣльныхъ дѣлахъ такое вмѣшательство со стороны монарха не допускается, такъ какъ оно грозитъ справедливости; при общемъ прощеніи такая опасность ослабляется яснымъ для всѣхъ основаніемъ предоставленія его и возможностью для обвиняемыхъ требовать продолженія дѣла. Это дѣйствіе обще какъ всемилостивѣйшимъ манифестамъ, такъ и амнистіи, хотя сила его въ томъ и другомъ случаѣ различается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

---

[1]) Въ нашей литературѣ это отмѣчено А. Квачевскимъ (Объ уголовномъ преслѣдованіи ч. I 1866 г., стр. 343). „Прощеніе распространяется какъ на главное преступленіе, поименованное въ манифестѣ, такъ и на второстепенныя преступныя дѣйствія, содѣйствовавшія или облегчавшія совершеніе главнаго. Если первое въ силу манифеста теряетъ свой преступный характеръ, признается какъ будто небывшимъ и не подлежитъ преслѣдованію, то трудно допустить, чтобы вина послѣднихъ, которые не имѣли другой цѣли, кромѣ оказанія помощи въ совершеніи прощаемаго преступленія, подвергалась слѣдствію и суду, потому только, что въ манифестѣ она не обозначена. На томъ же основаніи вина участниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи подлежитъ погашенію, коль скоро манифестомъ прощается главный виновникъ“. Это толкованіе, вѣрное для амнистіи, предусматривающей отдѣльныя категоріи преступныхъ дѣяній и основанное на заключеніи a majore ad minus, подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію при всемилостивѣйшихъ манифестахъ, гдѣ необходимость реальнаго характера общаго прощенія недостаточно ярко выражена.

Третья и *четвертая* группы лицъ, указанныхъ въ приводимой классификацiи, охватываютъ всѣхъ осужденныхъ. Первая изъ этихъ двухъ группъ относится къ лицамъ, относительно которыхъ исполненiе наказанiя еще не началось; въ этихъ случаяхъ примѣненiе акта прощенiя остается за судомъ, постановляющимъ дополнительный приговоръ. „По дѣламъ оконченнымъ—гласитъ п. 3 правилъ 1883 г.—по коимъ приговоръ вступилъ въ законную силу, но *не приведенъ еще въ исполненiе*,—если обвиняемому даруется въ силу манифеста прощенiе или уменьшенiе наказанiя—судебное установленiе, постановившее приговоръ, обязано, до обращенiя его къ исполненiю, войти въ обсужденiе вопроса о примѣненiи къ обвиняемому дѣйствiя послѣдовавшаго въ сей день манифеста и, постановивъ по сему предмету дополнительный приговоръ, обратить оный къ исполненiю, по вступленiи въ законную силу. Лица прокурорскаго надзора и другiя учрежденiя, не приступавшiя къ приведенiю въ исполненiе переданныхъ имъ судебныхъ приговоровъ, подлежащихъ измѣненiю по правиламъ манифеста, обязаны возвратить таковые приговоры въ надлежащiя судебныя установленiя для постановленiя дополнительнаго приговора въ указанномъ выше порядкѣ". Благодаря такому постановленiю, судебному порядку примѣненiя манифеста отдается предпочтенiе предъ административнымъ, поскольку это представляется возможнымъ фактически, т. е. поскольку осужденные не перешли въ вѣдомство органовъ административныхъ [1]). Выдѣленiе подобныхъ

---

[1]) Примѣненiе манифеста къ осужденнымъ, *отбывающимъ наказанiе*, происходитъ, на основанiи правилъ 1883 г., въ слѣдующемъ порядкѣ (п. 2, 4—9). Органами примѣненiя являются: губернаторы, прокуроры, уѣздные исправники и непремѣнные члены крестьянскихъ присутствiй. Компетенцiя каждаго изъ этихъ органовъ стоитъ въ зависимости отъ рода наказанiя, освобожденiю отъ котораго подлежитъ осужденный. Такъ: 1) содержащiеся въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленiяхъ, рабочихъ и смирительныхъ домахъ и крѣпостяхъ освобождаются по соглашенiю губернатора и прокурора; 2) содержащiеся въ тюремныхъ замкахъ, въ арестантскихъ помѣщенiяхъ при полицiи, становыхъ квартирахъ и волостныхъ правленiяхъ, а равно въ помѣщенiяхъ для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей освобождаются по распоряженiю мѣстныхъ товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ, подъ наблюденiемъ прокурора окружнаго суда;

осужденныхъ въ особую группу вызывается не особыми формами правового дѣйствія на нихъ амнистій, а исключительно интересами порядка примѣненія ея, и потому правовое дѣйствіе по отношенію къ обѣимъ группамъ осужденныхъ можетъ быть разсмотрѣно совмѣстно.

Объемъ *помилованія осужденныхъ* сильно разнится въ зависимости отъ степени предоставляемыхъ милостей и отъ категоріи дѣяній, къ которымъ онѣ относятся. Вообще, можно съ точки зрѣнія юридической силы различать: 1) полное помилованіе, состоящее въ отмѣнѣ наказанія, 2) смягченіе наказанія и 3) замѣну наказанія.

П о л н о е п о м и л о в а н і е по манифестамъ послѣдняго времени предоставляется обыкновенно всѣмъ осужденнымъ за дѣянія, по которымъ опредѣлено въ законѣ, какъ высшее наказаніе: внушеніе, замѣчаніе, выговоръ, денежное взысканіе не свыше 300 руб., арестъ, заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости, не соединенное съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, служебныя взысканія (п. 2—9 ст. 65 улож. о нак.). Изъ отдѣльныхъ преступленій, которыя влекутъ иныя наказанія, порою болѣе тяжкія, манифесты распространяли полное помилованіе на должностныя растрату и присвоеніе, въ случаѣ возврата растраченнаго

---

3) отданные въ заработки вслѣдствіе несостоятельности освобождаются отъ обязательнаго найма непремѣнными членами или мировыми посредниками или уѣздными исправниками; 4) взысканіе наложенныхъ денежныхъ взысканій пріостанавливается самими учрежденіями, исполняющими сіи взысканія съ немедленнымъ представленіемъ производства въ учрежденія, постановившія приговоры о взысканіи для дополнительнаго опредѣленія. Всѣ дѣйствія, указанныя въ п. 1 и 2 заносятся въ протоколъ за подписью ихъ самихъ и скрѣпою завѣдующихъ мѣстами заключенія. Жалобы на дѣйствія прокурорскаго надзора приносятся по начальству, а жалобы на распоряженія, послѣдовавшія по соглашенію губернаторовъ съ прокурорами—Сенату по Первому департаменту. Кромѣ того отдѣльными манифестами опредѣляются тѣ органы, на которые возлагается примѣненіе отмѣны или смягченія наказаній. Такъ, напр., ст. XXIX п. 2 манифеста 1904 г. оно возлагается на губернаторовъ, кромѣ случаевъ спеціальной делегаціи, указанныхъ выше (см. стр. 272). Примѣненіе указа 21 окт. 1905 г. относительно приговоровъ, обращенныхъ къ исполненію, и административныхъ взысканій возлагается на министерство внутреннихъ дѣлъ, мѣстныя губернскія и областныя начальства и на прокуратуру.

или присвоеннаго до срока изданія манифеста, на нѣкоторыя нарушенія священнослужителей иностранныхъ вѣроисповѣданій (ст. 193—195, 1575 улож.), на оскорбленіе величества, на всѣхъ осужденныхъ приговорами волостныхъ судовъ, на побѣги съ поселенія, на самовольную добычу золота, угля, камней и пр. на кабинетскихъ земляхъ въ Сибири и пр. Указъ 21 октября 1905 г. значительно расширилъ границы полнаго помилованія въ области государственныхъ преступленій (см. выше), но онъ занимаетъ исключительное положеніе. Указъ 25 іюня 1905 г. предоставляетъ полное помилованіе въ тѣхъ преступленіяхъ, противозаконность которыхъ должна была отпасть въ силу указа о вѣротерпимости.

Смягченіе наказанія по всем. манифестамъ производилось всегда въ очень широкихъ размѣрахъ. Въ послѣднихъ манифестахъ, начиная съ 1883 г., установилась даже въ общихъ чертахъ опредѣленная таксировка, представляющаяся въ существенныхъ чертахъ слѣдующей:

1) На двѣ трети сокращается срокъ наказанія лицамъ, совершившимъ дѣянія, болѣе тяжкія, нежели тѣ, которыя даютъ право на полное помилованіе, за которыя они будутъ приговорены судомъ къ аресту, заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости безъ лишенія правъ состоянія или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, за отдѣльными изъятіями лицъ виновныхъ въ корыстныхъ посягательствахъ и посягательствахъ противъ чести и здоровья, преслѣдуемыхъ по частной жалобѣ.

2) На одну треть сокращается продолжительность наказанія: для лицъ, виновныхъ въ перечисленныхъ въ манифестахъ дѣяніяхъ корыстнаго характера или посягательствахъ на честь или здоровье, преслѣдуемыхъ по частной жалобѣ; для приговоренныхъ къ заключенію въ арестантскомъ отдѣленіи, крѣпости или тюрьмѣ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ или къ заключенію въ исправительномъ домѣ или тюрьмѣ съ лишеніемъ правъ состоянія; для состоящихъ подъ особымъ полицейскимъ надзоромъ (ст. 48, 49, улож. о нак.).

3) Сроки каторги сокращаются: для безсрочныхъ каторжни-

ковъ до 14 до лѣтъ, для срочныхъ—на половину, для малолѣтнихъ, осужденныхъ къ каторгѣ до 4 лѣтъ,—полностью, съ замѣной каторги поселеніемъ; *сроки поселенія* для сосланныхъ въ каторгу и переведенныхъ на поселеніе или для ссыльно-поселенцевъ сокращаются съ 15 до 6 лѣтъ и съ 10 до 4 лѣтъ.

Наконецъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ и замѣну одного наказанія другимъ, независимо отъ общаго порядка смягченія наказанія. Такъ, напр., манифестъ 1904 г. замѣняетъ для лицъ, самовольно отлучившихся изъ отечества (ст. 325, 326 улож.), слѣдуемое имъ по закону наказаніе, въ видѣ лишенія всѣхъ правъ и вѣчнаго изгнанія, полицейскимъ надзоромъ; для должностныхъ лицъ, учинившихъ преступленія не изъ личныхъ или корыстныхъ видовъ, исключеніе со службы замѣняется отрѣшеніемъ отъ должности и пр.

Возможность смягченія и замѣны наказаній, а также примѣненіе полнаго помилованія въ зависимости отъ тяжести дѣянія являются чертами, характерными для актовъ общаго прощенія, какъ проявленій чувства милосердія. Наличность ихъ указываетъ на родственность этихъ актовъ съ общими актами помилованія. Амнистія же, какъ институтъ, преслѣдующій главнымъ образомъ цѣль забвенія, лишена такого правового дѣйствія: она можетъ погашать преступность дѣянія въ связи со *всѣми* послѣдствіями его, какъ напр., причисленіе къ рецидиву, къ совокупности преступленій и проч., но не можетъ смягчать или замѣнять его. Отмѣна наказанія является при амнистіи послѣдствіемъ отмѣны дѣйствія уголовнаго закона въ данномъ случаѣ, устраненія преступности даннаго дѣянія, а потому возможна только полностью.

II. Устраненіе ограниченій и праволишеній, связанныхъ съ учиненіемъ преступнаго дѣянія.

Каждое преступное дѣяніе, и наиболѣе тяжкое, въ особенности, влечетъ за собою для субъекта его рядъ ограниченій, преслѣдующихъ цѣли репрессіи, безопасности, огражденія общественнаго достоинства и пр. Изученіе дѣйствія

на нихъ амнистіи и общаго прощенія представляетъ большія трудности вслѣдствіе сложности заложенныхъ въ основаніе этихъ ограниченій мотивовъ. При такой сложности затруднительнымъ является спеціальное выдѣленіе мотивовъ репрессіи. Другимъ препятствіемъ является крайняя несистематичность и непослѣдовательность этихъ ограниченій по русскому праву, затрудняющая правильную классификацію. Несмотря на эти трудности, попытаемся дать возможно болѣе систематическій очеркъ дѣйствія амнистіи и прощенія на отдѣльныя правоограниченія, которыя влечетъ за собою учиненіе преступнаго дѣянія.

Ограниченія, падающія на субъекта преступнаго дѣянія, можно свести къ тремъ группамъ: 1) ограниченія, вытекающія изъ признанія воспрещенности даннаго дѣянія, независимо отъ его уголовнаго характера, 2) ограниченія, вытекающія изъ признанія уголовной виновности субъекта, 3) ограниченія, вытекающія изъ признанія несоотвѣтственности дѣянія субъекта въ корпоративно-моральномъ отношеніи. Разсмотримъ содержаніе ихъ и дѣйствіе на нихъ интересующихъ насъ институтовъ.

1. Ограниченія, вытекающія изъ признанія воспрещенности дѣянія.

Законодательство, признавая отдѣльныя дѣянія недозволенными, санкціонируетъ такую недозволенность или указаніемъ на недѣйствительность съ правовой точки зрѣнія учиненнаго, какъ напр., при нѣкоторыхъ гражданскихъ сдѣлкахъ, или требованіемъ возстановленія или измѣненія сдѣланнаго, если дальнѣйшее существованіе его въ неправильномъ видѣ грозитъ безопасности и благосостоянію, или, наконецъ, присоединеніемъ угрозы карательнаго воздѣйствія, если къ указаннымъ цѣлямъ присоединяется стремленіе предупредительнаго вліянія. Каждое изъ этихъ послѣдствій можетъ имѣть тягостный для учинившаго дѣяніе характеръ, но только послѣднему присущъ характеръ репрессивный въ томъ видѣ, какъ мы его опредѣлили. Устраненіе репрессіи, производимое

амнистіей или общимъ прощеніемъ, затрагиваетъ только последствія последней категоріи. Здѣсь погашается только преступность дѣянія, но не его воспрещенность; здѣсь сохраняется извѣстная опасность его въ экономическомъ или полицейскомъ отношеніи, могущая требовать принятія соотвѣтственныхъ мѣръ. Законодатель, при созданіи закона, возводитъ извѣстныя послѣдствія дѣянія въ просто воспрещенныя или въ уголовныя, въ зависимости отъ преобладающаго момента безопасности или репрессіи, и такая классификація оказываетъ свое вліяніе при конструкціи мѣръ, погашающихъ репрессію (давности, помилованія и пр.).

Въ русскомъ правѣ по улож. о нак. систематизація ограниченій, вытекающихъ изъ одной воспрещенности дѣянія, произведена крайне несовершенно; они смѣшаны съ дополнительными наказаніями. Въ угол. улож. 1903 г. эта систематизація произведена болѣе точно въ ст. 36 и 37. Но такой недостатокъ дѣйствующаго законодательства восполнялся самими всемилостивѣйшими манифестами, которые содержали особое постановленіе о тѣхъ послѣдствіяхъ, на которыя не распространяется сила всемилостивѣйшаго манифеста (напр. манифестъ 1904 г. ст. XIX п. 14). Неустраняемыя послѣдствія воспрещенности сводятся нынѣ къ слѣдующимъ. Общее прощеніе не распространяется: 1) на уплату стоимости патента, торговаго или промысловаго свидѣтельства, причитающагося акциза или иного сбора (но не на взысканіе двойной стоимости похищеннаго лѣса по ст. 158^1 уст. о нак.); это послѣдствіе установлено въ огражденіе фискальныхъ повинностей; 2) отъ уплаты судебныхъ издержекъ, присужденныхъ въ возмѣщеніе расходовъ казны,—фискальное послѣдствіе; 3) отъ отобранія въ установленныхъ закономъ случаяхъ вещей и предметовъ или взысканія ихъ стоимости (см. ст. 36 уг. ул.); сюда относятся: а) предметы, которые запрещается изготовлять, продавать, распространять, имѣть при себѣ, хранить, б) вещи, предназначавшіяся или служившія для совершенія преступныхъ дѣяній, когда отобраніе ихъ предусмотрѣно закономъ, и в) иные, особо указанные въ законѣ предметы; 4) отъ обязанности исправленія или уничтоженія всего

допущеннаго вопреки требованіямъ закона; сюда относится все неправильно построенное, открытое, устроенное, перестроенное, исправленное или возобновленное, если оно будетъ признано вреднымъ для общественной безопасности или народнаго здравія или если учинены дѣянія, упомянутыя въ ст. 37 уг. ул.; относительно закрытія неправильно открытаго всемилостивѣйшіе манифесты не говорятъ, хотя оно также относится къ мѣрамъ безопасности. Къ этимъ 4 обязанностямъ практика присоединяетъ: 5) манифесты не освобождаютъ отъ потери суммы, представленной въ видѣ мѣры пресѣченія неуклоненія отъ суда, въ случаѣ такого уклоненія (95/43); конечно, взысканіе этой суммы не имѣетъ характера уголовной кары, но правильнѣе признавать, что въ своемъ положеніи она слѣдуетъ судьбѣ главнаго вопроса объ уголовной виновности, составляющаго, въ силу ст. 421 уст. уг. суд., ея необходимую предпосылку; съ устраненіемъ преступности дѣянія отпадаетъ и допустимость назначенія мѣръ пресѣченія, а, слѣдовательно, и взысканія за неисполненіе назначенныхъ мѣръ. Дѣйствіе всемилостивѣйшихъ манифестовъ въ отношеніи устраненія ограниченій, вытекающихъ изъ противозаконности, опредѣлено такимъ образомъ довольно точно. Что же касается амнистіи, то нераспространеніе ея на эти послѣдствія также должно признаваться общимъ образомъ, если въ законѣ не оговорено противное. Но въ случаяхъ предоставленія амнистіи интересъ погашенія репрессіи можетъ представляться столь интенсивнымъ, что эти послѣдствія, содержащія вообще нѣкоторый элементъ репрессіи, обычно игнорируемый законодателемъ и потому не принимаемый во вниманіе при конструкціи, въ данномъ конкретномъ случаѣ будутъ также погашены.

2. Ограниченія, вытекающія изъ признанія уголовной виновности субъекта.

Наиболѣе значительной группой ограниченій является группа тѣхъ, которыя имѣютъ своею предпосылкой уголовную виновность субъекта. У насъ до сихъ поръ говорятъ, что

преступленіе кладетъ извѣстную печать на человѣка; эта печать состоитъ въ рядѣ измѣнившихся соціальныхъ отношеній человѣка, въ уменьшеніи его правъ, какъ члена государственнаго цѣлаго. Ограниченія подобнаго рода обладаютъ репрессивнымъ характеромъ и въ своей совокупности составляютъ ту область, на которую по преимуществу распространяется дѣйствіе амнистіи. Отпаденіе ихъ въ этомъ случаѣ вызывается устраненіемъ ихъ основной предпосылки—уголовной виновности субъекта: амнистированное дѣяніе изъ уголовно-наказуемаго становится уголовно-безразличнымъ.

Если дѣйствіе амнистіи въ данномъ случаѣ представляется сравнительно простымъ, то дѣйствіе общаго прощенія, какъ оно конструировано по русскому праву, представляется весьма сложнымъ и неустойчивымъ. Остановимся на разсмотрѣніи его въ томъ видѣ, въ какомъ оно проявлялось до изданія осн. законовъ.

Прежде всего приходится провести различіе между ограниченіями, вытекающими изъ уголовной виновности субъекта: А) *констатированной судебнымъ приговоромъ* и Б) лишь *презумируемой судомъ*. Дѣйствіе общаго прощенія въ томъ и другомъ случаѣ различно. Остановимся сначала на первыхъ.

А. Къ числу ограниченій, вытекающихъ *изъ констатированной судомъ виновности субъекта*, относятся всѣ тѣ, которыя являются послѣдствіемъ вступившаго въ законную силу судебнаго приговора и упоминаются общимъ образомъ въ самомъ приговорѣ. Сюда относятся правоограниченія, упомянутыя въ ст. 43—58 улож. о нак. или въ ст. 25—34 угол. улож. 1903 г. Уложеніе о нак. неправильно называетъ эти ограниченія послѣдствіями наказанія (см. оглавленіе отд. I гл. 2 „о родахъ, степеняхъ и послѣдствіяхъ наказаній“ и ст. 167); согласно его конструкціи—это суть сопровождающія присужденіе къ извѣстнымъ наказаніямъ праволишенія. Относительно ихъ ст. 167 постановляетъ: „послѣдствія наказаній, уже понесенныхъ виновными, отмѣняются лишь въ тѣхъ случаяхъ, если сіе въ дарующемъ прощеніе указѣ или общемъ милостивомъ манифестѣ именно постановлено [1])“. Угол. улож.

[1]) Практика Сената иногда разсматривала запрещеніе впредь отправлять

1903 г., не говоря особо о „послѣдствіяхъ наказанія“, указываетъ, что сила и пространство помилованія и прощенія опредѣляются въ томъ самомъ высочайшемъ повелѣніи, или указѣ, или общемъ милостивомъ манифестѣ, коимъ смягчается участь виновныхъ или же даруется имъ совершенное прощеніе“.

Въ практикѣ милостивыхъ манифестовъ и указовъ мы видимъ неоднократно отмѣну и замѣну указанныхъ выше правоограниченій. 1) По отношенію къ лицамъ *должностнымъ* мы встрѣчаемъ отмѣну ограниченій, сопряженныхъ съ присужденіемъ къ взысканіямъ (ст. 65 п. 2—9 улож.), въ отношеніи дальнѣйшаго прохожденія службы и полученія пенсій и наградъ, за исключеніемъ знаковъ безпорочной службы и ордена св. Владиміра за выслугу лѣтъ (ман. 1883 г. и слѣд.); замѣну исключенія со службы, лишающаго права обратнаго поступленія на нее (ст. 199 уст. о служ.), отрѣшеніемъ отъ должности, не имѣющимъ таковой силы (маниф. 1904 г.). 2) По отношенію *къ политическимъ преступникамъ* мы встрѣчаемъ возведеніе въ первобытное достоинство съ возвращеніемъ чиновъ и дворянства (указъ 1801 г.) или только правъ потомственнаго дворянства (ман. 1855, 1883 г.г.); или правъ происхожденія вообще (1904 г.); отмѣну всѣхъ послѣдствій наказанія (указъ 1905 г.); замѣну лишенія всѣхъ правъ состоянія лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ по ст. 43 улож. о нак. (указъ 21 октября 1905 г.). 3) По отношенію къ *отдѣльнымъ группамъ преступниковъ*—устраненіе отдѣльныхъ правоограниченій: права участвовать въ дворянскихъ выборахъ и быть избираемымъ (указъ 9 декабря 1815 г.), права записываться въ купечество (П. С. З. 27592), возстановленіе права на занятіе должностей крестьянскаго общественнаго управленія для лицъ, подвергнутыхъ тѣлеснымъ наказаніямъ по приговорамъ волостныхъ судовъ (маниф. 1904 г.), сокращеніе срока запрещенія избранія мѣста жительства и

должности цензоровъ и нотаріусовъ по ст. 462, 463, 1005, 1007 улож. какъ особое наказаніе, не требующее спеціальнаго упоминанія въ манифестѣ (85/9); наоборотъ, лишеніе права надзора за малолѣтними и несовершеннолѣтними, какъ правоограниченіе, отмѣна котораго должна быть спеціально оговорена въ манифестѣ (96/11).

проч. Возстановленіе правъ рѣдко происходило полностью, въ большинствѣ случаевъ даровались лишь отдѣльныя облегченія. Возстановленія правъ семейственныхъ и имущественныхъ мы не встрѣчаемъ.

Б. Переходимъ къ ограниченіямъ, вытекающимъ изъ *презумируемой судомъ виновности субъекта*. Подобнаго рода ограниченія являются пережиткомъ того строя процесса, когда самому факту состоянія подъ слѣдствіемъ и судомъ придавалось извѣстное уличающее значеніе. Судебные уставы выставили презумпцію невинности привлеченнаго къ суду. Но праволишенія, наросшія на строѣ стараго процесса, перешли въ процессъ реформированный и являются безпочвенными остатками прошлаго, порою заботливо культивируемыми близорукимъ законодателемъ.

Въ случаѣ прекращенія по актамъ общаго прощенія дѣлъ, по которымъ еще не состоялся окончательный приговоръ, за обвиняемыми и подсудимыми сохраняются нѣкоторыя праволишенія. Они сводятся къ слѣдующимъ:

а) Лица, *состоявшія подъ судомъ* или подвергшіяся суду, когда они не оправданы судебными приговорами, лишаются: 1) правъ судебной должности: быть присяжными засѣдателями (ст. 82 учр. суд. уст.), мировыми судьями (ст. 21 учр.), занимать судебныя должности въ общихъ судебныхъ мѣстахъ (ст. 201 учр.), быть земскими начальниками (ст. 10 полож. 1889 г.), присяжными повѣренными (ст. 355 п. 6 учр.), повѣренными по чужимъ дѣламъ (ст. 45, 246 уст. гражд. суд.), частными повѣренными (ст. 406[5]), если они были подъ судомъ за преступленія и проступки, влекущіе заключеніе въ тюрьмѣ или наказаніе болѣе строгое; 2) права участія въ выборахъ въ Государственную Думу, если они состояли подъ судомъ за преступленія, влекущія лишеніе или ограниченіе правъ состоянія либо исключеніе со службы, а равно за цѣлый рядъ имущественныхъ преступленій (ст. 7 полож. о выб. 6 августа 1905 г.).

б) Чиновники, *бывшіе подъ слѣдствіемъ и судомъ*, но освобожденные силою всемилостивѣйшаго манифеста, лишаются права на пенсію и нѣкоторые знаки отличія, если они

обвинялись въ преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою наказанія, лишающія права на пенсію, т. е. соединенныя съ ограниченіемъ или лишеніемъ правъ состоянія, а равно съ исключеніемъ со службы или отрѣшеніемъ отъ должности (ст. 24 уст. о пенс. изд. 1896 г.); права семей такихъ чиновниковъ на полученіе пенсіи также подвергаются ограниченіямъ (ст. 199 тамъ же).

Ограниченія, установленныя для чиновниковъ относительно правъ на полученіе пенсіи, распространяются и на стадію слѣдствія, прочія же ограниченія только на стадію состоянія подъ судомъ, т. е. послѣ акта преданія суду.

Установленіе ограниченій для первой категоріи (а) состоявшихъ подъ судомъ имѣло вполнѣ опредѣленную цѣль. Составители судебныхъ уставовъ хотѣли устранить отъ судебной службы тотъ громадный контингентъ сомнительныхъ дѣятелей, который составлялся изъ лицъ, по прежде дѣйствовавшимъ законамъ оставленныхъ въ подозрѣніи по недостатку формальныхъ доказательствъ и помилованныхъ широкими всемилостивѣйшими манифестами [1]). Практика, слѣдуя точной редакціи закона, также признала, что права судебной службы теряются лицами, судебные приговоры о коихъ не состоялись за прекращеніемъ дѣлъ по манифесту, въ виду того, что за неразсмотрѣніемъ дѣлъ о преданномъ суду лицѣ въ судебномъ засѣданіи не представляется возможнымъ опредѣлить ни степень его виновности, ни мѣру отвѣтственности (О. С. 1875 г. № 60) [2]). Такимъ образомъ судебнаго ценза лишались лица, освобожденныя судомъ по 2 п. ст. 771 уст. Для примѣненія этихъ ограниченій необходимо, чтобы дан-

---

[1]) Объяснительная записка къ проекту 1900 г. т. III, Учр. суд. уст., стр. 27.

[2]) И. Я. Фойницкій, Курсъ уголовнаго судопроизводства, т. I, 1896 г., стр. 222, вполнѣ правильно подчеркиваетъ ограниченіе такого дѣйствія лицами, преданными суду. Совершенно произвольнымъ и немотивированнымъ является дальнѣйшее расширеніе презумпціи, производимое проектомъ новой ред. учр. суд. уст., лишающее правъ судебной службы лицъ, „*слѣдствія* и *дѣла* о коихъ прекращены за силою манифеста“ или привлеченныхъ въ качествѣ *обвиняемыхъ*, дѣла о которыхъ прекращены за силою манифеста (Объясн. зап., 1900 г., т. III, стр. 28; ст. 396, 65 и пр.). Такія лица не сумѣютъ воспользоваться и ст. 772 уст. угол. суд. для своей реабилитаціи.

ныя лица состояли подъ судомъ за дѣяніе, влекущее по крайней мѣрѣ заключеніе въ тюрьмѣ [1]). Ст. 7 полож. 6 авг. 1905 г., не уследивъ руководящей мысли этого ограниченія, распространила его и на право участія въ выборахъ въ Государственную Думу [2]).

Но это ограниченіе, основанное на презумпціи виновности, не является неизбѣжнымъ для подсудимаго: въ силу ст. 772 уст. угол. суд. освобожденный отъ суда можетъ требовать, чтобы судъ опредѣлилъ его виновность и то наказаніе, которому онъ подлежалъ бы. Такія просьбы должны быть заявляемы не позже, какъ при объявленіи протокола приговора освобожденному отъ суда (ст. 773) [3]). Въ случаѣ констатированія его невинности такимъ путемъ, означенныя ограниченія отпадаютъ; въ случаѣ же признанія виновности сохраняются, другія же праволишенія, сопряженныя съ указаннымъ въ такомъ приговорѣ наказаніемъ, не вступаютъ въ силу [4]).

---

[1]) Неправильнымъ взглядомъ практики является положеніе, что права судебной службы явятся лишенными лица, преданныя суду по обвиненію въ преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ наказаніе въ тюрьмѣ или болѣе строгое, хотя бы они были приговоромъ присуждены къ наказаніямъ менѣе тяжкимъ (о. с. 1875 г. № 6). Проф. Фойницкій считаетъ даже лишеніе правъ судебной службы при присужденіи къ тюрьмѣ чрезмѣрно строгимъ, а здѣсь мы будемъ имѣть такое лишеніе даже при присужденіи къ аресту, денежной пенѣ или выговору. Такой выводъ могъ бы быть сдѣланъ, если бы за тяжестью дѣянія, указанной въ законѣ, скрывалось implicite указаніе на опредѣленныя преступныя дѣянія, заслуживающія строгой репрессіи; но въ нашемъ правѣ тождество дѣянія въ окончательномъ приговорѣ по сравненію съ формулировкой обвиненія строго не проводится (см. М. Немировскій, Отношеніе приговора къ обвиненію, 1906) и потому соотвѣтственной презумпціи установить нельзя.

[2]) Мы здѣсь встрѣчаемъ дальнѣйшее ухудшеніе въ видѣ перечисленія спеціальныхъ категорій дѣяній, безусловно лишающихъ этого права.

[3]) Св. зак., т. XV, кн. II, ст. 492 предоставляла частнымъ лицамъ, дѣла о которыхъ прекращены по манифесту, обращаться въ судъ для законнаго оправданія, безъ всякихъ ограниченій. Но при составленіи судебныхъ уставовъ было выражено правило это опредѣлительнѣе и указанъ срокъ подачи просьбъ о возобновленіи. (Журналъ Госуд. Совѣта, 1864, № 471).

[4]) Отъ этого порядка отличается порядокъ, принятый и проводимый всемилостивѣйшими манифестами. Развитіе права требовать продолженія прекращаемыхъ по манифесту дѣлъ начинается съ манифеста 1826 г., въ которомъ было указано: „само собою разумѣется, что симъ не затрагиваются средства закон-

Для чиновниковъ ограниченія относительно полученія пенсіи установлены и въ томъ случаѣ, если дѣла о нихъ прекращены на стадіи слѣдствія. Для нихъ уже дѣйствіе ст. 772 уст. угол. суд. представляется недостаточнымъ, такъ какъ она примѣнима только въ мѣстахъ окончательнаго производства, а ст. 1117—1125 того-же устава установленъ особый порядокъ „въ цѣляхъ опредѣленія права ихъ самихъ или семействъ ихъ на пенсію". Этотъ порядокъ, выработанный правилами 26 мая 1836 г. (П. С. З. 9222), перенесенъ былъ въ судебно-уголовные законы 1842 и 1857 г.г. (ст. 687—693), а оттуда въ уставъ уголовнаго судопроизвод-

---

наго оправданія тѣхъ изъ подсудимыхъ, кои по убѣжденію въ невинности своей, сами пожелаютъ таковаго оправданія". Запрета примѣнять къ нимъ милость въ случаѣ осужденія установлено не было. Это ограниченіе создается лишь Высоч. утвержд. мнѣніемъ Госуд. Совѣта отъ 7 декабря 1842 г. (П. С. З., 16300): „Кто принесъ подобную просьбу (просьбу о судѣ на основаніи законовъ), тотъ не можетъ уже, если оправданіе его не будетъ признано достаточнымъ, подводимъ быть снова подъ силу манифеста. Иначе,—кромѣ неудобствъ въ отношеніи правительственномъ—слѣдовало бы и напрасное обремененіе для судебныхъ мѣстъ, ибо неминуемо всѣ подпавшіе отвѣтственности не переставали бы просить о разсмотрѣніи касающихся до нихъ дѣлъ на основаніи законовъ, въ надеждѣ, что если они не сумѣютъ достигнуть оправданія по суду, то все однако-же воспользуются прощеніемъ по манифесту". Въ манифестѣ 1855 г. подтверждается право лицъ, дѣла коихъ прекращаются, просить о продолженіи слѣдствія и суда, но осуществленіе его ограничивается срокомъ въ 1 годъ со дня обнародованія манифеста для лицъ, уже привлеченныхъ къ отвѣтственности, и въ 1 мѣсяцъ для тѣхъ, которые впослѣдствіи будутъ подведены подъ манифестъ за послѣдующимъ обнаруженіемъ ихъ деянія. Но лица, представившія такія просьбы, уже не могутъ подлежать прощенію по силѣ даннаго манифеста. Тѣ же предписанія содержатъ и дальнѣйшіе манифесты; но начиная съ манифеста 1883 г. для подобныхъ просьбъ устанавливается общій срокъ въ 1 мѣсяцъ со дня объявленія въ установленномъ порядкѣ о прекращеніи производства дѣла о нихъ.

Для согласованія порядка, установленнаго въ законѣ, съ порядкомъ, предписываемымъ манифестами, слѣдуетъ имѣть въ виду, что послѣдній имѣетъ лишь дополнительное значеніе. Онъ распространяется: 1) и на лицъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ, 2) на тѣхъ, которыя пропустили срокъ заявки о желаніи имѣть приговоръ, устанавливающій ихъ виновность или невинность, т. е. не заявили о томъ при объявленіи имъ приговора, 3) на тѣхъ, которыя желаютъ обжаловать состоявшійся относительно ихъ неокончательный обвинительный приговоръ. Манифестами имъ предоставляется возможность требовать возобновленія и продолженія дѣла, но съ существеннымъ ограниченіемъ—въ видѣ риска подвергнуться всѣмъ законнымъ послѣдствіямъ осужденія. Наличность такихъ двухъ различныхъ порядковъ едва ли вызывается необходимостью.

ства безъ особыхъ измѣненій. Онъ сводится къ слѣдующему. Должностныя лица, подведенныя подъ манифестъ безъ судебнаго опредѣленія вины ихъ или невинности, могутъ просить судъ о возобновленіи ихъ дѣлъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ для находящихся въ Имперіи и въ теченіе 1 года для пребывающихъ заграницей, считая со дня объявленія приговора (въ сводѣ зак.—1 годъ и 2 г.). Если просьба подается членами семейства должностного лица за смертью послѣдняго, то въ ней означается, что она подается ради пенсіи. Подача просьбы членами семейства допускается въ томъ случаѣ, если само должностное лицо умерло до истеченія срока подачи; въ этихъ случаяхъ возстанавливается для нихъ полный срокъ, считая со дня смерти; въ качествѣ приложенія необходимо свидѣтельство о времени смерти. Уставъ военносудебный повторяетъ буквально эти статьи устава уг. суд. (ст. 955 — 961) съ тѣмъ единственнымъ различіемъ, что лица, желающія возбудить дѣло, должны обратиться съ просьбой не прямо въ судъ, а къ надлежащему начальству; это постановлено въ виду невозможности допустить въ военносудебномъ вѣдомствѣ возникшихъ дѣлъ безъ вѣдома военнаго начальства [1]). Проектъ новой редакціи 1900 г. въ ст. 1335—1341 воспроизводитъ соотвѣтственныя постановленія съ небольшими измѣненіями редакціоннаго свойства.

Наличность этихъ особыхъ правилъ едва ли вызывается необходимостью. Существо ихъ сводится, съ одной стороны, къ предоставленію должностнымъ лицамъ особыхъ льготъ по возобновленію дѣла по сравненію съ частными лицами въ виду того, что отъ такого прекращенія зависитъ ихъ жизненный интересъ на полученіе пенсіи. Эти льготы состоятъ: 1) въ продолженіи срока подачи просьбы о возобновленіи [2]) и 2) въ уполномочіи ихъ семействъ на подачу подобной просьбы въ случаѣ ихъ смерти. Реальное значеніе первой льготы едва ли велико: срокъ вообще долженъ быть

---

[1]) Мартыновъ. Уставъ военно-судебный. 1906. стр. 498.

[2]) По ст. 773 подача просьбы возможна не позже момента объявленія приговора.

приспособленъ къ удобному пользованію своимъ правомъ, и продолженіе его въ данномъ случаѣ указываетъ или на чрезмѣрную продолжительность его здѣсь или на крайнюю недостаточность его въ случаѣ ст. 772 или по манифесту. Въ обоихъ случаяхъ эти недостатки должны быть устранены установленіемъ одного соотвѣтственнаго срока. Что касается второй льготы, то она, устанавливая рѣзкое исключеніе изъ основного принципа уголовнаго процесса о личномъ присутствіи обвиняемаго на судѣ, заставляетъ производить судъ въ интересахъ частныхъ и административныхъ. Несоотвѣтствіе это можетъ быть устранено передачей вопросовъ о назначеніи пенсіи въ подобныхъ случаяхъ органамъ административной юстиціи съ устраненіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ категоричности постановленія пенсіоннаго устава о лишеніи пенсіи лицъ, освобожденныхъ отъ суда за смертью или манифестомъ. Вопросъ тогда будетъ рѣшаться съ принятіемъ во вниманіе значительно болѣе разнообразныхъ условій. Но съ другой стороны, въ этомъ особомъ порядкѣ мы встрѣчаемъ ухудшеніе въ видѣ риска подвергнуться всѣмъ взысканіямъ, грозящимъ по закону, отъ чего избавлены лица, обращающіяся въ судъ по ст. 772 уст. уг. суд. Такимъ образомъ въ дѣйствующемъ правѣ установленъ рядъ презумпцій виновности, основанныхъ не на судебномъ приговорѣ, а лишь на фактѣ привлеченія къ слѣдствію или суду.

Такія презумпціи—слѣдъ инквизиціоннаго процесса и не мирятся съ началами гражданской свободы, по которымъ каждый, доколѣ онъ не осужденъ, почитается невиннымъ. Если прекращеніе преслѣдованія не освобождаетъ привлеченнаго къ суду отъ всякихъ ограниченій, дѣло вообще не должно быть прекращено: частичная аболиція не допустима. Приговоры объ освобожденіи отъ суда, поскольку имъ не присвоено полной силы оправдательныхъ приговоровъ съ точки зрѣнія устраненія всѣхъ презумпцій виновности, явятся третьей формой приговоровъ, весьма аналогичной приговорамъ объ оставленіи въ подозрѣніи съ тѣмъ лишь ухудшеніемъ, что въ этихъ послѣднихъ подозрѣніе остается въ силу рѣшенія суда, а въ первыхъ — въ силу постановленія за-

кона, слѣдовательно съ меньшимъ принятіемъ во вниманіе дѣйствительныхъ обстоятельствъ.

Если для послѣдствій осужденія, т. е. виновности, констатированной судомъ, право, дѣйствовавшее до появленія ст. 23 осн. зак., признавало для монарха возможность отмѣны, то для послѣдствій одной только презумированной виновности такой возможности не было создано. Ограниченія, вытекающія изъ такой виновности, отнесены къ послѣдствіямъ наказанія отнюдь быть не могутъ. Абсолютный характеръ ихъ, наоборотъ, подчеркивается (хотя бы въ ст. 7 полож. 6 августа 1905 г.). На практикѣ также мы не встрѣчаемъ возстановленія правъ для такихъ лицъ. Конечно, странно было бы, если съ лица осужденнаго ограниченія могли были бы сняты, а съ лица, виновность котораго только презумируется— нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что мы имѣемъ здѣсь случай пробѣла закона, восполнявшагося, однако, до сихъ поръ неограниченностью и нерегулированностью прерогативы помилованія. Относительно же возможности погашенія этихъ ограниченій актомъ амнистіи сомнѣній нѣтъ, ибо амнистія устраняетъ уголовную виновность а съ нею и всѣ вытекающія ограниченія.

Допустимо ли распространеніе силы общаго прощенія на ограниченія, вытекающія изъ признанія уголовной виновности субъекта, послѣ появленія ст. 23 осн. зак., регулирующей предѣлы прерогативы прощенія? Вопросъ этотъ крайне важенъ для установленія различія дѣйствія общаго помилованія или прощенія и амнистіи: чѣмъ сильнѣе сужается прерогатива прощенія, тѣмъ больше проявляется потребность въ признаніи самостоятельнаго существованія права амнистіи.

По точному смыслу ст. 23 осн. зак., дѣйствіе общаго прощенія не распространяется на послѣдствія наказаній, къ каковымъ въ уложеніи о наказ. отнесены всѣ праволишенія, сопряженныя съ осужденіемъ. Необходимость специальной оговорки относительно послѣдствій наказанія или послѣдствій привлеченія къ суду явствуетъ хотя бы изъ ст. 1 указа 21 октября 1905 г., гдѣ эта оговорка содержится на ряду съ указаніемъ объ освобожденіи отъ наказанія. Отсутствіе ея въ

ст. 23 является рѣшительнымъ аргументомъ въ пользу признанія невозможности отмѣны этихъ послѣдствій актами общаго прощенія. Ограниченіе верховной прерогативы въ этой области не представлялось бы случайнымъ фактомъ, вызваннымъ однимъ только недоразумѣніемъ, хотя бы потому, что въ этой области давно уже замѣчается стремленіе сузить границы милости (продуктомъ этого стремленія является, напр., сама ст. 167 улож.); преступленія, соединенныя съ праволишеніями, начиная съ Александра II изъемлются изъ полнаго прощенія. Невнесеніе упоминанія объ этомъ въ основные законы, задачей которыхъ, между прочимъ, было усилить значеніе судебной власти, является лишь дальнѣйшимъ шагомъ въ направленіи „преобладенія правосудія надъ милосердіемъ". Съ другой стороны, Верховной власти все-же предоставлена возможность возвращенія нѣкоторыхъ правъ осужденнымъ: именно ст. 19 осн. зак. предоставляетъ монарху право жаловать права состоянія, ордена и отличія. Дарованіе такихъ правъ возможно, конечно, и лицамъ, лишеннымъ правъ состоянія по суду или лишившимся вслѣдствіе извѣстнаго приговора правъ на полученіе отличій и орденовъ. Объемъ этихъ двухъ правъ монарха приблизительно совпадаетъ съ тѣмъ, который проявлялся в прежнихъ манифестахъ (см. выше стр. 302); нѣкоторое суженіе мы видимъ лишь по отношенію къ должностнымъ лицамъ; но широкое примѣненіе милостей къ нимъ, если они учинили должностныя преступленія, трудно совмѣстимо съ правовымъ строемъ. Такимъ образомъ, основные законы только закрѣпили какъ бы практику манифестовъ, нѣсколько урегулировавъ ее.

Права состоянія, согласно опредѣленію ст. 25 угол. улож., примѣнимому и къ улож. о нак., состоятъ для дворянъ—въ личномъ и потомственномъ дворянствѣ и преимуществахъ, съ нимъ сопряженныхъ, для лицъ духовнаго званія—въ духовномъ званіи и санѣ и соединенныхъ съ ними преимуществахъ, для почетныхъ гражданъ, купцовъ и людей прочихъ состояній—въ правахъ и преимуществахъ, каждому изъ сихъ состояній въ особенности присвоенныхъ. Только на возстановленіе этихъ правъ уполномочена Верховная власть по

основнымъ законамъ, остальныя же правоограниченія: личныя, имущественныя и семейственныя и общественно-публичныя могутъ быть возстановлены только актомъ амнистіи (ст. 28—30 угол. улож.; ст. 43 п. 1—6, 46, 47 улож. о наказ.).

Такимъ образомъ въ области устраненія правоограниченій мы находимъ существенное различіе между правовымъ дѣйствіемъ общаго прощенія и амнистіи.

3. Ограниченія, вытекающія изъ признанія несоотвѣтственности дѣянія въ корпоративно-моральномъ отношеніи.

Преступное дѣяніе параллельно съ карательною властью, принадлежащею государству, вызываетъ къ дѣйствію и дисциплинарную власть, присвоенную различнымъ корпораціямъ и сословіямъ. Осуществляется эта власть самостоятельно, независимо отъ государственной репрессіи и по принципамъ, отличнымъ отъ господствующихъ въ послѣдней: если для примѣненія государственной репрессіи важенъ исключительно вопросъ объ уголовной виновности, то для примѣненія власти дисциплинарной, принадлежащей корпораціямъ или обществамъ, важенъ иногда вопросъ о нравственной виновности или о совмѣстимости съ установленнымъ въ этихъ корпораціяхъ понятіемъ чести. Изслѣдованіе примѣненія этой власти не представляло бы интереса для конструкціи публично-правовыхъ отношеній, если бы законодательство не связывало съ исключеніемъ изъ извѣстныхъ обществъ правоограничительной силы или если бы оно не обязывало бы ихъ къ наложенію извѣстныхъ ограниченій въ случаѣ учиненія сочленомъ данной общественной группы преступнаго дѣянія опредѣленной тяжести. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть, собственно, делегацію публичной власти этимъ обществамъ, во второмъ—непосредственные акты публичной власти, исполняемые лишь посредствомъ какихъ либо обществъ.

Въ русскомъ правѣ слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторые случаи проявленія такой дисциплинарной власти, имѣющія публично-правовое значеніе.

Такъ, въ Свод. зак. т. XV кн. I ст. 166 (изд. 1842 г.), въ согласіи съ постановленіями указовъ 2 апрѣля 1827 г. и 6 декабря 1831 г., указывалось, что „прощеніе, общимъ милостивымъ манифестомъ даруемое, не отмѣняетъ права, сословію дворянства принадлежащаго: исключать изъ собранія дворянина, опороченнаго судомъ или котораго явный и безчествый поступокъ всѣмъ извѣстенъ". Въ св. зак. изд. 1833 г. кромѣ этой, существовала еще ст. 152, предписывавшая сообщать дворянскому обществу чрезъ предводителя о всякомъ дворянинѣ, бывшемъ подъ судомъ и прощенномъ по силѣ всемилостивѣйшаго манифеста, очевидно, въ цѣляхъ обсужденія его поступка. Такимъ образомъ, дворянское общество могло налагать или сохранять тяжкое взысканіе, несмотря на общее прощеніе. Съ изданіемъ улож. о нак. 1845 г. ограниченіе это перенесено въ отдѣлъ о правахъ и преимуществахъ дворянскихъ собраній (ст. 160 т. IX) [1]. Противъ такого огражденія права исключенія изъ корпоративной единицы спорить нельзя, но слѣдуетъ признать крайней ненормальностью сохраненіе за приговорами объ исключеніи изъ дворянскихъ и иныхъ обществъ значенія условій, препятствующихъ поступленію на службу (напр. судебную, по ст. 21, 82, 201 учр. суд. уст.) и прохожденію ея или лишающихъ права участія въ государственныхъ выборахъ (ст. 7 полож. о выб.) и проч. Такое публично-правовое значеніе этихъ приговоровъ стѣсняетъ отжившими сословными взглядами свободное развитіе гражданственности.

Далѣе, общее прощеніе не затрагиваетъ дисциплинарной власти, принадлежащей церкви и проявляющейся въ правѣ подвергать провинившихся церковному покаянію. Ст. 167 улож. о нак. постановляетъ: „церковное покаяніе, къ коему прощенный виновный былъ присужденъ, прекращается или продолжается по усмотрѣнію духовнаго начальства его вѣроисповѣданія". Постановленіе это можетъ имѣть публично правовое значеніе нынѣ, когда уголовный законъ въ извѣстныхъ

---

[1]) Н. С. Таганцевъ, Лекціи по русскому уголовному праву, 1902 г., т. II. стр. 1459.

случаяхъ обязательно предписываетъ суду подвергнуть осужденнаго церковному покаянію. Съ введеніемъ уложенія 1903 года, окончательно исключившаго этотъ видъ взысканія изъ числа предусматриваемыхъ уголовнымъ законодательствомъ, церковное покаяніе станетъ исключительно дисциплинарною мѣрою, принадлежащею церкви, и, какъ таковая, будетъ стоять внѣ государственнаго воздѣйствія.

Наконецъ, общее прощеніе не затрагиваетъ права совѣта присяжныхъ повѣренныхъ исключать изъ своей среды лицъ, привлеченныхъ къ суду или осужденныхъ за преступленія и проступки, хотя и подведенные подъ дѣйствіе всемилостивѣйшаго манифеста (ст. 368 учр.). Исключеніе является *обязательнымъ* для совѣта въ силу п. 4 ст. 355 учр. по отношенію къ сочленамъ, которые были преданы суду за преступленія и проступки, влекущіе лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, и не были оправданы. Такое предписаніе закона, лишающее корпорацію права свободной оцѣнки поведенія своихъ членовъ, подпавшихъ подъ дѣйствіе всемилостивѣйшаго манифеста, является крайней ненормальностью, и С.-Петербургское Юридическое Общество вполнѣ справедливо указывало въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ 1900 г. на необходимость оставить здѣсь свободное мѣсто для усмотрѣнія совѣта [1]).

Устраненіе этихъ ограниченій не можетъ быть производимо актами общаго прощенія. Что же касается амнистіи, то она устраняетъ силу ограничительныхъ постановленій различныхъ корпорацій, если они состоялись въ силу требованія закона (напр., необходимое церковное покаяніе или необходимое исключеніе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ), въ остальныхъ же случаяхъ она является лишь основаніемъ для пересмотра рѣшенія самой корпораціи.

III. Устраненіе взысканій, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ.

Благодаря сосредоточенію въ рукахъ административныхъ и, въ частности, полицейскихъ органовъ значительной власти

[1]) Труды коммисіи по пересмотру положеній о судебной части, т. VI, стр. 64.

принужденія и наложенія взысканій, чрезмѣрно усиливаемой всякими исключительными положеніями, репрессія, примѣняемая органами администраціи, становится крупнымъ зломъ соціальной жизни. Соціальное значеніе и политическая доброкачественность подобной репрессіи стоятъ неизмѣримо ниже судебной. Она находитъ свою поддержку не въ общественномъ мнѣніи, а въ принудительной силѣ; ея примѣненіе гораздо произвольнѣе, органы ея назначенія значительно менѣе авторитетны. Поэтому, при погашеніи репрессіи, въ первую очередь всегда долженъ быть поставленъ вопросъ объ устраненіи всѣхъ взысканій, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ. До появленія судебныхъ уставовъ рѣзкой грани между судебнымъ и административнымъ порядкомъ провести нельзя было. Судебные уставы дали преимущество чисто судебному порядку, но этотъ послѣдній испыталъ значительныя ограниченія и изъятія благодаря дальнѣйшимъ временнымъ правиламъ и законамъ.

Въ настоящее время наложеніе взысканій администраціей безъ суда допускается: 1) въ порядкѣ ст. 1035 сл. уст. угол. суд.; 2) въ порядкѣ ст. 15 п. 2 и ст. 16 п. 4, ст. 26, 32—36 полож. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и 3) въ порядкѣ ст. 19 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи (т. II ст. 23) и, наконецъ, 4) въ порядкѣ ст. 205 т. XIV уст. учред. и прес. по прод. 1902 г. [1]).

Устраненіе этихъ взысканій мы находимъ въ актахъ общаго прощенія (начиная съ маниф. 1883 г. въ очень ограниченномъ объемѣ, до п. 6 указа 1905 г. въ широкой степени). На ряду съ устраненіемъ этихъ взысканій мы встрѣчаемъ и смягченіе ихъ. Напр., манифестъ 1904 г. предписываетъ сократить лишь на одну треть срокъ взысканія лицамъ, под-

---

[1]) Проектъ Трудовой Группы къ этому присоединяетъ ст. 7 правилъ о правахъ и обязанностяхъ команд. крѣп. (прил. къ ст. 22 т. II общ. учр. губ.) и ст. 73 пол. объ упр. крѣпостями. Особо стоятъ денежныя и натуральныя взысканія, наложенныя въ административномъ порядкѣ на городскія, сельскія, станичныя и иныхъ наименованій общества, случаи чего были нерѣдки за послѣднія 5 лѣтъ.

вергнутымъ въ административномъ порядкѣ тюремному заключенію свыше 6 мѣс., ограниченію въ правѣ избранія мѣста жительства свыше 1 года или гласному надзору полиціи свыше 1 года (ст. XXIX п. 7).

Право отмѣны подобныхъ взысканій актами монарха вытекаетъ какъ изъ права дарованія особыхъ милостей по ст. 23 осн. зак., такъ и изъ ст. 10 осн. зак., по которой дѣйствія подчиненныхъ административныхъ органовъ опредѣляются повелѣніями Государя. Амнистія, какъ особый институтъ, также погашаетъ подобную репрессію; но при наличности контроля надъ исполнительною властью, представительные органы могутъ достичь этого и посредствомъ отвѣтственности министерства.

IV. Погашеніе частныхъ притязаній.

Переходимъ, наконецъ, къ послѣдней области проявленія общаго прощенія и амнистіи—къ погашенію частныхъ притязаній, вытекающихъ изъ учиненія преступнаго дѣянія.

Характерной чертой прощенія, предоставляемаго монархомъ, является ограниченность дѣйствія его въ отношеніи погашенія частныхъ притязаній. Такъ, въ дореволюціонной Франціи, въ современныхъ Англіи, Германіи, Австріи, повсюду, ясно оговорено, что частные иски не могутъ быть погашены королевскимъ помилованіемъ и амнистіей, поскольку она является прерогативой монарха. Наоборотъ, въ странахъ, гдѣ амнистія предоставляется представительнымъ органомъ, это ограниченіе отпадаетъ: во Франціи, начиная съ закона 12 августа 1793 г., укрѣпляется взглядъ о возможности для парламента при амнистіяхъ погашать гражданскіе иски [1]); въ Англіи парламентъ свободно пользуется этой прерогативой при изданіи биллей объ амнистіи; наконецъ, и въ другихъ странахъ, гдѣ господствуетъ парламентская амнистія, право это не подвергается сомнѣнію [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 50.

[2]) См. Haus, № 752, Trebutien, t. I p. 336, для Бельгіи. Contra, ст. 17 и 18 болг. уст. угол. суд.

Такое ограниченіе монархической прерогативы вполнѣ понятно. Верховное право помилованія имѣетъ смыслъ, какъ прерогатива усмотрѣнія, порою необходимая, но вообще опасная и потому, согласно общему мнѣнію, допускаемая только in favorem civium. Гарантіи ея слишкомъ ненадежны, чтобы ей можно было бы вручать основы гражданскаго правопорядка. Право частнаго иска является однимъ изъ могучихъ рычаговъ гражданской свободы и индивидуальнаго могущества; оно само во многихъ случаяхъ является средствомъ борьбы противъ произвола власти, и потому вмѣшательство усмотрѣнія въ эту область значительно ослабляетъ надежность правоваго строя [1]). Съ другой стороны, оно тяжко отзывается и на самомъ правовомъ сознаніи населенія, такъ какъ вмѣшательство единоличной власти въ экономическія отношенія, бывшее далеко не всегда безкорыстнымъ, какъ учитъ исторія, способствуетъ злоупотребленію прерогативой помилованія. Вслѣдствіе этого принципъ non

---

[1]) Роль штрафныхъ исковъ въ исторіи развитія законности въ Англіи громадна. Самая эта форма развилась благодаря стремленіямъ парламента изъять изъ дѣйствія королевской прерогативы прощенія отдѣльныя преступленія, обезпечить строгую репрессію которыхъ было необходимо въ интересахъ гражданской свободы. Выдающійся англійскій историкъ права F. W. Maitland (Justice and Police, 1885, p. 17) пишетъ: „Въ Англіи формы обычнаго гражданскаго процесса часто примѣняются въ цѣляхъ, по существу, карательныхъ. Мы имѣемъ въ виду штрафные иски (penal actions) или иски о взысканіи денежной пени. Король имѣетъ право прощенія преступленій и пріостановки уголовнаго процесса. Можетъ быть, эта власть теперь примѣняется только въ самыхъ похвальныхъ цѣляхъ, но прежде парламентъ крайне опасался ея. Поэтому акты парламента часто санкціонировали исполненіе публичныхъ обязанностей и, въ особенности, обязанностей, возложенныхъ на должностныхъ лицъ, не назначеніемъ за нарушеніе ихъ денежной пени или тюремнаго заключенія, но предоставленіемъ противъ нихъ гражданскаго иска въ опредѣленной суммѣ денегъ. Иногда такой искъ вручался „потерпѣвшему", т. е. лицу, оскорбленному нарушеніемъ обязанности. Эта гражданская отвѣтственность по существу являлась весьма надежнымъ и дѣйствительнымъ наказаніемъ, осуществленію котораго не могли помѣшать ни король, ни министры; они не могли также простить или смягчить его, и именно въ этихъ цѣляхъ не была установлена здѣсь форма уголовнаго процесса". Наиболѣе извѣстный примѣръ такихъ исковъ—это иски, вытекающіе изъ несоблюденія должностными лицами Habeas Corpus Act 1649 г. У насъ, при крайней затрудненности уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ, использованіе этой формы представилось бы весьма желательнымъ.

potest rex gratiam facere cum injuria et damno aliorum обладаетъ большою силою сопротивляемости въ правно-политическомъ отношеніи.

Иное значеніе имѣетъ законодательный порядокъ или участіе представительныхъ органовъ. Здѣсь гарантія того, что данный частный интересъ приносится въ жертву важному публичному интересу, весьма сильна; здѣсь отсутствуетъ возможность тѣхъ злоупотребленій, проистекающихъ изъ свободнаго усмотрѣнія, о которыхъ мы говорили. Гражданинъ увѣренъ, что интересы его, какъ равноправнаго члена общества, въ надлежащей мѣрѣ приняты во вниманіе безъ предпочтенія ему другихъ лицъ по какимъ либо качествамъ большей любезности. Поэтому чувства нарушенной справедливости, этого червя, подтачивающаго правовой строй, въ немъ не появляется. Характеръ, составъ и условія дѣятельности представительнаго органа служатъ достаточной защитой отъ произвола въ этой области. Однако встрѣчаются мнѣнія, отвергающія возможность предоставленія подобнаго права и законодательной власти: одни (Rauter, Hélie) отвергаютъ это для всѣхъ исковъ частныхъ лицъ, такъ какъ считаютъ право собственности стоящимъ выше государственной власти, и потому, по ихъ мнѣнію, законъ, прекращающій частные иски, явился бы превышеніемъ власти; другіе (Le-Sellyer) отрицаютъ это для тѣхъ исковъ, которые существуютъ между частными лицами, не имѣя отношенія къ публичной жалобѣ, такъ какъ считаютъ, что здѣсь нѣтъ повода для вмѣшательства государства, третьи, наконецъ (Berriat-Saint-Prix), отрицаютъ это право для исковъ о возвратѣ добытыхъ преступленіемъ вещей.

По поводу этихъ мнѣній слѣдуетъ замѣтить, что принципіальное отрицаніе вмѣшательства государства въ эти отношенія противорѣчитъ современному взгляду на власть государства. Если, по выраженію Фортескю, „парламентъ можетъ сдѣлать все, кромѣ развѣ изъ женщины сдѣлать мужчину“, то, конечно, онъ компетентенъ на эти функціи. Скажу болѣе: значительная часть дѣятельности законодательной состоитъ въ постоянномъ расширеніи благосостоянія однѣхъ группъ населенія на счетъ другихъ; погашеніе гражданскихъ исковъ

по существу является лишь однимъ изъ такихъ средствъ распредѣленія. Правда, въ политическомъ отношеніи это средство очень неудачное и опасное, но въ критическія минуты, за неимѣніемъ лучшихъ, и оно можетъ быть примѣнено. Вредныя стороны пользованія такимъ средствомъ прогрессируютъ въ порядкѣ изложенныхъ выше трехъ теорій. Первая теорія еще говоритъ о непогашеніи всякихъ гражданскихъ исковъ, а слѣдовательно, и исковъ, вытекающихъ изъ преступленія и даже прямо штрафныхъ исковъ. Примѣръ Англіи показываетъ намъ, что даже наиболѣе лойяльная въ огражденіи права частной собственности страна нуждается порою въ погашеніи такихъ исковъ и прибѣгаетъ къ этому средству. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда государство въ учиненныхъ деликтахъ видитъ направленную на благо государства волю, оно не дѣлаетъ ихъ основаніемъ для отвѣтственности. Другая категорія исключительно-частныхъ исковъ, не имѣющихъ отношенія къ публичной жалобѣ, несомнѣнно подлежитъ ограниченію со стороны государства лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ публичные интересы всегда будутъ болѣе или менѣе отдалены отъ этого конкретнаго случая. Но тѣмъ не менѣе бывали случаи необходимости и въ такомъ погашеніи: напр., господствовавшая раньше крайняя неопредѣленность гражданскихъ отношеній замѣняется какимъ либо новымъ порядкомъ; надъ послѣднимъ темною тучею снова нависаютъ слѣды прошлыхъ претензій, грозящія обратить установившійся порядокъ снова въ безпрерывную неурядицу; чтобы оградить прочность новаго строя, государство обезсиливаетъ старые иски, давая порою незаслуженно сильную защиту новымъ появившимся отношеніямъ, въ ущербъ, конечно, справедливому отношенію къ старымъ, что, однако, можетъ оправдываться соображеніями государственной политики. Мы не приводимъ примѣра во всѣхъ его конкретностяхъ, чтобы не выдвигать сложнаго аппарата политическихъ соображеній, но если подставить подъ эти общія положенія факты дѣйствительныхъ отношеній, то мы поймемъ возможность для государства, правда въ самыхъ исключительныхъ условіяхъ, погашенія исковъ и между частными лицами, независимо отъ отношенія ихъ къ

публичной жалобѣ. Наконецъ, третье мнѣніе, разсматриваемое, не съ точки зрѣнія абсолютнаго, а лишь относительнаго своего значенія вѣрно подчеркиваетъ мысль о недопустимости для государства обезпеченія торжества корыстнымъ мотивамъ, которые могли участвовать въ учиненіи преступленія. Но и здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе, что во многихъ законодательствахъ вещи, добытыя путемъ преступленія, возвращаются собственнику даже безъ иска съ его стороны, такъ что самое погашеніе иска здѣсь не причемъ.

Такимъ образомъ, можно считать установленнымъ положеніе, что вообще при амнистіяхъ иногда возникаетъ потребность въ погашеніи и частныхъ притязаній для того, чтобы осуществленіемъ ихъ не вызывать старые споры, воспоминанія, чувства и вражду, а иногда даже, чтобы не нарушить справедливыхъ началъ распредѣленія, въ данномъ конкретномъ случаѣ несоотвѣтствующихъ принятыхъ общимъ образомъ въ законѣ принципамъ. Объемъ этого погашенія, а равно и могущее быть предоставленнымъ потерпѣвшимъ частнымъ лицамъ возмѣщеніе публичнаго характера [1]) опредѣляются не иначе, какъ властью законодательнаго органа.

Въ русской исторіи общаго прощенія начала эти также нашли себѣ выраженіе. Только съ согласія самого народа московскіе государи считали возможнымъ погашать гражданскіе иски. Въ традиціонно излагаемой сценѣ на лобномъ мѣстѣ въ 1547 г. Иванъ IV лишь призываетъ подданныхъ оставить другъ другу вражды и тяготы, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ: своею властью сдѣлать это онъ не можетъ. Указомъ 1622 г. государи предписываютъ не чинить суда въ поклажахъ, бояхъ и грабежахъ и по кабаламъ свыше 15 лѣтъ, т. е. погашаютъ иски деликтные и даже чисто частнаго характера, но на это они рѣшаются лишь имѣя за собою полномочіе со стороны земскаго собора 1613 г. Въ 1669 г. Алексѣй Михайловичъ, освобождая колодниковъ и тюремныхъ сидѣльцевъ, предписываетъ однако, „истцовые иски и пошлины за нихъ заплатить, всего 907 р. 21 ал.

---

[1]) См. мнѣнія Garraud и Haus выше стр. 50.

1 д." Въ московскую эпоху, слѣдовательно, уже установились ограниченія государя въ правѣ распоряженія частными притязаніями, но народъ въ исключительныхъ случаяхъ могъ постановлять о прекращеніи ихъ. Петръ I въ манифестѣ 1721 г. освобождаетъ только колодниковъ по государственнымъ истцовымъ дѣламъ. Въ милостивомъ указѣ 22 апрѣля 1726 г. при дарованіи общаго прощенія указывается однако: „а по истцовымъ дѣламъ чинить по указамъ". Ни одинъ изъ дальнѣйшихъ указовъ и манифестовъ не нарушаетъ этого принципа, наоборотъ, мы находимъ дальнѣйшее его развитіе. Такъ въ манифестѣ 15 іюня 1744 г. интересы потерпѣвшихъ обезпечиваются самимъ закономъ, даже безъ предъявленія иска: „кто съ кого взялъ изъ принужденія во взятокъ, или силою отнялъ, оное съ тѣхъ людей обидимымъ возвратить. „Манифестъ 22 сентября 1762 г. повторяетъ: „взятки и грабежи обиженнымъ возвратить сполна". Манифестъ 30 августа 1814 г., прощая государственные долги, оставляетъ неприкосновенными частные, но выражаетъ надежду, „что частные люди при столь общемъ и радостномъ торжествѣ, послѣдуя примѣру Нашему, уступятъ изъ взысканій своихъ къ облегченію и освобожденію тѣхъ, кои въ темницахъ за неуплату долговъ имъ страдаютъ". Въ манифестѣ 16 апрѣля 1841 г. принципъ неприкосновенности частныхъ притязаній развитъ очень подробно: „Симъ не прекращаются дѣла, съ коими сопряжены частные иски. Виновные въ неправильномъ присвоеніи чужой собственности или въ причиненіи кому либо убытковъ, хотя не подвергаются уголовному наказанію, но не освобождаются отъ обязанности удовлетворить истца на законномъ основаніи". Манифестъ 27 марта 1855 г. повторяетъ ту же мысль, но въ болѣе развитомъ видѣ, отнеся къ объекту вознагражденія и такъ наз. нематеріальный вредъ (обиды): „Виновные въ неправильномъ присвоеніи чужой собственности или вообще въ причиненіи кому либо чрезъ свои проступки, вреда, ущерба, обиды, кои будутъ силою сего манифеста освобождены отъ слѣдовавшаго имъ наказанія, обязаны, однакожъ, удовлетворить за вредъ или обиды, если сіи лица требуютъ сего удовлетворенія, а потому дѣла, съ коими сопряжены такіе частные иски, не

прекращаются". Начиная затѣмъ съ манифеста 1883 г., во всѣхъ слѣдующихъ повторяется постановленіе: „освобожденіе за силою манифеста отъ наказанія не освобождаетъ виновнаго отъ обязанности вознагражденія за вредъ и убытки".

Повтореніе постановленій о непогашеніи частныхъ исковъ въ манифестахъ, въ сущности, давно должно было бы стать излишнимъ, вслѣдствіе появленія соотвѣтственныхъ постановленій въ постоянномъ законодательствѣ. Ст. 172 улож. о нак. (по изд. 1885 г. ст. 167) категорически постановляетъ: „взысканія на вознагражденіе за вредъ или убытокъ, какому либо частному лицу преступленіемъ причиненный, и въ случаѣ помилованія и прощенія его не прекращаются". Угол. улож. 1903 г. въ ст. 72 уже не говоритъ объ этомъ ограниченіи права помилованія и прощенія и проектъ новой ред. устава уг. суд. также не вноситъ соотвѣтственныхъ постановленій. Но основными законами 24 апрѣля 1906 г. постановлено (ст. 23 т. I. изд. 1906 г.): „Государю Императору принадлежитъ помилованіе осужденныхъ, смягченіе наказаній и общее прощеніе... когда симъ не нарушаются ничьи огражденные закономъ интересы и гражданскія права". Ограниченіе власти монарха, внесенное въ основные законы, сильнѣе предусмотрѣннаго ст. 167 улож. о нак. Въ этой оговоркѣ недостаточно ярко выраженъ моментъ частнаго характера интересовъ: слово „ничьи" можетъ быть примѣняемо и къ интересамъ публичнымъ, и тогда объемъ оговорки получаетъ крайне широкое значеніе и благодаря ему могутъ быть исключаемы изъ помилованія всѣ дѣянія такъ наз. common nuissance—общевредныя. Но несомнѣнно, что постановленіемъ этимъ обнимаются случаи воспрещенія для актовъ общаго прощенія устранять различныя частныя притязанія. Къ таковымъ относится не только искъ о возмѣщеніи убытковъ и вреда, но даже и частная жалоба потерпѣвшаго въ преступленіяхъ противъ чести и посягательствахъ на здоровье, преслѣдуемыхъ по частной жалобѣ. Для амнистіи же оговорка объ огражденіи интересовъ частныхъ лицъ не имѣетъ силы, такъ какъ въ законодательномъ порядкѣ всегда могутъ быть проводимы ограниченія правъ частныхъ лицъ. „Princeps et respublica ex justa causa possunt rem meam auferre" (Forsyth).

Спорнымъ въ литературѣ является вопросъ о подсудности гражданскаго иска послѣ прекращенія по всем. манифесту уголовнаго преслѣдованія. При наличности соединеннаго процесса, гражданскій искъ можетъ осуществляться чрезъ уголовный судъ и вслѣдствіе этого пользуется извѣстными льготами, какъ содѣйствіе публичныхъ органовъ въ разслѣдованіи и доказательствѣ иска, освобожденіе отъ уплаты гербовыхъ сборовъ и пр. Прекращеніе уголовнаго процесса, при правильныхъ условіяхъ, должно было бы перенести искъ потерпѣвшаго въ гражданскій судъ, но при этомъ получилось бы нѣкоторое ухудшеніе участи потерпѣвшаго. Чтобы избѣгнуть его, законодатель, не взирая на нѣкоторыя процессуальныя несообразности, предписываетъ прекращенное дѣло продолжать въ уголовномъ порядкѣ ради опредѣленія гражданскаго иска. Впервые дополнительный указъ 30 іюня 1815 г. предписалъ „не прекращать, а разсматривать надлежащимъ порядкомъ дѣла, заключающія въ себѣ иски частныхъ людей и ущербъ казеннаго интереса“. Это начало развито указомъ 24 марта 1827 г., въ которомъ, въ виду возникшаго сомнѣнія о томъ, не надлежитъ ли такія дѣла передавать въ гражданскій судъ, Сенатъ категорически высказался: „не обращать къ гражданской формѣ, а предоставить оканчивать оныя въ установленныхъ судебныхъ мѣстахъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ дѣла начаты“. Это начало подтверждается дальнѣйшими манифестами 1841, 1855 г.г. На основаніи ихъ въ уставъ угол. судопр. 1864 г. была внесена ст. 17, [1]) по которой: „при прекращеніи судебнаго преслѣдованія вслѣдствіе означенныхъ въ ст. 16 причинъ (въ томъ числѣ и за высочайшимъ указомъ или общимъ милостивымъ манифестомъ, дарующимъ прощеніе), начатые въ судахъ уголовныхъ иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, разрѣшаются тѣми же уголовными судами“. Слѣдуетъ замѣтить, что статья эта явилась результатомъ борьбы двухъ сильныхъ мнѣній въ коммисіи по составленію уст. угол. суд. 1863 г. Меньшинство въ 14 членовъ указывало

---

[1]) Ст. 22 законовъ суд. угол. т. XV ч. I, 1857 г.

на побочное значеніе гражданскаго иска, на возникающее несоотвѣтствіе въ случаѣ, если обвиняемый умеръ, такъ какъ въ такихъ случаяхъ производится судъ надъ лицомъ, завѣдомо не могущимъ представить оправдательныя обстоятельства, на искусственное суженіе компетенціи гражданскаго суда. Въ объясн. запискѣ [1]) по поводу этого правила мы встрѣчаемъ: „Правило сіе не вполнѣ согласно съ общими основаніями справедливости. Формы уголовнаго судопроизводства всегда болѣе или менѣе многосложныя и стѣснительныя для подсудимыхъ, установлены по необходимости для дознанія вины и преданія виновныхъ заслуженному наказанію; по прощеніи же вины и отмѣнѣ наказанія, не можетъ быть основанія подвергать прощеннаго тягостнымъ для него, иногда болѣе чувствительнымъ, нежели самое наказаніе, обрядамъ уголовнаго слѣдствія и суда, единственно для разрѣшенія чисто гражданскаго вопроса о вознагражденіи за вредъ и убытки". Большинство (21 членъ) придерживалось мнѣнія, выразившагося въ ст. 17 у. у. с.; оно полагало, что необходимые для опредѣленія размѣровъ гражданскаго иска вопросы о самомъ событіи, виновности въ немъ подсудимаго и мѣрѣ его вины и участія могутъ быть разрѣшены только уголовнымъ судомъ, особенно, въ случаяхъ соучастія.

На практикѣ примѣненіе уголовнаго порядка къ дѣламъ, прекращаемымъ по всем. манифестамъ, вызвало большія неудобства [2]). Сенатъ придалъ ст. 17 стѣснительное толкованіе, допуская рѣшеніе гражданскаго иска уголовнымъ судомъ только въ случаѣ прекращенія дѣла послѣ преданія суду, въ остальныхъ же случаяхъ, по мнѣнію Сената, дѣло можетъ быть возобновлено въ гражданскомъ судѣ. Но и это ограниченіе признано недостаточнымъ, и коммисіей пересмотра уст. угол. суд. 1900 г. было предположено обращать всѣ прекращаемыя дѣла къ гражданскому порядку [3]).

---

[1]) Объясн. записка 1863 г. стр. 226.

[2]) Труды Высоч. учр. коммисій по пересмотру законоположеній по судебной части т. V. 226.

[3]) Меньшинство Коммисіи въ 3 члена, настаивавшее на сохраненіи существующаго порядка, съ изъятіемъ лишь этихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ, приводило,

Предложеніе передать иски по дѣламъ, прекращеннымъ по манифестамъ, въ судъ гражданскій вполнѣ правильно; къ нему постепенно приходитъ и французская доктрина. Но необходимо для подобныхъ гражданскихъ исковъ создать облегченія въ гражданскомъ судѣ въ видѣ освобожденія ихъ отъ различныхъ сборовъ; только тогда справедливость по отношенію къ пострадавшимъ отъ преступленія не будетъ нарушена.

Отмѣтимъ, наконецъ, нѣкоторыя практическія правила, установившіяся въ нашемъ правѣ на почвѣ проведенія гражданскихъ исковъ чрезъ уголовный судъ по дѣламъ, прекращаемымъ по манифестамъ. Подобные иски у насъ, въ противоположность французской доктринѣ, погашаются общегражданской, а не уголовной давностью (76/2, 237; 91/25). Уголовному суду они не подлежатъ, если дѣло при прекра-

---

между прочимъ, такія соображенія: „Если допустить устраненіе уголовнаго суда отъ разрѣшенія предъявленнаго ему гражданскаго иска вслѣдствіе прекращенія уголовнаго дѣла за воспослѣдованіемъ всемилостивѣйшаго манифеста, то окажется, что манифестъ, даруя помилованіе преступникамъ, тѣмъ самымъ покараетъ потерпѣвшихъ отъ ихъ преступныхъ дѣяній лицъ, съ одной стороны, возлагая на нихъ уплату различныхъ сборовъ, сопряженную съ веденіемъ гражданскаго процесса, тогда какъ отъ подобныхъ сборовъ они освобождены при разбирательствѣ дѣла въ уголовномъ порядкѣ, а съ другой, лишая означенныхъ лицъ возможности пользоваться содѣйствіемъ установленныхъ законами властей при разслѣдованіи преступныхъ дѣяній“. Большинство (неправильно, впрочемъ, сославшись на все западное законодательство, ср. выше стр. 51) находило, что въ данномъ случаѣ преимущественная защита интересовъ пострадавшаго находится въ противорѣчіи съ основными цѣлями уголовнаго правосудія; оно повторяло соображенія меньшинства коммисіи 1863 г., развивая указанія на тѣ особенности уголовнаго процесса, которыя излишни для рѣшенія вопроса о гражданскомъ искѣ (участіе прокуратуры, защиты по назначенію, привлеченіе присяжныхъ, принудительный приводъ свидѣтелей и пр.); даже съ точки зрѣнія интересовъ гражданскаго истца признано, что правила уголовнаго процесса, удѣляющія ему второстепенную роль, не могутъ представить такихъ удобствъ, какъ процессъ гражданскій, несомнѣнно приспособленный къ защитѣ имущественныхъ интересовъ. (Объяснит. записка. Уст. уг. суд. т. I стр. 97—107). Далѣе, составители проекта 1900 г. сочли возможнымъ предоставить уголовному суду, постановляющему приговоръ объ оправданіи или освобожденіи отъ преслѣдованія въ томъ числѣ и за силою манифеста, отказываться отъ рѣшенія вопроса о гражданскомъ искѣ, если подсудимый заявитъ споръ (ст. 798 пр. у. у. с.). Объясн. зап. т. III стр. 364—366.

щенія находится въ обвинительной камерѣ или у слѣдователя (О. С. 1885, 8905). При прекращеніи преслѣдованія должностныхъ лицъ за преступленія по должности искъ противъ нихъ предъявляется въ общемъ порядкѣ (О. С. 95/18).

Слѣдуетъ также замѣтить, что всемилостивѣйшіе манифесты не прекращаютъ и исковъ за вредъ и убытки, могущихъ быть предъявленными со стороны лицъ, привлеченныхъ къ суду неправильными донесеніями и жалобами за погашенныя манифестомъ преступленія противъ жалобщиковъ и доносителей (ст. 780, 781 уст. уг. суд.). Такимъ лицамъ предоставляется или 1) возбудить противъ объявителя или жалобщика преслѣдованіе по обвиненію въ ложномъ доносѣ (ст. 940 улож. о нак.) и затѣмъ въ установленномъ порядкѣ въ случаѣ признанія виновности ихъ отыскивать вознагражденіе (О. С. 903/27), или 2) отказаться отъ примѣненія манифеста и въ случаѣ оправданія предъявить требованіе по ст. 780, 781 уст. уг. суд.

Въ связи съ ученіемъ о правовомъ дѣйствіи общаго прощенія и амнистіи стоитъ вопросъ о *правѣ отказа* отдѣльныхъ лицъ отъ примѣненія къ нимъ постановленій этихъ актовъ. Признаніе за волеизъявленіемъ частнаго лица суспенсирующей силы характеризуетъ извѣстнымъ образомъ публично-правовое значеніе этихъ актовъ. Если общее помилованіе допускается какъ вмѣшательство верховной власти въ правосудіе ко благу обвиняемаго или осужденнаго, то право отказа явится надежнѣйшей гарантіей противъ примѣненія прерогативы помилованія ко вреду этихъ лицъ. Если же оно разсматривается какъ актъ, имѣющій силу закона, независимо отъ отношенія къ нему обвиняемаго, то право отказа теряетъ свое значеніе [1]).

---

[1]) Мы уже касались вопроса о правѣ отказа отъ амнистіи по французскому праву (стр. 41—42). Не повторяя высказанныхъ тамъ соображеній, ограничимся разсмотрѣніемъ положенія вопроса тамъ, гдѣ амнистія не выдѣлена изъ права помилованія. Исходя изъ принципа invito beneficium non datur и при-

Въ практикѣ актовъ общаго прощенія мы не находимъ данныхъ для рѣшенія вопроса. Въ нихъ указывается лишь, что прекращеніе дѣлъ по манифестамъ не лишаетъ лицъ, убѣжденныхъ въ своей невинности, права обращаться въ судъ; но въ случаѣ осужденія, такія лица теряютъ уже право на примѣненіе къ нимъ манифеста (см. выше). Сенатъ въ этомъ правѣ призналъ право отказа, возможность котораго въ данномъ случаѣ свидѣтельствуетъ о недопустимости отказа въ остальныхъ (905/12). Мы не можемъ, однако, признать въ правѣ обвиняемаго требовать продолженія своего дѣла—отказъ отъ помилованія, здѣсь имѣется только отказъ отъ примѣненія частичной аболиціи, непримѣненіе же манифеста происходитъ въ силу прямого запрещенія примѣнять его по отношенію къ такимъ лицамъ. Относительно отказа въ собственномъ смыслѣ, т. е. игнорированія самаго акта общаго прощенія мы не встрѣчаемъ указаній. Русская литература, слѣдуя взгляду на помилованіе, какъ на законъ, прежде почти единогласно высказывалась противъ допустимости отказа [1]). Сенатъ при-

---

знавая иногда принятіе помилованія подкрѣпленіемъ виновности, французское законодательство допускаетъ отказъ отъ помилованія. Прежняя французская доктрина во главѣ съ Пейронне и нѣкоторые представители германской (Mohl, Geyer) также признавали отказъ отъ помилованія допустимымъ. Противоположнаго мнѣнія по отношенію къ помилованію въ широкомъ смыслѣ придерживались Бернеръ и Trolley. Послѣдній пишетъ, между прочимъ: „Помилованіе, конечно, является милостью для осужденнаго, но въ немъ заинтересовано и общество, для котораго важенъ моральный характеръ наказанія. Если бы обезглавили несчастнаго, которому королевское милосердіе даровало жизнь, то вы напрасно стали бы ссылаться на то, что онъ, отвергнулъ помилованіе; это являлось бы самоубійствомъ съ одной стороны, и убійствомъ, съ другой. Наказаніе принадлежитъ обществу, а не преступнику. Помилованіе же, какъ и наказаніе, постигаетъ его помимо его воли (Cours du droit administratif t. I p. 132)". Въ этомъ отрывкѣ вопросъ крайне обостренъ, ибо примѣромъ взята смертная казнь, обладающая вообще многочисленными недостатками, какъ наказаніе. Вообще же интересы личной свободы выбора здѣсь выше, нежели интересы общества на помилованіе: предпочтеніе послѣднимъ дается въ формѣ амнистіи, помилованіе же, основанное на личныхъ условіяхъ, должно опредѣляться волей милуемаго. Право отказа есть также ultimum refugium для оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства въ осужденномъ.

[1]) Н. С. Таганцевъ (Лекціи стр. 1460) такъ обосновываетъ господствующее мнѣніе: „Помилованіе, какъ проявленіе публичнаго права, не можетъ зависѣть въ своемъ осуществленіи отъ воли преступника; помилованный не мо-

нялъ мнѣніе господствующей доктрины (905/12), разъяснивъ, что „Высочайшіе манифесты представляютъ собою волеопредѣленіе власти, примѣняемое независимо отъ желанія или нежеланія частныхъ лицъ, къ которымъ оно относится". Сохраненіе такой практики едва-ли можетъ продолжаться послѣ ст. 23 осн. зак., которая ограничиваетъ случаи примѣненія общаго прощенія, требуя, чтобы они не затрагивали ничьихъ огражденныхъ закономъ интересовъ. Наказаніе, назначаемое въ силу закона, можетъ иногда представлять для осужденнаго большій интересъ, нежели принятіе нежелательнаго для него помилованія; въ наличности таковаго интереса имѣется одно изъ препятствій къ примѣненію права помилованія или общаго прощенія къ данному конкретному случаю. По отношенію къ амнистіи, имѣющей безусловную силу закона, отказъ не допускается.

Въ заключеніе настоящей главы резюмируемъ главнѣйшія различія между правовымъ дѣйствіемъ общаго прощенія и амнистіи, какъ они вытекаютъ изъ вышеизложеннаго.

1. По отношенію къ прекращенію дѣйствій, направленныхъ на примѣненіе наказанія, правовая сила обоихъ однородна: аболиціонное дѣйствіе присуще имъ обоимъ, но сила того и другого не одинакова: общее прощеніе знаетъ, въ сущности, только частичную аболицію; устраненіе наказаній присуще имъ обоимъ точно такъ же; но актамъ общаго прощенія присвоена еще сила смягченія и замѣны наказаній, которая недопустима въ актахъ объ амнистіи.

2. При устраненіи ограниченій, связанныхъ съ учиненіемъ преступнаго дѣянія, различіе дѣйствія общаго проще-

---

жетъ отказаться отъ дарованной ему милости и просить о примѣненіи наказанія. Того-же взгляда придерживаются И. Я. Фойницкій стр. 126, К. Ф. Хартуляри стр. 128 ч. 1, Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій стр. 343 Квачевскій стр. 344, В. Владиміровъ (Руководство къ военно-угол. процессу 1896 стр. 43) и съ нѣкоторыми колебаніями А. Кистяковскій стр. 684. Всѣ эти авторы выводятъ свое положеніе о недопустимости отказа изъ взгляда на помилованіе, какъ на особый законъ. Съ измѣненіемъ публично-правового положенія помилованія долженъ измѣниться и этотъ взглядъ.

нія и амнистіи весьма существенно. Ограниченія, вытекающія изъ воспрещенности дѣянія по актамъ общаго прощенія, устраненію не подлежатъ, амнистіей же они могутъ погашаться въ отдѣльныхъ случаяхъ; ограниченія, вытекающія изъ презумируемой виновности субъекта, подлежатъ отмѣнѣ только посредствомъ амнистіи, вытекающія же изъ виновности, констатированной судомъ, подлежатъ отмѣнѣ при амнистіи всегда, а при общемъ прощеніи только въ тѣхъ случаяхъ, когда они касаются правъ состоянія; наконецъ, ограниченія, создаваемыя корпоративно-общественными организаціями, подлежатъ погашенію только амнистіей, и то лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

3. Устраненіе взысканій, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ, допустимо какъ при общемъ прощеніи, такъ и при амнистіи, но совершенно различнымъ путемъ.

4. Погашеніе частныхъ притязаній возможно только посредствомъ амнистіи.

5. Наконецъ, право отказа, допускаемое при общемъ прощеніи, недопустимо при амнистіи.

Наличность этихъ различій вполнѣ оправдываетъ возможность разсмотрѣнія амнистіи, какъ самостоятельнаго правового института.

Глава VIII.

Преступныя дѣянія, обнимаемыя общимъ прощеніемъ и амнистіей.

Опредѣленіе категорій преступныхъ дѣяній, по отношенію къ которымъ происходитъ погашеніе репрессіи, имѣетъ большое значеніе для амнистіи, такъ какъ въ этомъ выражается ея соціально-политическій характеръ. Только при извѣстномъ объемѣ амнистіи, могутъ быть достигнуты опредѣленныя соціальныя цѣли, которыя она ставитъ себѣ. Для актовъ общаго прощенія, основывающихся на идеѣ милосердія, эта сторона вопроса имѣетъ значительно меньшее значеніе, такъ какъ милосердіе одинаково можетъ относиться къ преступникамъ различныхъ категорій. Дѣйствительно, въ то время

какъ амнистія касается почти исключительно соціально-политической преступности, акты общаго прощенія относятся къ самымъ разнообразнымъ дѣяніямъ. Чаще всего въ основѣ ихъ лежитъ признакъ тяжести угрожаемаго въ законѣ или назначеннаго наказанія. Этотъ признакъ тяжести наказанія восполняется указаніемъ отдѣльныхъ категорій преступныхъ дѣяній, на которыя общимъ образомъ распространяется или не распространяется прощеніе. Начнемъ съ случаевъ послѣдняго рода—съ изъятія отдѣльныхъ категорій преступныхъ дѣяній изъ дѣйствія актовъ общаго прощенія.

Уже въ московскую эпоху при освобожденіи изъ тюремъ преступниковъ по поводу торжественныхъ событій устанавливалось изъятіе для убійцъ, разбойниковъ и татей. Петръ I санкціонировалъ эту практику въ своемъ манифестѣ 1721 г., исключивъ изъ дѣйствія его виновныхъ въ убійствахъ и неоднократныхъ разбояхъ. Екатерина I къ этимъ преступникамъ присоединяетъ виновныхъ въ преступленіяхъ по первымъ двумъ пунктамъ. Биронъ въ манифестѣ 1740 г. дополняетъ эти исключенія ворами и похитителями многой казны, но это дополненіе не удерживается въ позднѣйшей практикѣ. Мягче относится манифестъ 1744 г., который и для обычно устанавливаемыхъ исключеній допускаетъ нѣкоторое смягченіе наказанія. Обратный поворотъ мы видимъ въ манифестахъ Екатерины II, которые исключаютъ изъ милостей, кромѣ смертоубійцъ и разбойниковъ, также лихоимцевъ и богохульниковъ. Но Александръ I въ манифестѣ 1801 г. уже не вноситъ въ число исключаемыхъ богохульниковъ и преступниковъ по первымъ двумъ пунктамъ, ограничиваясь лихоимствомъ, разбоемъ и убійствомъ. Въ познѣйшей практикѣ послѣ 1814 г. этимъ деликтамъ дается крайне распространительное толкованіе, такъ что подъ нихъ подводятся: поддѣлка ассигнацій, святотатство, преступленія по первымъ 2 пунктамъ, контрабанда, тѣлесное поврежденіе съ цѣлью уклоненія отъ воинской повинности, оскопленіе, нарушеніе церковнаго благочинія. Манифесты Николая I удерживаютъ всѣ эти изъятія, устанавливая ихъ также путемъ толкованія. Далѣе, изъятыми изъ дѣйствія манифеста, по указамъ Николая I, оказываются

дѣла, заключающія ослушаніе и дерзость со стороны военнослужащихъ противъ начальства или побѣги болѣе 3 разъ. Въ улож. о нак. 1845 г. (ст. 171) вводится тотъ принципъ, что „даруемое общими милостивыми манифестами прощеніе распространяется лишь на тѣ преступленія и проступки, которые въ манифестѣ означены“, вслѣдствіе чего приходится доказывать не то, что данное преступленіе изъято изъ дѣйствія манифеста, а то, что оно въ него включено. Манифесты Александра II, установивъ градацію милости по строгости наказанія, не упоминаютъ уже особо о вышеприведенныхъ изъятіяхъ. Ихъ воскрешаетъ лишь манифестъ Александра III 1883 г., и притомъ въ значительно расширенномъ видѣ. Съ того времени они повторяются почти въ неизмѣнномъ видѣ, и въ настоящее время охватываютъ слѣдующія преступленія: кражу, мошенничество, присвоеніе и растрату ввѣреннаго имущества, ростовщичество, мздоимство и лихоимство, неосторожную несостоятельность, преступленія противъ чести и преслѣдуемыя въ порядкѣ частнаго обвиненія посягательства на тѣлесную неприкосновенность и здравіе [1]). Но виновные въ этихъ преступленіяхъ нынѣ не совершенно исключаются изъ дѣйствія манифеста, а лишь подлежатъ милости въ меньшемъ объемѣ: дѣла о нихъ ни въ коемъ случаѣ не прекращаются, а лишь опредѣляемое судомъ наказаніе уменьшается на одну треть.

Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ указанія на погашеніе отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, независимо отъ ихъ тяжести (см. выше стр. 296).

Въ области политическихъ преступленій акты общаго прощенія иногда ограничиваются указаніемъ, что погашаются всѣ дѣянія, связанныя съ извѣстнымъ политическимъ событ-

---

[1]) Сенатъ толкуетъ расширительно послѣднюю категорію. По его разъясненіямъ, сюда относятся и оскорбленія должностныхъ лицъ ($^{96}/_{34}$). Изъятіе частноуголовныхъ дѣяній изъ дѣйствія актовъ общаго прощенія имѣетъ извѣстныя основанія; здѣсь наказаніе примѣняется скорѣе для удовлетворенія потерпѣвшаго, нежели для общественнаго возмездія. Припомнимъ, что и при изданіи итальянскаго уст. угол. суд. существовало предположеніе изъять изъ дѣйствія общаго прощенія такого рода дѣянія.

tiемъ, или прощаются всѣ осужденные за участiе въ нихъ. Напр., манифестъ 1775 погашаетъ всѣ дѣянiя по бывшему бунту и возмущенiю, манифестъ 1812 г. прощаетъ всѣхъ виновныхъ въ враждебныхъ дѣйствiяхъ въ войнѣ противъ Россiи, манифестъ 1883 г.—всѣхъ, участвовавшихъ въ польскомъ мятежѣ, манифестъ 1856 г.—всѣхъ, подвергшихся наказанiю по приговору Верховнаго Суда въ 1826 г., декабристовъ и пр. Для опредѣленiя государственныхъ преступленiй власть оперировала съ преступностью, относящеюся къ какому либо политическому событiю, не нуждаясь въ болѣе точныхъ опредѣленiяхъ и пользуясь для выдѣленiя желательныхъ элементовъ широкимъ усмотрѣнiемъ административныхъ органовъ. Самое выдѣленiе политическихъ преступниковъ въ особую группу мы встрѣчаемъ со времени манифеста 1801 г. и то не всегда; объемъ прощенiя ихъ былъ очень ограниченъ [1]).

Понятiе политическаго преступленiя, начиная съ манифеста 1883 г., характеризуется скорѣе тѣмъ порядкомъ, въ какомъ было наложено на виновнаго наказанiе или взысканiе, нежели самымъ объектомъ преступленiя. Такой признакъ представлялъ извѣстныя удобства въ виду установленiя особаго порядка судопроизводства для преступленiй государственныхъ и допущенiя примѣненiя по отношенiю къ нимъ мѣръ административнаго взысканiя. Эти мѣры за послѣднiя 20 лѣтъ получаютъ настолько рѣшающее преобладанiе, что судебный порядокъ не примѣнялся почти совершенно; онъ возрождается лишь со времени закона 1904 г. Съ этого закона, относящагося спецiально къ государственнымъ преступленiямъ, понятiе послѣднихъ получаетъ бо̀льшую опредѣленность и вмѣстѣ съ тѣмъ сужается въ объемѣ. Указъ 21 октября 1905 г. опереририруетъ съ еще очень неопредѣленнымъ и неточнымъ понятiемъ государственныхъ преступленiй. И для совре-

---

[1]) Даже въ числѣ случаевъ индивидуальнаго помилованiя политическiя преступленiя фигурировали рѣдко. Такъ изъ сборника Государственнаго Совѣта 1864 г., содержащаго въ себѣ данныя о примѣненiи помилованiя въ эпоху, предшествовавшую судебнымъ уставамъ, мы видимъ, что изъ числа 91 дѣла, по которымъ была смягчена участь осужденныхъ, только одно имѣло политическiй и одно—религiозный характеръ, остальныя же касались общихъ преступленiй.

меннаго догматика выясненіе его представляетъ значительныя трудности [1]).

Отраженіе борьбы религіозной, политической и экономической проявляется крайне слабо въ актахъ общаго прощенія [2]), наоборотъ, общее смягченіе наказаній, основанное на идеѣ милосердія, крайне широко.

Амнистія гражданско-политическаго характера совершенно устраняетъ идею смягченія наказаній, а признаетъ лишь полную ихъ отмѣну. Такая отмѣна можетъ происходить по отношенію къ преступнымъ дѣяніямъ, вытекающимъ изъ религіозной, политической или экономической борьбы [3]). Объемъ охва-

---

[1]) Обстоятельную попытку уяснить понятіе „государственнаго преступленія" по указу 21 октября 1905 г. дѣлаетъ В. Маклаковъ въ статьѣ „На кого распространяется амнистія 21 октября?" (Право 1905, стр. 3688—3694). Ходъ разсужденій автора слѣдующій. Понятіе „государственнаго преступленія" охватываетъ не только ст. 241—261, но и напр., ст. 318—324 ул. о нак., какъ это явствуетъ изъ прим. къ ст. 1031 у. у. с. Далѣе, правительство заключаетъ иногда въ Шлиссельбургскую государственную тюрьму, предназначенную только для государственныхъ преступниковъ, и отдѣльныхъ лицъ, осужденныхъ какъ бы за общія преступленія (напр., Карповича), eo ipso утверждая взглядъ на нихъ, какъ на государственныхъ преступниковъ. Отсюда слѣдуетъ, что формальнаго признака для понятія „государственное преступленіе" нѣтъ. Для опредѣленія его само законодательство (напр. ст. 1031 у. у. с.) привлекаетъ указанія на политическія побужденія. Но указъ 21 октября идетъ еще дальше, относя и стачки (ст. 1358^{1-3}) къ государственнымъ преступленіямъ и огульно всѣ преступленія, судимыя на основаніи ст. 17 полож. объ охранѣ военнымъ судомъ, ибо такое примѣненіе подсудности, по мотивамъ самого положенія, установлено „въ видахъ охраны общественнаго порядка". Отсюда авторъ выводитъ, что подъ государственнымъ преступленіемъ слѣдуетъ разумѣть всякое преступленіе, имѣющее политическую подкладку или вызванное политическими побужденіями

[2]) Такъ, если не считать двухъ указовъ 1905 г., нельзя указать ни одного манифеста, гдѣ сколько нибудь ясно отразилась бы религіозная или экономическая борьба въ характерѣ амнистируемыхъ дѣяній. Что касается борьбы политической, то она отражалась больше всего въ формѣ движеній сепаратистскаго характера; борьба партійно-политическая начинается рѣзко съ 70-хъ годовъ, но въ актахъ общаго прощенія отражается весьма слабо.

[3]) Въ настоящее время понятіе амнистіи тѣсно связывается съ существомъ политическихъ преступленій; нѣкоторыми даже признается, что только эти послѣднія допускаютъ амнистію. Это мнѣніе лишь отчасти подмѣчаетъ истину. Въ дѣйствительности, амнистія относится не только къ политическимъ преступленіямъ. Для объясненія связи соціально-политическихъ преступленій съ амнистіей, можно привести 3 группы теорій: 1) теоріи, устанавливающія эту связь на основаніи са-

тываемыхъ амнистіей дѣяній разнится въ зависимости отъ того

маго характера политическихъ преступленій, 2) теоріи, выводящія ее изъ свойствъ самихъ политическихъ преступниковъ, и 3) теоріи, основывающія эту связь на соціальныхъ свойствахъ политическо-соціальной преступности вообще.

Одни авторы выводятъ амнистію *изъ существа политическихъ преступленій* въ собственномъ смыслѣ. Эти послѣднія, по ихъ мнѣнію, характеризуются крайней измѣнчивостью охраняемаго блага: то, что было вчера преступленіемъ, сегодня уже таковымъ не является, вслѣдствіе измѣненія политическаго строя. Далѣе въ созданіи политическихъ преступленій рѣзче всего проявляется деспотизмъ господствующихъ, и потому эта категорія дѣяній можетъ быть противопоставляема другимъ, въ которыхъ въ основу положены чисто соціальные интересы. Такое объясненіе является, однако, и неточнымъ, и недостаточнымъ. Объекты государственныхъ преступленій обладаютъ не большей измѣнчивостью, чѣмъ иныя правовыя учрежденія, охраняемыя закономъ: наоборотъ, составъ нѣкоторыхъ политическихъ преступленій обладаетъ крайнимъ постоянствомъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Относительно весьма многихъ политическихъ преступленій (напр., государственной измѣны) нельзя утверждать, что они установлены только въ интересахъ господствующихъ. Неполнымъ объясненіе это является потому, что оно не обнимаетъ даже субъективно-политическихъ преступленій, объектами которыхъ являются иныя публичныя блага и которыя характеризуются лишь мотивомъ политическимъ: соображенія объ измѣнчивости объекта и интересѣ господствующихъ здѣсь неприменимы. Не охватываетъ это объясненіе и другихъ погашаемыхъ амнистіей дѣяній, вызванныхъ религіозной и экономической борьбой.

Другая теорія стремится вывести связь амнистіи съ политическими преступленіями *изъ особаго характера субъектовъ этихъ преступленій*, политическихъ преступниковъ. Здѣсь мы имѣемъ нѣсколько развѣтвленій. Одни видятъ въ политическихъ преступникахъ особый антропологическій психо-физіологическій типъ. Другіе указываютъ, что политическіе преступники дѣйствуютъ не по низкимъ своекорыстнымъ мотивамъ, а по высокимъ импульсамъ, и потому заслуживаютъ амнистіи. Третьи, наконецъ, въ политическихъ преступникахъ видятъ или хотятъ видѣть людей, заблуждающихся или увлекающихся, соблазненныхъ примѣромъ, очень сильнымъ въ политической области, и потому заслуживающихъ снисхожденія. Это—теорія многихъ нашихъ всемилостивѣйшихъ манифестовъ (особенно съ 1883 г.). Эти теоріи объясненія амнистіи по особому характеру самихъ политическихъ преступниковъ могутъ расширить свое объясненіе и на субъективно-политическихъ преступниковъ и даже на группы религіозныхъ фанатиковъ и лицъ, участвующихъ въ экономической борьбѣ. Но основнымъ ихъ недостаткомъ является полное искаженіе существа амнистіи, становящейся здѣсь формой помилованія по личнымъ условіямъ. Теорія эта, очень выгодная для интересовъ господствующей власти, самыя дѣянія политическихъ преступниковъ вполнѣ сближаетъ съ общими преступленіями.

Мы лично считаемъ возможнымъ вывести связь амнистіи, какъ мѣры, принимаемой въ соціальныхъ интересахъ, съ деликтами политическими, религіозными и экономическими изъ *особаго характера подобной преступности вообще, какъ опредѣленной соціальной категоріи* по сравненію съ другими видами преступности. Въ уголовной литературѣ уже встрѣчались попытки обозначенія этой преступ-

обстоятельства, какъ глубоко эта борьба захватила общество и какъ далеко она распространилась на тѣ общественныя

ности, какъ *эволютивной*, т. е. являющейся продуктомъ не отсталости въ соціальномъ отношеніи субъектовъ ея (подобно преступности, обусловленной паразитизмомъ, невѣжествомъ, психической недостаточностью и проч.), а результатомъ извѣстнаго постояннаго движенія впередъ соціальныхъ формъ, извѣстной эволюціи ихъ, при которой прочно установившіяся старыя формы часто взрываются при помощи дѣяній, по современнымъ условіямъ носящихъ преступный характеръ. Такая преступность имѣетъ особый рѣзко выдѣленный характеръ по сравненію съ другими видами, носящими печать соціальной отсталости, не заключающими въ себѣ извѣстныхъ соціально-двигающихъ началъ. Она имѣетъ характеръ не индивидуальный, а скорѣе коллективно-классовой, такъ какъ сами идеи, а порою и дѣйствія, вызывающія преступленія, созрѣваютъ не въ сознаніи отдѣльныхъ людей, а въ сознаніи большихъ общественныхъ группъ. Идеѣ противозаконности здѣсь иногда противопоставляется идея испытываемой несправедливости или соціальная мотивація желанія общаго блага и любви къ родинѣ. Это свидѣтельствуетъ о высокомъ соціально-качественномъ типѣ субъекта, устраняющемъ нужду въ принятіи спеціально-предупредительныхъ мѣръ воспитательнаго характера и сводящемъ значеніе наказанія до мѣры чистой репрессіи. Такимъ образомъ, для нашего понятія эволютивной преступности мы считаемъ характерными слѣдующіе признаки: 1) наличность соціально-прогрессивной идеи, какъ основного мотива преступности, 2) признаніе извѣстнаго преступнаго дѣйствія средствомъ преобразованія соціальныхъ отношеній, 3) коллективно-классовой характеръ преступности. Мы не станемъ подробнѣе останавливаться на природѣ такой эволютивной и, въ частности, политической преступности. Укажемъ лишь, что конструкція амнистіи въ ея гражданско-политической формѣ приспособлена именно къ такой преступности. 1) Она лишена той или иной оцѣнки, съ государственной точки зрѣнія, учиненныхъ дѣяній, а просто предписываетъ забвеніе ихъ въ виду спорности основныхъ взглядовъ и извѣстнаго признанія соціально-прогрессивной идеи, побудившей къ учиненію преступленій; отсюда понятно, почему амнистія должна быть забвеніемъ, а не прощеніемъ. 2) Амнистія предоставляется послѣ извѣстнаго измѣненія, преобразованія соціально-политическихъ отношеній, когда пользованіе преступными средствами для измѣненія ихъ перестаетъ быть опаснымъ; это измѣненіе можетъ состоять или въ перемѣнѣ политики только, при которой реальный смыслъ преступныхъ средствъ отпадаетъ въ виду возможности средствъ легальныхъ, или въ установленіи новыхъ учрежденій, при которыхъ отпадаетъ сама цѣль борьбы, или, наконецъ, въ такомъ укрѣпленіи старыхъ учрежденій, при которомъ отпадаетъ опасность и вѣроятность преступныхъ средствъ. 3) Амнистія имѣетъ коллективный характеръ, касаясь извѣстныхъ группъ преступниковъ, не дѣлая индивидуальныхъ исключеній, что вполнѣ соотвѣтствуетъ коллективно-классовому характеру политической и вообще эволютивной преступности.

Мы, такимъ образомъ, показали, насколько то возможно было въ примѣчаніи, связь амнистіи съ опредѣленными группами преступленій, характеризуемыхъ однако не объектомъ ихъ и не субъективными особенностями преступныхъ дѣятелей, а соціальнымъ своимъ характеромъ. Слѣдуетъ, поэтому, отказаться отъ ограни-

основы, которыя охраняются нормами уголовнаго закона [1]).

ченія права предоставленія амнистіи опредѣленными преступными дѣяніями по содержанію ихъ, а отмѣтить, что амнистія можетъ быть предоставляема, когда преступность, вызываемая соціально-политическими идеями, пріобрѣтаетъ широкіе предѣлы. Здѣсь уже мѣсто не для репрессіи, а для реформы. Въ Румыніи и Греціи амнистія допускается только по политическимъ преступленіямъ. Въ частномъ письмѣ къ намъ проф. Молловъ рекомендуетъ принятіе такого ограниченія и для Болгаріи, причемъ къ политическимъ дѣяніямъ онъ относитъ, кромѣ преступленій государственныхъ, и дѣянія, объективно съ ними сопредѣльныя, но не дѣянія, учиненныя по политическимъ страстямъ и невоздержности. Такое суженіе правъ парламента, однако, вызывается скорѣе недовѣріемъ къ политическому такту парламента (мѣсто для такого недовѣрія, дѣйствительно, имѣется въ Болгаріи), нежели существомъ самой амнистіи.

[1]) Такъ въ настоящее время, если принять въ качествѣ правильныхъ показателей общественной потребности проекты амнистіи, составленные В. Д. Набоковымъ, О. О. Грузенбергомъ и Трудовой Группой, стремленіе общества къ погашенію уголовной политической репрессіи охватываетъ слѣдующія категоріи дѣяній (останавливаюсь сначала на первыхъ двухъ проектахъ): 1) всѣ преступленія противъ вѣры (кромѣ оскопленія и принадлежности къ ересямъ, соединеннымъ съ свирѣпымъ изувѣрствомъ, нарушенія церковнаго благочинія, святотатства, разрытія могилъ и ограбленія мертвыхъ тѣлъ), предусмотрѣнныя ст. 176—196, 204—209[1], 215 улож. о нак.; 2) всѣ дѣянія противъ особы Государя и членовъ Императорскаго дома, а также бунтъ противъ власти верховной и смуту (ст. 241—252[1], 1145 улож. о нак.; ст. 99—107, 121, 123, 125—132, 134 163, 164, 166 ч. 2, 168 ч. 3, 173 ч. 4, 437, 449, 643 ч. 2 и 3, 644 ч. 4, 645 ч. 4, 652 ч. 3 угол. улож. 1903 г.; 3) возстаніе и массовое противодѣйствіе начальству (ст. 110 и 111 воинск. уст. о нак. и ст. 109—111 военно-морск. уст. о нак.[1]; 4) дѣянія, предусмотрѣнныя узаконеніями послѣ 17 октября 1905 г. (распространеніе ложныхъ слуховъ о правительствѣ, участіе въ недозволенныхъ сообществахъ, учиненіе стачекъ, преступленія противъ свободы и правильности выборовъ, уклоненіе отъ воинской повинности, храненіе взрывчатыхъ веществъ, проступки печати и проч.); 5) преступленія противъ порядка управленія—сопротивленіе распоряженіямъ, неповиновеніе власти, оскорбленіе присутственныхъ мѣстъ и чиновниковъ (ст. 262—282), 6) аграрныя преступленія (ст. 269[1], поскольку она касается дѣяній, вытекающихъ изъ экономическихъ побужденій, 1601—1605 улож. о нак.); 7) принадлежность къ противозаконнымъ обществамъ (ст. 318—324); 8) оставленіе отечества (ст. 325—328); 9) стачки и самовольный отказъ рабочихъ (ст. 1358—1358[3] улож. о нак., 51[4], уст. о нак.); 10) всѣ взысканія, наложенныя въ административномъ порядкѣ, 11) всѣ дѣянія, судимыя военными судами на основаніи статей 17 и 31 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка.

Проектъ, выработанный юридической коммисіей Трудовой Группы, сохраняя конструкцію двухъ вышеприведенныхъ, дѣлаетъ слѣдующія отступленія въ области погашаемыхъ амнистіей дѣяній: 1) онъ принимаетъ во вниманіе въ области религіозныхъ преступленій законъ 14 марта 1906 г. о введеніи въ дѣйствіе въ этой области угол. улож. 1903 г.; 2) онъ дополняетъ списокъ дѣяній лѣсными

Только парламентъ, регулирующій и сдерживающій своею дѣятельностью эту политическую и соціальную борьбу, можетъ опредѣлить правильно тотъ кругъ дѣяній, на который въ интересахъ государства должна распространиться амнистія.

Въ виду различія основной цѣли, совершенно различны и тѣ категоріи дѣяній, на которыя распространяются общее прощеніе и амнистія. Первое, вытекая изъ династическихъ цѣлей и покоясь на идеѣ милосердія, охватываетъ всевозможныя уголовныя преступленія, вторая—только такія, которыя имѣютъ

проступками относительно похищенія и поврежденія чужого лѣса, стоящаго на корню (ст. 155—158 уст. о нак.); 3) онъ исключаетъ изъ числа амнистируемыхъ дѣяній насильственное совращеніе (ст. 82 ч. 2, 83 ч. 2, 84 ч. 2, 87 уг. улож.); 5) группа амнистируемыхъ воинскихъ дѣяній имъ расширяется и охватываетъ сопротивленіе исполненію приказаній начальства вооруженное или невооруженное, ропотъ противъ распоряженій начальства и самовольную отлучку отъ командъ (ст. 106—109, 129 воинск. уст. о нак.); 6) вмѣсто общей отмѣны карательныхъ постановленій, состоявшихся послѣ 17 ноября 1905 г., проектъ Трудовой Группы предусматриваетъ лишь отмѣну слѣдующихъ: a) о печати (Собр. уз. 1905 г. № 226, ст. 1879; 1896 г. № 66, ст. 418 и № 107 ст. 637); b) объ обществахъ и союзахъ (Собр. уз. 1906 г. № 48, ст. 308); c) о стачкахъ (Собр. уз. 1905 г. № 233 ст. 1923; 1906 г. № 39 ст. 548; № 103 ст. 119, № 245 ст. 2014); d) о собраніяхъ (Собр. уз. 1906 г. № 48, ст. 309); e) объ отвѣтственности за изготовленіе и храненіе взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ (Собр. уз. 1906 г. № 47, ст. 306); i) объ отвѣтственности за распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ (Собр. уз. 1906 г. № 67, ст. 431); k) объ отвѣтственности за распространеніе ложныхъ слуховъ о кредитоспособности государственныхъ установленій (Собр. уз. 1906 г. № 137, ст. 839); l) объ отвѣтственности за восхваленіе преступныхъ дѣяній въ рѣчи или печати (Собр. уз. 1906 г. № 29, ст. 2081); m) объ усиленіи отвѣтственности за распространеніе среди войскъ противоправительственныхъ ученій и сужденій (Собр. уз. 1906 г. № 204, ст. 1349). Неупомянутыми остались, напр., законъ 8 марта 1906 г. объ огражденіи избирательнаго права и безпрепятственной дѣятельности Государственной Думы и Государственнаго Совѣта; 7) къ числу амнистируемыхъ присоединены лица, осужденныя военно-полевыми судами на основаніи положенія 19 августа 1906 г.

Во всѣхъ 3-хъ проектахъ мы находимъ, кромѣ того, распространеніе амнистіи на дѣянія, не вошедшія въ число перечисленныхъ выше, „которыя, будучи проявленіями борьбы противъ отмѣненнаго нынѣ государственнаго строя, совершены, безъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, исключительно по побужденіямъ политическимъ“ (проектъ В. Д. Набокова), „которыя совершены безъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ по побужденіямъ политическимъ“ (проектъ О. О. Грузенберга), „которыя совершены по побужденіямъ, вытекающимъ изъ борьбы за измѣненіе политическихъ и соціальныхъ условій“ (проектъ Трудовой Группы).

соціально-политическую подкладку, и примѣненіе къ которымъ репрессіи не соотвѣтствуетъ правильно понятымъ задачамъ общественнаго развитія. Въ интересахъ точнаго опредѣленія содержанія каждой изъ этихъ группъ необходимо обособленіе этихъ двухъ правовыхъ институтовъ.

Глава IX.

Права Государственной Думы въ области амнистіи.

Въ настоящей главѣ намъ предстоитъ сосредоточить вниманіе на наиболѣе спорномъ и крайне важномъ въ настоящее время вопросѣ о правахъ Государственной Думы по предоставленію и выработкѣ амнистіи.

Въ предшествующемъ изложеніи мы показали, что амнистія, если признавать ее въ томъ объемѣ, который безусловно необходимъ для достиженія соотвѣтственныхъ соціальныхъ эффектовъ, не можетъ быть построена на основаніи полномочій, предусмотрѣныхъ ст. 23 основныхъ законовъ. Изслѣдованіе общаго прощенія и амнистіи показываетъ возможность проведенія значительныхъ различій между ними: первое покоится на идеѣ милосердія, идеѣ прощенія вины, вторая—на политическомъ интересѣ общаго успокоенія; основанія перваго суть событія династическаго характера, основанія второй — соціальная борьба. По своей силѣ дѣйствія общее прощеніе отличается отъ амнистіи, съ одной стороны, тѣмъ, что оно допускаетъ и смягченіе и замѣну наказаній (это при амнистіи не допускается), съ другой стороны, общее прощеніе, въ противоположность амнистіи, не можетъ распространяться на отмѣну праволишеній, сопряженныхъ съ учиненіемъ преступнаго дѣянія, не можетъ затрагивать интересовъ частныхъ лицъ и погашать гражданскіе иски; оно, наконецъ, существенно отличается отъ амнистіи по характеру тѣхъ дѣяній, на которыя обычно распространяется сила его.

Сохраненіе права общаго прощенія въ тѣхъ рамкахъ, которыя предоставлены ст. 23 осн. зак., не уменьшаетъ для монарха возможности осуществлять ту практику всемило-

ствѣйшихъ манифестовъ, которая имѣла мѣсто до сихъ поръ; эта практика находитъ здѣсь лишь свое точно формулированное и согласованное съ нѣкоторыми самоограничительными правилами выраженіе.

Но, указавъ, что право амнистіи вообще отлично отъ права общаго прощенія и что оно не можетъ быть выведено изъ прерогативъ монарха, мы рѣшаемъ лишь часть проблеммы. Намъ остается другая—доказательство того, что это право можетъ быть выведенó изъ полномочій Государственной Думы.

Прежде всего покажемъ возможность сосуществованія права общаго прощенія съ правомъ амнистіи, какъ двухъ самостоятельныхъ институтовъ. Матеріалъ для доказательства этого положенія намъ прежде всего даетъ законодательство Запада. Мы знаемъ, что въ Италіи и Испаніи право общаго прощенія—индульгенція существуетъ на ряду съ амнистіей, причемъ первая примѣняется преимущественно въ династическихъ интересахъ, а вторая—въ политическихъ; народному представительству предоставленъ значительный контроль за примѣненіемъ этой послѣдней, тогда какъ индульгенція осуществляется безъ всякаго его вмѣшательства. Ни одна страна не относилась съ такимъ уваженіемъ къ прерогативѣ королевскаго прощенія, какъ Англія; дѣйствіе общихъ королевскихъ прощеній въ Англіи охватываетъ и аболицію, и освобожденіе отъ праволишеній, такъ что является болѣе сильнымъ, нежели общее прощеніе по нашему праву, и тѣмъ не менѣе, на ряду съ этимъ правомъ, возникаетъ институтъ парламентской амнистіи. Въ этихъ странахъ общее прощеніе разсматривается также, какъ институтъ отличный отъ помилованія. Что касается общихъ помилованій, какъ своеобразной трансформаціи права помилованія въ средство ознаменованія различныхъ торжественныхъ династическихъ или государственныхъ событій, то мы встрѣчаемъ его очень часто на ряду съ амнистіей. Указы объ общемъ помилованіи извѣстны изъ новѣйшей практики Германіи, Франціи и пр. Во Франціи общее помилованіе иногда является суррогатомъ амнистіи, когда по условіямъ парламентской дѣятельности предоставленіе ея затрудняется, а страна требуетъ прекращенія репрессіи.

Но не только на основаніи примѣра Запада, а и вслѣдствіе необходимости установленія правильнаго отношенія населенія и Верховной власти, требуется обособленіе права общаго прощенія и амнистіи. При развитой политической жизни страны, амнистія, какъ мѣра политическаго характера, становится предметомъ партійной политики, объектомъ домогательства или, наоборотъ, противодѣйствія различныхъ классовъ населенія; она превращается въ средство активнаго руководства политическою жизнью страны, и, какъ таковая, окутывается атмосферой политическихъ страстей. Наоборотъ, право общаго прощенія, покоящееся на идеѣ милосердія, остается проявленіемъ власти, лишеннымъ столь значительнаго политическаго вліянія, и по существу пріемлемымъ всѣми, независимо отъ ихъ партійныхъ стремленій. Въ качествѣ таковой мѣры она становится лучшимъ украшеніемъ государей. Для монарха, стоящаго въ сторонѣ отъ политической борьбы, не могущаго являться проводникомъ какой либо опредѣленной партійной политики, обладаніе правомъ амнистіи представляетъ извѣстныя неудобства. Онъ не можетъ противопоставить политическимъ требованіямъ и нападкамъ въ этой области министерство, пріемлющее отвѣтственность предъ парламентомъ. Эта, такъ сказать, политическая незащищенность монарха приводитъ къ передачѣ амнистіи въ руки органовъ исполнительной власти—отвѣтственнаго предъ парламентомъ министерства, какъ то мы видимъ въ Греціи, Италіи и Румыніи. Но если такая передача составляетъ единственный выходъ при королевской амнистіи, то для права общаго прощенія, гдѣ особенно важной является непосредственность предоставленія его монархомъ, такая передача неудобна въ виду того, что она низводитъ на степень общей политики ту мѣру, которая должна была бы служить для монарха средствомъ снисканія народной любви, преданности и пр. Какъ можно видѣть, самый характеръ общаго прощенія и амнистіи приводитъ къ необходимости обособленія ихъ и различія порядка ихъ изданія.

Существованіе на ряду съ правомъ общаго прощенія права амнистіи, такимъ образомъ, допустимо и желательно.

Но гдѣ должна лежать въ такомъ случаѣ юридическая граница между ними? Она не можетъ заключаться въ сферѣ примѣненія этихъ институтовъ, такъ какъ примѣненіе ихъ не регулировано закономъ и въ обоихъ случаяхъ покоится на усмотрѣніи. Она можетъ лежать лишь въ области государственно-правового значенія того и другого. Общее прощеніе можетъ предоставляться, какъ это неоднократно выражается въ самихъ манифестахъ, не въ колебаніе силы закона и правосудія, съ одной стороны, и не въ ущербъ интересамъ частныхъ лицъ, съ другой. Это—прерогатива, могущая устранять избытокъ репрессіи, несвязанный насущными интересами поддержанія авторитета судебной дѣятельности и принципа законности. Амнистія же, явно исключая изъ дѣйствія закона отдѣльныя дѣянія, устраняя ихъ уголовную квалификацію, несомнѣнно колеблетъ силу закона и устойчивость правосудія. Она намѣренно устраняетъ государственную оцѣнку въ той области, которая, при нормальныхъ условіяхъ, должна была бы быть предметомъ осужденія. Въ основѣ общаго прощенія лежитъ милосердіе, проявленіе котораго подчеркиваетъ вину того, кому оно предоставляется: принципъ общаго дѣйствія закона, карающаго что-либо подъ страхомъ осужденія, такимъ образомъ здѣсь сохраняется. Амнистія не содержитъ въ себѣ этого начала: она не закрѣпляетъ виновности милосердіемъ, а ради опредѣленной соціальной цѣли измѣняетъ силу закона, устраняетъ его дѣйствіе въ извѣстныхъ случаяхъ [1]).

---

[1]) Въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 10 марта 1907 г., по выслушаніи доклада автора „Амнистія и общее прощеніе по русскому праву“, въ послѣдующихъ преніяхъ Г. Б. Сліозбергомъ было высказано мнѣніе, что принципіальное различіе общаго прощенія и амнистіи должно быть признано заключающимся въ томъ, что первое есть актъ милости, второе—актъ справедливости. Мы неоднократно оттѣняли это различіе (стр. 132, 174), но не признаемъ за нимъ безусловнаго и принципіальнаго значенія, такъ какъ въ основѣ его лежитъ не всегда даже наблюдаемое различіе соціальной оцѣнки основаній, а не юридическихъ свойствъ этихъ институтовъ. Для иллюстраціи своего мнѣнія Г. Б. Сліозбергъ сравнивалъ амнистію съ необходимой обороной, при которой дѣяніе становится правомѣрнымъ, а общее прощеніе—съ крайней необходимостью, гдѣ противоправность дѣянія сохраняется, но наказаніе не примѣняется вслѣдствіе особаго крайняго положенія виновнаго. Такое сравненіе,

Отсюда вытекаютъ отдѣльныя черты, характерныя для каждаго изъ этихъ институтовъ. Основанія амнистіи лежатъ или въ области законодательныхъ интересовъ, когда, въ цѣляхъ большаго согласованія закона съ правосознаніемъ, признается необходимымъ ослабить дѣйствіе старыхъ строгихъ или вредныхъ законовъ или когда ошибочное примѣненіе ихъ въ прошломъ исказило ихъ дѣйствительный смыслъ; или въ области обще-государственныхъ интересовъ, когда въ жизни государственной выступаютъ такіе интересы, предъ которыми должно склониться и безусловное дѣйствіе законовъ: какъ бы сильно ни господствовали уголовные запреты надъ поведеніемъ гражданъ, они иногда не въ силахъ сдержать бурныхъ стремленій политической борьбы и, если эта послѣдняя сама по себѣ явится средствомъ прогресса, если она въ общемъ уровнѣ подыметъ гражданское поведеніе, то государственная власть, въ цѣляхъ правильнаго развитія, должна будетъ, по принципу относительнаго дѣйствія законовъ, устранить репрессію въ этой области. Общія задачи государственной власти здѣсь получаютъ предпочтеніе предъ силой закона [1]). Общее прощеніе, не устраняя силы законовъ, погашаетъ лишь отдѣльныя послѣдствія въ цѣляхъ, обыкновенно имѣющихъ мало общаго съ

помимо своего несоотвѣтствія легальнымъ понятіямъ крайней необходимости и необходимой обороны, отмѣчаетъ не характеръ справедливости или милосердія, а юридическія послѣдствія: отпаденіе противоправности или только отмѣну наказанія. Послѣдствія эти съ приблизительной вѣрностью соотвѣтствуютъ послѣдствіямъ амнистіи и общаго прощенія. Характеризуя, поэтому, въ тѣхъ же преніяхъ амнистію, какъ мѣру, прекращающую наказанія и потому относящуюся къ судебной власти, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ говорилъ, собственно, объ общемъ прощеніи.

[1]) Въ вышеупомянутомъ засѣданіи Юридическаго общества В. Д. Кузьминъ-Караваевъ поддерживалъ взглядъ, что основаніемъ амнистіи могутъ быть лишь соображенія законодательнаго характера—необходимость согласовать измѣнившееся правосознаніе съ устарѣлыми нормами закона, необходимость сгладить противорѣчіе между жизнью и закономъ, изъ за котораго пострадало столько лицъ. На необходимость расширенія этихъ основаній и дополненія ихъ основаніями гражданско-политическаго успокоенія, при которыхъ центръ тяжести лежитъ не въ недостаткахъ закона, а въ особенностяхъ переживаемаго политическаго момента, вполнѣ правильно указывали В. В. Водовозовъ и О. О. Грузенбергъ.

законодательными интересами; интересы его лежатъ скорѣе въ области династическо-государственной, нежели гражданско-политической.

Изъ этого можно вывести рядъ дальнѣйшихъ различій, отчасти установленныхъ нами выше на примѣрѣ русскаго права.

Если амнистія, по самому своему существу, изглаживаетъ всѣ послѣдствія дѣянія, то общее прощеніе ограничено въ своемъ дѣйствіи. Обыкновенно оно касается лишь отмѣны отдѣльныхъ послѣдствій осужденія, причемъ самый фактъ осужденія и наложенная имъ печать преступности сохраняются. Русское право, слѣдуя прежней практикѣ всемилостивѣйшихъ манифестовъ, присоединило къ праву общаго помилованія осужденныхъ и общую аболицію. Но аболиція эта является неполной, ограниченной, какъ ограничено и помилованіе осужденныхъ: противъ нея допустимъ отказъ, для огражденія интересовъ частныхъ лицъ, она не снимаетъ печати преступности, сохраняя рядъ правоограниченій, характерныхъ для факта осужденія. Съ такой точки зрѣнія аболиція представляется здѣсь лишь технически удобнымъ средствомъ избѣжать лишняго продолженія дѣла, посредствомъ замѣны судебнаго приговора рѣшеніемъ о прекращеніи дѣла, которому, въ случаѣ отсутствія со стороны обвиняемаго возраженій, придаются свойства послѣдняго. Аболиція здѣсь имѣетъ скорѣе процессуальное, нежели матеріально-правовое значеніе. Общее прощеніе, кромѣ того, ограничено и въ сферѣ, затрагивающей частные интересы и въ сферѣ корпоративно-публичной репрессіи. Эти ограниченія не случайны, а вытекаютъ изъ выше отмѣченнаго государственнаго значенія общаго прощенія.

Различія въ государственномъ значеніи общаго прощенія и амнистіи вызываютъ необходимость и въ порученіи осуществленія ихъ такимъ органамъ, которые наиболѣе приспособлены къ изданію актовъ соотвѣтственной силы. Если положеніе монарха внѣ активной политики обезпечиваетъ такое примѣненіе права прощенія, которое не могло бы служить препятствіемъ или, наоборотъ, поддержкой чьихъ либо пар-

тійныхъ стремленій, и, слѣдовательно, естественно вводитъ его въ область милосердія, т. е. усмотрѣнія, основаннаго исключительно на благожелательности, не противорѣчащей соціальнымъ основамъ, то для примѣненія амнистіи мы такой гарантіи не имѣемъ. По существу тѣсно связанная съ политическими стремленіями населенія, амнистія находитъ себѣ и чисто политическую реакцію со стороны Верховной власти. Въ этихъ случаяхъ, какъ мы указывали, необходимъ посредствующій органъ. Государственно-правовое значеніе амнистіи позволяетъ признать соотвѣтственнымъ въ данномъ случаѣ лишь законодательный органъ. Она, какъ было только что указано, состоитъ въ измѣненіи силы закона. Никто другой, какъ самъ законодатель, не можетъ правильнѣе учесть потребность въ модификаціи дѣйствія закона и полнѣе выразить ее въ своихъ постановленіяхъ. Я скажу даже больше, что право это неразрывно связано съ законодательною властью, такъ какъ установленіе той или иной силы дѣйствія закона есть необходимый элементъ законодательнаго разсчета. И учетъ этотъ можетъ покоиться не только на интересахъ чисто законодательнаго характера, но и на интересахъ общеполитическихъ, какъ то мы видимъ напр. въ области бюджета, объявленія войны и пр. Правильно понятое государственное значеніе амнистіи приводитъ къ передачѣ ея въ руки законодательнаго органа, въ противоположность общему прощенію, сохраняющемуся исключительно въ рукахъ монарха.

Такая тѣсная связь законодательной власти съ правомъ амнистіи въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ подвергаться искусственнымъ ограниченіямъ. Мы знаемъ законодательства, въ которыхъ это право поручено власти исполнительной. Этотъ порядокъ, какъ серьезное искусственное ограниченіе законодательной власти, является всегда *изъятіемъ изъ общихъ началъ*, если только представительный органъ разсматривается какъ органъ законодательной власти. Въ качествѣ изъятія, оно должно быть спеціально и точно оговорено. Exceptio non praesumitur. Въ противномъ случаѣ, оно естественно должно быть отнесено къ власти законодательной, какъ послѣдствіе права послѣдней модифицировать дѣйствіе законовъ.

Въ чемъ же выражается при амнистіи эта модификація? Отвѣтъ намъ даетъ французская доктрина, правильнѣе всего опредѣляющая сущность амнистіи. „Амнистія—это моментальная суспенсація законовъ“—говоритъ Шометтъ [1]). „Амнистія есть, въ сущности, отмѣна въ особыхъ случаяхъ законовъ по отношенію къ прошлому“—говоритъ Каба [2]), вслѣдъ за другими авторитетами [3]). „Акты объ амнистіи—говоритъ Дайси относительно англійскаго права [4])—суть законы съ обратной силой, которые освобождаютъ лицъ, нарушившихъ законъ, отъ отвѣтственности, и такимъ образомъ дѣлаютъ законными тѣ поступки, которые при совершеніи были незаконны“. Обычно понимаютъ суспенсацію законовъ, какъ пріостановку, направленную къ будущему; въ данномъ случаѣ государство, въ цѣляхъ заглаживанія нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ прежде дѣйствовавшихъ законовъ, поскольку они еще и теперь продолжаютъ оказывать свое вліяніе въ отрицательномъ отношеніи, дерогируетъ или суспенсируетъ силу ихъ по отношенію къ прошлому. Пріостанавливая законы, законодательная власть можетъ распространить силу этой пріостановки и на будущее время, если признаетъ, что отрицательные результаты вытекаютъ изъ несовершенства самихъ законодательныхъ нормъ, или только по отношенію къ прошлому, если найдетъ, что причиною такихъ результатовъ были не столько сами нормы, сколько ихъ неправильное примѣненіе или общія соціальныя условія. При такой суспенсаціи отпаденіе актовъ преслѣдованія, суда, наказанія и устраненіе правоограниченій, вызванныхъ преступнымъ дѣяніемъ, есть непосредственный результатъ устраненія его уголовной воспрещенности, отпаденія его объективной противоправности.

---

[1]) Chomette. De l'amnistie 1898. p. 63.

[2]) Cabat. De l'amnistie 1904. p. 58.

[3]) См. выше, прим. 1 на ст. 179. Германская доктрина, имѣя въ виду, впрочемъ, скорѣе помилованіе, относитъ его къ диспенсаціи, которая также общимъ образомъ признается принадлежностью законодательной власти. См. G. Meyer. Deutsches Staatsrecht 1895. S. 562.

[4]) Основы государственнаго права Англіи изд. 1905 г. подъ ред. П. Виноградова стр. 260.

Извѣстно, напр., что съ изданіемъ новаго закона, устраняющаго преступность какого либо дѣянія, eo ipso прекращаются и слѣдствія по всѣмъ дѣяніямъ такого рода, которыя были учинены до изданія этого закона; здѣсь происходитъ амнистія сама собою, и законъ получаетъ обратную силу. Устраненіе уголовной воспрещенности дѣянія по закону, которому присвоена обратная сила, влечетъ за собою всѣ тѣ послѣдствія, которыя характерны для амнистіи и только для нея, а не общаго прощенія: именно прекращеніе всѣхъ дѣйствій административнаго и судебнаго характера, направленныхъ на примѣненіе мѣръ репрессіи по поводу даннаго дѣянія. Понятно, поэтому, почему амнистія не можетъ смягчать или замѣнять наказаній или, наоборотъ, почему для нея не имѣютъ силы ограниченія, созданныя для общаго прощенія.

Но если дѣйствіе моментальной суспенсаціи законовъ или отмѣны дѣйствія ихъ по отношенію къ актамъ прошлаго можетъ быть равносильно по своимъ послѣдствіямъ амнистіи, то возникаетъ ли необходимость, на ряду съ общими законодательными полномочіями парламента, спеціально отмѣчать право амнистіи? Почему въ конституціяхъ Франціи, Болгаріи, Швейцаріи, Нидерландовъ мы встрѣчаемъ спеціальное упоминаніе объ этомъ правѣ? Простѣйшимъ основаніемъ къ тому, несомнѣнно, является стремленіе рѣзче подчеркнуть принадлежность его парламенту, въ противоположность праву помилованія. Подобнаго рода нормы весьма часты въ конституціяхъ. Съ другой стороны, спеціальное упоминаніе о немъ имѣетъ и болѣе глубокій смыслъ. Суспенсація законовъ вообще и приданіе такой суспенсаціи силы обратнаго дѣйствія, въ частности, являются столь исключительной формой законодательной дѣятельности, что произвольное примѣненіе ихъ грозило бы серьезнымъ общественнымъ интересамъ, даже при наличности всѣхъ гарантій законодательнаго творчества. Спеціальное указаніе на право амнистіи отмѣчаетъ опредѣленную соціальную цѣль, ради которой возможно примѣненіе этихъ мѣръ,—именно забвеніе прошлыхъ неурядицъ. Примѣненіе опасныхъ полномочій — суспенса-

ціи и обратной силы закона, сохраняетъ въ прочихъ случаяхъ весь свой исключительный характеръ, въ области же соціально-политической преступности, при наличности опредѣленныхъ основаній, эта исключительность отпадаетъ, покрываясь особымъ правовымъ институтомъ—амнистіей. Наконецъ, специальное указаніе на право амнистіи вручаетъ въ руки законодательнаго органа возможность большаго юридическаго приспособленія этого института къ спеціальнымъ цѣлямъ погашенія репрессіи въ области соціальной преступности, эвентуально освобождая его отъ строгихъ юридическихъ формъ или ограниченій суспенсаціи и позволяя ему сочетаться съ другими парламентскими полномочіями (контролемъ надъ исполнительною властью, правомъ вознагражденія и пр.). Такимъ образомъ, несмотря на возможность вывести право, аналогичное по своему дѣйствію амнистіи, изъ пріостановки дѣйствія законовъ, спеціальное упоминаніе объ этомъ правѣ можетъ имѣть большую практическую цѣнность.

Послѣ такого общаго вступленія, необходимаго въ видахъ точнаго различенія амнистіи и общаго прощенія, какъ особыхъ правовыхъ институтовъ, разсмотримъ, поскольку право амнистіи можетъ быть образовано на почвѣ полномочій, предоставленныхъ Государственной Думѣ.

Русскому праву неизвѣстна амнистія, какъ особый правовой институтъ. Правда, въ исторіи бывали случаи общаго забвенія, но они проводились въ жизнь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: манифестахъ, указахъ, Высочайшихъ повелѣніяхъ, имѣвшихъ характеръ милости. Амнистій въ строгомъ смыслѣ у насъ не было. Потребность въ амнистіяхъ гражданско-политическаго характера выдвинута лишь ожесточенной борьбой послѣдняго времени; такія амнистіи стали возможными лишь съ появленіемъ большихъ и организованныхъ политическихъ партій.

Отсутствіе до сихъ поръ въ государственной жизни соціальныхъ основъ для амнистіи гражданско-политическаго характера и обусловило тотъ пробѣлъ въ основныхъ законахъ, который мы встрѣчаемъ нынѣ. Такой пробѣлъ неоднократно обнаруживался и въ исторіи западно-европейскаго государственнаго права. Тогда на сцену исторіи выступали

правотворческіе факторы, которые и опредѣляли практику примѣненія амнистіи (см. выше). Гдѣ парламентъ бралъ примѣненіе амнистіи въ свои руки, тамъ она скоро отливалась въ опредѣленную форму закона и становилась соотвѣтственнымъ политическимъ факторомъ; тамъ же, гдѣ примѣненіе ея сохранялось въ рукахъ короля (напр., въ Германіи, Австріи), она постепенно вымирала. Въ самомъ институтѣ имѣются корни, которые могутъ упрочиться какъ бы только на почвѣ законодательной власти [1]). Въ русскомъ правѣ этотъ пробѣлъ также можетъ быть заполненъ на основаніи общихъ правомочій законодательныхъ органовъ [2]).

На основаніи ст. 7 основныхъ законовъ Государственная Дума является органомъ, осуществляющимъ законодательную власть. Ст. 23 осн. зак., устанавливающая ограниченія этой власти въ пользу исключительной прерогативы Монарха въ области помилованія, не содержитъ въ себѣ указаній на изъятіе амнистіи изъ компетенціи Думы. Какъ изъятіе, статья 23 подлежитъ ограничительному толкованію.

Съ другой стороны, вѣдѣнію Государственной Думы по ст. 31 т. I ч. 2 предоставлены предметы, требующіе изданія законовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны. Изданные по такимъ предметамъ законы могутъ содержать въ себѣ самихъ оговорку, что сила ихъ распространяется и на предшествующее время (ст. 89 осн. зак.).

Государственной Думѣ непосредственно право амнистіи не предоставлено, но она можетъ использовать перечисленныя выше права въ интересахъ амнистіи. Она можетъ пріостановить по отношенію къ дѣяніямъ прошлаго отдѣльныя постановленія уголовнаго законодательства. Такая пріоста-

---

[1]) См. выше стр. 192.

[2]) Въ такомъ смыслѣ высказывался еще раньше В. В. Водовозовъ „Наша Жизнь“ № 463 и 465. 1906 г. Въ засѣданіи Юридическаго Общества 10 марта предлагались и иныя основанія этого права. Г. Вольтке считалъ возможнымъ осуществленіе Думой амнистіи потому, что право общаго прощенія ст. 23 не предоставлено монарху *исключительно*; г. Андрониковъ полагалъ что оно, покоясь на справедливости, *логически* противостоитъ общему прощенію.

новка можетъ имѣть мѣсто или по отношенію ко всѣмъ актамъ, подходящимъ подъ дѣйствіе этихъ постановленій (полчая пріостановка), или по отношенію къ отдѣльнымъ группамъ ихъ, характеризуемымъ опредѣленными признаками (частичная пріостановка). Послѣдній видъ пріостановки или отмѣны дѣйствія закона носитъ иногда названіе диспенсаціи—изъятій изъ закона. Вслѣдствіе того, что такая диспенсація особо не предусмотрѣна и, съ другой стороны, не вытекаетъ изъ прерогативъ монарха, основанныхъ на ст. 23, слѣдуетъ признать, что она обнимается общимъ дѣйствіемъ ст. 31 т. I ч. 2 [1]).

Но проведеніе амнистіи посредствомъ суспенсаціи законовъ терпитъ въ нашемъ правѣ значительныя ограниченія. Изъ числа ихъ, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить невозможность отмѣны въ такомъ порядкѣ взысканій, наложенныхъ административною властью не по поводу отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, а въ силу дискреціонной ея власти. Въ странахъ, выработавшихъ парламентскую форму амнистіи, существуетъ обыкновенно и парламентаризмъ, т. е. политическая отвѣтственность министерства (въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Нидерландахъ, Швейцаріи и Болгаріи). Принятіе амнистіи парламентомъ налагаетъ на исполнительную власть обязанности въ смыслѣ устраненія наложенныхъ въ административномъ порядкѣ взысканій. Амнистія слагается изъ суспенсаціи поста-

[1]) Для обоснованія этого права Думы не безразлична и самая юридическая форма акта. Предлагавшіеся до сихъ поръ законопроекты, въ томъ числѣ и проектъ юридической коммисіи трудовой группы, составлены въ формѣ, соотвѣтствующей актамъ общаго прощенія, гдѣ юридическія основанія компетентности Думы остаются скрытыми, и потому самый проектъ можетъ встрѣтить многочисленныя препятствія. По нашему мнѣнію, соотвѣтственной формой можетъ быть форма суспенсаціи: „Дѣйствіе ст. 00 угол. улож. по отношенію къ лицамъ, учинившимъ означенныя въ сихъ статьяхъ дѣянія (эвентуально, по извѣстнымъ мотивамъ) до момента опубликованія настоящаго закона, пріостанавливается. Посему, упомянутыя лица подлежатъ освобожденію отъ слѣдствія, суда, наказанія и всѣхъ сопряженныхъ съ ними послѣдствій и т. д.“. Установленіе особаго порядка примѣненія этого закона также допустимо. Въ виду особаго значенія его, ему должна быть предпослана мотивировка, указывающая основанія, по которымъ признано необходимымъ суспенсировать отдѣльныя статьи только по отношенію къ дѣяніямъ прошлаго или даже и будущаго времени.

новленій закона и отмѣны отдѣльныхъ административныхъ актовъ. У насъ, при отсутствіи спеціальнаго упоминанія о правѣ амнистіи и при неустановившейся политической отвѣтственности министерства, такое согласованіе трудно осуществимо, и Дума едва ли сумѣетъ сдѣлать свою волю обязательной для правительства въ смыслѣ отмѣны дискреціонныхъ административныхъ взысканій [1]).

Далѣе возможно оспаривать для Государственной Думы допустимость проведенія амнистіи воинскихъ преступленій посредствомъ суспенсаціи закона, такъ какъ въ силу ст. 97 осн. зак. законодательная власть Думы не распространяется на постановленія по военно-судебной и военно-морской судебнымъ частямъ [2]).

Наконецъ, Дума не будетъ имѣть возможности предписать нѣкоторыя возстановительныя дѣйствія, напр., въ родѣ возвращенія на службу уволенныхъ отъ нея административными распоряженіями лицъ.

Проведеніе законопроекта „о пріостановленіи силы отдѣльныхъ постановленій уголовныхъ законовъ, въ цѣляхъ

---

[1]) Въ засѣданіи Юридическаго Общества Ѳ. И. Родичевымъ было высказано положеніе, поддержанное А. С. Заруднымъ, относительно возможности для Государственной Думы отмѣны административныхъ взысканій Ѳ. И. Родичевъ указывалъ на необходимость устраненія ихъ, которая возникнетъ съ принятіемъ закона о неприкосновенности личности, и на возможность отмѣны для Думы различныхъ правилъ, изданныхъ въ формѣ Высочайшихъ повелѣній. А. С. Зарудный выводилъ такую возможность изъ того положенія, что Дума, уполномоченная на большее—отмѣну законовъ, уполномочена и на меньшее—отмѣну административныхъ взысканій. Возраженія почтенныхъ оппонентовъ покоятся, однако, на недоразумѣніи. Конечно, Г. Дума можетъ отдѣльными законами, въ родѣ закона о неприкосновенности личности, отмѣнять право наложенія тѣхъ или иныхъ административныхъ взысканій, но не прибѣгая къ этой мѣрѣ, она не въ состояніи отмѣнить нѣкоторыя взысканія, уже наложенныя администраціей. Нужно различать взысканія, налагаемыя администраціей по поводу преступныхъ дѣяній, которыя могутъ быть погашены амнистіей, и взысканія, наложенныя въ силу дискреціоннаго права, такой отмѣнѣ не поддающіяся.

[2]) Мы лично вполнѣ присоединяемся къ тому толкованію этой статьи, которое изложено В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ въ его докладѣ по поводу отмѣны смертной казни и которое съуживаетъ эту исключительную компетенцію до сферы однихъ процессуальныхъ вопросовъ (Стенографическіе отчеты Государственной Думы 1906 г., стр. 1475).

устраненія вредныхъ послѣдствій отъ примѣненія ихъ" юридически возможно [1]), хотя, какъ это видно изъ предшествующаго, и не въ такой мѣрѣ, какъ это выражается въ отдѣльныхъ проектахъ. Оно не посягаетъ и на права Монарха, такъ какъ Монархъ участвуетъ въ осуществленіи законодательной власти и обладаетъ здѣсь правомъ иниціативы (ст. 7 и 8 осн. зак.). Оно не затрагиваетъ и принадлежащаго по ст. 23 Монарху права общаго прощенія, такъ какъ это право, являясь отличнымъ отъ права амнистіи, можетъ быть осуществляемо имъ всегда независимо отъ участія Государственной Думы. Различіе гражданско-политическихъ оснований при амнистіи и династическо-государственныхъ при общемъ прощеніи служитъ также одной изъ причинъ, по которымъ здѣсь нельзя ожидать коллизіи полномочій. Съ другой стороны, къ использованію этихъ правомочій побуждаетъ народное желаніе, настойчиво указывающее народнымъ представителямъ на необходимость проведенія амнистіи не путемъ милосердія, а путемъ законодательства. Суспенсація законовъ, являющаяся вообще крайней мѣрой, при современныхъ условіяхъ находитъ себѣ оправданіе въ настойчивомъ и ярко выразившемся народномъ требованіи.

Конечно, осуществленіе такихъ правъ можетъ встрѣтить значительныя затрудненія, вслѣдствіе сложности законодательнаго пути, отсутствія отвѣтственнаго министерства и невозможности соотвѣтственнаго воздѣйствія на дальнѣйшую политику. Преодолѣніе ихъ—задача практической политики, на точку зрѣнія которой мы не становимся. Но, можетъ быть, въ цѣляхъ болѣе надежной выработки парламентской формы амнистіи, какъ особаго института, представлялось бы желательнымъ сначала не проведеніе законопроекта о полной амнистіи, предполагающаго уже сформировавшееся право въ этой области, а сус

[1]) Въ засѣданіи 10 марта уголовное отдѣленіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества вынесло слѣдующую резолюцію, принятую большинствомъ 22 голосовъ противъ 2: „Выслушавъ докладъ дѣйствительнаго члена общества П. И. Люблинскаго „Амнистія и общее прощеніе по русскому праву" и пренія по этому докладу, уголовное отдѣленіе приходитъ къ заключенію, что въ основныхъ законахъ нѣтъ запрета и препятствій къ внесенію въ Государственную Думу и разсмотрѣнію его законопроекта объ амнистіи, составляющей институтъ отличный отъ института общаго прощенія".

пенсація отдѣльныхъ карательныхъ постановленій, вокругъ которыхъ въ значительнѣйшей своей части сгруппирована современная репрессія [1]). Оно рѣзче подчеркнетъ правовыя основанія этой мѣры и съ большей вѣроятностью можетъ разсчитывать на практическій успѣхъ. Сложное политическое право, какимъ является право амнистіи въ развитомъ видѣ, вырабатывается, при отсутствіи яснаго указанія закона, лишь постепеннымъ наслоеніемъ отдѣльныхъ актовъ, предпринимаемыхъ въ опредѣленномъ направленіи. Образованіе широкаго права парламентской амнистіи, по нашему мнѣнію, должно пойти именно такимъ путемъ.

Глава X.

Вопросъ объ амнистіи въ Государственной Думѣ.

Въ первой Государственной Думѣ вопросъ объ амнистіи явился однимъ изъ больныхъ вопросовъ, вокругъ котораго съ особой напряженностью централизировалось вниманіе Думы. Еще въ день открытія — 27 апрѣля 1906 г., немедленно по избраніи предсѣдателя, первая раздавшаяся въ стѣнахъ Таврическаго Дворца политическая рѣчь была произнесена по этому вопросу И. И. Петрункевичемъ отъ лица партіи народной свободы. „Долгъ чести, долгъ нашей совѣсти повелѣваетъ — гласили первыя слова этой рѣчи — чтобы первая наша мысль и первое наше слово было посвящено тѣмъ, кто пожертвовалъ своей свободой за освобожденіе дорогой намъ всѣмъ родины. Всѣ тюрьмы въ странѣ переполнены, тысячи рукъ протягиваются къ намъ съ надеждой и мольбой, и я полагаю,

---

[1]) Въ отдѣльныхъ проектахъ амнистіи мы встрѣчаемъ указаніе на массу статей, имѣющихъ исключительно фигуративное значеніе, вводящихъ ненужныя осложненія. На первое время, особенно солидную почву могла бы имѣть суспенсація нѣкоторыхъ статей угол. улож. 1906 г., касающихся преступленій государственныхъ, каковы, напр., ст. 126, 129 и др. и ряда постановленій, изданныхъ послѣ 17 октября 1905 г. Точку зрѣнія объективной необходимости отмѣны репрессіи, специально, въ этой области отмѣтилъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ въ своей рѣчи въ юридич. обществѣ, напечатанной послѣ въ № 71 газеты „Русь“ 12 марта 1907 года.

что долгъ нашей совѣсти заставляетъ насъ употребить всѣ усилія, которыя даетъ намъ наше положеніе, чтобы свобода, которую покупаетъ себѣ Россія, не стоила больше никакихъ жертвъ. Мы просимъ мира и согласія". Усилія со стороны Думы въ смыслѣ заявленія о необходимости амнистіи, дѣйствительно, были сдѣланы значительныя [1]). Вопросъ о ней обсуждался нѣсколько разъ и очень всесторонне; но практическаго результата, къ сожалѣнію, не было достигнуто.

Въ первый разъ обсужденіе этого вопроса происходило 29 апрѣля по поводу составленія адреса на тронную рѣчь. Здѣсь опредѣлились слѣдующія теченія.

I. *Родичевъ*, исходя изъ того положенія, что амнистія и прощеніе—прерогативы монарха, считалъ возможнымъ высказать лишь въ формѣ желанія необходимость амнистіи. Такое желаніе, по мнѣнію Родичева, объясняется: 1) всеобщимъ требованіемъ народа, о которомъ Дума обязана довести до свѣдѣнія Монарха, 2) невозможностью для Думы работать въ атмосферѣ непрекращающейся репрессіи: „Намъ здѣсь въ Думѣ нельзя работать; это чувство угнетаетъ насъ, эти призраки крови казненныхъ, здѣсь, въ этомъ залѣ, ихъ нужно убрать отсюда для того, чтобы мы могли работать", 3) политическими выгодами амнистіи: „пока слѣдъ расправъ не будетъ смытъ, и смытъ окончательно—до тѣхъ поръ посѣвъ ненависти будетъ давать свои всходы и приносить свои плоды; если вы желаете уничтожить ту ненависть, которая въ настоящее время горитъ яркимъ пламенемъ съ той и другой стороны—возьмите на себя починъ и щедрою рукою дайте всепрощеніе [2]). Это—актъ политической мудрости". Къ этому

[1]) Въ общей сложности по вопросу объ амнистіи въ первой Думѣ было произнесено 52 рѣчи.

[2]) На идею прощенія, высказанную Родичевымъ въ своей рѣчи, раздавалось весьма много нападокъ. Слѣдуетъ, однако, болѣе правильно взглянуть на дѣло. Употребляя терминъ „прощеніе", Родичевъ разумѣлъ ту прерогативу Монарха, къ которой обращалась Дума, а не извѣстную моральную виновность политическихъ преступниковъ предъ государственной властью. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Правѣ" 1905 г. стр. 3408: „Они прощаютъ!?" онъ рѣзко возстаетъ противъ идеи прощенія „не прощеніе тутъ нужно, а миръ, *забвеніе*—амнистія, а не частичное помилованіе".

взгляду, по которому *Дума должна ограничиться яркимъ и убѣдительнымъ выставленіемъ желанія народа имѣть амнистію отъ монарха* примкнули и представители болѣе праваго крыла: *Новодворскій* (28) [1]), *Гейденъ* (38) [2]) *М. Ковалевскій* (42).

II. Другое теченіе было выражено въ началѣ *Аникинымъ* (28). Исходя изъ положенія, что большинство находящихся въ тюрьмахъ люди невинные и непричастные къ преступленіямъ, захваченные по одному подозрѣнію, онъ предлагалъ *требовать амнистіи, какъ акта справедливости.* Въ качествѣ *санкціи* этого требованія имъ выставлялась *возможность непосредственныхъ революціонныхъ выступленій со стороны народа для освобожденія заключенныхъ или для общей борьбы.* Къ такому взгляду примыкало большинство представителей отъ крестьянъ и рабочихъ, несмотря на то, что въ своихъ рѣчахъ они порою ограничивались только указаніями на насущную нужду въ амнистіи крестьянъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ движеніяхъ, и рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкахъ, манифестаціяхъ и революціонной борьбѣ. Такъ, на интересы крестьянъ указывали *Аладьинъ* (25), *Аникинъ* (28), *Заболотный* (93), *Семеновъ* (91), а на интересы рабочихъ—*Ершовъ* (26), *Михайличенко* (29), *Жилкинъ* (40), *Савельевъ* (36).

III. Третье теченіе являлось среднимъ между этими двумя крайностями. Оно нашло себѣ выраженіе въ рѣчахъ *Жилкина* (26) и *Гредескула* (90). Первый, въ сущности, предлагалъ *сдѣлать изъ требованія амнистіи извѣстную демонстрацію предъ народомъ*, для чего считалъ возможнымъ ограничиться *лишь категорическимъ заявленіемъ требованія народа, не прибѣгая къ указаніямъ на возможность революціи.* Это предложеніе имѣло-бы значеніе, какъ очень наглядное подчеркиваніе полнаго расхожденія принциповъ управленія

---

[1]) Заключенныя въ скобки цифры означаютъ страницы „Протоколовъ Госуд. Думы 1906 г.“.

[2]) Гейденъ ошибочно ссылался въ своей рѣчи на то, что амнистія „вездѣ и всегда“ представляетъ прерогативу монарха (см. выше).

старой власти съ законными и насущными требованіями народа и подымало-бы этическое значеніе Думы. *Гредескулъ* (30) предлагалъ *видѣть въ этомъ требованіи актъ отчаянія*, вызываемый сознаніемъ Думы о *невозможности успокоить страну иначе, какъ амнистіей*, и убѣжденіемъ, что въ такомъ случаѣ самъ народъ освободитъ заключенныхъ. „Положеніе таково, что народъ долженъ или этого добиться, или погибнуть". Къ этому склонился было въ началѣ своей рѣчи и *Сѣдельниковъ* (28), начавшій указывать на амнистію, какъ на необходимость, но, въ концѣ концовъ, примкнувшій ко второй группѣ ораторовъ, и потребовавшій амнистіи подъ угрозой революціи: „Мы, представители народа, по порученію его требуемъ амнистіи во имя блага народа, иначе произойдетъ то, о чемъ и думать страшно". Взглядъ послѣднихъ двухъ депутатовъ *вмѣсто этической необходимости*, выдвинутой Жилкинымъ, указываетъ скорѣе *на необходимость чисто фактическую*.

Приведенныя три принципіально различныя направленія на практикѣ, однако, не являлись враждующими, вслѣдствіе присущаго всѣмъ имъ необычайно сильнаго стремленія къ возможно скорому полученію полной амнистіи. Но между ними, въ зависимости отъ пониманія роли Думы, обнаружилось нѣкоторое различіе въ способахъ проведенія въ жизнь своихъ стремленій. При обсужденіи отвѣта на тронную рѣчь въ 3-емъ и 4-омъ засѣданіяхъ Думы были намѣчены отдѣльные способы обращенія къ Монарху по поводу амнистіи. Они также могутъ быть сведены къ тремъ группамъ.

Первый способъ, предложенный депутатомъ Московской губерніи *Чуриковымъ*, состоялъ въ посылкѣ Императору *телеграммы* съ заявленіемъ о необходимости амнистіи (34). Для реальнаго же поддержанія этого заявленія ораторъ предлагалъ *парламентскую забастовку*, ранѣе еще рекомендованную Михайлченко: „Пока нѣтъ амнистіи, я находилъ бы невозможнымъ приступать ни къ какимъ дѣламъ Думы, стоящимъ на очереди". Противъ практической цѣлесообразности этого предложенія особенно обстоятельно говорилъ *Шершеневичъ*, указывавшій на нежелательность рѣшительнаго кон-

фликта на этой почвѣ, на значительный рискъ, которому подвергнется тогда благо народа, поставленное въ зависимость отъ рѣшенія одного только вопроса объ амнистіи безъ обсужденія прочихъ скопившихся народныхъ нуждъ, наконецъ, на то, что главная задача Думы состоитъ въ авторитетномъ заявленіи необходимости амнистіи, уже ею сдѣланномъ. *Гредескулъ* считалъ особенно авторитетными въ этомъ отношеніи заявленія рабочихъ и крестьянъ. Противъ этого предложенія о посылкѣ телеграммы выступилъ и *Гейденъ*, находившій эту мѣру несогласной съ уваженіемъ къ правамъ Верховной власти.

Другое предложеніе было внесено отъ имени *Корнильева*, который предлагалъ (34) *поручить предсѣдателю Думы выразить Монарху непосредственную волю всего народа*, представленнаго депутатами, о необходимости амнистіи. Это предложеніе позднѣе повторилъ *М. Ковалевскій* (42) съ тѣмъ лишь отличіемъ, что онъ говорилъ не о *волѣ* народа, а о *желаніи* народа, выраженномъ въ формѣ ходатайства (44). Поддержанное авторитетомъ М. Ковалевскаго это предложеніе встрѣтило горячій отпоръ со стороны представителей партіи народной свободы. Такъ, *Щепкинъ* въ подробной рѣчи выяснилъ его неудобства. Оно низводитъ принципіальное требованіе амнистіи, выставленное Думой, на степень ходатайства о милости, аналогичной милостямъ, даруемымъ по поводу торжественныхъ событій. Затѣмъ предложеніе это, по мнѣнію Щепкина, сходитъ съ строго-конституціонной почвы, обращаясь непосредственно къ монарху, а не идя путемъ отвѣтнаго адреса, являющагося по существу программой для министерства, желающаго разсчитывать на поддержку большинства Думы; вмѣсто того, это предложеніе вводитъ мистическое, таинственное общеніе души между народомъ и Верховною властью. Наконецъ, требованіе амнистіи не будетъ имѣть никакой реальной цѣны, не сопровождаемое требованіемъ общихъ реформъ, т. е. направленное путемъ особымъ отъ общаго адреса. *Андреяновъ* отвергалъ предложеніе Ковалевскаго, такъ какъ оно могло создать нежелательный конфликтъ. Большинство Думы отвергло предложеніе о сообщеніи чрезъ предсѣдателя желанія Думы имѣть амнистію.

Наконецъ, третье восторжествовавшее предложеніе, проводившееся особенно настойчиво депутатами партіи народной свободы, состояло въ включеніи вопроса объ амнистіи въ общій отвѣтный адресъ на тронную рѣчь. Несмотря на непосредственное обсужденіе этого адреса, приходилось при отстаиваніи этого пути бороться противъ мнѣній, требовавшихъ болѣе экстреннаго представленія спеціальнаго требованія объ амнистіи. *Кокошкинъ* доказывалъ, что всякое отдѣльное отъ адреса на тронную рѣчь представленіе о необходимости амнистіи было бы особымъ адресомъ; благодаря этому могла быть затруднена и даже совсѣмъ потеряна возможность высказать въ адресѣ цѣлый рядъ другихъ отвѣтныхъ заявленій; кромѣ того особое представленіе этого заявленія, въ случаѣ его принятія, произвело бы впечатлѣніе полнаго примиренія Думы съ правительствомъ на этой почвѣ, что нежелательно. Дума ясно сказала, какъ она смотритъ на амнистію, и въ дальнѣйшемъ не должна дѣлать торопливыхъ шаговъ. *Щепкинъ* къ этимъ соображеніямъ присоединилъ указаніе на заключающуюся въ такомъ пути заявленія объ амнистіи идею отвѣтственности въ этомъ вопросѣ министерства. Такой путь изъ числа отдѣльныхъ депутатовъ поддерживали также *Имшенецкій* и *Трасунъ*. Онъ и былъ позднѣе единогласно принятъ Думой. По рѣшенію Думы въ отвѣтномъ адресѣ должно было быть помѣщено и требованіе Думы объ амнистіи.

Въ 4-омъ засѣданіи Думы 2 мая пренія сосредоточились вокругъ текста самаго адреса. Проектъ его, по вопросу объ амнистіи, сначала указывалъ на значеніе этого вопроса, какъ предпосылки плодотворной думской работы; затѣмъ онъ останавливался на стремленіи къ амнистіи, обнаружившемся въ Думѣ и во всей странѣ. Это стремленіе возведено для Монарха въ требованіе народной совѣсти, каковымъ оно являлось и для Думы, по словамъ Петрункевича; и, наконецъ, выражалось ожиданіе амнистіи, какъ перваго залога пониманія и согласія между царемъ и народомъ. Такимъ образомъ адресъ апеллировалъ къ верховной обязанности монарха пещись о благѣ народномъ. Поправки, предлагавшіяся въ это и слѣдующее засѣданіе 4 мая,

свелись къ 2 группамъ. Одни отмѣчали необходимость распространенія амнистіи направо, по выраженію *Набокова*, предлагая включить въ число амнистируемыхъ и должностныхъ лицъ (*Массоніусъ*, 88), или подчеркнуть надежду, что и населеніе, съ своей стороны, забудетъ прошлое (*Гейденъ* 84, *Роопъ* 110) и перестанетъ прибѣгать къ политическимъ убійствамъ (*Стаховичъ* 228, *Роопъ* 228). Другіе доказывали необходимость распространенія амнистіи налѣво, и подчеркивали необходимость болѣе категорическаго указанія на аграрныя и религіозныя преступленія (*Заболотный* 93; *Семеновъ* 91) и на непреклонность воли страны (*Алексинскій*, 117). Въ концѣ концовъ, адресъ былъ принятъ въ слѣдующей, слабо измѣненной по сравненію съ проектомъ, редакціи: „Ваше Императорское Величество! Въ преддверіи всякой нашей работы стоитъ одинъ вопросъ, волнующій душу всего народа, волнующій насъ, избранниковъ народа, лишающій насъ возможности спокойно приступить къ первымъ шагамъ нашей законодательной дѣятельности. Первое слово, прозвучавшее въ стѣнахъ Государственной Думы, встрѣченное кликами сочувствія всей Думы, было слово—амнистія. Страна жаждетъ амнистіи, распространенной на всѣ предусмотрѣнныя закономъ дѣянія, вытекавшія изъ побужденій религіозныхъ или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія. Есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ исполненіемъ которыхъ нельзя медлить. Государь, Дума ждетъ отъ Васъ полной политической амнистіи, какъ перваго залога взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между царемъ и народомъ“. Адресъ этотъ былъ принятъ *единогласно*. Слѣдуетъ замѣтить, что помѣщеніе заявленія о необходимости амнистіи въ отвѣтный адресъ еще не служитъ основаніемъ для признанія послѣдней прерогативой Монарха, такъ какъ въ адресѣ заключается собственно законодательная программа парламента, опредѣляемая большинствомъ его.

Какъ извѣстно, въ видѣ отвѣта на адресъ, была прочитана въ засѣданіи 13 мая министерская декларація. По вопросу объ амнистіи въ ней указывалось, что „помилованіе приговоренныхъ по суду, какого бы свойства ни были

совершенныя ими преступныя дѣянія, составляетъ прерогативу Верховной власти, отъ которой единственно и всецѣло зависитъ признать Царскую милость къ впавшимъ въ преступленія соотвѣтствующей благу общему. Совѣтъ министровъ, съ своей стороны, находитъ, что этому благу не отвѣчало бы въ настоящее смутное время помилованіе преступниковъ, участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ". Декларація министровъ такимъ образомъ говорила только о помилованіи, какъ о прерогативѣ монарха, не затрагивая вопроса объ амнистіи. Совѣтъ министровъ счелъ лишь возможнымъ пересмотрѣть постановленія о лицахъ, лишенныхъ свободы въ административномъ порядкѣ, для освобожденія всѣхъ тѣхъ, предоставленіе коимъ свободы не угрожаетъ общественной безопасности. Декларація министерства получила достойную оцѣнку въ Думѣ. Насъ интересуютъ лишь тѣ принципіальные взгляды, которые обнаружились въ средѣ партій по поводу отвѣта ея на вопросъ о правѣ амнистіи. Депутаты руководящей партіи *Набоковъ* (325) и *Кокошкинъ* (333) отвергли здѣсь идею отвѣтственности министерства. Набоковъ въ своемъ знаменитомъ отвѣтѣ отнесъ вопросъ объ амнистіи не къ законодательной и административной функціямъ, а къ верховнымъ прерогативамъ, недопускающимъ никакого посредствующаго голоса между Думой и Верховной властью, отрицающимъ вмѣшательство министровъ. Кокошкинъ примкнулъ къ этому взгляду. Эти взгляды тѣмъ болѣе странны, что партія народной свободы отвергла предложеніе М. Ковалевскаго, основанное именно на этой идеѣ. Съ другой стороны, *М. Ковалевскій* (344), которому скорѣе надлежало бы поддерживать такой взглядъ, въ отвѣтѣ на декларацію министерства принялъ болѣе правильную позицію. „Я полагаю—сказалъ онъ—что напоминаніе о прерогативѣ въ высшей степени неумѣстно; неумѣстно на томъ основаніи, что, подчеркивая то, что амнистія—прерогатива императора, лица, засѣдающія на этихъ (министерскихъ) скамьяхъ, открываютъ намъ то, чего они не въ правѣ открывать. Они даютъ намъ понять, что если амнистія не даруется, та такова воля Государя Императора. Министерство конституціоннаго монарха,

сдѣлавшее подобнаго рода поступокъ, оскорбило монарха и не мы должны требовать его отставки—верховная Власть сама имѣетъ для этого достаточное основаніе". Въ этихъ словахъ—несомнѣнное зерно признанія министерской отвѣтственности по поводу осуществленія прерогативы помилованія.

Надежды на осуществленіе Монархомъ своей прерогативы общаго прощенія вскорѣ разсѣялись и въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ вопросъ этотъ не подымался. Только предъ самымъ роспускомъ Думы въ средѣ трудовой группы возникла идея составленія законопроекта объ амнистіи, идея, не достигшая, впрочемъ, даже стадіи формальнаго предложенія. Интересно прослѣдить, какъ измѣнялись взгляды на возможность проведенія амнистіи посредствомъ закона.

За нѣсколько дней до Государственной Думы руководящая партія к.-д. на III съѣздѣ 22 апрѣля 1906 г. постановляетъ „во имя требованій элементарной справедливости и для умиротворенія общественной совѣсти въ самомъ же началѣ внести *законопроектъ* о полной политической амнистіи". Народъ при встрѣчѣ депутатовъ, отправляющихся въ Думу, требуетъ предоставленія ими самими политической амнистіи. Несмотря на изданіе за 3 дня до Думы основныхъ законовъ, предоставившихъ право общаго прощенія монарху, въ самой Госуд. Думѣ царитъ увѣренность о возможности закона объ амнистіи. *Кокошкинъ* признавалъ (39) путь внесенія законопроекта объ амнистіи допустимымъ, но въ настоящее время неудобнымъ вслѣдствіе необходимости для него проходить чрезъ Государственный Совѣтъ и вслѣдствіе медленности выработки его. *Имшенецкій* (41) также допускалъ это, хотя и считалъ такой исходъ крайнимъ средствомъ. Депутатъ трудовой группы *Корнильевъ*, вслѣдствіе замедленія отвѣтомъ на думскій адресъ, предлагалъ выработать совмѣстно всей Думою законопроектъ о политической амнистіи, такъ какъ „ждать ея сверху нечего". Это предложеніе вызвало лишь замѣчаніе со стороны предсѣдателя Думы о невозможности выработки проекта всей Думою, о некомпетентности же Думы издать такой законъ заявленія сдѣлано не было. Впрочемъ, всѣ эти заявленія были мнѣніями

отдѣльныхъ лицъ, не нашедшими себѣ выраженія въ *рѣшеніяхъ* Думы.

Но скоро большинство измѣнило такой взглядъ. Министерская декларація не вызвала никакихъ упоминаній о возможности проведенія этой мѣры посредствомъ законопроекта; наоборотъ, въ рѣчахъ подчеркивалась исключительность прерогативы монарха [1]). Предложеніе трудовой группы о внесеніи законопроекта объ амнистіи встрѣтило отказъ со стороны партіи народной свободы.

Во второй Думѣ вопросъ объ обращеніи къ Монарху съ заявленіемъ о необходимости амнистіи не подымался. Партійная политика выработала здѣсь нѣсколько теченій. Наиболѣе опредѣленно въ засѣданіи 6 марта высказались соціалъ-демократы въ своей деклараціи:

„Соціалъ-демократическая фракція ни на минуту не забудетъ о томъ народномъ кличѣ, который провожалъ ея членовъ въ Думу, который ежедневно повторяется въ получаемыхъ ею многочисленныхъ письмахъ и наказахъ. Она ни на минуту не забудетъ о полномъ освобожденіи ссыльныхъ и заключенныхъ и будетъ работать для этого освобожденія тѣмъ единственнымъ способомъ, которымъ оно только и можетъ быть достигнуто: постояннымъ указаніемъ народу, что, только освобождаясь самъ, онъ освободитъ и своихъ борцовъ“.

Съ другой стороны, блокъ народническихъ партій (трудовая группа, кр. союзъ, с.-р., н.-с.) принялъ вполнѣ опредѣленное рѣшеніе внести въ Думу законопроектъ по этому вопросу, составленный еще въ прошлую сессію. О таковомъ внесеніи законопроекта за подписью 88 членовъ оффиціально было заявлено деп. Караваевымъ въ засѣданіи 7 марта, послѣ принятія соединенными парламентскими фракціями указанныхъ партій законопроекта, выработаннаго юридической коммисіей трудовой группы.

---

[1]) Впрочемъ, можно сомнѣваться въ томъ, относились ли эти указанія къ амнистіи въ собственномъ смыслѣ, или къ той прерогативѣ помилованія осужденныхъ, о которой говорилъ предсѣдатель совѣта министровъ въ своей деклараціи.

Отношенiе партiи народной свободы къ настоящему моменту строго не опредѣлилось; но оно не вылилось еще въ отрицательную форму и, по всей вѣроятности, внесенный законопроектъ будетъ сданъ въ Коммисiю для выясненiя компетентности Думы въ этомъ вопросѣ.

Такимъ образомъ, наша работа появляется въ тотъ моментъ, когда народное представительство беретъ на себя трудную задачу опредѣленiя своихъ правъ въ области амнистiи. Мы будемъ считать себя вполнѣ удовлетворенными, если предлагаемая книга хоть въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ облегчитъ эту отвѣтственную работу Государственной Думы.

Приложенiе.

Парламентская фракцiя трудовой группы внесла въ государственную думу слѣдующiй законопроектъ объ амнистiи.

Законопроектъ

объ освобожденiи отъ преслѣдованiя и наказанiя нѣкоторыхъ категорiй лицъ путемъ амнистiи въ законодательномъ порядкѣ.

(Составленъ юридической комиссiей трудовой группы).

1. Освобождаются отъ всякаго преслѣдованiя, суда, наказанiя и всякихъ сопряженныхъ съ ними послѣдствiй всѣ тѣ, кто по день обнародованiя настоящаго закона былъ осужденъ, привлеченъ къ отвѣтственности или подлежитъ таковому привлеченiю за дѣянiя, предусмотрѣнныя:

а) уложенiемъ о наказанiяхъ угол. и испр. въ ст. ст. 176—178, 180—183, 186, 189, 194, 196 ч. 2 и 3, 197, 201 и 202, 209, 241—252, 263—269, 269^1 (въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣянiя, предусмотрѣнныя означенной 269^1 статьей улож. о нак., являлись слѣдствiемъ побужденiй, проистекшихъ изъ сословной вражды или экономическихъ отношенiй), 270—282, 318—328, 987, 1145, 1358^2, 1358^3, 1601—1605;

б) уставомъ о наказ., налаг. миров. судьями въ статьяхъ 51^2—51^4, 155—158;

в) Высочайше утвержденнымъ 22-го марта 1903 г. уголовнымъ уложенiемъ въ статьяхъ 73—79, 81, 82, ч. 1, 83 ч. 1, 84 ч. 1, 86, 88—90, 99—107, 121, 123—132, 134, 163, 164, 166, ч. 2, 168 ч. 3, 170, 173 ч. 4, 437, 449, 643 ч. 2 и 3, 644 ч. 4. 645 ч. 4 и 652 ч. 3, поскольку 4 послѣднiя статьи въ соотвѣтствующихъ частяхъ не относятся къ государственной измѣнѣ;

г) воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ въ статьяхъ 106—112 и 129 и военно-морскимъ уставомъ въ тѣ. ст. 106—112;

д) узаконеніями и временными правилами, воспріявшими силу послѣ 17-го октября 1905 г. а именно: о печати (собр. узак. 1905 г. № 226 ст. 1879; 1896 г. № 66 ст. 428 и № 107 ст. 637), объ обществахъ и союзахъ (собр. узак., 1906 г. № 48 ст. 308), о стачкахъ (собр. узак., 1905 года № 233 ст. 1923, 1906 г. № 39 ст. 548; № 103 ст. 619, № 245 ст. 2014), о собраніяхъ (собр. узак. 1906 г. № 48 ст. 309); объ отвѣтственности за изготовленіе и проч. взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ (собр. узак. 1906 г. № 47 ст. 300),—за распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правит. установленій и должн. лицъ (собр. узак. 1906 г. № 67 ст. 431),—за распространеніе ложныхъ слуховъ о кредитоспособности государственныхъ установленій (собр. узак. 1906 г. № 137, ст. 833),—за восхваленіе преступныхъ дѣяній въ рѣчи или печати (собр. узак. 1906 г. № 297 ст. 2081), объ усиленіи отвѣтственности за распространеніе среди войскъ противоправительственныхъ ученій и сужденій (собр. узак. 1906 г. № 204 ст. 1349).

2) Освобождаются отъ всякаго преслѣдованія суда, наказанія и иныхъ сопряженныхъ съ ними послѣдствій всѣ, кто по день обнародованія настоящаго закона осужденъ военными судами или преданъ имъ на основаніи ст. ст. 17 и 31 пол. о мѣрахъ къ охран. госуд. порядка и общ. спок. (прил. I къ ст. 1 прим. 2 св. зак. т. XIV уст. пред. и прес. прест. изд. 1890 г.) и ст.ст. 17, 19 и 20 правилъ о мѣстн. объявлен. состоящими на военномъ пол. (прил. къ ст. 23 т. II св. зак. общ. учр. губ. изд. 1892 г.), а равно—военно-полевыми судами на основаніи положенія объ учрежденіи военно-полевыхъ судовъ 19 августа 1906 г.

3) Лица, дѣянія коихъ, не подходя подъ дѣйствіе ст. ст. 1 и 2 настоящаго закона, совершены, однако, по побужденіямъ, вытекающимъ изъ борьбы за измѣненіе политическихъ и соціальныхъ условій, равнымъ образомъ освобождаются отъ преслѣдованія, суда, наказанія и всѣхъ сопряженныхъ съ ними послѣдствій.

4) Лица, находившіяся на службѣ государственной или общественной, какъ по назначенію или избранію, такъ и по вольному найму и по политическимъ причинамъ исключенныя, уволенныя, отрѣшенныя или отстраненныя отъ службы по день обнародованія настоящаго закона, подлежатъ возстановленію въ своихъ служебныхъ правахъ.

Равнымъ образомъ возстановленію во всѣхъ служебныхъ правахъ подлежатъ тѣ изъ желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и почтово-телеграфныхъ служащихъ, а также тѣ изъ священно- и церковно-служителей, которые по политическимъ причинамъ подверглись удаленію отъ службы или инымъ взысканіямъ.

5) Лица, до обнародованія настоящаго закона подвергшіяся административнымъ взысканіямъ, какъ на основаніи Высочайшихъ повелѣній, такъ и въ силу ст. 15 (п. 2), 16 (п. 4), 26, 32—36 пол. о мѣрахъ къ охр. госуд. пор. и общ. спок. (прил. I къ ст. 2 прим. 2 св. зак. т. XIV уст. пред. и прес. прест. изд. 1890 г.), ст. 19 прав. о мѣстн., объявл. сост. на воен. пол. (прил. къ ст. 23 т. II св. зак. общ. учр. губ. изд. 1892 г.), ст. 7 правилъ о прав. и обяз. коменд. крѣп. (прил. къ ст. 22 помянутаго общ. учр.

губ.), а также въ силу ст. 73 полож. объ управл. крѣпостями, освобождаются отъ наложенныхъ на нихъ взысканій.

6. Всѣ денежныя и натуральныя взысканія, наложенныя за послѣднія пять лѣтъ до дня обнародованія настоящаго закона, въ порядкѣ административномъ, на городскія, сельскія, станичныя и иныхъ наименованій общества, а равно на отдѣльныхъ лицъ, подлежатъ немедленной отмѣнѣ.

7. Примѣненіе ст. ст. 1 и 2 настоящаго закона возлагается въ отношеніи лицъ, находящихся подъ судомъ, на соотвѣтствующія судебныя учрежденія, въ отношеніи же лицъ, отбывающихъ наказанія, на установленія, завѣдывающія мѣстами заключенія и ссылкою.

Примѣненіе ст. 4 настоящаго закона возлагается на подлежащее начальство по принадлежности.

8. Если по дѣламъ, ст. 3 настоящаго закона предусматриваемымъ, не состоялось еще окончательнаго судебнаго приговора, то на судъ, разбирающій дѣло по существу, возлагается обязанность, соотвѣтственно ст. 763 уст. уг. суд., постановлять вопросъ о политическомъ побужденіи къ совершенію вмѣняемаго подсудимому въ вину дѣянія.

Если по дѣламъ, ст. 3 настоящаго закона предусматриваемымъ, состоялся вступившій въ законную силу судебный приговоръ, то вопросъ о наличности политическаго побужденія къ совершенію вмѣненнаго осужденному въ вину дѣянія и о примѣнимости въ данномъ случаѣ амнистіи разрѣшается окружнымъ судомъ по мѣсту совершенія таковаго дѣянія.

Опредѣленіе суда, которымъ примѣняется къ дѣянію осужденнаго амнистія, вступаетъ немедленно въ законную силу.

Въ случаѣ же признанія судомъ отсутствія достаточнаго основанія къ примѣненію амнистіи, прокурорскому надзору, осужденному, его защитнику или родственникамъ предоставляется принести въ мѣсячный срокъ жалобу въ государственную думу, куда судъ препровождаетъ все дѣлопроизводство.

Государственная дума, по вступленіи къ ней по жалобѣ дѣла, разсматриваетъ его либо въ общемъ собраніи своемъ, либо въ особой для разбора дѣлъ объ амнистіи комиссіи, составленной изъ членовъ государственной думы. Въ составъ этой комиссіи могутъ быть приглашаемы съ правомъ совѣщательнаго голоса свѣдующія лица, не принадлежащія къ числу членовъ думы.

Постановленія по дѣламъ этого рода государственной думы или ея комиссіи признаются окончательными.

Цѣна 2 рубля.

Складъ изданій въ юридическомъ книжномъ магазинѣ „**Право**“, С.-Петербургъ, Владимірскій просп., 19. Телефонъ 41—61.

Сенатская типографія.